РОБЕРТ ХАЙНЛАЙН

ВОРЧАНИЕ ИЗ МОГИЛЫ

премия ЛОКУС

fanzon

Ворчание из могилы
Роберт Энсон Хайнлайн

Аннотация
Роберт Хайнлайн. Ворчание из могилы
Предисловие
Роберт Э. Хайнлайн. Краткая биография, написанная Вирджинией Хайнлайн
Глава I. Вначале
Глава II. Истоки
Глава III. Глянец и подростки «Скрибнера»
Первая попытка
Глава IV. Последний подростковый
Звёздный десант
Глава V. Гладко было на бумаге
Публичные выступления
Глава VI. О методах письма и сокращениях
Глава VII. Строительство
Глава VIII. Почта почитателей и прочая трата времени
Глава IX. Солянка
Глава X. Продажи и отказы
Глава XI. Взрослые романы
Глава XII. Путешествия
Глава XIII. Смесь

Глава XIV. Чужак
Глава XV. Эхо от чужака
Послесловие
Приложения
Приложение A. Сокращения в «Красной планете»
Приложение B. Постлюдия к «Марсианке Поркейн» – оригинальная версия
Приложение C. Хайнлайн ретроспектива 6 октября 1988
Библиография. (В порядке публикации)
Комментарии переводчика

Аннотация

Роберт Хайнлайн – отец современной фантастики. Грандмастер премии «Небьюла» и многократный лауреат премии «Хьюго». Самый влиятельный, популярный и противоречивый автор – создатель лиричной «Двери в лето» и таких разных книг, как милитаристский «Звездный десант» и гуманистический «Чужак в стране чужой».

Перед вами автобиография, в которой Хайнлайн предстает живым человеком, со своими страстями и конфликтами, с невзгодами и победами. Откроется его личная жизнь, политические, социальные и религиозные взгляды. Вы проследите за творческим процессом и эволюцией стиля, получите уроки мастерства от величайшего писателя-фантаста.

Книга была тщательно собрана из личной переписки автора с редакторами, агентами, друзьями и коллегами-фантастами и отредактирована женой писателя – Вирджинией Хайнлайн.

В формате PDF A4 сохранен издательский

макет книги.

Роберт Хайнлайн
Ворчание из могилы

Для детей Хайнлайна

© С.В. Голд, перевод на русский язык, 2021
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

Предисловие

В этой книге не будет отточенных текстов, ничего напоминающего рассказы Хайнлайна или его статьи последних лет. Эти материалы были извлечены из ежедневной переписки автора с его литературным агентом и другими адресатами, многие письма приводятся с сокращениями.

Из них убрана большая часть утомительных переговоров относительно деталей контрактов, обсуждения процентов роялти и прочие вещи, которые захламили бы рассказ о литературном творчестве (и о многом другом). Эта книга родилась из толстых папок, содержащих миллионы слов, большая часть которых была бы скучна тем, кто не интересуется каждодневным писательским трудом и продажами рукописей.

Многие просили меня заняться биографией Роберта или нашей общей — его и моей, — но я всё ещё к этому не готова. Возможно, когда-нибудь потом.

А пока — перед вами переписка: она охватывает большую часть периода, начиная с момента, когда Роберт впервые начал писать, до 1969–

1970 года, когда он обнаружил, что затяжные нюансы его бизнеса, а впоследствии серьёзная болезнь фактически свели к нулю время, отведённое на писательский труд. Тогда я взяла на себя канцелярскую работу, информацию по продажам, налоговый учёт и часть корреспонденции. В 1970-м Роберт тяжело заболел. Он проболел весь год, и заботы о делах полностью легли на мои плечи. Нам повезло, что я начала этим заниматься годом раньше.

Я отобрала выдержки из писем по нескольким темам, так, чтобы объединить все идеи и заметки, которые к ним относились. На самом деле в каждом письме затрагивалось множество вопросов, но я разбила их по темам, насколько это было возможно. Вот некоторые из тем: романы для подростков, романы для взрослых, издатели, путешествия, переписка с поклонниками, потерянное время, творческие методы Роберта и т. д.

Некоторые имена были опущены по юридическим причинам.

В письмах сохранились ссылки на телефонные переговоры, но восстановить их было невозможно. Поэтому их пришлось убрать из текста.

Здесь совсем немного выдержек из писем, написанных после того, как я взяла на себя управление

делами… большинство этих писем написаны самим Робертом. Время от времени он говорил с Лертоном Блассингэймом, своим агентом, но большую часть своего времени он читал рабочие материалы и писал. В течение последних восемнадцати лет своей жизни он много болел. Но между тем он продолжал работать.

Я была его «первым читателем» — человеком, который первым читал каждое его произведение и высказывал предложения по сокращениям, исправлениям и т. п. Это была большая ответственность. Когда в 1970-м Роберт слёг с перитонитом, «Не убоюсь я зла» всё ещё нуждался в большем количестве сокращений. Было очевидно, что он не в состоянии (и ещё долго не будет в состоянии) этим заниматься. Издатель требовал рукопись, и тогда я сделала ксерокс с черновика и отправила ему копию. За это я несу полную ответственность. Возможно, после сокращений эта история стала бы лучше. Но, несмотря на это, только в США было продано больше миллиона её экземпляров в мягкой обложке, она была переведена на более чем полдюжины языков и всё ещё продолжает издаваться по всему миру, в том числе на английском языке.

Однажды Роберт написал своему агенту, что

хотел бы написать автобиографические мемуары и назвать их «Ворчание из могилы Роберта Э. Хайнлайна (покойного)».

Вот эта книга. В ней — долгие годы, множество тем и личные заметки, взятые главным образом из переписки между Робертом и его агентом, Лертоном Блассингэймом.

Вирджиния Хайнлайн Кармэль, Калифорния, 1988

Роберт Э. Хайнлайн
Краткая биография, написанная Вирджинией Хайнлайн

Роберт Энсон Хайнлайн родился 7 июля 1907 года в Батлере, штат Миссури, третьим из семерых детей Бам Лайл Хайнлайн и Рекса Ивара Хайнлайн. Он был ещё ребёнком, когда его растущая семья переехала в Канзас-Сити.

Научившись читать, Роберт читал всё, что попадалось ему в руки. Он буквально читал на ходу по дороге в школу, шагая по улице, петляя по тротуарам, до самого здания школы. Он посещал неполную среднюю школу, затем Центральную среднюю школу в Канзас-Сити и проучился один год из двухгодичного курса в местном колледже.

Его старший брат поступил в Военно-морскую академию Соединённых Штатов, и Роберт тоже постарался туда попасть. Он собрал множество рекомендательных писем от разных людей и, получив направление от сенатора Джеймса Рида, попал в Военно-морскую академию в 1925 году.

После её окончания в 1929-м он поступил на службу на борт «Лексингтона» под командова-

ние капитана И. Дж. Кинга, который позднее, во время Второй мировой войны, стал главнокомандующим американского Флота. Когда срок его службы на «Лексингтоне» подошёл к концу, капитан Кинг подал рапорт, чтобы оставить его в качестве специалиста по артиллерийскому делу. Однако Роберта назначили служить офицером-артиллеристом на эсминце «Ропер».

Служба на эсминце была нелегка: из-за сильной качки корабля Роберт постоянно страдал от морской болезни. Он похудел и слёг с туберкулёзом. После излечения Флот уволил его с действительной военной службы.

В возрасте двадцати семи лет он оказался списан на берег с маленькой пенсией. Ему пришлось искать какой-то способ увеличить эти средства. Он пробовал заниматься серебряными рудниками, политикой, продавал недвижимость и пытался учиться на инженера.

Однажды в журнале научной фантастики он увидел объявление о конкурсе. Тогда он сел и написал рассказ («Линия жизни»). Он чувствовал, что рассказ был слишком хорош для журнала, проводившего конкурс, поэтому он послал его в ведущий журнал в этой области, «Astounding Science Fiction». Джон В. Кэмпбелл-младший ку-

пил этот рассказ.

Следующие несколько рассказов, которые он написал, продавались хуже, и только на пятой или шестой попытке Кэмпбелл снова купил у него один рассказ. Второй и последующие рассказы в конечном счёте тоже были проданы, а Роберта зацепила писательская стезя. Он начал писать, чтобы выплатить ипотечный кредит на дом, который они с женой купили несколько лет назад. После того как ипотека была выплачена, он попробовал бросить писать, но почувствовал какой-то смутный внутренний дискомфорт, и, только вернувшись к пишущей машинке, он вновь почувствовал себя полноценным человеком.

Во время Второй мировой войны Роберт оставил литературу, чтобы выполнять инженерную работу для американского Флота. В течение трёх лет он занимался этой работой в Филадельфии. После войны он вернулся к литературной деятельности. Теперь он искал более широкие горизонты. Его убедили начать подростковую серию, он начал продавать рассказы в «Saturday Evening Post». Его второй подростковый роман приобрело телевидение, запустив на его основе сериал, который шёл в течение пяти лет. Он так-

же написал сценарий к классическому фильму «Destination Moon» и начал подумывать о написании серьёзных романов для взрослых, чтобы открыть этот рынок для научной фантастики.

Роберт считал, что возможность выхода человечества в космическое пространство достаточно важна и вполне осуществима, поэтому ещё во время службы в Филадельфии он написал два письма, пытаясь убедить Флот начать исследование космоса. Одно письмо прошло по инстанциям до главы Филадельфийской экспериментальной станции Военно-воздушных сил морского базирования, который и убил это предложение. Второе с помощью друга прошло (также по инстанциям) через Оперативное военно-морское командование и добралось до кабинета министров. Рассказывали, что тогдашний президент Трумэн воспринял его достаточно серьёзно и даже спросил, может ли такая ракета быть запущена с палубы корабля. Нет, ответили президенту. И это уничтожило проект.

В 1947-м Роберт развёлся с женой, и, когда он

получил решение суда, он женился на мне[1]. Во Вторую мировую войну я пошла на Флот, как WAVES[2], а заканчивала службу в Филадельфии, где я встретила Роберта: мы работали в одном подразделении.

Однажды Роберт потратил несколько часов на поиски каких-то заметок для антологии. Пытаясь ему помочь, я поняла, что его папки нужно систематизировать. И тогда я начала выстраивать систему, которой пользуюсь по сей день. Так я оказалась вовлечена в литературный процесс.

К тому времени, когда Роберт почувствовал себя выше головы загруженным делами (переписка с агентами, ведение учёта, ответы на письма поклонников и прочая рутина — неизбежные спутники литератора), я уже чувствовала себя

---

[1] Примечания: 1

Законодательством США был предусмотрен испытательный период в один год с момента судебного решения о разводе. Юридически развод вступал в законную силу после этого периода. Весь год Роберт и Вирджиния, опасаясь судебного преследования (которое могло обернуться крупным штрафом или тюремным заключением), колесили по стране, ночевали в мотелях, изображая случайных попутчиков, жили в трейлере и свели к минимуму контакты с друзьями. Хайнлайн опасался не только детективов, которых грозила послать по его следу бывшая жена Леслин, но и ущерба своей репутации в условиях достаточно жёсткой общественной морали. Поэтому о факте сожительства не знали даже его близкие друзья.

[2] Примечания: 2

WAVES — Woman Accepted for Volunteer Emergency Service, подразделение ВМФ США, созданное в 1942 году для доступа женского персонала к

службе на Флоте. Женщины должны были заменять мужчин на береговых должностях, высвобождая их для службы в действующем Флоте.

достаточно хорошо знакомой с его делами, поэтому смогла принять на себя эти заботы. Мы работали как одна команда, вместе обсуждали поступающие предложения, и я отвечала за него на письма.

После того как была запущена подростковая серия, множество книг было продано, прежде всего, в библиотеки. И тогда Роберт стал любимцем библиотекарей. Его то и дело приглашали выступить с речью, а ежегодно, к выходу очередной книги для юношества, он делал специальную программу на радио.

Но он по-прежнему очень хотел заниматься серьёзной литературой для взрослых, а не для специализированного рынка научной фантастики. Так, в 1960-м, он закончил писать «Чужак в стране чужой». Эта книга стала самым известным его произведением. Вчерашние мальчишки, зачитывавшиеся его подростковыми романами, продолжали интересоваться научной фантастикой, которую Роберт сделал столь популярной. Поэтому он намеревался писать для них «взрослые» романы. В течение нескольких лет он регулярно писал две книги в год, одну для взрослых и одну для подростков. Кроме того, он постоянно получал заказы на разные статьи.

Многие предложения приходилось отклонять из-за отсутствия времени.

В промежутках между книгами мы много путешествовали. Четыре раза мы объехали вокруг света, проводили время в Европе. Одной из самых интересных (но единственной) была поездка в Советский Союз. В 1960-м мы посмотрели парад Первого мая, затем вылетели в Казахстан. Вскоре после нашего прибытия в Алма-Ату пришло сообщение об инциденте с «У-2». Обстановка стала более чем прохладной, но деваться было некуда, поэтому мы продолжили поездку, отправившись в Самарканд, который был истинной причиной нашей поездки в СССР. Мы были в Вильно незадолго до встречи на высшем уровне Хрущёва и президента Эйзенхауэра. В этот день Советский Союз запустил ракету, и тогда мы не были уверены, что она была беспилотной. После экскурсии по одному из замков в Вильно мы столкнулись с группой кадетов Красной армии, которые были чрезвычайно взволнованны этим событием и рассказали нам о нём. Новость привела нас в уныние, и мы возвратились в нашу гостиницу.

В 1970-м Роберт тяжело заболел, после чего ему потребовались два года, чтобы восстановить здоровье. Затем он снова сел за пишущую машинку

и создал «Достаточно времени для любви».

Роберт всегда был человеком хрупкого здоровья. Его болезни становились всё более частыми, и всё меньше оставалось времени для книг. Мы оба имели вкус к путешествиям, мы повидали большой мир, побывали везде, куда смогли добраться. Мы посетили Антарктиду и прошли через Северо-Западный проход в Японию[3]. Когда Китай открыл границы для туристов, мы отправились туда, посетив и другие страны Востока. «Уплыть За Закат» была издана к 80-му дню рождения Роберта. Начали приходить вопросы: неужели его пишущая машинка произвела свою последнюю книгу? (К тому времени место машинки уже занял компьютер.) Он намеревался писать дальше, но снова вмешалась болезнь, и «Уплыть...» действительно стала его последней книгой.

Я оставлю другим оценивать значение работ Роберта, но мне не раз говорили, что он был «отцом современной научной фантастики». Его книги были изданы во многих странах, на многих языках, и некоторые из них кажутся вехами в

[3] Примечания: 3

Северо-Западный проход — северный морской путь между Атлантическим и Тихим океанами через моря и проливы Канадского Арктического архипелага.

истории.

За свою жизнь Роберт был удостоен многих наград, включая четыре награды «Хьюго» за лучший роман года. Ими были награждены «Двойная звезда» (1956), «Звёздный десант» (1959), «Чужак в стране чужой» (1962) и «Луна — суровая госпожа» (1966). Он первым был удостоен звания Гранд Мастера «Nebula Award» от авторов научной фантастики Америки. Много было и других наград: The Sequoyah Award, присуждённая детьми штата Оклахома за лучший детский роман года («Имею скафандр — готов путешествовать!»); много наград за донорское движение, которое мы организовали; «Tomorrow Starts Here», присуждённая «Delta Vee, Inc». Роберт неизменно выигрывал первые места по популярности среди авторов в опросах «Locus». Но вещью, которая доставила ему наибольшую радость, как мне кажется, было приглашение выступить на форрестоловских лекциях в его альма-матер в 1972 году[4].

В октябре 1988-го меня попросили приехать в

---

[4] Примечания: 4

Форрестоловские лекции проходят в Военно-морской академии США в Аннаполисе в память Джеймса Форрестола, военно-морского министра и министра обороны США. На выступления приглашают видных военных и гражданских руководителей, калибра министров, сенаторов и глав компаний. В своей лекции Хайнлайн рассказал о методах написания научной фантастики, о значении патриотизма и отдал должное славным традициям Военно-морского флота.

Вашингтон, округ Колумбия, получить от имени Роберта «Distinguished Public Service Medal»[5]. К моему величайшему сожалению, об этом он уже не узнал.

[5] Примечания: 5

Медаль за выдающиеся заслуги в общественной деятельности, присуждается Национальным агентством по аэронавтике и исследованию космического пространства (НАСА) с 1969 года.

Глава I
Вначале

10 апреля 1939: Роберт Э. Хайнлайн — Джону В. Кэмпбеллу-мл.

Предлагаю на рассмотрение приложенный рассказ «Линия жизни» для «Astounding» или «Unknown» — на ваш выбор, так как не уверен, какому направлению[6] он больше соответствует.

ПРИМЕЧАНИЕ РЕДАКТОРА: Когда Роберта спрашивали, как он начал писать, он всегда рассказывал следующую историю: он увидел объявление в одном из грошовых журналов научной фантастики, где предлагали 50.00 $ за лучший рассказ от начинающего автора[7]. Он написал «Линию жизни», а потом решил, что рассказ слишком хорош для этого журнала. Тогда он послал его Джону В. Кэмпбеллу-мл., который к тому времени около двух лет редактировал «Astounding». Кэмпбелл всегда искал молодые

---

[6] Примечания: 6
«Astounding» печатал научную фантастику, а «Unknown» — фэнтези.

[7] Примечания: 7
«Thrilling Wonder Stories», октябрь 1938.

дарования и, очевидно, что-то разглядел в первой работе Роберта. Роберт утверждал, что он посмотрел на чек за «Линию жизни» и спросил себя: «Интересно, насколько долго может продлиться эта афера?» Его второй рассказ тоже был принят, кажется, с одним исправлением. А затем прошло несколько месяцев, прежде чем Кэмпбелл принял следующий рассказ.

Роберт был одним из группы авторов, чью работу теперь называют «Золотым веком научной фантастики». Джон Кэмпбелл помогал своим авторам советами, а они помогали ему сделать «Astounding» ведущим журналом научной фантастики того времени.

19 апреля 1939: Джон В. Кэмпбелл-мл. — Роберту Э. Хайнлайну

…Мне понравился ваш рассказ, «Линия жизни», планирую взять его по нашему стандартному тарифу 1 цент за слово, или 70.00$ за вашу рукопись.

25 августа 1939: Джон В. Кэмпбелл-мл. — Роберту Э. Хайнлайну

В ближайшее время вы должны получить наш чек на 310.00$ за «…Виноградная лоза и фиговое дерево…» («Если это будет продолжаться…») — название нужно изменить, чтобы звучало поживей.

Повесть действительно всем хороша и заслуживает нашей обычной 25 %-ной премии за «необычайно хорошую историю». Это — изумительно хорошая вещь; можете присылать нам ещё, сколько сможете.

Но — ради любви к Небесам! — не посылайте нам больше ничего на эту тему. И премия не поможет, потому что эта вещица станет головной болью и «камешком в ботинке», в ней придётся всё аккуратно перефразировать и смещать акценты.

* * *

Я получил истинное наслаждение от содержания и логики этой вещи. Вы можете и, я уверен, часто будете получать эту 25 %-ную премию за необычайно хороший материал. Меня очень интересуют рассказы и короткие повести. Эту вещь мы не можем отправить в печать, пока не закончим «Серый Ленсмен» Э. Э. Смита, поэтому сейчас мне хотелось бы ещё чего-нибудь, чтобы

заполнить промежутки[8].

15 декабря 1939: Джон В. Кэмпбелл-мл. — Роберту Э. Хайнлайну

Я, очевидно, был неправ, полагая, что вы не справитесь с «Утраченным наследием» *[издан в «Super Science Stories» как «Потерянный Легион» Лайла Монро]*, но и вы определённо ошибаетесь, полагая, что «Если это будет продолжаться...» является или имеет тенденцию стать дешёвой халтурой. Она имеет аромат, округлость фона, которые делают её прекрасной.

ПРИМЕЧАНИЕ РЕДАКТОРА: Джон В. Кэмпбелл-младший начал писать научно-фантастические рассказы ещё в те времена, когда учился в колледже. Он был крупным, высоким мужчиной, который сыпал идеями как бенгальский огонь

---

[8] Примечания: 8

В приведённом отрывке опущен ряд абзацев, в которых Кэмпбелл объясняет Хайнлайну, *что именно* он будет вынужден вычёркивать, перефразировать и какие акценты смещать, чтобы пропустить текст в печать. «...Вы же не думаете, что мы можем напечатать всё как есть?....какую реакцию эта вещь вызовет у религиозно настроенных читателей?....она превосходна, я от неё в восторге, но многим, как Вы понимаете, она не понравится.....как вещь для печати в современном американском журнале — это динамит». Письмо пришло к Хайнлайнам в день рождения Леслин, и Хайнлайн восторженно написал в ответ, что это был лучший подарок ко дню рождения. «...Я полностью согласен с Вашей критикой этой истории. Я знал, что она нарушает множество табу, и не ожидал, что она могла быть куплена и издана при любых условиях...»

— искрами, беспрестанно чем-то увлекался и привечал у себя авторов. В числе его увлечений были фотография, любительское радио и дианетика.

Роберт не был в восторге от собственного стиля Кэмпбелла и принимал в штыки те исправления, которые ДВК вносил в его рассказы. И всё же, несмотря на различия в характерах и стиле письма, эти двое мужчин стали хорошими друзьями, когда Роберт начал писать для «Astounding». После первой публикации Джон отклонил множество рассказов Роберта. Позже, после незначительных переделок, все они были проданы в другие литературные журналы. Большие Шишки из «Street and Smith» позволили Джону отмечать особенно понравившиеся произведения специальной премией. Тарифы в те дни были очень низкими, и премия была приятным дополнением к доходу автора.

Каждый месяц «Astounding» проводил опрос читателей, которые оценивали рассказы, опубликованные в предыдущих номерах. Эти рассказы соперничали друг с другом за место в разделе «Аналитическая лаборатория». Первый рассказ Роберта, «Линия жизни», в течение трёх месяцев после публикации занимал второе место по ре-

зультатам опросов читателей[9].

На протяжении тех трёх лет, пока Роберт писал главным образом для «Astounding», он то и дело занимал в этих рейтингах и первое, и второе места одновременно (под собственным именем и под псевдонимом). Он быстро стал ведущим автором Джона.

Рассказы, публикуемые в «Astounding», обычно предварялись аннотациями, написанными редактором. Их помещали и на странице содержания, и в начале рассказа. Роберт жаловался, что Джон часто раскрывал интригу рассказа в этих аннотациях.

Однако Роберт узнал очень многое о писательском искусстве от Джона.

23 января 1940: Джон В. Кэмпбелл-мл. — Роберту Э. Хайнлайну

У меня есть идея, и я хотел бы, чтобы Вы хорошо обдумали её, прежде чем дадите мне определённый ответ. Я думаю, что Вы — один из тех писателей, которые способны с энтузиазмом перерабатывать чьи-то идеи в связную историю. Знаете, кто-то умеет это делать, кто-то совершенно не способен. Вы должны ощущать это в себе,

---

[9] Примечания: 9
Первое место занял рассказ Лестера дель Рея «The Luck of Ignatz».

поэтому я хотел бы услышать, как Вы отреагируете на моё предложение[10].

23 февраля 1940: Роберт Э. Хайнлайн — Джону В. Кэмпбеллу-мл.

Вот — история об инженерах-атомщиках и урановой электростанции *[«Взрыв всегда возможен»].* Я намеревался послать её моему другу[11] из радиационной лаборатории Лоренса в Беркли для финальной технической проверки, но решил вместо этого сначала послать Вам. Как Вы отмечали, в этой области всё быстро изменяется. И чем скорее изложенная здесь история увидит свет, тем больше шансов, что некоторые исходные посылки рассказа не будут признаны несостоятельными.

Я также думаю, что этот рассказ даст Вам некоторое представление о том, способен ли я на самом деле перерабатывать чужие идеи. Если Вы

---

[10] Примечания: 10

Заняв в 1938 году редакторское кресло, Джон Кэмпбелл очень скоро оказался в довольно тяжёлой ситуации — как автор он фонтанировал идеями, как лояльный сотрудник «Street & Smith» не мог публиковаться где-то на стороне, а как редактор — не считал возможным печататься в своих журналах. После нескольких публикаций под псевдонимом на беллетристику был наложен мораторий. Свои идеи и наработки он скидывал молодым авторам, поэтому в текстах классиков Золотого века так много повторяющихся идей.

[11] Примечания: 11

Роберт Корног, позднее принимавший участие в Манхэттенском проекте.

решите, что способен, то мне интересно было бы попробовать реализовать вашу идею об учёных, сходящих с ума из-за полной неопределённости в «суб-эфирном» поле. Но только не сейчас, не раньше осени. Мне кажется, что писать ещё один рассказ об учёных, сходящих с ума, сразу вслед за первым — не слишком хорошая идея, ни для меня, как автора, пытающегося заслужить коммерческую репутацию, ни для журнала.

Кроме того, это — хорошая идея, и для её реализации я хотел бы не меньше пятидесяти тысяч слов. Но сейчас на прилавках уже лежит один мой сериал[12], и я не думаю, что в этом году вы захотите издавать второй — или я неправильно сужу о коммерческих ограничениях? [13]

ПРИМЕЧАНИЕ РЕДАКТОРА: Летом 1940-го Роберт побывал на востоке у Джона Кэмпбелла, и они стали верными друзьями. Письма очень долго

---

[12] Примечания: 12

Повесть «Если это будет продолжаться...» печаталась в «Astounding» с февраля по апрель 1940-го.

[13] Примечания: 13

Рассказ был принят с ходу, на следующий день. Чеком за него Хайнлайны оплатили последний взнос в ипотеку за свой дом в Лукаут Маунтин (Лос-Анджелес).

ходили туда-сюда[14].

2 ноября 1940: Роберт Э. Хайнлайн — Джону В. Кэмпбеллу-мл.

...Я отказался, объяснив, что за публикацию под моим собственным именем расценки выше. (Я могу разрешить им издать «Утраченное наследие» под псевдонимом, потому что я действительно хочу увидеть эту вещь изданной. Я собираюсь её немного переписать, чтобы получилась научная фантастика, а не фэнтези, но чтобы при этом она по-прежнему рассказывала о том, о чём я хочу.) [15]

Раз уж я начал говорить о нюансах моей личной политики, я чувствую себя обязанным сформулировать её более определённо, поскольку это касается и Вас тоже. В этом бизнесе я либо играю

---

[14] Примечания: 14

Кэмпбелл хорошо принял Хайнлайнов в Нью-Йорке, они тут же стали дружить семьями. Джон познакомил Роберта с местными авторами, в т. ч. Вилли Леем, Флетчером Праттом и Роном Хаббардом. Будущий отец сайентологии покорил Хайнлайнов своей харизмой, и они долго оставались друзьями. С Вилли Леем Хайнлайн долго сотрудничал в области нонфикшн, а с Флетчером Праттом их многие годы связывала обширная переписка. В одно похмельное нью-йоркское утро Хайнлайну пришла в голову идея рассказа «Они», он написал его спустя несколько дней — и Кэмпбелл тут же, «с колёс», купил рассказ для «Unknown». Роберт показал Джону свою диаграмму «Истории Будущего» — и она была немедленно куплена тоже. Затем последовал ответный ход — Кэмпбелл извлёк из стола рукопись романа «Все» и предложил Хайнлайну соавторство. Хайнлайн был волен переработать рукопись и поставить своё имя на титульном листе. Рукопись гарантированно покупалась Кэмпбеллом для журнала. Гонорар

делился пополам. Хайнлайн закончил роман за три недели, очистив сюжет от расизма и добавив культурный и психологический аспекты. Он назвал его «Шестеро против империи» и отослал Кэмпбеллу. Кэмпбелл, по обыкновению, переименовал роман в «Шестую колонну» и выслал чек. На эти деньги (584.62$ + 38 центов из своего кармана) Хайнлайн с помощью «Дока» Э. Э. Смита, у которого были *связи*, купил свой первый семейный автомобиль, названный «Жаворонком IV» — в честь известного романа Смита.

[15] Примечания: 15

Речь идёт о попытке продать «Наследие» Фредерику Полу в журнал «Super science stories».

на повышение, либо выхожу — но только не снижаю планку. Я не намерен писать беллетристику настолько плохо, чтобы соскользнуть на более низкий тариф за слово, на уровень литературной халтуры. Пока Вы редактор в «Street and Smith» или в другом месте, Вы можете получать мой материал, если он Вам нужен, по цене цент с четвертью за слово (или выше, если Вы посчитаете это нужным, и это одобрит бизнес-офис). Имея дело с Вами, я не буду пользоваться услугами литагента, хотя теперь он у меня есть. Ни моё имя, ни имя Энсона МакДональда никогда не появятся в других издательствах за те же расценки, что платите мне Вы, а если я получу лучшее предложение, то сообщу об этом Вам и поставлю Вас в известность, как положено, прежде чем сменю работодателя. Я пишу ради денег и, конечно же, буду продавать туда, где выше расценки, но я чувствую, что у меня есть сильные обязательства перед Вами. И потому никакой другой редактор не получит те два имени, которые Вы рекламировали и создавали по тем же тарифам, которые платите мне Вы.

Я, кажется, сильно отклонился от изложения моей собственной политики и моих намерений. Я, вероятно, продолжу писать, по крайней мере,

некоторое время. Если когда-нибудь Вы сочтёте нужным начать отклонять мои вещи, я рассчитываю попробовать свои силы в каких-нибудь других формах, возможно, писать в глянцевые журналы или книжные романы, и особенно публицистику по теории финансов и денег, которой я долгое время хотел заняться, а также статьи по различным экономическим и социальным проблемам. У меня есть куда продать подобные вещи, но это будет скорее хобби — порядка десяти долларов за статью, на которую ушла неделя исследований, и тощие роялти с книг в этой области. Впрочем, я мог бы в то же самое время попытаться выбить более высокие расценки за беллетристику. Как знать — я никогда не думал, что буду писать журнальную беллетристику или вообще художественную литературу любого вида, но за неё хорошо платят… к моему удивлению!

В дополнение к замечаниям о моей собственной политике: возможно, Вы считаете, что моё желание перейти из сферы научной фантастики куда-то ещё попахивает неблагодарностью, учитывая то, как Вы относились ко мне. Это — главная причина, почему я с нетерпением ищу новые области приложения сил. Мне сильно не

по душе вести деловые отношения с близким другом. Нынешнее положение, когда Вам нравится всё, что я пишу, и Вы это охотно покупаете, может продлиться многие годы. Если так — прекрасно! Все счастливы. Но Вам не доставила бы никакого удовольствия необходимость отклонить мой материал, и, разумеется, это было бы неприятно мне. А это может случиться в любое время — ваша редакционная политика может измениться, или мой стиль или подход могут измениться, наконец, я могу просто выйти из моды. Когда это произойдёт, я хотел бы быстро обрубить эту связь, не давая ей шанса проверить на прочность нашу дружбу. Я не хочу, чтобы дошло до того, что Вы будете листать полученную от меня рукопись, думая, «Ради Христа, почему бы ему не торговать своей требухой где-нибудь в другом месте? Ведь он знает, что мне очень не хочется ему отказывать…» И я не хочу, обнаружив в своём почтовом ящике отвергнутые рукописи, восклицать «Милостивый Боже, чего он ожидает получить по цене цент с четвертью за слово? Ещё один Новый Завет?!» Я также не хочу, чтобы Вы принимали от меня рассказы сомнительного качества просто потому, что Вы очень не хотите отказывать. Я подозреваю, что подобное могло бы иметь место

с рассказом о тессеракте *[«…И построил он себе скрюченный домишко»].*

На сегодня я знаю, что я — вполне рентабельная коммерческая собственность, о чём говорят как наличка от клиентов, так и «Аналитическая лаборатория», но я не собираюсь дожидаться, пока сползу на четвёртое или пятое место. Нет, когда я уйду, я уйду на взлёте, чтобы гарантировать, что наши деловые отношения никогда не станут неприятными или разочаруют одного из нас. Вот такой долгий и многословный способ сказать, что я очень высоко ценю вашу дружбу и намерен сохранять её, насколько это в моих силах.

13 февраля 1941: Джон В. Кэмпбелл-мл. — Роберту Э. Хайнлайну

…Мы будем платить Вам $1^1/_2$ цента за слово за ваши рассказы. Вы гарантируете, что Ваше имя не появится в других журналах научной фантастики или фэнтези. И, естественно, Вы храните упомянутые договорённости строго под замком. Поскольку сейчас «Энсон МакДональд» в такой же степени ваше имя, как и «Роберт Хайнлайн», созданный в и для «Astounding», всё сказанное распространяется и на него. Если Вы получите предложение по $1^3/_4$ или по 2 цента за слово — хватайте не раздумывая. Они либо быстро

избавятся от конкурентов, либо очень быстро прогорят. Это круче, чем может себе позволить платить кому бы то ни было любое современное НФ-издание, исходя из экономических соображений.

17 февраля 1941: Роберт Э. Хайнлайн — Джону В. Кэмпбеллу-мл.

…Только одно исключение из вышеупомянутой договорённости, которое, возможно, Вас позабавит — у меня есть ещё одно фальшивое имя *[Лайл Монро]* и фальшивый адрес, это совершенно отдельная от Р. Э. Х. персона, прикрываясь которой я пытаюсь сбагрить последние три отстойных рассказика, из ранних[16]. Тут я отдаю предпочтение редакторам, которые мне не нравятся. Меня забавляет распродажа барахла подобным способом. Думаю, тут всё честно — они же проверяют, что покупают, и получают то, за что заплатили, — но будь я проклят, если я позволю моему настоящему имени появиться хотя бы на одном из их чеков.

…Я полагаю, моя мысль теперь ясна, я намерен и дальше держать марку, и думаю, вы об этом знаете. Позвольте мне добавить только одно:

---

[16] Примечания: 16

Это рассказы «Вне всяких сомнений», «Крысолов» и «…Цель высшая моя…».

если дела пойдут плохо и бизнес-офис прикажет вам снизить тарифы, я безропотно вернусь к центу с четвертью за слово, если таков будет Ваш самый высокий тариф. Но если Вы заплатите кому-то полтора цента, я хочу столько же. Если мой материал начнёт ухудшаться и перестанет заслуживать максимальной ставки, я предпочту уволиться, а не снижать расценки. То же самое я должен был однажды сказать по поводу отказов — я их не люблю и брошу это занятие, когда они начнут приходить. Я знаю, это не может вечно продолжаться, и видит бог, достигнув в каком-то смысле вершины, я предпочту красиво уйти, а не сползать вниз по склону.

6 сентября 1941: Роберт Э. Хайнлайн — Джону В. Кэмпбеллу-мл.

Из Ваших последних двух писем я вынужден заключить, что между нами возникло некоторое взаимонепонимание — Вы, очевидно, пребываете в заблуждении, что я всё ещё пишу. Я, конечно же, не отправлял Вам открытку со словами «я увольняюсь». Я не мог этого сделать, в данных обстоятельствах это смахивало бы на ребяческую раздражительность. Однако я знал, что я уйду, знал, когда и по каким причинам это произойдёт, и много месяцев назад я посылал Вам письмо, в

котором сформулировал моё намерение и мои причины. Вы же помните его? Я знаю, что Вы его получили, потому что Вы на него ответили. Суть вопроса была в том, что я продолжу писать научную фантастику и буду считать это занятие своей основной профессией до тех пор, пока я не получу уведомления об отказе, после чего я увольняюсь. Я предупредил Вас об этом заранее, чтобы Вы знали, что это сделано обдуманно, а не в порыве раздражения.

Вы же помните, что в 1940-м я несколько месяцев с нетерпением дожидался возможности уйти. И вот, пришло время выйти в отставку — но я не смог. Я не мог себе этого позволить. Вы брали всё, что я написал по хорошим, жирным тарифам. Рабочий день приносил мне по крайней мере тридцать долларов, обычно больше. Я не мог оставить всё и предаваться праздности, я не мог забросить свою пишущую машинку без каких-то веских причин, иначе я бы не смог оправдаться перед моими остаточными пуританскими предрассудками. Поэтому я отвёл сам себя в сторонку и сказал:

«Послушай, Роберт, это пора прекратить. Тебе не нужно больше денег — большие деньги только порождают дорогостоящие привычки, которые

никоим образом не сделают тебя счастливее, чем ты есть. Зато от них ты станешь толстым, дряблым, страдающим одышкой и вдобавок угробишь своё пищеварение».

На что Роберт ответил:

«Да, босс, я знаю. Но посмотрите, ведь это же машинка для печатания денег! Стукни по ней кулаком, и из неё посыплются доллары. Деньги, деньги, деньги, деньги!»

Тут мне пришлось строго ему сказать:

«Деньги! Конечно, деньги — хорошая штука, но ведь тебе их много не нужно. Мы закрыли эту тему, когда пошли служить на Флот, и мы доказали это, когда ты погорел, купив тот серебряный прииск».

На что он ответил:

«Всё так, но взгляни — ты мог бы купить столярный станок «Дженерал Электрик»! Ты мог бы поставить его вон туда — и за него просят всего 110$».

«Опять гаджет! Ты знаешь, что я думаю о гаджетах. Да ты вообще хоть раз ими пользовался?»

«Хватит трепаться! Мы прекрасно знаем, что ты тоже любишь гаджеты».

«Ну, в разумных пределах… но стремление обладать ими — порочно!»

«Вот как? Тогда ты по уши погряз в пороках».

«Вовсе нет, — ответил я с достоинством. — Я могу брать их, могу к ним вообще не прикасаться. Кроме того, я предпочитаю сам их мастерить, а не покупать».

Спор продолжался дальше. Он указал мне, что деньги не обязательно тратить, их можно давать взаймы или раздавать. (Мы оба согласились, что деньги не стоит копить, разве только на конкретные краткосрочные цели.) Потом я спросил:

«Ты когда-нибудь брал взаймы или ссужал деньги на проект, который бы не протух со временем?»

Он упомянул пару случаев, и я был вынужден признать, что он был прав.

«…В остальных случаях нам следовало бы быть осторожней с инвестициями», — добавил он с надеждой.

Результатом спора был компромисс: я позволил ему и дальше стучать по клавишам нашего игрового автомата, пока он продолжает срывать куш, но при первом же проигрыше мы это дело бросим.

И вот наконец пришёл конверт, которого я ждал, в котором вместо чека лежал отказ *[«Восьмой день творения», позже изданный как*

«Аквариум с золотыми рыбками»]. Я испытал лёгкий укол сожаления о неполученных деньгах, который быстро сменило приятное осознание того, что в школу можно больше не ходить. Весь день я занимался фотографией. Весь следующий день я копал яму под плавательный бассейн. Я подумывал заняться этим проектом уже пять лет, последние нескольких месяцев я всё собирался начать, но это же требует времени, очень много времени! Я мог бы нанять строителей, а сам продолжал бы стучать по пишущей машинке, но меня такой вариант не устраивал — я сам хотел заниматься тяжёлым физическим трудом, [*который*] обеспечивают кирка, лопата и тачка.

А кроме того, у меня было множество проектов для пишущей машинки, которые были отложены на неопределённый срок, потому что я был занят НФ. В частности, небольшая книга по денежно-кредитной теории, которая должна была быть написана полтора года назад. То есть «должна» и будет, вероятно, закончена этой зимой. Я ожидаю, что её издадут, но, вероятно, это не принесёт никаких денег. Помимо этого, меня убедили заняться учебником по началам семантики и общей семантике. Я более-менее готов к выполнению этой задачи, имея за плечами

пять семинаров по предмету, однако потребуется ещё многое изучить и решить монументальную задачу разработки простых и ясных методов обучения в весьма сложной области, поскольку она требует даже от «образованного» читателя практически полной перестройки методов мышления. По моим оценкам, это может занять от двух до пяти лет. Кстати, если Вас заинтересует, то я готов сделать популярную статью или две по этому вопросу для «Astounding». Однажды я уже предлагал Вам это сделать, если помните, но Вы ничего не ответили.

Помимо вышеизложенного, я собираюсь попытаться сделать по крайней мере один роман для книжной публикации и, вероятно, попробую начать работать с глянцевыми журналами, скорее всего, через агента Вирджинию Пердью. Мне до сих пор не очень везло с агентами, а в этом деле, похоже, хороший агент — почти обязательное условие.

Хотя перечисленные планы многочисленны и увлекательны, они в то же время по своему характеру неспешные — именно то, чего я хотел. Я хочу иметь возможность остановиться, сесть и «послушать, чего хочет моя душа» в течение часа, дня или недели, если я чувствую такую потреб-

ность. Я ещё не знаю, какова моя главная цель в этом мире, если она у меня есть, но я знаю, что я не найду её, если буду слишком сильно спешить и слишком много суетиться…

…Я так многословен, потому что для меня важно, чтобы Вы поняли мои мотивы — мне нужно Ваше одобрение. Позвольте мне задать риторический вопрос: каким может быть стимул, чтобы я оставался профессиональным писателем научной фантастики? В настоящее время я — самый популярный автор в самом популярном журнале в этой сфере и получаю (я полагаю) самый высокий тариф за слово. Куда мне ещё двигаться, если исключить направление вниз? Я не могу подняться ещё выше в этой области, дальше просто некуда… Честно говоря, постоянное напряжение меня истощило. Я всё ещё могу писать, но меня ужасно утомляет каждую неделю пытаться стать умнее, чем был неделю назад. Да и зачем? Выше первого места мне не встать, полтора цента за слово — это максимум того, что мне могут заплатить.

Я не буду пытаться оживить мои рассказы, увеличивая степень авантюрности сюжета. Это не мой стиль.

Мне кажется, что популярность моего материа-

ла базировалась в значительной степени на том, что я постоянно расширял сферу приложения НФ и превратил её из рассказов об изобретениях в истории более тонкой тематики и более реалистично мотивированные с точки зрения человеческой психологии. В частности, я ввёл в обиход высокую трагедию и полностью отказался от формулы герой-злодей. Мой последний рассказ, тот, который Вы отвергли [*«Аквариум с золотыми рыбками»*], представляет собой не отход от направления, в котором я работал, но логическое и (на мой вкус) художественное развитие темы. Я не обвиняю Вас в том, что Вы его отклонили; если Вы не разглядели смысла истории, у Вас нет никакой причины думать, что его увидят ваши клиенты. Однако история имела смысл, самый важный смысл, самый мощный и трагический. Возможно, я выразил его слишком тонко, но у Вас и у меня весьма существенно различаются представления о том, какую степень утончённости может выдержать рассказ. За свои деньги Вы испортили очень много превосходных рассказов, которые Вы напечатали, выдавая их соль на странице содержания, в аннотации под заголовком и в подписях к иллюстрациям. И Вы чуть не полностью угробили «Реквием», добавив

четыре строчки в конце, которые уводят читателя в тупик, уводят от истинной сути рассказа.

Как бы то ни было, я не пытаюсь продать Вам тот последний рассказ, я просто хочу сказать, что это была не бессмысленная история, но одна из самых смелых тем, которыми я когда-либо занимался и, насколько я знаю, которая никогда прежде не поднималась в научной фантастике.

Вернёмся к нашим баранам: я чрезвычайно благодарен Вам за помощь, которой Вы были для меня во всех отношениях в течение этой двухлетней попытки коммерческого письма. И я не хочу, чтобы Вы чувствовали, что я получил, что хотел, и смылся. Одной из причин непрерывных поисков, которые я делал для «Astounding» и «Unknown», было то, что я ожидал моей отставки и хотел иметь возможность сказать: «Хорошо, Джон, я ухожу, но вот — полдюжины других авторов, моих протеже, которые займут моё место и ещё останется». Я думаю продолжать эти поиски

ещё какое-то время[17].

Кроме того, я не выдвигал себе никаких жёстких и поспешных ультиматумов, что я вообще не буду писать научную фантастику. Если у меня появится идея, которая действительно меня заинтригует, то я напишу об этом рассказ и представлю его. Естественно, я не ожидаю, что Вы будете поддерживать прежнюю финансовую договорённость. Я не соглашусь на снижение расценок, но вы можете купить вещь по центу за слово под именем Лайл Монро, по центу с четвертью для Калеба Сондерса или, если Вы посчитаете, что рассказ того заслуживает, за полтора цента для Хайнлайна или Макдональда. Конечно, если один из последних двух будет иметь успех в глянцевых журналах, то его появление в бульварных

---

[17] Примечания: 17

Новых авторов Хайнлайн рекрутировал для Кэмпбелла в основном из рядов литературного общества «Маньяна» (Mañana *исп.* — «Завтра»), в которое входили печатавшиеся (и даже непечатавшиеся) писатели-фантасты и фэны Лос-Анджелеса. Это была весёлая тусовка единомышленников, которую регулярно или наездами посещали Генри Каттнер, Клив Картмилл, Спрэг де Камп, Рон Хаббард, Ли Брэкет, Вилли Лей, Джек Вильямсон и пр. В Сообществе Роберт активно применял кэмпбелловский метод: вбрасывал общую идею, на которую все участники писали по рассказу. К поиску юных дарований Роберт подходил очень серьёзно и внимательно читал всё, что ему приносили. А если учесть, что девятнадцатилетний Рэй Бредбери, например, строчил свои тексты со скоростью пулемёта, примерно по тысяче слов в день, и тексты эти были, с точки зрения Хайнлайна, просто ужасны, можно представить себе, какое это было нешуточное бремя.

изданиях будет полностью исключено, но пока это только отдалённая возможность.

16 сентября 1941: Роберт А. Хайнлайн — Джону В. Кэмпбеллу-мл.

Чем я, собственно, занят — я поймал Вас на слове, что вы купите «Восьмой день творения» *[«Аквариум с золотыми рыбками»],* если исправить его одним из двух способов: изменить концовку или изменить предыдущий кусок, чтобы концовка получилась менее неожиданной. Я предпочёл переписать предыдущие части, иначе это будет совершенно другая история, не в моём духе. Я никогда не писал рассказов о Спасителе Мира по стандартной формуле, потому что я в них не верю. Даже в «Шестой колонне» я сделал всё возможное, чтобы дать понять, что работа только началась и никогда не будет закончена. Эта конкретная история была предназначена, чтобы дать совершенно свежий взгляд на тему «вторжение инопланетного разума». Насколько я знаю, во всех подобных рассказах инопланетные разумные существа относятся к людям как к примерно равным себе, либо как к друзьям, либо как к врагам. Предполагается, что ИР будет либо другом, стремясь общаться и торговать, либо врагом, который будет сражаться и убивать

или, возможно, порабощать человеческий род. Однако существует ещё один, намного более унизительный вариант, когда инопланетный разум настолько превосходит наш и настолько безразличен к нам, что почти нас не замечает. Им даже не нужна наша территория — они живут в стратосфере. Мы не знаем, развились ли они здесь или в другом месте — и никогда этого не узнаем. Наши величайшие инженерные сооружения они считают чем-то вроде коралловых рифов, то есть мало заметными и признанными, не стоящими внимания. Мы даже не можем им чем-то навредить. Да и они нам не угрожают, вот разве что их «строительство» может периодически разрушать нашу среду обитания, подобно тому, как грейдер, выравнивающий почву для прокладки шоссе, разрушает норки сусликов.

Некоторые из них могли бы между делом изучать нас — а может, и нет. А какой-нибудь чудак из них мог бы даже держать некоторых из нас в качестве домашних животных. Именно это и произошло с моим героем. Он слишком активно интересовался одним из их производственных процессов, его поймали и чисто по случайности не раздавили, а оставили в качестве домашнего животного. Со временем он осознал безвыход-

ность своего положения, но он так и не понял со всей ясностью одну горькую истину, что человеческий род не может даже бороться с этими существами. Он был всего лишь золотой рыбкой в аквариуме — а кого заботит мнение беспомощной золотой рыбки? В моём патио устроен садок для рыбы. Возможно, живущие в нём рыбы люто ненавидят меня и поклялись меня уничтожить — но я об этом никогда не узнаю, и это не лишит меня сна. Думаю, что никакие, даже самые сокровенные научные познания не позволят этим рыбам мне навредить. Я недосягаем для них и безразличен к ним.

Я использовал в качестве рабочего названия «Аквариум с золотыми рыбками», но изменил его, потому что, на мой взгляд, оно преждевременно раскрывало суть истории. Похоже, теперь Вы хотите раскрыть интригу быстрее? Возможно, единственное, что нужно изменить — это рабочее название. В любом случае, Джон, Вы постоянно выкладываете основную идею рассказов в аннотациях, иногда, как мне кажется, в ущерб драматическому эффекту рассказа. Поэтому я так отреагировал на аннотацию к «По собственным следам». (Впрочем, Вы — редактор! Я не жалуюсь, я только высказываю мнение.) Я просмотрю

рассказ через день-два и попробую понять, где в начале я могу подбросить улики. Если у Вас есть какие-нибудь конкретные идеи, пожалуйста, говорите сразу, я не совсем уверен, что понимаю, чего Вы хотите — по крайней мере, какого сорта подсказки нужны. Возможно, нам всё же придётся прогнать этот рассказ ещё пару раз.

Я буду счастлив продать этот рассказ по причине, которая изложена в моём последнем письме. Как Вы знаете, я постепенно распродал все полдюжины рассказов, которые Вы отвергли с того момента, как я начал писать. На прошлой неделе я продал два, через день — последние два *[«Крысолов» и «Цель высшая моя», оба под псевдонимом Лайл Монро. Хайнлайн никогда не разрешал их переиздавать]*. Они были совершеннейшее барахло, написаны весной 1939-го. И это полная победа: я продал каждую строчку, написанную с того самого первого дня, когда я попробовал стать профессиональным писателем… Всё подчистую, вплоть до этого последнего рассказа. И если удастся довести его до ума и продать — это будет очень приятно.

17 сентября 1941: Джон В. Кэмпбелл-мл. — Роберту Э. Хайнлайну

Я совсем забыл об этом маленьком нюансе. И,

конечно же, теперь это обстоятельство держит меня за одно удивительно чувствительное место. Суть вот в чём.

Первое: мы переходим на увеличенный формат, и примерно на 70 % расширяются наши потребности[18].

Второе: У нас есть повести, но мы очень нуждаемся в рассказах.

Третье: У нас был один хороший автор, который действительно мог производить нужное количество слов. И теперь — именно в этот момент! — он собрался увольняться! И надо же такому случиться, как раз в то самое время, когда у нас нет на руках ни одной вашей вещи. Конечно, ваши протеже, вместе взятые, смогут произвести примерно те же объёмы, но совсем не того качества,

---

[18] Примечания: 18

We went to large size, with about a 70 % increase in consumption — Не очень понятно, что Кэмпбелл имеет в виду. Если «consumption» — «затраты, издержки производства», то 70 % это чересчур высокая цена для такого увеличения формата (да и какое дело писателю до издержек издательства?). Если «consumption», как я предполагаю, «потребление», в смысле увеличение потребности в текстах, то величина 70 % опять же завышена, реально площади увеличились всего на 40 %. В следующем, 1942 году журнал «Astounding» перешёл с формата «pulp» (7”x10”) на формат «bedsheet» (9”x12”). При этом объём журнала ужался со 164 до 132 страниц. Позднее, в 1943-м в связи с трудностями военного времени «Astounding» сначала вернулся к формату «pulp», а затем ужался до формата «digest» (5½”x8¼”). Второй журнал Кэмпбелла, «Unknown», перешёл на новый формат уже в октябре 1941-го. В 1943-м вернулся к старому формату, а вскоре был закрыт.

на которое способны Вы.

Таким образом, мы запускаем издание большего формата, с большим объёмом в условиях потери лучшей трети наших авторов — одного человека с тремя именами.

Послушайте, как насчёт того, чтобы отложить решение, по крайней мере, до Нового года или на какой-нибудь другой срок? К тому времени, возможно, мы сумеем утрясти всё в лучшем виде.

Теперь по поводу того Рассказа — Который — Отклонили: научная фантастика обычно читается как лёгкая, эскапистская литература. Читатель не ждёт от неё (или не ищет в ней) глубокой философии; и тем паче он не ожидает и не готов к глубокой философии, когда садится читать историю, которая по всем внешним признакам будет авантюрным боевиком. Батисферы… что-то внеземное или чужое… люди исчезают и гибнут… могучая угроза, следить за которой посланы военные моряки — и далее нечто мощное и энергичное, с финальным противоборством в развязке…

Ну, или, по крайней мере, такое впечатление оставляет начало рассказа. Ответ, который Вы дали, был совершенно неожиданным, правильный ответ на неправильный вопрос, если так можно

выразиться. Вся конструкция вопрос-ответ кажется бессмысленной и разочаровывает читателя. Но при расценках Хайнлайна — МакДональда в $1^1/_2$ цента я не могу себе позволить их разочаровывать. Либо измените ответ — так, чтобы он соответствовал заданному читателями вопросу, или приведите вопрос в форму, из которой бы более очевидно следовал тип ответа, чтобы всё стало ясным. Предоставленный ответ действительно содержал очень интересную идею, но эту идею перешибают неудовлетворённые ожидания авантюрного боевика.

Вообще-то потерять Вас в данный конкретный момент для «Astounding» будет всё равно что вырвать зуб, когда язык то и дело нащупывает оставшуюся дырку.

Соглашусь, что подниматься вверх, как раньше, у Вас не очень получится. Я могу согласиться с Вашим желанием уйти при Ваших обстоятельствах. Но послушайте, когда это перестаёт быть обязанностью, писательство превращается в одно большое развлечение. Если бы Вам пришлось, как мне, заполнять журналы, Вы поняли бы, что хорошие рукописи — это послание Небес. Побудьте Богом ещё некоторое время и посылайте их побольше, а?

Одно я знаю твёрдо: меня ждут громкие вопли рассерженных читателей.

19 сентября 1941: Джон В. Кэмпбелл-мл. — Роберту Э. Хайнлайну

По поводу ваших собственных рассказов. Повести — вот ваш хлеб — повести и короткие сериалы, которые теперь, в нашем новом формате, будут целиком помещаться в одном номере. Вам нужен простор, чтобы развить культурный фон, на котором будут действовать Ваши персонажи. Я знал об этом и предложил Вам короткую форму главным образом потому, что тогда я отчаянно нуждался в рассказах, которые нельзя было бы почуять, пока не открыта книга.

25 сентября 1941: Роберт Э. Хайнлайн — Джону В. Кэмпбеллу-мл.

Я думаю, что нашёл его. Чёрт меня возьми, я в этом уверен. Я имею в виду сериал — тот, который я искал *[«Там, за гранью»]*.

Какое-то время я словно блуждал в синем тумане, пытаясь найти тему, центральную коллизию, подходящую для НФ-истории размером с роман. Я хотел, чтобы она была полностью зрелой, взрослой, с драматическим потенциалом — и чтобы прежде её никто не использовал. Естественно, загвоздка была в последнем требовании.

Даже если НФ не исчерпала всех возможностей, их, безусловно, хорошо повыбрали, по крайней мере, мне трудно было найти действительно свежую тему. И я начал искать её методом исключения. Во-первых, я исключил космические путешествия. Заезженная тема, она имеет тенденцию затмить собой всё остальное. Потом я предположил, что основные проблемы экономики и политики уже решены. Так, одним махом, я исключил практически все сюжеты, какими я занимался раньше.

Отлично! Но за что же будут бороться мужчины и женщины во вселенной, в которой сплошь мир и процветание? Какие причины конфликтов у них остались? Проблемы секса и брака — очевидно, но я не пишу для «Ladies' Home Journal». Основная проблема эстетики? Вполне доступная тема для разработки в НФ и к тому же свежая, но это такая тонкая материя, что будет трудно убедить читателей, что проблемы эстетики можно подвергнуть научному исследованию и обработке. То же самое относится к метафизическим проблемам.

Мне показалось, что я забрёл в тупик, и тут мне пришла в голову ещё одна идея, пусть и не новая, но практически неиспользованная. Её всячески

обсуждали, вместо того, чтобы пустить в дело. Это возможности генетики и, в частности, вопрос «Что мы собираемся сделать из человеческого рода»? Г. Тукер умело разбирал этот вопрос в мартовском номере ‘39[19], Стэплдон имел с этим дело на огромном временном масштабе в «Последних и первых людях». Тэйн-Белл предложил некоторые возможности в «The Time Stream»[20], было написано множество историй о супермене, и много состряпано рассказов типа «безумный учёный в лаборатории создал новую тварь». *[Олдос]* Хаксли сделал красивую сатиру в «Дивном новом мире», и даже Хайнлайн прошёлся по краю этой темы в «Детях Мафусаила». Но мне кажется, что там ещё осталось, о чём писать новые и в некотором смысле лучшие истории.

30 сентября 1941: Роберт Э. Хайнлайн — Джону В. Кэмпбеллу-мл.

Прилагаю кусок откровенной ерунды, черно-

---

[19] Примечания: 19

Имеется в виду мартовский 1939 года номер «Astounding», в котором была статья «Toward the Superman» («В ожидании Супермена») Ричарда Тукера (Richard Presley Tooker, 1902–1988).

[20] Примечания: 20

Тэйн-Белл — Джон Тэйн (John Taine) — литературный псевдоним математика Эрика Темпл Белла (Eric Temple Bell, 1883–1960). Роман «The Time Stream» печатался в декабре 1931 — феврале 1932 гг. в «Wonder Stories» и рассказывал о жёсткой генетической экспертизе будущих браков в мире Эос, то ли будущем, то ли прошлом нашей Земли.

вик которой Вы видели в 1939-м. Я её сократил, в соответствии с требованиями потенциального покупателя. Он готов её купить, но я не обязан её продавать именно ему. В сокращённом виде вещь выглядит получше, и мне пришло в голову, что, если у Вас всё ещё есть проблемы с поступлением рассказов, «которые нельзя было бы почуять, пока не открыта книга», как Вы выразились, у этой вещи может быть какой-то шанс. Она не слишком хороша, я знаю, но, быть может, она не хуже, чем альтернативы?

Предлагаю Вам её по цене один цент за слово под именем Монро, которое на ней стоит, или под именем Лесли Кейта. Бог видит, что она не стоит цента за слово, но я полагаю, что это — ваш самый низкий тариф. Если Вы увидите, что не сможете её использовать, немедленно поместите её в тщательно запечатанный сосуд и сильным пинком пошлите обратно ко мне, чтобы я смог запустить её на дешёвый рынок, для которого она и предназначена.

Я полагаю, что с моей стороны было глупостью и напрасной тратой времени заниматься переделками и продажей этого барахла, но это — последние из оставшихся, и я испытаю глубокое удовлетворение, избавившись от них всех.

Ни одну из этих вещей не пришлось переписывать дважды, что само по себе не так плохо, ведь многие авторы делают как минимум по два черновика.

Завтра я начинаю переделку «Восьмого дня творения» *[«Аквариум с золотыми рыбками»].* Восемь дней она не займёт, поэтому у меня останется целых два месяца на сериал. Каждый день мои проработки приносят пачки заметок, и это кайф. Я думаю, мне начинает нравиться этот сериал.

1 октября 1941: Джон В. Кэмпбелл-мл. — Роберту Э. Хайнлайну

По поводу «По собственным следам». Он потеснил с первого места «Здравый смысл»[21]… «По собственным следам» не какая-то халтура, это — первая полноценная фронтальная атака на сюжет временной петли. Это — великолепная идея, и она была красиво решена. Вы взяли незначительный, но очень интригующий пункт из всей теории путешествий во времени и достроили его до тех масштабов, которых он заслуживает. Причин этого успеха несколько, среди прочего: в каждое возращение Уилсона Вы следуете за

[21] Примечания: 21

«Здравый смысл» — вторая часть «Пасынков Вселенной», печаталась в октябре 1941-го.

его мыслями и каждый раз показываете, почему именно он сказал то, что сказал, хотя он вполне мог бы попытаться изменить слова, которые запомнил. В Вашем рассказе человек из будущего, который знает больше, всякий раз повторяет: «Это слишком долгая история, чтобы её объяснять» и отмахивается от вопросов, тем самым интригуя и одновременно раздражая читателя — и тем самым заставляя его полюбить эту историю.

4 октября 1941: Роберт Э. Хайнлайн — Джону В. Кэмпбеллу-мл.

Попытался начать сериал и меня одолела бессонница. Вчера вечером был вынужден прибегнуть к двуспальной кровати и барбитурату. Под действием лекарства просыпался всего лишь три раза за ночь, получилось более восьми часов сна, будь он проклят, и сегодня я себя прекрасно чувствую. Однако сериал всё ещё выглядит безнадёжно. Идея грандиозная, удивительная, и с каждым днём я нахожу у неё всё более интересные грани. Но с каждым днём она выглядит всё менее и менее осуществимой — в качестве бульварного чтива. События в сюжете текут с поистине геологической неторопливостью. Есть и другие проблемы, Вам они будут очевидны. Я

не знаю, не знаю.

…«По собственным следам» всё же халтура — ловкий трюк, безусловно, но не более чем ловкий трюк. Сахарная вата.

Глава II
Истоки

16 октября 1941: Роберт Э. Хайнлайн — Джону В. Кэмпбеллу-мл.

Свои истории я пишу быстро, стоит только начать. Но я пока что неудовлетворён центральной коллизией. Я прокручивал в уме несколько центральных конфликтов, любой из которых, на мой взгляд, сделал бы сюжет, но среди них пока не нашлось такого, который полностью бы меня устраивал. Я хочу, чтобы эта история была высокой трагедией. Не вестерном с реками крови и сюжетом из греческой трагедии, но трагедией в истинном греческом смысле. (Обязательно трагедия, потому что для манипулирования генетикой нужна сверхчеловеческая мудрость, а я отнюдь не супермен.)

ПРИМЕЧАНИЕ РЕДАКТОРА: Названия рассказов в тексте иногда опущены, поскольку в переписке часто использовались рабочие названия. Время от времени окончательное название рассказу давал сам автор, обычно же название изменял редактор перед отправкой рассказа в печать.

Если приводить здесь все названия, которые сменил тот или иной рассказ, это могло бы только привести к путанице.

9 ноября 1941: Роберт Э. Хайнлайн — Джону В. Кэмпбеллу-мл.

Вот первые десять тысяч слов вещи, над которой сейчас бьюсь *[«Там, за гранью»].* Откровенно говоря, полное дерьмо. Но будь я проклят, если не смогу разродиться для Вас пригодным для печати материалом. Моя главная проблема в том, чтобы вставить в сюжет достаточное количество иллюстративного действия и не дать ему завязнуть в бесконечной болтовне. У меня целая кипа заметок для этой истории, в два раза больше, чем к любой другой вещи, которую я когда-либо делал. И это действительно интересные идеи — но я нахожу, что из них адски трудно извлечь сюжет.

Но я сделал этот кусок и продолжу делать примерно по две тысячи слов в день или больше. Пятнышки справа по краю листа — моя кровь, по капле на строку.

15 ноября 1941: Роберт Э. Хайнлайн — Джону В. Кэмпбеллу-мл.

Вот ещё кусок писанины *[«Там, за гранью»].* Я думаю, лучше будет показывать Вам это еженедельными порциями, потому что я ни в коем

случае не уверен относительно их качества и хотел бы, чтобы Вы просматривали и комментировали их по мере того, как я их выдаю. Тогда, если у Вас появится какая-нибудь блестящая идея, я смогу тут же её использовать. Похоже, Вы лучшего мнения об этом сюжете, чем я. Мне кажется, чтобы приделать к нему хоть сколько-нибудь живую концовку, потребуется Deus Ex Machina[22], и в моём нынешнем бесплодном состоянии ума таким Deus можете быть избраны Вы.

2 декабря 1941: Роберт Э. Хайнлайн — Джону В. Кэмпбеллу-мл.

Думаю, не ошибусь, если предположу, что необходимые изменения и исправления могут подождать до моего приезда в Нью-Йорк. Большинство правок, если они вообще понадобятся, должны быть сделаны во второй части. Кажется, мне удалось полностью избежать разных табу. Сравните эту историю *[«Там, за гранью»]* с любым выпуском «Ladies' Home Journal» — мой рассказ намного более скромен, чем материалы, которые сейчас печатают в наших журналах. Я помню рассказ в «National Magazine», который издаёт «Street & Smith», в котором герой моет спину ге-

[22] Примечания: 22

Deus Ex Machina (*лат.*) — бог из машины, неожиданный неправдоподобный счастливый поворот событий.

роине — оба нагишом. У себя я даже не намекаю, что половые сношения были древней человеческой традицией, и Вы можете обыскать сюжет от начала до конца, но не найдёте ни одной ссылки на анатомические детали.

Я действительно вставил сцену о телепатии с нерождённым ребёнком — как Вы предлагали. Но я убрал со сцены его мать. Не думаю, что в этой вещи есть какие-то нескромные намёки. Много сцен типа «мальчик встречается с девочкой», кое-кто будет и против них возражать, но, чёрт возьми, они должны присутствовать — чтобы история была вообще хоть как-то похожа на реальную жизнь!

8 декабря 1941: Джон В. Кэмпбелл-мл. — Роберту Э. Хайнлайну

Менее всего я хотел, чтобы Вы думали, что речь идёт о чем-то безотлагательном.

Возможно, Ваш эквивалент — указатель на Вашей личной эмоциональной шкале — «жажда», больше подходит по смыслу, чем «нужда». Лучше всего ситуацию сформулировать таким образом: я нуждаюсь — в смысле, «должен иметь бесперебойно» — во всяких невероятных историях. Я нуждаюсь в рукописях. Я жажду всяких невероятных историй от Вас; я страстно жажду рукописей

того качества, которое Вы производите.

(Любопытно — мы оба обладаем словарным запасом, возможно, в 300 000 слов и весьма неплохо способны различать оттенки их значений. И при всём при этом у меня не получается достаточно адекватно выразить точный оттенок и интенсивность значения одной элементарной мысли: «я хочу, чтобы Вы писали рассказы для «Astounding».)

Но на будущее. Я не знаю, что Вы будете делать. Я понятия не имею, насколько Вы будете загружены работой. Я не знаю, сможете ли Вы когда-либо писать рассказы в качестве релаксации. (Я могу: это так же весело, как чтение чужих работ.)

9 декабря 1941: Роберт Э. Хайнлайн — Джону В. Кэмпбеллу-мл.

Впервые за сорок восемь часов я смог оторваться от радио достаточно надолго, чтобы думать о написании писем. Естественно, сейчас всё наше внимание сосредоточено только на одном. Мы всё ещё привыкаем к радикальным переменам, но наш боевой дух, как и у всех, чрезвычайно высок, о чём я счастлив сообщить. Лично мне эта ситуация, по сути, трагическая, помогла в решении моих собственных эмоциональных проблем. В последние полтора года я разрывался между

двумя противоположными точками зрения — с одной стороны, желанием как можно дольше беречь мои собственные маленькие земные блага, мой собственный уютный домик с неизменной компанией в лице моей жены, товарищеские отношения с друзьями и, с другой стороны, желанием добровольно вернуться на службу. Теперь всё завершилось, я доброволец и таким образом сдал мою совесть (как хороший католик) на хранение другим.

Вопрос для меня стоял весьма остро. За последние восемнадцать месяцев мне часто было весело, и я часто занимался очень интересными вещами, но я не был счастлив. Днём и ночью меня грызли сомнения относительно курса, которым я следовал. Я чувствовал, что было кое-что, что я должен был сделать. Я пытался (без особого успеха) рассуждать логически, напоминая себе, что Флот знает, где я нахожусь, знает мои способности и имеет законное право обратиться ко мне, если они захотят меня призвать. Но при этом я всё равно чувствовал себя подлецом. Эта страна была очень добра ко мне, и налогоплательщики поддерживали меня многие годы. Шестнадцать лет назад, когда меня привели к присяге, я знал, что моя служба и — в случае необходимости —

моя жизнь будут отданы этой стране. Ни доводы рассудка, ни увещевания моих друзей не могли поколебать моей личной веры в то, что сейчас я не должен попусту тратить время.

Я зарегистрировался в комендатуре, как только услышал, что Пёрл-Харбор был атакован. После этого я телефонировал[23] Вам. На следующий день (вчера) я представился в Сан-Педро[24] и попросил провести медицинский осмотр. Я — старая кляча в том, что касается многих мелких нюансов — полдюжины мелких хронических заболеваний, все они обнаруживаются сразу же при физическом обследовании, но я был готов их обсуждать и оспаривать. Однако меня забраковали только по двум показателям, совершенно банальным — потому что я старый лёгочный больной и потому что я близорук вне пределов, позволенных даже для штабного персонала. У них не было иного выбора, кроме как отклонить меня в то время. Но у меня стопроцентное зрение с коррекцией, и я полностью излечен от туберкулёза,

---

[23] Примечания: 23

Телефонировал — Хайнлайны часто употребляют именно этот архаизм.

[24] Примечания: 24

San Pedro — портовый район Лос-Анджелеса, где размещались службы ВМФ. После вторжения Японии в Маньчжурию в 1931 году сюда была переведена часть Атлантического флота.

вероятно, я более нормален в этом отношении, чем значительный процент служащих, которые не подозревают, что у них он есть. Конечно, в моих лёгких есть шрамы, но что с этих шрамов?

* * *

Мои чувства по отношению к япошкам можно описать как холодную ярость. Я не только хочу, чтобы они были побеждены, я хочу, чтобы они были разгромлены. Я хочу, чтобы они были наказаны как минимум стократно, их города сожжены, их промышленность уничтожена, их флот пущен ко дну, и, наконец, их суверенитет аннулирован. Нас вынудили лечь на курс империализма. Значит, так тому и быть. Германия и Япония не безопасные соседи. Я искренне верю, что мы больше их и сильнее. Давайте будем ими править. Мы этого не хотели — но если кто-то должен быть боссом, я хочу, чтобы это были мы. Разоружить их и лишить свободы. Мы можем прилично отнестись к частным лицам в экономическом смысле, но забрать их суверенитет.

16 декабря 1941: Роберт Э. Хайнлайн — Джону В. Кэмпбеллу-мл.

До сих пор не удалось втюхать кому-нибудь мои ценные услуги. Письмо, в котором я просил-

ся добровольцем, сопровождаемое заверенной копией моего медицинского заключения, кружит где-то в официальных каналах. Я сунул в него конверт авиапочты с запиской помощнику коменданта, с просьбой отправить приказ о назначении незамедлительно, однако меня не удивит, если придётся торчать здесь до января или около того. Тем временем я кручусь вокруг офисов местных военно-морских учреждений, пытаясь найти того, кто захочет послать на меня запрос. Пока безуспешно. Проклятье! Я должен был это сделать ещё полгода назад!

21 декабря 1941: Роберт Э. Хайнлайн — Джону В. Кэмпбеллу-мл.

Меня заинтересовал комментарий Вашего отца по вопросу о Флоте и ваши дальнейшие комментарии. В некоторых комментариях он жалуется на реально допущенные ошибки, другие, как Вы отметили, происходят от нехватки знания об истинных проблемах. Некоторые из реальных ошибок, как мне кажется, присущи самой природе военной организации и потому неизбежны. Военный моряк — сложная профессия, на подготовку адмирала уходит не менее двадцати пяти лет, — а ведь подвижность ума с возрастом уменьшается. Я не вижу никакого простого способа

избежать этого. А ваш отец столь же восприимчив к новым идеям, как Вы? Он покинет свой пост и позволит Вам говорить ему, как управлять «AT&T»? Есть ли вообще какой-нибудь способ избежать этой дилеммы? Между тем, начальство… отнюдь не против новых идей, как пытаются убедить комментаторы новостей. Существующий метод зенитного огня был изобретён энсином[25]. Адмирал Кинг поощрял наши с мичманом попытки изобрести новый тип бомбы. (Примечание: Мы в этом не преуспели.) Возможно, Вы помните, что одна из моих придумок была подхвачена младшим офицером и стала штатно применяться на Флоте прежде, чем следующий номер журнала оказался на прилавках[26]. Тем не менее есть что-то в военной жизни, что превращает людей в консерваторов. Я не знаю, как с этим справиться. Рузвельт отчасти поправил ситуацию, продвигая молодых людей и/или мужчин, способности которых он знал, но это — чистая удача, что у нас есть президент, который знал о проблемах Флота и был знаком с личным составом с тех пор, как сам был молодым человеком. Я не знаю никакого

---

[25] Примечания: 25

Энсин — младшее офицерское звание на Флоте.

[26] Примечания: 26

См. Комментарии в конце книги. Военная тайна.

универсального решения.

* * *

Со дня на день я могу получить своё предписание — наряду со многими другими старыми клячами, которые не должны были бы выходить в море, если бы не было той пристрастной оппозиции, о которой я говорил…

…Некоторые взгляды Феликса Гамильтона автобиографичны *[Гамильтон Феликс — главный герой романа «За этим горизонтом»].* Я тоже хотел бы быть всесторонне развитой личностью, но я прекрасно понимаю, что по многим параметрам я — посредственность. Мне не досталось ни хорошей памяти, ни особых способностей, ни физической силы, ни силы характера, чтобы выполнять эту работу. Меня это не слишком угнетает, но я помню о своих недостатках. Я достаточно незауряден и у меня достаточно воображения, чтобы ясно понимать, насколько поверхностно моё знакомство с миром, и знать, что у меня нет ни здоровья, ни энергии, ни запаса лет, чтобы достигнуть того, чего я хотел бы достичь. Не расценивайте это как ложную скромность…

Мне отмерено ровно столько способностей,

чтобы я смог понять, что я не истинный гений — а вторые места меня не слишком интересуют. В то же время было весело, и я занимался несколько менее созидательным трудом, чем мог бы, если бы старался изо всех сил. Последнее не совсем верно. Скорее, у меня просто не было ни здоровья, ни энергии, чтобы стараться изо всех сил. Но я получал удовольствие!

* * *

Что касается ментальной страусиной политики и бойкота военных сводок. Давным-давно я узнал, что для моего собственного ментального здоровья мне необходимо эмоционально изолировать себя от всего, что я не мог предотвратить, и ограничить моё беспокойство теми вещами, которые я мог контролировать. Но у войны огромное эмоциональное воздействие, и мне от него не избавиться. В 1939-м и 1940-м я специально читал только военные сводки месячной давности, в «Time magazine», чтобы приглушить их эмоциональное воздействие. Иначе я был бы вообще не в состоянии сконцентрироваться на написании беллетристики. Мне довольно трудно достичь эмоциональной отстранённости, поэтому я взращиваю её с помощью различных уловок

всякий раз, когда ситуация из тех, что я не могу контролировать.

4 января 1942: Роберт Э. Хайнлайн — Джону В. Кэмпбеллу-мл.

Вы полагаете, что свои суждения о Флоте я храню отдельно от моих взглядов на другие предметы. Я действительно был ориентирован и индоктринирован военно-морской подготовкой и службой на Флоте. И действительно, никто не может избежать влияния своего окружения; лучшее, что он может сделать — это попытаться его осознать и скептически к нему относиться. Но что касается Вашего «доказательства» (при помощи — спаси нас Боже! — Аристотелевой логики), что у меня в мозгах переборка — что ж, об этом немного позже и очень подробно. Очень, очень подробно.

А пока я «отыграю боевую тревогу и открою ответный огонь». Вот уже долгое время Вы меня изводите своей способностью ограничивать Ваше превосходное владение научным методом сферой науки и совершенно игнорировать его во всех прочих областях.

Насколько мне известно, делать поспешные выводы на основании недостаточных и неподтверждённых данных по научным вопросам

Вы склонны не более чем прогуляться вниз по Бродвею в одном нижнем белье. Но когда речь заходит о вопросах вне сферы Вашей компетентности, Вы последовательно и блестяще глупы. Вы выступаете с дьявольски тупым апломбом по поводу вопросов, которые Вы не изучали и в которых не имели никакого опыта, основывая своё мнение на случайных сплетнях, газетных историях, несвязанных единичных фактах, вырванных из контекста, кабинетной экстраполяции и откровенной дезинформации, которую Вы не распознали просто потому, что даже не попытались её проверить.

Конечно, большинство людей очень похожим способом придерживаются своих некритически воспринятых убеждений. Например, мой молочник. (По его мнению, Флот не может поступать неправильно!) Но от Вас-то я никак не ожидал таких неаккуратных умственных процессов. Чёрт возьми, у Вас за плечами серьёзная школа научной методологии! Почему же Вы не применяете её в повседневной жизни? Конечно, научный метод не позволит Вам выводить точные заключения по вопросам, о которых у Вас недостаточно информации, но зато он может уберечь Вас от самоуверенности в суждениях, позволит Вам

оценить полученные данные и подождать с выводами, пока Вы не соберёте дополнительную информацию.

Всё, что я сказал по поводу разгрома Пёрл-Харбора — это то, что для формирования суждений пока нет необходимых данных и что мы не должны выносить свой вердикт, пока эти данные не станут доступны. По сути, я имел в виду, что сейчас не самое подходящее время для того, чтобы интеллектуальное меньшинство вносило свою лепту в потоки слухов и кабинетных мнений, наводняющих страну. Я всё ещё так считаю. Сегодня на Вас, как на интеллектуальном и образованном человеке, лежит ответственность перед Вашими менее одарёнными согражданами, Вы должны внушать им спокойствие и моральную устойчивость. По Вашим письмам этого совсем не заметно.

Хочу обсудить по порядку некоторые вопросы, кое-что из Ваших писем, кое-что из связанных с ними вещей.

«Помощь и поддержка врагу, тьфу! Подрыв боевого духа, чёрт!» (Из Вашего письма.) В этом вопросе я вынужден слегка перейти на личности. Видимо, Вам не пришло в голову, что я — военнослужащий Вооружённых сил Соединённых

Штатов, в настоящий момент ожидающий приказа (я надеюсь) приступить к службе на Флоте. Высказывания, наподобие тех, что я слышу от Вас, вполне могли бы очень сильно подорвать боевой дух военнослужащих, поколебав их доверие к старшим офицерам. Случилось так, что существует федеральный закон, запрещающий в военное время любые разговоры с военнослужащими, которые могут ослабить их боевой дух именно таким способом — закон, принятый Конгрессом, а не какая-нибудь внутриведомственная директива! Случилось так, что я достаточно изворотлив, практичен и тщеславен, чтобы не попасть под влияние Ваших слов о верховном командовании. А кроме того, я думаю, что знаю о верховном командовании больше, чем Вы. Тем не менее Вы не имели права рисковать поколебать мою веру, мою готовностью сражаться. И в дальнейшем Вам следует соблюдать осторожность в подобных разговорах. Они могут, прямо или косвенно, переданные через третьи руки, повлиять на какого-нибудь военнослужащего, у которого нет той моральной закалки, которую мне дали годы идеологической обработки.

Имейте в виду, что мой Вам совет основан на законе, специально принятом Конгрессом в со-

ответствии с Конституцией, чтобы ограничить свободу слова гражданских лиц в военное время в их отношениях с военнослужащими. Если Вам не нравится закон, напишите об этом вашему конгрессмену. Если Вы чувствуете, что должны высказаться, запишите это на бумаге и сохраните до конца войны, но только не говорите военнослужащему, что его начальники глупы и некомпетентны. И не пишите Рону ничего в подобном ключе. У него нет моей идеологической обработки, и он находится на поле битвы[27]. Если Вам кажется, что верховное командование некомпетентно, обсудите это с вашим конгрессменом и вашими сенаторами. Те из нас, кто на службе, должны подчиняться офицерам, которых нам назначили — а этому не способствуют попытки поколебать наше к ним доверие.

* * *

...Мне не раз приходилось запускать руку в свои личные капиталы, чтобы устраивать приёмы конгрессменов, знаменитостей и т. д. Для подобных вещей не предусмотрено никаких фондов, офицеры платят за них из своего кармана.

---

[27] Примечания: 27
См. Комментарии в конце книги. Рон Хаббард на поле битвы.

Флотские офицеры в этом отношении поступают как скаут-мастер с его подопечными. Они всегда готовы выступить перед теми, кто захочет их выслушать, и если нужно — скататься туда и обратно за свой счёт или, по приказу старшего офицера, за счёт корабельного фонда обслуживания (частный фонд). У нас всегда были офицеры по связи с общественностью, и мы всегда старались, как умели, поддержать доброжелательное отношение к Флоту. В дополнение к этому, комиссии по делам Флота обеих палат Конгресса постоянно подробно информировались о том, в чём мы нуждаемся и по каким стратегическим соображениям.

Наши усилия были ничтожно мало эффективны. Да и как они могли быть эффективны? Во-первых, мы не рекламные агенты, и мы не знали как. Во-вторых, даже если бы мы знали как, мы не получали на это никаких ассигнований. Всё, что мы могли делать — это говорить, и под эти разговоры нам выделяли дьявольски крошечное место в газете и, конечно же, никаких рекламных щитов. Ах да, ещё мы могли по случаю тиснуть академическую статью, от которой было страшно много пользы!

…Можете считать мою реакцию типичной

для профессионала, она обусловлена моими исходными жизненными установками и последующим воспитанием. Из предположения, которое Вы сделали, и Вашего отклика на мою реакцию вполне очевидно, что Вы не имеете ни малейшего понятия о психологии профессионального военнослужащего. Не знаю, как Вам это объяснить. Суть лежит по большей части в эмоциональной сфере и основана на кое-каких базовых установках. Попробую описать это таким образом: возьмите мальчика, прежде чем он окунётся в деловой мир. Отправьте его в военно-морское училище. Говорите ему год за годом, что самое ценное (и фактически единственное), чем он обладает — это его личная честь. Покажите ему, как его сокурсника выгоняют за случайную маленькую ложь. Покажите, как другого сокурсника выгоняют за кражу пары белых шёлковых носков. Скажите ему, что он никогда не будет богат, но зато у него будет шанс, что его имя появится в Мемориальном зале[28]. Доверьте ему тайну. Воспитайте его в том духе, чтобы он шагу не мог ступить без своего кортика. Пичкайте его рассказами о героизме. Увешайте стены в кори-

---

[28] Примечания: 28

Мемориальный зал — Зал Славы в Академии ВМФ США, Аннаполис.

дорах учебного корпуса трофейными флагами. А, ерунда, зачем продолжать дальше? — думаю, Вы и так поняли, к чему я веду. Из него получится офицер Флота, мужчина, на которого Вы сможете положиться, который будет бесстрашен перед лицом личной опасности, даже если у него заболит живот. Но при этих условиях из него никогда не получится рекламный агент.

Офицеры Флота, как класс, органически не способны производить сенсационную рекламу того сорта, что предлагаете Вы. С тем же успехом Вы можете ожидать от них, что они отрастят крылья и полетят.

Кроме того, если бы они были на это способны, то они были бы ни к чёрту не годны как офицеры. Офицер Флота — намного больше, чем человек с некоторым объёмом технической информации. Он — человек, обученный вести себя согласно определённым образцам поведения, в которых экономические мотивации заменены понятиями «честь» и «долг». Я не знаю, убедил я Вас или нет, но я могу заверить Вас, что было бы почти невозможно найти офицера, который провёл бы всю свою сознательную жизнь на Флоте, кто мог бы добиться успеха у публики при помощи сенсаций, как Вы предлагаете. Это всё равно что

просить священника осквернить причастие.

* * *

Разумеется, у Флота есть свои секреты. В мирное время они ограничены такими вещами, как конструкция вооружений (а иногда и сам факт существования оружия), коды и шифры, численные характеристики орудий, внутренности некоторых приборов, и другими подобными вещами, в которых мы пытаемся быть немного впереди других. Вы говорили об «официальных шпионах», которым показывают то, что скрыто от широкой публики. Кто подсунул Вам этот кусок пустой болтовни? Я понимаю, что Вы имели в виду иностранных офицеров. Если они не наши союзники, им не покажут ничего, что нельзя увидеть в кинохронике. Я помню, как однажды мне было предписано сопровождать британского морского офицера. Меня предупредили никогда не выпускать его из виду и выдали список вещей, которые он не должен был видеть. Так я за ним и таскался повсюду — ноздря к ноздре…

Конечно, в военное время практически всё засекречено — и это, чёрт возьми, прекрасно! Но основополагающие факты, которые помогают гражданам понять, почему нам действительно

нужен большой Флот, секретными не являются, никогда не были и по природе своей не могут быть секретным. Географическая стратегия, например, или сравнительные характеристики флотов различных наций. «Jane's Fighting Ships» не особенно сдержанная книга, и я знаю, что Вы её листали[29]. На морские верфи не так сложно попасть. В обычное время военные корабли спускают шлюпку для любого посетителя, который хочет подняться на борт… и судовая полиция еженедельно имеет головняки, следя, чтобы ни один из них не забрался в рубку управления огнём или иные подобные места.

Я в полном недоумении относительно того, что Вы подразумеваете под «Тсс! Тсс!» в отношении Флота. И конечно, я бы оценил какие-нибудь конкретные факты.

По необходимости многие штатские посвящены в некоторые военные тайны. Я много плавал

[29] Примечания: 29

«Jane's Fighting Ships» — справочник по боевым кораблям, издаётся с 1898 года. В каждом выпуске содержит актуальную информацию обо всех боевых кораблях мира, включая названия, размеры, вооружённость, силуэты и т. п.

с инженерами «G.E.», «Westinghouse» и «AT&T»[30]. Мой гаджет, который был принят на вооружение Флотом, проектировал один из инженеров Вашего отца. Не уверен, была ли у него возможность лично узнать об этом, но не спрашивайте его об этом и не пытайтесь догадаться, что это может быть. И не говорите об этом никому, чтобы они не строили предположений. Упомянув класс инженера, который проектировал эту вещь, я оказал Вам большее доверие, чем у меня вызывает любое другое гражданское лицо. Пусть эта штука останется настоящей военной тайной, и будем надеяться, что наш Флот — единственный, который её использует[31].

Бывает, что когда запрос о предоставлении информации отклоняется, корреспондент не видит причины отказа. На это я могу сказать только то, что офицер, отказавшийся расстаться с информацией, — единственный возможный судья в

---

[30] Примечания: 30

G.E. — General Electric, крупнейшая многоотраслевая корпорация США, основанная в 1878 году изобретателем Томасом Эдисоном. *Westinghouse* — Westinghouse Electric Company, крупнейшая электротехническая компания США, основанная в 1886 году изобретателем Джорджем Вестингаузом. *AT&T* — American Telephone and Telegraph, крупнейшая телекоммуникационная компания США, специализировалась на средствах связи, создана в 1885 году.

[31] Примечания: 31

См. Комментарии в конце книги. Военная тайна.

этом вопросе. Только ему решать, послужит ли разглашение информации общественному благу. Будучи человеком, он может принимать ошибочные решения, но судить о них не может никто другой. Это очевидно — если Вы храните тайну, у меня нет никакой возможности решать, должны Вы поделиться ею со мной или нет. Следовательно, ответственность за решение полностью возлагается на Вас. Совершенно невинный запрос об информации может столкнуться с тем, что покажется немотивированным отказом. Но откуда корреспонденту знать, что это действительно так?

Но, послужив на Флоте, где я имел дело и с конфиденциальной, и с секретной информацией, я могу заверить Вас, что политика Флота заключается не в том, чтобы играться в военные тайны. Решительно нет! Напротив, мне всегда казалось, что мы были слишком откровенны, честны и открыты. Слишком легко было подобраться к действительно секретным материалам, до такой степени легко, что это меня постоянно беспоко-

ило[32].

* * *

Итак: Вы оправдываете свои не слишком сдержанные высказывания, а также слова *[Флетчера]* Пратта и компании тем, что все были злы как черти, потому что фанаты Флота и любят военные корабли. (Кстати, Вы, похоже, не желаете, чтобы Вас относили к прочей публике, но тем не менее обижаетесь, когда Вам советуют вести себя в этом деле как профессионал.) Если Вы были злы и огорчены, то что, по-вашему, должен был чувствовать я? Для меня Пёрл-Харбор не точка на карте — я был там. Старина «Оки» для меня не деревянная моделька шести дюймов длиной; он для меня — личность. Я вычерчивал его топливопроводы

---

[32] Примечания: 32

Хайнлайн не зря читает нотации Кэмпбеллу по поводу секретности. Джон не слишком серьёзно воспринимал эту тему. Например, в своём письме от 3.06.40 Кэмпбелл с детской непосредственностью рассказывает своему адресату технические подробности оснащения стартовой палубы авианосца, организацию работы режимных отделов Флота и особенности ротации кадров в ВМФ США. Примечательно, что эти сведения ему предварительно разболтал некий отставной флотский офицер с инициалами Р. Э. Х. Нотации Роберта, по-видимому, не возымели успеха, и в 1943 году Джон Кэмпбелл опубликовал в «Astounding» рассказ Клива Картмилла «Deadline», в котором подробно описывался процесс создания атомной бомбы. Бомба тогда существовала только в виде сверхсекретного проекта в Лос-Аламосе, и кое-кто удивился. Результатом были обыски в офисе и допросы в ФБР, которым подверглись не только Кэмпбелл, но и Мюррей Лейстнер, Азимов, а также приятель

Клива Картмилла, Хайнлайн. К слову сказать, Кэмпбелл всю вину взял на себя, заявив, что Картмилл ни черта не понимает в физике, и все материалы для рассказа Кливу предоставил он. Лейстнер отделался лёгким испугом, потому что был не при делах, а Азимов и Хайнлайн работали в этот момент в секретной военной лаборатории, и у Хайнлайна были проблемы с получением допуска, потому что в его личном деле была неуничтожимая запись о дисциплинарном нарушении…

от палубы до самого дна. Я был командиром его орудийной башни номер два. Я был в рубке управления огнём его главной батареи, когда говорили его артиллерийские орудия. Чёрт возьми, я жил в нём! И списки убитых, раненых и пропавших без вести в Оаху[33] для меня не просто имена в газете; они — мои друзья, мои однокашники. Меня постигло такое чрезвычайное вызывающее отвращение горе, какого я не испытывал прежде в моей жизни, и оно оставило меня с чувством потери личной чести, таким, какого я никогда не ожидал испытать. И всё это только по одной причине, только потому, что я сидел на вершине холма, в штатском, не на своём боевом посту, неспособный сражаться, когда это произошло.

ПРИМЕЧАНИЕ РЕДАКТОРА: Роберт писал рассказы для Джона В. Кэмпбелла-младшего для «Astounding» и «Unknown» почти три года. Когда в 1941 году Пёрл-Харбор подвергся нападению, Роберт попытался убедить Флот вернуть его на действительную военную службу. Потерпев в этом неудачу, он отправился в Филадельфию, работать проектировщиком на Военно-морской авиационной экспериментальной станции.

---

[33] Примечания: 33

Оаху — остров Гавайского архипелага, где была расположена база ВМФ США Пёрл-Харбор.

После войны Роберт нашёл более широкие перспективы для своей писательской карьеры. Четыре рассказа были проданы в журнал «Saturday Evening Post», который в то время был самым важным и самым щедрым на рынке беллетристики, а также он продал свой первый подростковый роман издательству «Charles Scribner's Sons». Следующий рынок, на который он вышел, было кинопроизводство, и это увенчалось успешным фильмом «Место назначения — Луна».

«Бездна» была единственным рассказом, который Роберт написал после Второй мировой войны и который был предназначен исключительно для продажи «Astounding». Иногда его агент, Лертон Блассингэйм, посылал романы Джону В. Кэмпбеллу-младшему. Некоторые из них были отклонены по разным причинам, и тогда Роберт получал длинные письма с объяснениями от Джона Кэмпбелла. И хотя эти вещи не были предназначены для рынка бульварной прессы, Кэмпбелл тем не менее подробно объяснял, почему их сюжет и стиль были ужасны — с его точки зрения. Когда ему предложили Подкейн [«Марсианка Подкейн»], он написал Роберту письмо, в котором спрашивал, что он понимает в воспитании молодых девушек — с помощью нескольких тысяч тща-

тельно подобранных слов.

Дружба истощалась и в конечном счёте полностью ушла. Вероятно, то была всего лишь ещё одна жертва Второй мировой войны[34].

[34] Примечания: 34
См. Комментарии в конце книги. Хайнлайны и Кэмпбеллы.

Глава III
Глянец и подростки «Скрибнера»

Первая попытка

25 октября 1946: Роберт Э. Хайнлайн — Лертону Блассингэйму

Новость о том, что Вы продали «Зелёные холмы земли» в «Saturday Evening Post», очень приятна, и не только размером чека, но по многим другим причинам. Я счастлив, что мы прорвались на главный глянцевый рынок, и особенно — потому, что это сделал мой любимый рассказ, который я вынашивал в себе пять лет.

ПРИМЕЧАНИЕ РЕДАКТОРА: В 1930-х и 1940-х и ранее «Saturday Evening Post» был элитным рынком для авторов рассказов. Он платил по самым высоким тарифам, и печататься там было очень престижно. «Пост» продавался в каждом газетном киоске и имел широкий круг читателей.

Помимо рассказов и романов с продолжениями, в нём также печаталось множество статей. Все, кто желал быть хорошо информированным, читали «Пост». Его продавали повсюду; особой популярности журнала способствовали обложки Нормана Рокуэлла. Каждый выпуск содержал несколько статей, короткие рассказы и обычно

очередной кусок длинной истории, которую создавали примерно тем же авторским составом. Все авторы коротких рассказов мечтали попасть в эту обойму. За эти сериалы выплачивались особые премиальные тарифы.

Для продажи «Поста» нанимали мальчиков, и они ходили из дома в дом, продавая «Пост» и два сопутствующих журнала, «The Ladies Home Journal» и «Country Gentleman». В детстве одним из первых рабочих мест Роберта была должность «мальчика P — J–G»[35].

В каждом выпуске «Saturday Evening Post» была колонка с информацией об авторах. Колонка называлась «Держим в курсе»[36]*, и у Роберта попросили прислать фотографию и данные о себе. Поскольку «Зелёные холмы земли» были его первой публикацией в «Посте», его поместили в эту колонку.*

---

[35] Примечания: 35

PJG — По первым буквам названий журналов: Post-Journal-Gentleman. Хайнлайн занимался этой работой в возрасте девяти лет. Ему рано пришлось перейти на самоокупаемость и самому зарабатывать на одежду и школьные завтраки. И когда вы читаете в биографии, что Бобби читал книги на ходу, по дороге из дома в школу, следует помнить, что иногда у него просто не было другого времени, чтобы подготовиться к урокам.

[36] Примечания: 36

Keeping Posted — с одной стороны, «держать в курсе», с другой — игра слов вокруг названия журнала «Post»

…в понедельник посылаю Вам ещё один межпланетный рассказ, предназначенный для глянцевых журналов (надеюсь, это будет «Пост»), — о семейных проблемах космического пилота, название «Мужчина должен работать» или «Космический пилот» *[«Космический жокей»].* Потребовалась неделя, чтобы написать, и три недели, чтобы сократить его с 12 000 до 6000 [слов], но я начинаю понимать, как улучшает стиль экономное использование слов. (Я установил лимит в 6000, потому что тщательные измерения рассказов в последних номерах «Пост» показали, что короткие рассказы в среднем чуть более 6000 и редко короче 5000 слов.)

ПРИМЕЧАНИЕ РЕДАКТОРА: Честолюбивые мечты Роберта писать за более высокие расценки для более широких рынков сбыта, чем бульварные журналы, заставили его наводить справки об агенте, который имел бы выход на другие рынки. С этой целью он обратился к Л. Рону Хаббарду, который познакомил его с Лертоном Блассингэймом.

Лертон приехал в Нью-Йорк, лелея мечту стать литератором, но обнаружил, что не преуспел на этом поприще. Он остался крутиться в издательском бизнесе и стал одним из самых ува-

жаемых агентов. Его брат, Вьятт Блассингэйм, регулярно, если не часто продавался в «Saturday Evening Post».

Со временем Роберт стал звёздным клиентом Лертона. После того как были сброшены атомные бомбы, он был озабочен «спасением мира». Статьи, которые он писал, не продавались. Тогда он начал цикл подростковых книг для издательства «Scribner», первой стал «Ракетный корабль Галилей» (рабочее название: «Юные атомщики»). В течение нескольких лет он ежегодно писал по одной подростковой книге.

Они лично познакомились во время одной из наших поездок в Нью-Йорк, и Роберт пригласил Лертона навещать нас в Колорадо. Роберт сопровождал Лертона в его вылазках на охоту, на лося, антилопу и другую дичь. Меня приглашали присоединиться к ним в поездках на рыбалку.

Хотя Роберт не был ни охотником, ни рыбаком, он всегда принимал приглашения Лертона. Во время поездки в Ганнисон, штат Колорадо, куда они отправились на лося, Роберт «охранял лагерь», в то время как Лертон с другими охотниками таскался по горам. Лертон тогда завалил огромного лося, и у нас был полный морозильник лосиного мяса. Мне всегда казалось, что Роберт

соглашался на эти поездки только ради компании Лертона.

Следующим завоеванием Роберта, в котором ему помог Лертон, была продажа «Зелёных холмов Земли» в «Saturday Evening Post», за которой последовали ещё три продажи рассказов в этот журнал.

Дружба процветала, несмотря на отвращение Роберта к тому, чтобы заниматься коммерцией с друзьями. И так продолжалось, пока Лертон во второй половине 1970-х, собираясь на пенсию, не взял несколько более молодых партнёров. Книгами Роберта все ещё занимается Агентство Blassingame-Spectrum в Нью-Йорке[37].

12 ноября 1946: Роберт Э. Хайнлайн — Лертону Блассингэйму

...и я вернусь к работе, вероятно над рассказом, который назвал «Как здорово вернуться!». Пара, живущая в Луна-Сити, собирается вернуться на Землю, у них завершился трёхлетний срок по контракту. Они всё время тосковали по дому и постоянно об этом говорили. И вот они возвращаются на Землю и обнаруживают, что забыли о неудобствах проживания на Земле — некон-

---

[37] Примечания: 37
См. Комментарии в конце книги. Лертон Блассингэйм.

тролируемый климат, грязь, простуды, провинциальные нравы, глупых и невежественных людей (жители Луна-Сити, разумеется, все исключительно интеллектуальны и цивилизованы вследствие строгих правил отбора: только социально совместимые люди с высоким «ай-кью» могут окупить стоимость их транспортировки и проживания на Луне) и т. д. и т. п. В конце рассказа они сильнее, чем когда-либо тоскуют по дому — но уже по Луна-Сити! — и изо всех сил рвутся обратно. Хочу показать Луна-Сити и условия жизни на Луне, социальные и экономические, чтобы был фон, и добавить в историю красок.

ПРИМЕЧАНИЕ РЕДАКТОРА: Между 1947-м и 1949-м по крайней мере десять рассказов Роберта Э. Хайнлайна были изданы в глянцевых журналах; четыре появились в «Post» и два в «Argosy». Это было замечательным достижением, но вскоре его затмил успех его подростковых романов.

РАКЕТНЫЙ КОРАБЛЬ «ГАЛИЛЕЙ»

19 февраля 1946: Роберт Э. Хайнлайн — Лертону Блассингэйму

Через пару дней я собираюсь начать писать подростковый роман, который в общих чертах изложил в моём последнем *[письме].* Вы получи-

те отрывки и синопсис, законченная рукопись должна быть у Вас около 15 марта. *[Два друга]* убедили меня, что для моих пропагандистских целей в дополнение к взрослым вещам, о которых я писал, лучше всего подойдёт серия книг для мальчиков[38]. Я купил несколько романов из популярных серий для мальчиков и уверен, что смогу произвести пригодную для продажи рукопись, которую можно предложить одному из этих издателей: «Westminster», «Grosset and Dunlap», «Crown» или «Random House».

16 марта 1946: Роберт Э. Хайнлайн — Лертону Блассингэйму

Я думаю, его *[редактора, который отклонил «Юных атомщиков»]* концепция истории атомной эры неуместна. Мы вступаем в эпоху чрезвычайных перемен. Я вижу две основные альтернативы — либо ужасающая атомная война, которая надолго разрушит существующую технологическую структуру, за чем последует Ренессанс, природу которого я неспособен предсказать, либо период мира, в котором тех-

---

[38] Примечания: 38

Имеется в виду пропаганда ракетостроения и достижения Луны, которыми Хайнлайн активно занимался после войны. Два друга — это, возможно, режиссёр Фриц Ланг, который хотел экранизировать роман (роман писался в т. ч. с расчётом на экранизацию), и Клив Картмилл.

нический прогресс чрезвычайно ускорится, так что только краткосрочные предсказания, я могу надеяться, будут разумно точными. «Юные атомщики» *[«Ракетный корабль Галилей»]* базируется на втором варианте развития событий, т. е. период мира и беспрепятственного технического прогресса[39].

* * *

Когда я пишу о будущем, я чувствую себя профессиональным пророком, который делает честную попытку оценить вероятности развития событий и пишет истории, в которых предлагает примеры реализации этих альтернатив. Чтобы оставаться честным, я должен предсказывать то, что произойдёт (или может произойти) по моим собственным выкладкам, а не потому, что кто-то ещё решил, что это может случиться.

---

[39] Примечания: 39

Роман, первоначально носивший название «Юные атомщики и завоевание Луны», писался в первую очередь по просьбе издательства «Westminster Press» и его редактора Хейлиджера (Heyliger). То, что роман отклонил заказчик, было для Хайнлайна большим разочарованием. Обратите внимание на название произведения: Хайнлайн заранее планировал многотомный сериал со сквозными персонажами. Как показала история, «Westminster» здорово просчитались, и, видимо, это была системная ошибка — в активах издательства не числится никто из известных фантастов, за исключением Лестера Дель Рея.

Если у м-ра ***[40] отличная от моей концепция развития событий, пусть напишет об этом сам или наймёт литнегра, который захочет писать по чужим сюжетам. Он легко может это сделать. Я не осуждаю подобную халтурку, но для меня почти невозможно ею заняться, и я не буду заниматься подобными вещами, разве что под угрозой голода, — а он мне пока не грозит.

(В «Юных атомщиках» я позволил себе два общепринятых отступления от того, что я считаю вполне вероятным: я сократил время подготовки к путешествию и предположил, что четыре человека могут выполнить работу, для которой, скорее всего, потребуется сорок. Всё остальное — технику, используемую в сюжете, и даже эпизоды — я расцениваю как вполне возможные, хотя и романтические и в некоторых отношениях не слишком точные в деталях. Но я действительно ожидаю начала космических полётов, и в самое ближайшее время. Описанное противостояние более чем вероятно, я ясно вижу эту угрозу, хотя она вполне может проявиться и вне зависимости от базы, расположенной на Луне.)

...Я предполагаю, что Вы привыкли к методике,

---

[40] Примечания: 40
Редактор издательства «Westminster Press» Хейлиджер.

когда автор присылает несколько глав и резюме. Если нужно, я так и сделаю, но, к сожалению, если я настолько далеко продвинусь с романом, то он будет завершён дней через десять, или, по крайней мере, с такой скоростью, что только самый быстрый ответ от издателя сможет как-то повлиять на конечный результат. Я сожалею, но это — сопутствующее обстоятельство моего стиля работы. Над романом я работаю медленно только на первых нескольких главах. Как только я начинаю слышать разговоры персонажей, процесс превращается в гонку, потому что я должен описывать их действия достаточно быстро, чтобы не пропустить ни одно из них. Это более экономично по времени и по деньгам, и у меня лучше получаются истории, когда я работаю сразу от начала до конца, не дожидаясь, пока редактор решит, нравится ему текст или нет. В любом случае редакторам вряд ли понравятся мои предварительные конспекты, поскольку для меня просто невозможно передать аромат ещё ненаписанной истории в резюме.

(Предлагаю дополнить серию такими книгами:

«Юные атомщики на Марсе, или Тайна лунных коридоров»

«Юные атомщики на Астероидах, или Тайна разрушенной планеты»

«Юные атомщики в бизнесе, или Корпорации горной промышленности Солнечной системы»

И ещё как минимум парочка.)

ПРИМЕЧАНИЕ РЕДАКТОРА: 24 сентября 1946. Письмо от этой даты говорит, что редактору «Scribner» понравились «Юные атомщики».

27 сентября 1946: Роберт Э. Хайнлайн — Лертону Блассингэйму

«Юные атомщики» — Я рад слышать, что Алисе Далглиш[41] понравилась эта рукопись. В моем письме от 16 марта 46 Вы найдёте список названий для продолжений предложенного цикла, там же всесторонне рассмотрен вопрос о том, что я хотел бы сделать в книгах для подростков и что предполагаю делать далее, чтобы эксплуатировать эту историю. Надеюсь на Ваше руководство во всех этих делах, моё мнение пока ещё не окончательное. Разумеется, я готов переписывать тексты по требованиям редакции и разрабатывать проекты историй в соответствии с пожеланиями редакции, чтобы увидеть свою книгу выпущенной столь выдающимся издатель-

---

[41] Примечания: 41

См. Комментарии в конце книги. Алиса Далглиш.

ским домом, как «Scribner».

1 февраля 1947: Роберт Э. Хайнлайн — Лертону Блассингэйму

По Вашему совету я подписал контракт, но я возвращаю контракт со «Scribner» через Вас, чтобы Вы посмотрели, не надо ли попросить, чтобы они внесли какие-то изменения в контракт… Рукопись была исправлена и теперь перепечатывается. Она поступит в «Scribner» к десятому февраля.

КОСМИЧЕСКИЙ КАДЕТ

18 июля 1947: Роберт Э. Хайнлайн — Лертону Блассингэйму

Мисс Далглиш и я согласны с Вами по поводу «Космического кадета», но я не буду писать его до конца этого года.

17 февраля 1948: Лертон Блассингэйм — Роберту Э. Хайнлайну

Ни малейшей опасности, что «Scribner» отклонит «Космического кадета».

1 августа 1949: Роберт Э. Хайнлайн — Лертону Блассингэйму

Есть исправление, которое должно быть сделано в «Космическом кадете», который я уже сдал «Scribner» для второго издания; я думаю, что это

должно быть сделано в норвежском, итальянском и голландских изданиях. Вы передадите им? Это очень просто: на самой последней странице есть строчка в диалоге: «Никогда не веди левой». Там, конечно же, должно быть «Никогда не веди правой».

ПРИМЕЧАНИЕ РЕДАКТОРА: Ошибка была пропущена потому, что рукопись читала я, Лертон (который был левша) и несколько редакторов в «Scribner» (ни один из нас ничего не понимал в боксе).

5 января 1951: Роберт Э. Хайнлайн — Лертону Блассингэйму

Я написал мисс Далглиш о телевизионных сценариях *[«Том Корбетт, космический кадет»]*. Вы читали их? Если да, то Вы знаете, насколько они плохи. Я не хочу фигурировать в титрах этого шоу (как бы я ни ценил чеки за роялти!), и я имею все основания быть уверенным, что такой уравновешенный, солидный дом, как «Scribner», будет чувствовать то же самое. Это просто адаптированная для детей мыльная опера[42].

---

[42] Примечания: 42
См. Комментарии в конце книги. Том Корбетт, Космический Кадет.

КРАСНАЯ ПЛАНЕТА

18 ноября 1948: Роберт Э. Хайнлайн — Лертону Блассингэйму

Прилагаю копию намёток к новому роману *[«Красная планета»]* для мисс Далглиш, плюс копия письма к ней… Прочитайте письма, заметки тоже прочитайте, если у Вас будет время. Советы приветствуются.

Решение отложить историю об океанском пастухе *[«Ocean Rancher» должна была стать третьей книгой в серии «Scribner», но она не была написана]* повлекло за собой пересмотр моего рабочего графика. Вот что я сейчас намерен делать: пока мисс Далглиш решает, я хочу написать рассказ в 4000 слов для взрослых, в глянцевые журналы, обычным покупателям, имея в виду «Post», «Colliers», «Town and Country», «This Week» и «Argosy». Думаю, смогу его показать к середине декабря.

Если мисс Далглиш говорит «да», я пишу роман для мальчиков, планируя закончить его до 31 января. Пока она его просматривает, я делаю ещё один рассказ для глянца в 4000 слов, после чего сажусь править роман для мисс Далглиш. Это должно занять меня до конца февраля.

4 марта 1949: Роберт Э. Хайнлайн — Лертону Блассингэйму

На самом деле Вам нет нужды читать это письмо вообще. Оно не сообщит Вам ничего важного, в нём нет ничего, что требовало бы от Вас каких-либо действий, и оно, вероятно, даже не развлечёт Вас. Я, возможно, вообще его не отправлю.

У меня множество поводов, чтобы пожаловаться, особенно на мисс Далглиш; если бы Билл Корсон *[друг, который жил в Лос-Анджелесе]* был здесь, то я жаловался бы ему. Но его здесь нет, и я использую в своих интересах Ваш добрый характер. Я думаю о Вас как о друге, которого я знаю достаточно хорошо, чтобы попросить выслушать мои проблемы.

Если бы мисс Д. сказала, что «Красная планета» скучна, то я бы просто ушёл и не возвращался. Мы — клоуны, мы либо смешим аудиторию, либо нет; если сумели кого-то развлечь, мы — успешны; если нет, мы — неудачники. Если бы она сказала «Книга интересна, но я хотела бы определённых изменений. Вырежьте откладывание яиц и исчезновения. Измените описание Старых Марсиан» — я бы сдержался и работал бы по принципу Клиент Всегда Прав.

Ничего подобного она не сделала. Вместо этого

она сказала «Книга захватывает, но по причинам, которые я не могу или не хочу объяснять, я не хочу её издавать».

Я считаю эту ситуацию весьма отличной от случая с издателем в Филадельфии, который подстрекал меня написать «Ракетный корабль Галилей»[43]. Мы с ним тогда разошлись по-дружески; он хотел получить очень конкретного вида книгу, которую я не захотел писать. Но, с моей точки зрения, мисс Далглиш заказывала именно эту конкретную книгу, а именно у неё имелся действующий договор на одну книгу в год от меня, она получила очень подробный план, который одобрила, и она получила книгу, написанную по этому плану, написанную в моём обычном стиле. На мой взгляд, заказ выполнен, и я знаю, что при аналогичных обстоятельствах другим авторам выплачивали их аванс. Я считаю, что «Scribner» должны нам, по справедливости, 500 $, даже если они возвращают рукопись. При аналогичных обстоятельствах клиенты не могут бесплатно отнимать время у доктора, адвоката или архитектора. Если Вы вызвали архитектора, обсудили с ним проект дома, он разрабатывает

---

[43] Примечания: 43
Речь идёт об издательстве «Westminster Press».

поэтажный план и занимается архитектурной обработкой, а затем Вы решаете больше не иметь с ним дела — он тут же вернётся назад в свой офис и выпишет Вам счёт за оказанные профессиональные услуги, независимо от того, подписали Вы с ним контракт или нет.

Тут у меня та же самая ситуация, с той разницей, что мисс Далглиш позволила мне продолжать и завершить, так сказать, «строительство дома».

Я думаю, что я знаю, почему она отвергла книгу — я специально употребил слово «отвергла», потому что надеюсь, что Вы с ней сейчас не разрабатываете какую-нибудь схему исправлений. Я уверен, что она не примет эту книгу, что бы я с ней ни сделал.

Я думаю, что она отвергла книгу исходя из неких смутных критериев литературного снобизма — этот материал не «скрибнеровского сорта»!! Я думаю, что эта мысль выпирает из каждой строчки её письма. Я знаю, что подобное отношение она выказывала на всём протяжении нашего сотрудничества. Она часто говорила о «дешёвых» книгах и «дешёвых» журналах. Но слово «дешёвый», употреблённое по отношению к тексту, это не оценка качества, это всего лишь насмешка, обычное презрение сноба.

Она попросила, чтобы я предложил художника для «Ракетного корабля Галилей», и я предложил Хьюберта Роджерса. Она изучила вопрос, затем написала мне, что имя м-ра Роджерса «было слишком близко связано с довольно дешёвым журналом» — имея в виду «Astounding S-F» Джона Кэмпбелла. Чтобы доказать свою точку зрения, она прислала мне вырванные из журнала листы. Случилось так, что история, которую она выбрала, чтобы послать мне, оказалась одним из моих рассказов, вышедших под именем «Энсон МакДональд», «По собственным следам» — он в то время был перепечатан в «Best in Science Fiction» издательством «Crown».

Я похихикал и ничего не ответил. Раз она не сумела узнать мой стиль и была впечатлена исключительно тем фактом, что материал был напечатан на газетной бумаге[44], я счёл неуместным просвещать её. Я задался вопросом, знала ли она, что я приобрёл свою репутацию в том же самом «дешёвом» журнале, и пришёл к выводу, что она, вероятно, не знала и, возможно, не пожелала

[44] Примечания: 44

газетная бумага — в оригинале «pulpwood» — слово, давшее название определённой категории массовых журналов (pulp) и литературному направлению палп фикшн (pulp fiction), оно же «криминальное чтиво».

бы издавать мои вещи, если бы знала об этом.

Роджерс — великолепный художник. Он иллюстрировал книги Джона Бьюкена[45]. Я счастлив, что одна из его картин висит в моём доме. Вместо него она привлекла кого-то другого. Взгляните на экземпляр «Галилея» в вашем офисе — Вы никогда не спутаете это с прекрасной работой, проделанной *[Клиффордом Н.]* Гери для «Космического кадета». Человек, которого она выбрала, — вполне адекватный чертёжник, но у него не хватает способностей, чтобы создавать в иллюстрациях композиции, удовлетворительные с художественной точки зрения. Однако он раньше уже работал для «Scribner», он был «респектабельным».

Я думаю, что знаю, что её гложет по поводу «Красной планеты». С её стороны нет каких-либо возражений против фэнтези или сказок как таковых. Она очень гордится тем, что опубликовала «Ветер в ивах». И при этом она не возражает против моего обкатанного бульваристикой сти-

---

[45] Примечания: 45

John Buchan — он же Джон Бакен, Бекан, Бачан, Бучан, Бьючан, Бухан и т. п. чудеса транскрипции. «Центрполиграф» переименовало его в «Джордж», а в русской «Вики» у него и у его родителей разные фамилии. Я думаю, он всё же Бьюкен, барон Твидсмур, губернатор Канады, британский политик, издатель и писатель. Известен экранизацией романа «39 ступеней». Следов его американских изданий с оформлением Хьюберта Роджерса найти не удалось.

ля; она приняла его в двух предыдущих книгах. Нет, причина вот в чём: она крепко вбила себе в голову концепцию того, какой должна быть книга «научной фантастики», хотя она не сможет её сформулировать, и её представления туманны — она не имеет ни технического образования, ни знакомства с корпусом литературы из этой сферы, чтобы иметь чётко определённые критерии. Но тем не менее концепция есть, и она звучит примерно так: «Наука имеет дело с машинами, механизмами и лабораториями. Научная фантастика состоит из рассказов о замечательных машинах будущего, которые зашагают по вселенной, как у Жюля Верна».

Её определение в известной степени верно, но оно не в состоянии охватить большую часть предметной области и включает только ту её часть, которая была сильно выработана и теперь содержит лишь низкосортную руду. Спекулятивная фантастика (я предпочитаю этот термин вместо «научной фантастики»)[46] интересуется ещё и социологией, психологией, эзотерическими аспектами биологии, воздействием земной

[46] Примечания: 46

А я предпочёл бы перевод «спекулятивная беллетристика», но в русском языке застолбился именно такой вариант перевода: «спекулятивная фантастика», подчёркивающий принадлежность к гетто.

культуры на другие культуры, с которыми мы можем столкнуться, когда покорим космос, и т. д., список можно продолжать бесконечно. Однако спекулятивная фантастика — это не фэнтези, поскольку она исключает использование чего-то, что противоречит установленным научным фактам, законам природы, называйте как угодно, т. е. это «что-то» должно *[быть]* возможным во вселенной, насколько мы её знаем. Таким образом, «Ветер в ивах» — фэнтези, но намного более невероятные феерии доктора Олафа Стэплдона — спекулятивная фантастика — научная фантастика.

Я выдал мисс Далглиш историю, которая была строго научной фантастикой по всем принятым стандартам, но она не вписывалась в узкую нишу, которую она обозначила этим термином, и это испугало её — она испугалась, что какой-то другой человек, критик, библиотекарь или кто бы то ни было, литературный сноб, такой же, как она сама — решит, что она издала что-то из разряда комиксов. Она недостаточно сведуща в науках, чтобы различить Марс, каким его изобразил я, и ту замечательную планету, на которой кишат Флэши Гордоны. Она не смогла бы защититься от подобных обвинений, если бы их выдвинули.

Как образец научной фантастики, «Красная планета» — намного более сложная и намного более тщательно проработанная вещь, чем любая из двух предыдущих книг. В тех книгах было немножко откровенно школьной астрономии, на уровне неполной средней школы, и некое сфальсифицированное машиностроение, которое выглядело убедительно лишь потому, что я — инженер-механик и умею сыпать терминами. В этой книге, напротив, имеется обширная база знаний, тщательно подобранная из дюжины различных наук, более сложных и серьёзных, чем описательная астрономия или теория реактивных двигателей. Возьмём только один небольшой эпизод, в котором пустынная капуста перестала сжиматься вокруг ребят, когда Джим включил свет. Гелиотропное растение поведёт себя именно так — но я готов держать пари, что она не разбирается в гелиотропизме[47]. Я не пытался разжевать читателям механику гелиотропизма или причины её развития на Марсе, потому что она сильно настаивала, чтобы текст получился «не слишком техническим».

Прежде чем вставить в текст этот эпизод, я

[47] Примечания: 47

Гелиотропизм — способность растений принимать определённое положение под влиянием солнечного света.

вычислил площадь поверхности, покрытой хлорофиллом, необходимую для того, чтобы мальчики пережили ночь в самой сердцевине растения, и подсчитал, сколько лучистой энергии для этого потребуется. Но я готов держать пари, что она сочла тот эпизод «фантазией».

Я готов держать пари, что даже если она вообще когда-либо слышала о гелиотропизме, она представляет его себе как «растение тянется к свету». Здесь совершенно иной случай, здесь — растение, распространяющееся для получения света, различие на девяносто градусов в механизме и идее, которая легла в основу эпизода.

Между нами говоря, есть одна ошибка, преднамеренно внесённая в книгу, — слишком низкая температура кристаллизации воды. Мне она была нужна по драматическим причинам. Я хорошо запрятал этот факт в тексте от любого, кроме обученного физика, ищущего несоответствия, и держу пари на десять баксов, что она никогда этого не углядит!...У неё нет знаний, чтобы это обнаружить.

Довольно об этом! Эта книга — лучший экземпляр научной фантастики, чем предыдущие две, но она этого никогда не узнает, и бесполезно пытаться ей говорить. Лертон, я сыт по горло по-

пыткой работать на неё. Она продолжает совать свой нос в вещи, которые не понимает и которые являются моим бизнесом, а не её. Я устал кормить её с ложечки, я устал от попыток обучать её дипломатично. С моей точки зрения, она должна судить мою работу вот по этим правилам, и только по ним:

(a) это может развлечь и удержать внимание ребят?

(b) этот текст грамматически столь же грамотен, как мой предыдущий материал?

(c) можно ли давать в руки несовершеннолетним книгу, в которой автор и его главные герои — но не злодеи! — проявляют подобные моральные установки?

Фактически первый критерий — единственный, о котором она должна беспокоиться; двум другим пунктам я следую неукоснительно — и она это знает. Ей не надо пытаться судить, где наука, а где фэнтези, это не в её компетенции. Даже если бы так и было и даже если бы мой материал был фэнтези, разве это может быть каким-то критерием? Неужели она изъяла бы «Ветер в ивах» из продажи? Если она полагает, что «Красная планета» — сказка или фэнтези, но при этом увлекательное (по её собственным словам) чтение,

пусть повесит на неё такой ярлык и продаёт как фэнтези. Мне наплевать. Она должна беспокоиться только о том, чтобы детям это нравилось. На самом деле, я не считаю её сколько-нибудь пригодной для отбора книг, удовлетворяющих вкусам мальчиков. Я должен был сражаться как лев, чтобы не дать ей распотрошить мои первые две книги; то, что мальчикам они действительно понравились, — заслуга моего вкуса, а не её. Я читал несколько книг, которые она написала для девочек — Вы их видели? Они же невыносимо нудные, тоска смертная. Возможно, девочкам такие вещи ещё подходят, мальчикам нет.

Я надеюсь, что на этом мы с нею закончили. Я предпочитаю смириться с потерями, по крайней мере, пока, чтобы отыграться в дальнейшем.

И мне не нравятся её грязные мысли по поводу Виллиса. Виллис — один из самых близких моих воображаемых друзей, я любил эту маленькую дворняжку, и её поднятые брови приводят меня в бешенство. *[Виллис — молодой марсианин, которого герой считает своим домашним животным. Именно Виллис часто помогает ему выпутаться из неприятностей.]*

15 марта 1949: Роберт Э. Хайнлайн — Лертону Блассингэйму

Сначала Ваше письмо: единственная часть, которую стоит прокомментировать, это замечание мисс Д. о том, что стоило бы попросить хорошего фрейдиста проинтерпретировать дела Виллиса. Нет никакого смысла на это отвечать, но можно я немного поворчу? «Хороший фрейдист» найдёт сексуальные коннотации в чём угодно, это — основа его теории. В свою очередь я утверждаю, что без помощи «хороших фрейдистов» мальчики не увидят в сцене ничего, кроме изрядной доли юмора. В «Космическом кадете» «хороший фрейдист» нашёл бы в ракетах, «устремлённых в небо», определённые фаллические символы. Возможно, он был бы прав, пути подсознательного неясны и их нелегко читать. Но я всё равно отмечу, что мальчики — не психоаналитики. Ни один человек с нормальной, здоровой сексуальной ориентацией не увидит ничего такого в этой сцене. Думаю, моя жена, Джинни, лучше всего резюмировала это, сказав: «У неё извращённый ум!»

Кто-то из участников этого спора действительно нуждается в психоаналитике — и это не Вы, не я и не Виллис.

18 марта 1949: Лертон Блассингэйм — Роберту Э. Хайнлайну

Книга должна быть изменена, чтобы она мог-

ла попасть в рекомендованный библиотечный список[48]. В сфере книг для несовершеннолетних есть определённые цензурные ограничения. По книгам, которые будут закупаться библиотеками, издатели должны дать письменные показания под присягой, подтверждая, что в них нет ничего, что могло бы оскорбить или сбить с пути истинного юнцов или их родителей. Далглиш посылает список правок, необходимых в «Красной планете». Как только эти правки, рекомендованные детскими библиотекарями, будут сделаны, «Scribner» возьмёт книгу. «Scribner» — уважаемый дом и прекрасный клиент для РЭХ.

ПРИМЕЧАНИЕ РЕДАКТОРА: Примерно в это же время Роберт искал идею для рассказа «Бездна», который он обещал Джону В. Кэмпбеллу-мл. для специального выпуска «Astounding» в ноябре 1949-го. Мы решали эту задачу методом, известным сегодня как «мозговой штурм». Я высказывала идеи, а Роберт разбирал их на части.

Название «Бездна» было помехой. В конце кон-

[48] Примечания: 48

По воспоминаниям самого Лертона Блассингэйма, существенная доля тиражей выкупалась библиотечной системой США, попадание в рекомендованный список литературы гарантировало рентабельность выпуска книги. У Лертона наверняка были свои крючки в этой системе, но в комитетах всегда хватало разных Нервных Нелли, вкусам и фобиям которых авторам приходилось угождать.

цов я предложила, что, может быть, сделать что-то вроде истории о Маугли — человеческом младенце, воспитанном расой чужаков, которого держали его вдали от людей, пока он не достиг зрелости. «Слишком большая идея для рассказа», — сказал Роберт, но сделал себе пометку.

Далее мозговой штурм привёл к идее, Роберт хотел дать в «Бездне» историю о супермене. Что супермены делают лучше, чем их сверстники? «Они лучше думают», — ответила я. Тогда была сделана другая пометка.

Затем Роберт скрылся в своём кабинете и изложил на восемнадцати страницах, через интервал[49], идеи, которые пришли к нему в голову по предложенной теме Маугли. Он трудился над этими страницами всю ночь и вышел со стопкой бумаг под названием «Человек с Марса» [«Чужак в стране чужой»].

«Человек с Марса» был тогда отложен, написана «Бездна», чтобы успеть к сроку, назначенному ДВК[50], потому что рассказ нужно было отослать в Нью-Йорк до нашего отъезда в Голливуд.

---

[49] Примечания: 49

через интервал — имеется в виду расстояние между строчками в машинописных работах. Чистовики печатались через двойной интервал

[50] Примечания: 50

ДВК — Джон Вуд Кэмпбелл-младший.

Мы планировали поехать в Калифорнию в конце мая и в то время понятия не имели, когда вернёмся в Колорадо.

24 марта 1949: Роберт Э. Хайнлайн — Лертону Блассингэйму

Я согласен на любые исправления *[в «Красной планете»].* Давайте двигаться вперёд с контрактом. Пожалуйста, попросите, чтобы она прислала мне оригинал рукописи. Пожалуйста, попросите, чтобы она сделала свои инструкции по исправлениям как можно более подробными и настолько определёнными, насколько это возможно. Она должна принять во внимание, что эти исправления делаются, чтобы удовлетворить её вкусам и её специальным знаниям требований рынка, поэтому мои вкусы и моё ограниченное знание не могут служить мне путеводителем в отработке исправлений, иначе я сразу бы представил рукопись, которая её удовлетворила.

* * *

С изумлением отмечаю, что она больше не говорит о книге «качество сказочки», «не наш вид научной фантастики», «неконтролируемое воображение», «странные формы марсиан» и т. д. Единственный вопрос, который её по-прежнему

беспокоит, — о Виллисе и (простите мой румянец!) такой вещи, как с-кс. О'кей, выходит, с-кс был, вероятно, ошибкой со стороны Всемогущего, который первым изобрёл с-кс.

Я полностью капитулирую. Я буду выхолащивать проклятую вещь любыми способами, как она пожелает. Но я надеюсь, что Вы продолжите теребить её, чтобы она всё же не уходила от конкретики и отслеживала изменения сюжета, когда она требует удалить какой-нибудь специфический фактор. Не то чтобы мне было трудно, Лертон, но некоторые из вещей, против которых она возражает, играют существенную роль в сюжете… если она уберёт их, история перестанет существовать. Убрать детали, касающиеся Виллиса, против которых она возражает, — намного более простая задача. Это всё закулисные штучки, и они не влияют на сюжетную линию до последней главы[51].

Если она вынудит меня к этому, то я удалю то, против чего она возражает, а затем позволю ей взглянуть на оставшийся труп, тогда, возможно, она пересмотрит своё мнение, что это «…не затра-

[51] Примечания: 51

На мой взгляд, лишение Виллиса пола сильно изменило сюжет и выхолостило смысл некоторых эпизодов. Но Хайнлайн сумел отыграться, полностью повторив интригу в «Звёздном звере».

гивает главное тело истории…» (прямая цитата).

Я принимаю Ваши замечания об уважении, которого заслуживает марка «Scribner» и которое должно распространяться и на неё в том числе, и тот факт, что она жёстко ограничена требованиями рынка, зажатого в тисках цензуры. Я по-прежнему не считаю её хорошим редактором, она не умеет читать синопсис или рукопись с творческим воображением.

Я ожидаю, что это будет моим последним предприятием в этой области, овчинка не стоит выделки.

18 апреля 1949: Роберт Э. Хайнлайн — Лертону Блассингэйму

Переработанная версия «Красной планеты» будет в Ваших руках к концу месяца, и Вы можете сказать об этом мисс Далглиш. Я выполняю все её инструкции и предложения.

19 апреля 1949: Роберт Э. Хайнлайн — Алисе Далглиш

Рукопись «Красной планеты» возвращается, через м-ра Блассингэйма. Вы найдёте, что я тщательно следовал всем Вашим указаниям, из Вашего письма, из Ваших записок и из Ваших примечаний на рукописи, независимо от того, согласен я с ними или нет. Я сделал искреннюю

попытку внести изменения гладко и приемлемо, чтобы история оставалась цельной. Я не удовлетворён результатом, но Вы вольны сделать любые дополнительные правки, какие пожелаете, везде, где Вы видите возможность достижения Ваших целей более гладко, чем я был в состоянии сделать.

Большинство правок было сделано путём вырезания того, против чего Вы возражали, или незначительными включениями и изменениями в диалогах. Однако, по вопросу оружия, я написал пояснение, в котором вопрос лицензирования оружия рассмотрен достаточно подробно и убедительно, чтобы удовлетворить Вас, я полагаю.

Цель этого письма — обсуждение, но ни в коем смысле не попытка заставить Вас передумать и изменить какое-либо ваше решение относительно книги. Я просто хочу высказать мою точку зрения по одному вопросу и исправить некоторые моменты.

Несколько раз Вы утверждали, что эта книга отличается от моих более ранних книг, а именно, в том, что касается разговорного языка, используемого персонажами, огнестрельного оружия и агрессивности со стороны мальчиков. Я только что пересмотрел опубликованные варианты

«Ракетного корабля Галилея» и «Космического кадета» — и я не нахожу ни одно из этих утверждений обоснованным. В обеих книгах у меня свободно пользуются такими выражениями, как «ага», «не-а», «ха», «подонок»[52] и подобной неряшливой речью. В обеих книгах ребята склонны к проявлению агрессии в типичных для подростков мужского пола формах. См. страницы 8, 23, 42, 107, 200 и 241 из «Космического кадета» и всего «Ракетного корабля Галилей» от страницы 160 до конца — не говоря уже о парочке незначительных ссор ранее. Что касается оружия, то «Космический стажёр» не идёт ни в какое сравнение с другими двумя книгами, поскольку все его персонажи — члены военной организации, кого ни возьми, при этом «Ракетный корабль Галилей» сопоставим с «Красной планетой». В первой главе «Ракетного корабля Галилей» они обращаются с опасными взрывчатыми веществами. От страницы 62 до конца они всё время хорошо вооружены

[52] Примечания: 52

«ага», «не-а», «ха», «подонок» — в оригинале *«Yeah», «Nope», «Huh», «Stinker»*. К слову сказать, выборочная проверка на слово «stinker» в «Галилее» и сравнение оригинала с русскими переводами показали, что слово используется в тексте всего два раза. Одно переведено как «подонок», а второе, употреблённое в буквальном смысле, в переводе опущено. Зато в «Кадете» «стинкеры» так и кишат, правда, в качестве клички одного из персонажей, но есть и один случай употребления «мерзавцев».

— без какого-либо упоминания о лицензиях на оружие. На страницах 165–166 Арт и Росс каждый убивает человека, несколькими страницами спустя Морри убивает около восьмидесяти человек. Диалог на странице 167 ясно даёт понять, что они уже давно пользуются оружием. Я привёл эти моменты, чтобы прояснить фактическую сторону дела; я не люблю, когда меня обвиняют в том, чего я не делал.

Теперь, что касается спорных вопросов — у нас с Вами диаметрально противоположные мнения о том, как правильно решать проблемы смертоносного оружия в обществе. По-видимому, мы не слишком расходимся во взглядах по таким важным вопросам, как законные пути использования смертоносного оружия, но мы категорически расходимся в вопросе социально приемлемого регулирования относительно смертоносного оружия. Я сначала процитирую два пункта, которые чётко иллюстрируют наши разногласия. Один из моих персонажей говорит, что право на ношение оружия — основа всей человеческой свободы. Я твёрдо в это верю, но Вы потребовали, чтобы я это вычеркнул. Второй проблемный пункт — лицензирование оружия. В моей истории присутствует такое лицензирова-

ние, но один персонаж категорически возражает против него как одной из форм бюрократического вмешательства, губительного для свободы — и нет никого, кто защищал бы эту систему. Вы потребовали, чтобы я удалил протест, затем превратил лицензирование в сложный ритуал, включающий кодексы, присяги и т. п. — т. е. полностью поменял позицию. Я приложил большие усилия, чтобы удалить из книги мою точку зрения и убедительно вписать в неё Вашу, т. е. исходя из экономических потребностей, написал что-то, во что я не верю. Мне не нравится, когда меня вынуждают так поступать.

Позвольте мне сказать, что Ваша точка зрения по этому вопросу весьма ортодоксальна, и Вы найдёте, что многие с Вами согласятся. Но есть иная, более древняя ортодоксальность, которая запечатлена в истории этой страны и которой придерживаюсь я. У меня нет никакого намерения Вас переубеждать, и я никак не ожидаю, что Вы передумаете, но я действительно хочу, чтобы Вы знали, что есть другая точка зрения, которая поддержана очень многими уважаемыми людьми, и что у неё древние корни. Я подытожу вышесказанное, заявив, что я возражаю против любых попыток лицензировать или запретить

владение оружием частных лиц, наподобие Акта Салливана штата Нью-Йорк. Я считаю такие законы нарушением гражданской свободы, они губительны для политических институтов демократии и обречены на провал по своей сути. Вы можете увидеть, что Американская стрелковая ассоциация[53] имеет ту же самую политику и имела *[её]* на протяжении многих лет.

Франция имела законы Салливановского типа. Когда пришли нацисты, оккупантам оставалось лишь просмотреть регистрационные списки в местной жандармерии, чтобы изъять всё оружие в округах. Не важно, находятся у власти оккупанты или просто местные тираны, вследствие таких законов человек полностью попадает во власть государства, неспособный к сопротивлению. В сюжете «Красной планеты» лицензирование, на котором Вы настаиваете, с чрезвычайной лёгкостью сделает революцию колонистов не просто неудачной, но в принципе невозможной.

Теперь о том, почему подобные законы обречены на провал. Общепризнанная цель таких

---

[53] Примечания: 53

American Rifle Association — имеется в виду Национальная стрелковая ассоциация Америки, National Rifle Association of America (NRA). Некоммерческая организация. Образована в 1871 году, насчитывает около 5 млн членов. Выпускает журналы, занимается пропагандой оружия, лоббированием законов, лицензированием, обучением и т. п.

законов, как Акт Салливана, состоит в том, чтобы не дать оружие в руки потенциальным преступникам. Вы, разумеется, в курсе, что закон Салливана и другие сходные акты никогда не достигали ничего подобного? Разве гангстеризм не властвовал в Нью-Йорке, в то время как этот акт уже был в силе? Разве компания «Murder, Inc»[54] не процветала под сенью этого акта? Для преступников такие правила никогда не были существенным препятствием, единственный их результат — разоружить мирного гражданина и полностью отдать его во власть беззакония. Такие правила выглядят очень красиво на бумаге; на практике они столь же глупы и бесполезны, как попытки мышей повесить на кота колокольчик.

Вот мой тезис: лицензирование оружия является губительным для свободы и бессмысленным с точки зрения декларируемых благих целей. Я могу разработать аргументы, предложенные выше, в большем объёме, однако моё намерение состоит не в том, чтобы убедить, но в том, чтобы просто показать, что есть другая точка зрения. К

[54] Примечания: 54

Murder, Inc. — «Корпорация убийств», нью-йоркская организация киллеров, созданная мафией. В 1920–1940-х совершила сотни заказных убийств. Большая часть убийств до сих пор не раскрыта, точное их число неизвестно.

тому же я понимаю, что, даже если у меня есть какие-то шансы переубедить Вас, никуда не денется тот факт, что Вы должны продать книгу библиотекарям и школьным учителям, которые верят обратному.

Я не дилетант и имел опыт обращения с оружием. Я тренировался в стрельбе из винтовки и пистолета и провёл миллионы стрельб из всех видов оружия, от пистолета до орудийной башни. Я знаю, что оружие несёт опасность, но я не согласен, что её можно устранить или хотя бы ослабить с помощью принудительного законодательства — и я думаю, что мой опыт[55] даёт мне право на моё мнение, по крайней мере, в той же степени, в какой школьные учителя и библиотекари имеют право на своё.

* * *

В ответ на Ваш запрос с сожалением сообщаю, что в ближайшее время вряд ли смогу приехать

---

[55] Примечания: 55

В школе Бобби был активным членом Клуба Винтовки, а в 14 лет уже вовсю палил из «Томми» под руководством будущего инструктора ФБР, своего брата Ларри. В 1924 году он месяц провёл на сборах Национальной гвардии в форте Ливенворт (для чего солгал о своём возрасте). Он млел на запусках трофейных «Фау-2» на полигоне Белые Пески. Его всегда тянуло к оружию — ко всему, что стреляет и бабахает. А его «ремингтон» всегда был вычищен, смазан и готов к употреблению.

на восток. Если мисс Фоулер[56] проделает этот путь, то мы будем очень рады её видеть и будем рады показать ей разные местные достопримечательности, если она пожелает.

9 мая 1949: Роберт Э. Хайнлайн — Лертону Блассингэйму

…что касается имени автора на рукописи «Красной планеты», нет, я не настаиваю; я всегда прислушивался к Вашим советам, и потеряю сон и покой, прежде чем пойду вразрез с Вашими рекомендациями. Но я чувствую себя довольно несговорчивым по этому пункту. Мне очень не хочется просто сидеть и смотреть, как под моим собственным именем выходит нечто, включающее в себя суждения, в которые я не верю, и даже не попытаться разделить за это ответственность с мисс Далглиш. В вопросах стиля, сюжета и последствий для моей литературной репутации (если таковая вообще имеется) я не непреклонен, даже при том, что меня совсем не радуют исправления — если Вы скажете замолчать и забыть это, то я замолчу. Но этот «Акт Салливана в марсианской колонии» — нюанс, который мне трудно проглотить; с моей точки зрения, это

---

[56] Примечания: 56
Fowler — Вирджиния Фоулер, ассистентка Алисы Далглиш.

будет публичная поддержка доктрины, которую я считаю губительной для прав человека и политических свобод.

ПРИМЕЧАНИЕ РЕДАКТОРА: Встав перед необходимостью отредактировать «Красную планету», чтобы она удовлетворяла требованиям библиотекарей (которые в те времена были главным образом пожилые леди), Роберт всерьёз выдвинул предложение, чтобы имя мисс Далглиш было добавлено к имени автора на обложку. Это предложение, возможно, было сделано по телефону — записей об этом не сохранилось.

Но буря пронеслась, и «Красная планета», с огнестрельным оружием или без, с бесполым Виллисом или нет, стала очень популярной. Это была одна из самых популярных книг Роберта для подростков.

17 мая 1949: Роберт Э. Хайнлайн — Лертону Блассингэйму

Мне придётся подумать о жалобе «Scribner» по поводу имени автора. Я не вижу, почему добавление имени Алисы Далглиш должно быть препятствием. Может, они хотят вернуть рукопись назад, чтобы я переделал её по-своему? Мне кажется, что если она настаивает на том, чтобы дистанционно руководить переделками

рукописи, то она должна быть готова к тому, что разделит ответственность за результаты.

С другой стороны, для меня совершенно очевидно, что Вы считаете, что история и теперь почти столь же хороша, как раньше. Мне очень жаль, но я так не думаю. Возможно, она хороша, но это не история Хайнлайна; она была денатурирована и лишена зубов. Мне не хочется идти против Вашего совета. Но я думаю, что эта вещь может повредить моей репутации, и я знаю, что теперь в ней заложены идеи, которые я категорически не одобряю. Что Вы обо всём этом думаете, Лертон? Выкладывайте всё как на духу.

ФЕРМЕР В НЕБЕ

8 сентября 1949: Роберт Э. Хайнлайн — Лертону Блассингэйму

Я на 150-й странице чернового наброска моей текущей истории *[«Фермер в небе»].* Хочу отправить её в «Boys' Life» и в подростковую серию. Должен закончить этот проект дней через десять. Вероятно, весь следующий месяц займёт переработка в удовлетворительные журнальную и книжную версии.

24 сентября 1949: Роберт Э. Хайнлайн — Лертону Блассингэйму

Работа над черновиком для «Boys' Life» и подросткового издания закончена, но с фильмом *[«Место назначения — Луна»]* каждый день новые проблемы, которые, по-видимому, будут продолжаться, пока не закончатся съёмки, т. е. примерно до конца ноября. Ещё меня ждёт столь же долгая, утомительная работа по сокращениям, чтобы сделать журнальный вариант книги в 20 000 слов. Я не знаю, когда я смогу отправить рукописи. Если хотите, можете сказать Крампу *[редактор «Boys' Life»]*, что вещь закончена, но возможно, пройдёт ещё месяц или недель шесть, прежде чем она будет готова. Моя ситуация тут очень неопределённа; мой контракт заканчивается на следующей неделе, фильм ещё не снят, а сам я не желаю продлевать контракт на существующих условиях.

Поглядим.

ПРИМЕЧАНИЕ РЕДАКТОРА: В 1948 году Роберт сделал сценарий для фильма «Место назначения — Луна» с Рипом Ван Ронкелем в Голливуде. Джордж Пал купил сценарий, и Роберт должен был выполнять техническое руководство на съёмках.

Последовали обычные задержки. Мы прибыли в Голливуд в начале июня 1949-го — съёмки долж-

ны были начаться вскоре после этого. Однако с переписываниями, подготовкой производства и всеми прочими вещами, которые происходят в Голливуде, съёмки фактически не начинались до октября или ноября.

В ожидании начала производства фильма Роберт написал «Фермера в небе».

20 ноября 1949: Роберт Э. Хайнлайн — Лертону Блассингэйму

…Я работаю по пятнадцать часов в день над книжной версией «Фермера в небе» — теперь с машинисткой, журнальный вариант для «Boys' Life» продвигается медленно, потому что на него совсем нет времени. Я урезал его до 40 000, но будет много утомительной работы прежде, чем смогу сократить до 20 000, и, вероятно, не смогу закончить его, пока не завершатся съёмки фильма. Я работаю семь дней в неделю и сплю по шесть часов в день, и больше уже никак не могу ускорить эту работу.

6 марта 1950: Лертон Блассингэйм — Роберту Э. Хайнлайну

«Boys' Life» притормозили с выпуском. «Scribner», очень довольны книгой.

24 апреля 1950: Роберт Э. Хайнлайн к Лертон Блассингэйм

Я рад слышать, что *[редактор «Boys' Life»]* Крамп берёт сериал *[изданный в «Boys' Life» как «Satellite Scout»]*, так как я нуждаюсь в каждом центе, который я могу наскрести для строительства *[дома]*. Тем не менее я отклонил бы его предложение в 750$, если бы я мог себе это позволить. Мне пришло в голову, что если раньше он на меня давил, то теперь я буду на него давить. Он наметил вещь для августовского выпуска; дата вёрстки должна стоять у него перед глазами, особенно потому, что он заказывает цветную живопись для обложки у *[Челси]* Бонстелла.

* * *

И, пожалуйста, не забудьте ему сказать, что я, конечно же, имею право решать, подходит ли мне его предложение — столько времени, сколько он решал, подходит ли ему история, которую он заказывал мне. И скажите ему, что я горд, скуп, упрям и что Вы сильно сомневаетесь, что сможете заставить меня принять пониженный тариф за слово, так как я, как известно, в прошлом предпочитал отказываться от продаж, но не снижать расценок.

Ни в коем случае не позволяйте покупателю уйти от Вас — но если Вы сумеете поймать его на

крючок и держать его там, мы сможем выжать ещё пару сотен долларов из этого камня. Мне всё равно, обозлится он или нет, это — моя лебединая песня с Крампом, продажи ему не окупают вложенных усилий и потраченных нервов.

Сами с ним не ссорьтесь, валите всё на меня.

Даже если Вы уже обналичили чек, я надеюсь, что Вы будете ему звонить и выкручивать ему руку ещё немного.

21 апреля 1951: Роберт Э. Хайнлайн — Лертону Блассингэйму

…трансформация «Фермера в небе» в «Спутникового бойскаута» *[версия «Boys' Life»]* вылилась в пять черновиков и отняла почти шесть недель… после чего меня оставили в подвешенном состоянии, в то время как *[Крамп]* решал, нравится ли ему мои сокращения.

МЕЖДУ ПЛАНЕТАМИ

18 января 1951: Роберт Э. Хайнлайн — Лертону Блассингэйму

У меня готовы 14 000 слов в новой книге для мальчиков *[«Между планетами»]*, и злодеи преуспевают. Первая часть всегда идёт медленно; я должен познакомиться с персонажами.

15 марта 1951: Роберт Э. Хайнлайн — Лер-

тону Блассингэйму

Я только что ответил на вечернее письмо от мисс Далглиш, запросившей резюме к «Между планетами» (ранее «Rolling Stones»). *[«Rolling Stones» было рабочим названием, позже использованным для другой книги.]* Она хочет законченную рукопись первого — я не могу этого сделать как минимум на неделю позже, но я пашу день и ночь.

17 марта 1951: Роберт Э. Хайнлайн — Лертону Блассингэйму

«Между планетами» катится хорошо; я ожидаю закончить её через неделю, начиная с сегодняшнего дня, или ещё быстрее. Однако необходимость напечатать чистовик задержит отправку минимум до первой недели апреля. Я сообщил мисс Далглиш.

1 апреля 1951: Роберт Э. Хайнлайн — Лертону Блассингэйму

Прилагаю две копии «Между планетами». Вместе с этой посылкой я отправил мисс Далглиш авиапочтой открытку, сообщив, что рукопись прибудет (или должна прибыть) в Нью-Йорк в то же самое время, когда она получит открытку. Так как они хотят увидеть её в самое ближайшее время, пожалуйста, пошлите оригинал ей сразу.

31 мая 1951: Лертон Блассингэйм — Роберту Э. Хайнлайну

Сообщение от «Blue Book»[57], они берут «Между планетами», платят 1000 $.

«Scribner» издаёт около 1 ноября, позволяя «Blue Book» запланировать историю для сентябрьского или октябрьского номера.

3 июня 1951: Роберт Э. Хайнлайн — Лертону Блассингэйму

Действительно хорошие новости о продаже «Между планетами» в «Blue Book». Пожалуйста, скажите Кенникотту *[Дональд Кенникотт, редактор «Blue Book», который не знал о научной фантастике ничего, кроме имени: Г. Дж. Уэллс],* что между «Войной миров» Уэллса и моей «Между планетами» нет абсолютно ничего общего, пусть прочитает книгу Уэллса, это глупость какая-то. Неуклюжики должны внешне напоминать мифологических фавнов или сатиров, «людей-козлов», но следует избегать слишком близкого сходства, то есть земной мускулатуры, артикуляции и сходства физиономий, как с козлами, так и с людьми.

---

[57] Примечания: 57

Blue Book — журнал бульварной беллетристики, выходил с 1905 по 1975 год. В нём печатались Уильям Хоуп Ходжсон, Эдгар Райс Берроуз, Агата Кристи и др. «Blue Book» в рейтинговом списке Хайнлайна (расценки+скорость поступления оплаты) находился чуть пониже «Astounding».

Faunus Veneris — двуногий, рогатый, меньше человека, но его внешность только похожа на изображения фавна из греческой мифологии. На самом деле он не связан ни с какой земной формой жизни, так что у художника достаточно простора для воображения.

28 июня 1951: Лертон Блассингэйм — Роберту Э. Хайнлайну (телеграмма)

Корректура «Scribner» отправлена авиапочтой срочной курьерской доставкой[58].

БЕСПОКОЙНЫЕ СТОУНЫ

1 декабря 1951: Роберт Э. Хайнлайн — Лертону Блассингэйму

Роман для мальчиков «Беспокойные Стоуны» готов примерно на четверть, отличный черновик, но дальше сюжетная линия никуда не годится. Проблема в том, что на сей раз я пытаюсь сделать бытовую комедию, на этот раз никаких революций и крови — и я нахожу, что комедию писать труднее. О, я очень просто могу поддерживать диалог, состоящий из острот, но персонажи

---

[58] Примечания: 58

Корректура — в докомпьютерную эпоху пробный оттиск сделанного в типографии набора, выполнялся для последних исправлений перед печатью тиража.

при этом должны что-то делать, что-то важное. Исключив из сюжета космические войны и интриги, я теперь вижу в этом проблему. История сосредоточена вокруг мальчиков-близнецов и их эксцентричной семьи. Семья отправляется на астероиды в семейном космическом корабле, попадает в различного рода неприятности и выпутывается из них.

5 января 1952: Роберт Э. Хайнлайн — Лертону Блассингэйму

Новый роман для мальчиков, «Беспокойные Стоуны», катится вперёд. Я усердно работаю семь дней в неделю.

15 января 1952: Роберт Э. Хайнлайн — Лертону Блассингэйму

Я получил известие от мисс Далглиш о «Беспокойных Стоунах», она в восторге.

8 марта 1952: Роберт Э. Хайнлайн — Лертону Блассингэйму

С сожалением сообщаю, что у меня снова «сексуальная» проблема с мисс Далглиш — она решила (со своих олимпийских высот фрейдиста-любителя), что «Беспокойные Стоуны» содержат некоторые по-настоящему вредоносные коннотации. Её письмо было довольно неприятным, и я был им весьма оскорблён. На сей раз я не при-

зываю Вас на фронт сражаться за меня, я сам ей ответил. Так как все деловые вопросы закрыты, это — сугубо вопрос между автором и редактором, а у Вас и так достаточно неприятностей, чтобы влезать в это. И вообще — хватит, я больше не намерен допускать подобных вещей. «Беспокойные Стоуны» могут стать последним подростковым романом, который я сделал, а если я всё же сделаю ещё один, то мы предложим его, к примеру, *** — а не мисс Далглиш.

Я сознательно намеревался писать здоровые истории для мальчиков и совершенно не предполагал включать в них разные неоднозначные вещи, которые появляются в моих книгах для взрослых. Кроме того, госпожа Хайнлайн пробежалась по этой книге самым тщательным образом, пытаясь найти вещи, против которых мисс Далглиш могла бы возразить. Я отправил её только после того, как мы оба убедились, что она столь же чиста, как жена Цезаря. Я уверен, что Вы вернули бы её мне на доработку, если бы заметили в ней что-либо, что можно было бы истолковать грязным образом. И вот, книга ей понравилась, и она подписала на неё контракт — а теперь решила, что она непристойна! Анекдот о вермонтце, который держал корову в качестве

домашнего животного, «...так же, как Вы могли бы хорошую охотничью собаку...», по словам мисс Далглиш, наводил на мысли об «определённых сексуальных аномалиях». Ладно, только меня-то это не наводило ни на какие мысли, за исключением того, что моя жена сделала домашнее животное из соседской лошади, откуда эта история и возникла — и я абсолютно убеждён, что это не навело бы моих мальчиков и девочек ни на какие ужасные мысли. Но я согласился с этой правкой — потому что мы сошлись на том, что анекдот не грязен, но скучен.

Её следующее возражение звучало так: «Плоские коты кажутся мне немного чересчур фрейдистскими из-за своей привычки любовно пульсировать». Поскольку я преднамеренно полностью лишил их пола, вплоть до размножения партеногенезом, я нашёл, что это немного чересчур. Я всегда называл плоского кота «оно», а не «он» или «она», а единственному из них, получившему имя, дал имя без сексуальной коннотации. Я сделал все эти вещи, потому что знал, что она помешана на этом вопросе — но всё было бесполезно; она способна увидеть фаллическую символику даже в бобовом стебле Джека.

Ещё одно возражение, которое она сделала, не

имеет никакого отношения к сексу, но я считаю, оно хорошо иллюстрирует, как далеко от дома она способна забраться, чтобы найти проблему: она возразила против имени старателя «Старый Чарли», потому что имя м-ра Скрибнера — Чарльз! Сколько глупостей может влезть в одну голову?

Я не ожидаю, что Вы что-либо предпримете, но желал сообщить Вам, потому что до Вас могут долететь отзвуки этих бурь. Я сделал ей очень резкий выговор. Некоторые манеры поведения я не намерен спускать ни за какие деньги. Я ответил ей её же оружием (поэтому я не стал привлекать Вас к этому). Я взял одну из её книг для девочек и разобрал её точно так же, как она разбирала мои книги. Я столь же хорошо знаком с фрейдистской фальшивой «психологией», как и она. По тем критериям, которые она использует, её книга была порочна как ад — и я показал ей это, цитируя её пассажи. Если она будет коситься и кривиться на мои превосходные детские книжки, я могу сделать то же самое с её историям для девочек. Меня тошнит от любителей психоанализа! Этот впечатляющий шарлатан, доктор Фрейд, причинил столько зла, сколько не смогла бы наделать королева Виктория.

7 марта 1952: Роберт Э. Хайнлайн — Алисе

Далглиш

1. Если Вы собираетесь вносить изменения, я предпочитаю увидеть их до корректуры.

2. «Старый Чарли» — так уж вышло, что имя «Чарли» мне нравится больше, чем имя «Дэнни», но поднятая проблема кажется мне просто глупой. «Чарли» — совершенно обычное имя; в половине издаваемых в настоящее время романов есть хотя бы один персонаж по имени Чарльз. Неужели мы запретим весьма распространённые «Боб» и «Алиса», потому что по случайности я и Вы носим эти имена? Как бы то ни было, девять из десяти моих читателей вообще не узнают имени издателя, дети очень редко обращают внимание на выходные данные книги. Столь же разумно было бы объявить табу на «Гарри», «Джорджа» и на «Джо» из-за имён президента, покойного короля и русского диктатора.

3. Плоские коты и Фрейд — нет, я решительно не согласен ни на какие исправления любого вида ни в самих плоских котах, ни вокруг них. Меня сильно раздражает фраза «…немного чересчур фрейдистскими из-за своей привычки любовно пульсировать». Что значит «любовно»? Я слишком хорошо помню Вашу рекомендацию по поводу Виллиса из «Красной планеты» и что

я должен «проконсультироваться с хорошим фрейдистом» — и потому я самым тщательным образом лишил эти существа пола. Я везде использовал местоимение «оно» (если Вы найдёте «его» или «её», это моя ошибка вычитки корректуры), а из сюжета ясно, что первое животное и, как следствие, все остальные воспроизводятся партеногенезом. Вы возражаете против факта, что им нравится, когда их гладят? Боже правый! Но его же нельзя выкинуть, от него зависит вся последовательность событий, не трогайте его. И потом, я же объяснил с помощью теории симбиоза, почему они такие ласковые домашние животные.

Если Вы решили классифицировать реакцию людей на плоских кошек (стремление со стороны людей, особенно одиноких людей, получить домашнее животное, которое можно погладить и которое отвечает привязанностью)… если Вы классифицируете эту тенденцию (на которой крутится сюжет) как форму сексуальной сублимации, то я не собираюсь вступать в дискуссию. По определению, понятия «секс» и «либидо» могут распространяться на любое человеческое поведение — но я не соглашусь, что в таком вторичном (сексуальном?) поведении непременно

присутствует что-то нездоровое или тошнотворно-символическое.

Если я последую Вашим теориям, то должен буду отметить, что трактовка Расти в «Along Janet's Way»[59] была бы весьма показательна (для хорошего фрейдиста) и очень символична, как в плане вторичного сексуального поведения, так и в проявлениях фактической сублимации, и что это не та книга, которую можно было бы дать в руки маленькой девочке. Например, эта длинная ночная рубашка. С точки зрения хорошего фрейдиста, каждый автор (Вы и я в том числе) подсознательно использует символы, которые просто пропитались испарениями ядовитых сексуальных джунглей нашей молодости и наших прародителей. Что извлёк бы новоиспечённый аналитик из сцены с девочкой, молодым человеком и псом — и длинной ночной рубашкой? А что насчёт фаллической символики и фетишизма в диалоге, который сопровождал эту сцену? И всё это в книге, предназначенной для маленьких девочек?

---

[59] Примечания: 59

«Along Janet's Way» — Хайнлайн ошибся, на самом деле книга А. Далглиш называлась «Along Janet's Road» — полубиографическая повесть об английской девочке, переехавшей жить в Америку. Опубликована в «Scribner's» в 1946 году.

Если серьёзно, Алиса Далглиш, я не думаю, что Вы пишете грязные книги. Но ведь и я их не пишу — зачем же убирать моих плоских кошек? Ваши книги и Ваши персонажи столь же уязвимы, как и мои — для того сорта псевдонаучной критики, который Вы применили. Что ж, убирайте — и я вытащу этот аргумент.

О Фрейде: Послушайте, Фрейд не был учёным; он был всего лишь блестящим шарлатаном. Он не использовал научную методологию, и его теории в значительной степени необоснованны и в нынешнем свете выглядят весьма сомнительно. С практической точки зрения практикующие его «психоанализ» были особенно неудачны в лечении психических больных. Христианская Наука делала то же самое, если не лучше — и столь же обоснованно в части научных доказательств. Я допускаю, что фрейдистская доктрина имела ауру научной респектабельности для прошлого поколения, но аура была присвоена незаслуженно, и всё больше психиатров отворачивается от Фрейда. Я признаю, что, помимо прочего нанесённого ущерба, Фрейд и его захватывающие теории помогли сделать обывателей нашей трудновоспитуемой культуры чрезвычайно чувствительным к сексуальным символам,

реальным или мнимым, и что такое положение вещей писатель должен принимать во внимание. Но мы вовсе не должны чем-то жертвовать, чтобы пойти на уступки этой искусственной ситуации, хотя бы потому, что невозможно написать историю таким способом, что она не вызовет кривую ухмылку на лице «хорошего фрейдиста».

(Давайте посмотрим на другой аспект проблемы: следует ожидать, я полагаю, что читатели ваших изданий спустя какое-то время постепенно перейдут к изданиям «Scribner» для взрослых. Предположим, что мне удастся сохранить моих читателей запечатанными в целлофан, стерильно in vitro — и вот наступит день, когда они начнут читать другие книги «Scribner». Я упомяну некоторые: Хемингуэй — с его болезненным повторением темы кастрации… «From Here to Eternity»[60], которой не помешал бы словарь нецензурных слов, поясняющих её нецензурные эпизоды, «Europa» и «Europa Revisited», которые комбинируют коммунистическую пропаганду с порнографией самым любопытным способом. Я не критикую список взрослой литературы

[60] Примечания: 60

From Here to Eternity — дебютная книга Джеймса Джонса, удостоена Национальной книжной премии США, напечатана «Scribner's» в 1951 году.

«Scribner», моя мысль о том, что между этими списками есть некоторый нелепый перекос.)

АСТРОНАВТ ДЖОУНЗ

24 марта 1953: Лертон Блассингэйм — Роберту Э. Хайнлайну

[Scribner's] хочет несколько маленьких исправлений в романе *[«Астронавт Джоунз»]* и надеется, что Вы не откажетесь их сделать. Они только в первой и последней главах. *[Далглиш]* говорит, что отчим в первой главе похож на стандартного злодея из дешёвого ужастика, потому что он врывается к мальчику и хочет избить его в первую же ночь после женитьбы на его матери…

Что касается последней главы, то она думает, что некоторые из их читателей не смогут полностью понять всё, о чём Вы так бегло рассказываете в сцене, где герой возвращается на ферму. Сколько времени — земного времени — протекло? Кроме того, она хочет немного усилить тему штрафов или любым иным способом заставить героя понести наказание за тот факт, что он начинал как лжец. Здесь может помочь, если власть имущие оставят героя в должности астрографера (SIC)… за то, что у него есть моральный стержень, побудивший его признать свою ошибку и с тех

пор действовать во всех обстоятельствах как настоящий мужчина.

Они не серьёзны, и я надеюсь, что Вы не откажетесь их сделать.

25 марта 1953: Роберт Э. Хайнлайн — Лертону Блассингэйму

Теперь об изменениях, которые хочет мисс Далглиш: я думаю, что необходимо, чтобы *[она]* написала непосредственно мне и подробно объяснила, какие изменения она хочет и почему, и, в частности, что она хочет сделать для достижения этих изменений. Навскидку она, конечно, многого не просит, но исходя из того, что Вы мне передали, я не уверен, что правки являются необходимыми или желательными.

…Я не говорю, что не буду делать это исправление *[имеется в виду правка «отчима»]*, на самом деле я хочу сказать, что мне нужны чертовски убедительные аргументы… По-моему, эти изменения сильно ударят по драматургическому хронометражу истории. То, что я сейчас сделал на шести страницах, после предложенных правок расползётся на несколько глав, вместо быстрого вступления получится очень медленное, и, в частности (что я больше всего ненавижу), изменится характер кризиса, который происходит в

жизни мальчика. Вместо драматической ситуации, когда резко, в течение нескольких минут, у него из-под ног уходит почва, он окажется в положении, когда на него всё сильнее и сильнее будет давить неприятная ситуация.

* * *

Предложенные для концовки исправления будет не сложно сделать, последняя глава, как я и писал, разумеется, открыта для критики. Но (как обычно!) у меня есть замечание. Эта финальная глава коротка, потому что история на самом деле заканчивается чуть раньше, т. е. развитие персонажа уже завершилось.

ЗВЁЗДНЫЙ ЗВЕРЬ

27 августа 1953: Роберт Э. Хайнлайн — Лертону Блассингэйму

…новая книга для мальчиков *[«Звёздный зверь»]* пока идёт хорошо. Я добрался не дальше первой главы, но самое страшное уже позади. У меня была вполне прилично разработанная история с новым сочным внеземным персонажем, но, когда я обдумывал, можно ли написать и продать такую вещь, я понял, что не удовлетворён

сюжетной линией. Не хватало чего-то яркого, не хватало действия и конфликтов. Джинни придумала новый вариант начала истории, который, я верю, устранил эту проблему. Как бы то ни было, я это напишу.

21 декабря 1953: Лертон Блассингэйм — Роберту Э. Хайнлайну (Послано в Сидней, Австралия)

«Scribner» хочет другое название, потому что один «Lummox»[61] уже есть в продаже. Ну, или хотя бы подзаголовок. Надеюсь, это не помешает Вам бухать дальше.

11 марта 1954: Лертон Блассингэйм — Роберту Э. Хайнлайну (Послано в Гонолулу, Гавайи)

Была встреча со *[«Scribner's»]* по новой книге. Идея о том, что дети могут развестись с родителями, её ужасает. Это было бы плохо для продаж в клуб книголюбов. Но книга ей нравится, и это — всего лишь жалоба.

ПРИМЕЧАНИЕ РЕДАКТОРА: Блассингэйм разрешил правки (см. письмо от 8 октября 1954).

---

[61] Примечания: 61

Lummox — «Балда», оригинальное название книги было «Star Lummox» («Звёздный Балда»). Как всегда, Хайнлайн придумал двусмысленное название: это мог быть и Балбес-со-звёзд и Редкостный Балда. В первом случае речь об инопланетянине, во втором — о честном, но весьма недалёком главном герое.

8 октября 1954: Роберт Э. Хайнлайн — Блассингэйму Лертону

Как только я покончу с путевыми заметками *[«Tramp Royal»]*, я начну роман. Это должен быть мой ежегодный роман для мальчиков, но вместо этого я могу сделать его «взрослым» романом. Я нахожу, что вся эта ерунда, связанная с подростками, становится всё более и более утомительной. Последний инцидент — пляски вокруг «Звёздного зверя», которые отняли у меня слишком много времени. Это не касалось деловых вопросов, поэтому я Вас этим не беспокоил — но это оставило чрезвычайно неприятный привкус у меня во рту, и теперь у меня совершенно нет желания продолжать работать со «Scribner». У меня на них скопилось целое досье, но краткого резюме будет достаточно, чтобы показать мою точку зрения: м-р Лернед Т. Балман делал обзор книги для «Library Journal», он написал мисс Далглиш письмо, в котором заявил, что я «угробил» книгу, вставив в неё идею, что дети могут через суд «развестись» с неустраивающими их родителями и перейти под попечение опекунов. М-р Балман фактически потребовал, чтобы книгу изъяли из оборота и переделали, угрожая, что в противном случае он раскритикует её в «Library Journal».

(Человек, похоже, вообще не понимает, что процедура, упомянутая в моей книге, является юридически правомерной в нашей собственной социальной структуре, единственным новым элементом было назвать такое судебное действие «разводом».)

Вы помните, что у мисс Далглиш были сомнения по этому поводу, и она получила от Вас разрешение исправить его так, как она считала целесообразным во время моего отсутствия. Опубликованный вариант — тот, что она откорректировала. Но, вместо того, чтобы отвечать м-ру Балману и поддержать книгу, которую она сама редактировала и издавала, она уступила всем его требованиям и сунула их мне под нос — так, с её точки зрения, она меня «защитила».

Я признаю, что она — во многих отношениях хороший человек, что она является хорошим и весьма уважаемым редактором и что она умеет продавать книги в библиотеки. Я с готовностью признаю, что я мог бы чувствовать себя гораздо хуже с другим подростковым редактором. Что меня раздражает, так это то, что сегодня накручено вокруг детской литературы. Мои книги не способствуют росту преступности среди несовершеннолетних. И я считаю, что совершенно

неважно, делают ли это комиксы ужасов и криминальные телесериалы (возможно). Безусловно, преступность среди несовершеннолетних в некоторых публичных школах Нью-Йорка выглядит постыдно и угрожающе, но решать эту проблему, выискивая мелкие недостатки в подростковых коммерческих изданиях, мне кажется глупым и столь же неуместным, как попытки лечить рак тоником для волос.

И тем не менее эта ловля блох продолжается с нешуточным рвением. М-р Балман написал мне, что он не возражает против самой по себе идеи «развода» несчастных детей, но ему не нравится, что один из персонажей чересчур «легкомысленный». В этом вся суть их претензий: эти бдительные опекуны юной морали не хотят видеть живые характеры, они хотят ангелов во плоти, которые никогда не шалят и которые неизменно почтительны ко всем избитым лозунгам и табу наших современных, Освящённых Небесами племенных обычаев.

Конечно, я мог бы писать и такие книги, но дети не будут их читать.

Я чувствую, что я попал в тиски между по-настоящему трудной задачей сделать то, что будет

интереснее комиксов или телешоу, и совершенно невозможной задачей сделать это так, чтобы понравиться кучке брюзжащих старичков, чьи прихоти и предрассудки я не могу предвидеть. Я понимаю, что нет никакого способа избавиться от этих ничтожных арбитров морали и хорошего вкуса, но мне хотелось бы при этом ощущать поддержку моего редактора, утвердившего финальную версию книги. Я не чувствую этого в мисс Далглиш.

Во-первых, она, как мне кажется, зациклена на том, чтобы успокаивать этих придурков, причём по причинам прагматическим, а не моральным, то есть она не раз говорила мне, что делает это не для себя, что *[это было сделано]* из-за библиотекарей и учителей. Я всегда следовал её советам, хотя и весьма неохотно, потому что мне часто казалось, что требования цензуры были глупыми и примитивными, наподобие того, чтобы не называть ногу «членом», чтобы не шокировать любимую тётечку Мимми. Я знал, что эти исправления вообще ничего не значили в вопросе защиты нравственности детей — но я соглашался с нею в таких делах, потому что это было представлено как прагматическая экономически обусловленная необходимость.

Но когда её страсть к умиротворению дошла до того, что она, вместо того чтобы поддержать меня, начала дезавуировать меня и мои работы, я в самом деле страшно разозлился! Этот Балман написал ей, а не мне. Я думаю, что она должна была вежливо предложить ему пойти к чёрту — то есть сказать, что мы старались как могли, и если ему не понравился результат, то нам очень жаль, но мы не можем всегда и всем нравиться. Ещё, я думаю, она могла бы сказать ему, что дом «Scribner's», опубликовавший эту книгу, верит в неё и поддерживает. Я не ожидал от неё олимпийского равнодушия, когда началась борьба, и я ожидал, что она будет на моей стороне. Она — мой редактор, и эта атака последовала извне, направленная на наше совместное производство.

Вместо этого она, похоже, последовала политике «клиент всегда прав» — она тут же согласилась с критикой Балмана и утверждала (что абсолютно не соответствует фактам), что материал, против которого он возражал, остался в книге вопреки её протестам и по моему настоянию. После чего она «защитила» меня, мягко призвав к свободе выражения мнений.

Я пока ещё не знаю, буду ли я делать новые детские книги или нет. Если я решу сделать ещё одну,

я не уверен, что захочу предложить её «Scribner». Я гордился тем, что был автором «Scribner», но вся эта гордость ушла, когда я обнаружил, что они не гордятся мной.

У меня были предложения от других редакторов по поводу моих подростковых вещей, одно пришло всего две недели назад из солидного издательства. В прошлом я отвечал на эти попытки вежливым отказом. Быть может, теперь я смогу найти редактора, который занимает сильную позицию против подобной ерунды… быть может, таких редакторов в природе не существует. Мисс Далглиш говорила мне, что на самом деле она более либеральна, чем большинство других подростковых редакторов, и вполне возможно, что она говорит правду. Такая покорность убогому мышлению вполне может быть обычной практикой в этой сфере.

Я гордился этими подростковыми романами. Мне казалось стоящим достижением написать здоровые истории, которые могли бы конкурировать со злыми страстями комиксов. Но я действительно очень устал от необходимости вытирать ноги и поправлять галстук, прежде чем быть допущенным в дом теми, кто стоит между мной и моими юными читателями. Я склоняюсь

к тому, чтобы позволить м-ру Балману и иже с ним писать их собственные приключенческие истории для мальчиков, раз уж они так хорошо разбираются, как это надо делать — а мисс Далглиш пусть их редактирует.

Я пренебрегал текстами для взрослых, чтобы не пропускать ежегодные сроки выпусков моих детских книг… что, возможно, было ошибкой. Но отклик на этот цикл был настолько горячим, что я уделил ему первостепенное значение. Но прямо сейчас я в нерешительности, продолжать его или отказаться и сконцентрироваться на «взрослых» романах, где я смогу говорить то, что думаю, и рассматривать любой предмет, какой захочу, не подвергаясь при этом преследованиям со стороны каверзных компаньонок.

15 октября 1954: Лертон Блассингэйм — Роберту Э. Хайнлайну

Вы находитесь не в таких жёстких тисках, как Вам представляется. Сначала мы должны выяснить, критикует ли Вас «Library Journal», и насчёт продаж. Если продажи не отменены, значит, тиски закрутили не так сильно, чтобы травмировать.

ТУННЕЛЬ В НЕБЕ

25 октября 1954: Роберт Э. Хайнлайн — Лертону Блассингэйму

Я начинаю роман *[«Туннель в небе»]*, как только закончу это письмо. Иными словами, я прогоню кота и начну слоняться по дому туда-сюда. Я должен начать первую главу где-то между полуночью и двумя неделями спустя с этого момента.

Слушайте, я действительно писал *[Лернеру Т.]* Балману только однажды и не более того — я не ответил на его ответное письмо и не собирался. Мне было трудно писать Балману и не хотелось попусту тратить на это время. Причина в том, что она написала ему письмо, в котором приняла все его возражения, сообщив при этом, что писала мне, и что я объясню свою позицию. Именно потому я послал всё к чертям — не мог же я написать ему и опровергнуть ту чушь, которую он нагородил, и при этом не назвав её лукавым человеком… или хуже того.

Что касается меня, то я сделал ему ручкой и не собирался ему больше писать, и не стал отвечать на её последнее письмо по этому поводу. И теперь у меня мозги от этого кипят, мне до зарезу нужно написать новую книгу для мальчиков и вместе

с тем совершенно невозможно общаться с этим типом. Я люблю эту серию, горжусь ею, и мне за неё хорошо заплатили, но мне уже набили оскомину мои отношения со «Scribner». Я понимаю, что мисс Далглиш должна продавать книги библиотекарям и для этого всеми способами должна поддерживать с ними хорошие отношения, но пресмыкаться перед библиотекарями и потакать их желаниям не кажется мне хорошим бизнесом.

11 декабря 1954: Роберт Э. Хайнлайн — Лертону Блассингэйму

Просто краткий отчёт:

Я закончил книжку для мальчиков «Туннель в небе» сегодня в 3 утра. Нужно сократить и перепечатать; рукопись должна быть в Ваших руках в конце января.

31 декабря 1954: Роберт Э. Хайнлайн — Лертону Блассингэйму

«Школа в небесах» *[«Туннель в небе»]* начисто перепечатана вчера. Думаю, она будет в руках у мисс Далглиш к 26 января, как просили.

24 января 1955: Роберт Э. Хайнлайн — Лертону Блассингэйму

Посылаю содержание и количество слов «Школы в небесах» *[«Туннель в небе»];* они выпали из

посылки, которую я вчера отправлял курьерской авиапочтой, пытаясь доставить первый экземпляр в руки мисс Далглиш как можно скорее… Это не совсем подростковая вещь, хотя я старался, чтобы она могла пройти и как подростковая. И это не обычный сорт научной фантастики. Я не знаю, что это такое… Ну, это — история.

Я рассчитываю, что письмо придёт к Вам прежде, чем Вы прочитаете рукопись, потому что мне нужна Ваша квалифицированная помощь в одном деле. В этом сюжете довольно много сцен охоты. Как Вам известно, я знаю об охоте очень немного, и я отчётливо сознаю, как легко можно потерять читателя из-за маленькой ошибки, которая нарушит эмпатию. Если Вы наткнётесь на что-нибудь, что, как Вам покажется, звучит неправдоподобно, пожалуйста, покажите мне, и я всё перепишу по вашим указаниям, чтобы исправить ошибку.

1 февраля 1955: Роберт Э. Хайнлайн — Лертону Блассингэйму

Я удивлён и рад услышать, что Вы думаете, что у «Школы» *[«Туннель в небе»]* есть потенциал выйти в глянцевом журнале. Я ещё более удивлён, что Вы прошли сцены охоты, не предложив никаких исправлений (я был бы очень рад делать такие

правки). В этой книге я не использовал нечеловеческого персонажа в качестве главного героя, потому что в ней много убивают животных… совершенно оправданно, разумеется, но я опасался вызвать ненужное сочувствие, если рассказ будет переключаться на нечеловеческую точку зрения, потому что нужно показывать их убийство ради мяса. В следующей у меня, несомненно, будет преемник Виллиса, Луммокса и т. д.

Тем временем я на целую неделю загрузился новым «взрослым» романом. Это — идея о Человеке-с-Марса, о которой я уже говорил несколько лет назад. Идея сложная, и столь же сильная, и с ней у меня уже дважды были проблемы. Если я быстро не преодолею этот затык, то я отложу эту вещь и напишу другой роман. Я особенно не волнуюсь по этому поводу: если не проскочит на этот раз, то как-нибудь в другой раз. Думаю закончить роман для взрослых где-то в начале этого года, либо этот, либо другой.

ВРЕМЯ ДЛЯ ЗВЁЗД

13 декабря 1955: Роберт Э. Хайнлайн — Лертону Блассингэйму

Я закончил новую книгу для «Scribner», «Время для звёзд», и сегодня её начали перепечатывать.

Предполагаю послать Вам рукопись в январе, думаю, у Вас будет достаточно времени, чтобы попытаться продать права на журнальную публикацию.

Пожалуйста, не говорите мисс Далглиш, что я закончил книгу, иначе она захочет увидеть её пораньше, а я не хочу, чтобы у неё было больше времени на ознакомление, чем требует её график. Если она спросит о ней, пожалуйста, скажите ей, что Вы полагаете, что работа движется и что Вы уверены, что я успею вовремя, как обычно… ведь и то, и другое — истинная правда.

9 марта 1956: Роберт Э. Хайнлайн — Лертону Блассингэйму

Теперь о «Времени для звёзд». Я совершенно не переживаю по этому поводу. Если *[Далглиш]* хочет сама сократить часть вступления — пусть этим занимается. Если она предпочитает, чтобы я сам его сократил, скажите ей, чтобы выслала главы, которые хочет сократить, с подробными инструкциями о том, какие части она хочет убрать и до какого количества слов хочет ужать. Или пусть делает это сама, если хочет.

Я не понимаю её критики по поводу привлекательности для возрастной группы. Раньше она жаловалась, что в «Беспокойных Стоунах»

я лишил их рынка Вооружённых сил, сделав близнецов в начале истории на два года младше призывного возраста, несмотря на то, что им было уже по восемнадцать, когда история закончилась. Поэтому в новой книге я предусмотрительно сделал мальчика выпускником средней школы, что подразумевает восемнадцатилетнего — и теперь она мне говорит, что он слишком стар!

Разве «Stover at Yale»[62] не годится для школьников только потому, что герой слишком стар, чтобы учиться в колледже?

Начиная рассказ, я могу сделать своему главному герою любой возраст, какой она захочет. Но это может быть только один возраст. Если она скажет мне, какой возраст, по её мнению, является лучшим для рынка, в своей следующей книге я могу скроить главного героя под её требования. Но я не могу сделать его и призывником и школьником одновременно. И при этом я не могу запретить ему расти по мере продвижения истории. Для этого мне пришлось бы ограничиться простыми рассказами, в которых действие длится

---

[62] Примечания: 62

«Stover at Yale» — «Стовер в Йельском университете», книга Оуэна Джонсона, рассказывающая о жизни его постоянного персонажа Динка Стовера во время учёбы в университете. Книга была опубликована в 1912 году и считалась общепризнанной классикой романов взросления.

не больше нескольких недель. Такую штуку трудновато будет сделать в сюжетах с космическими путешествиями — но я могу и это сделать, если она пожелает.

ГРАЖДАНИН ГАЛАКТИКИ

11 декабря 1956: Роберт Э. Хайнлайн — Лертону Блассингэйму

Я закончил черновик следующего романа *[«Гражданин Галактики»]*, предназначенного для «Scribner». Текущее название — «Цепи и звёзды». Он так безобразно растянут, что мне понадобится две или три недели на сокращения. Я надеюсь, что обгрызенный вариант будет в руках машинистки перед Рождеством, и тогда я смогу послать Вам экземпляр для возможной продажи в журналы около середины января. Копия для «Scribner» будет готова по графику мисс Далглиш (какая дата в этом году?), но я пошлю её позже, потому что хочу сократить и сделать журнальную версию (взрослую) немного отличной от версии «Scribner» (детской). Как обычно, это — амбивалентная история, по своему характеру взрослая, но про мальчика и без секса, так что даже Вели-

кая Тётя Агата [63]ничего не сможет возразить. Но я хочу на сей раз попробовать слегка улучшить текст, немного сдвинув акценты, по-своему для каждой аудитории.

8 февраля 1957: Лертон Блассингэйм — Роберту Э. Хайнлайну

Алиса Далглиш назвала «Гражданина» лучшей историей Роберта на настоящий момент.

28 февраля 1957: Лертон Блассингэйм — Роберту Э. Хайнлайну

Больше никаких сокращений в «Гражданине», это очень компактная история, из неё больше нечего изымать. Мисс Далглиш хочет только одно очень маленькое сокращение, об организованной религии.

17 мая 1957: Роберт Э. Хайнлайн — Лертону Блассингэйму

Спасибо за предложение о передаче сюжета на одобрение мисс Далглиш, но мы пробовали это несколько раз, и это каждый раз вызывало неприятности. Она одобряла сюжет, изложенный в синопсисе, но меняла решение, когда видела готовый текст, несмотря на то, что я строго придерживался сюжетной линии. Именно по этому

---

[63] Примечания: 63

Тётя Агата — комический персонаж британского юмориста Г. Вудхауза, женщина несгибаемой воли и железных принципов.

поводу мы с ней больше всего собачились по «Красной планете»… которая в итоге оказалась главным бестселлером в её списке, несмотря на то, что я отказался от всех отклонений от одобренного сюжета, на которых она настаивала. Нет, уж если представлять ей на рассмотрение ещё одну книгу, то без всякого предварительного ознакомления, пусть либо «да», либо «нет». Я знаю, что так и не пояснил, почему две правки, по общему признанию лёгкие и незначительные, бросили меня в штопор и отняли у меня десять дней работы с большими мучениями. Я не знаю, как мне это объяснить, но это правда. Частично объяснения этому можно найти в моей чикагской лекции, которую Вы недавно читали *[Марк Рейнсберг организовал семинар из четырёх лекций, которые были изданы как «The Science Fiction Novel by Advent Publishers»].* Я с неизбежностью пишу научную фантастику, руководствуясь единственным принципом, принципом экстраполяции и перемен — но как только моя вещь попадает к редактору (как в данном случае), её начинают проверять на соответствие куда более древним принципам, которые гласят, что наша нынешняя культура в высшей степени безупречна, и я не должен лезть своими грязными руками

ни к одной из её деталей, которые дороги сердцу любого критика, который может прочитать мою историю. И это дошло до той стадии, когда я уже не могу продолжать. Могу ли я писать по-другому, пока не знаю. Не смогу, пока не вернётся нормальное настроение. И я не знаю, как ей сказать, что я, похоже, не смогу выдать ей ту историю, которую она от меня ожидает — я пробовал шесть или восемь раз, потратил впустую много дней, и все способы, которыми я могу выразить это, кажутся грубыми или неадекватными. Я знаю, что это выглядит глупо, но это правда.

ИМЕЮ СКАФАНДР – ГОТОВ ПУТЕШЕСТВОВАТЬ!

8 ноября 1957: Роберт Э. Хайнлайн — Лертону Блассингэйму

Вот три копии моего нового романа для «Scribner», «Имею скафандр — готов путешествовать!»[64].

Они предназначены (я надеюсь) для книжного издания, а также американской и британской журнальных версий.

19 ноября 1957: Лертон Блассингэйм — Роберту Э. Хайнлайну

---

[64] Примечания: 64
См. Комментарии в конце книги. История с названием.

«Имею скафандр — готов путешествовать!» — прекрасная история… мне всё понравилось.

6 декабря 1957: Лертон Блассингэйм — Роберту Э. Хайнлайну

«Scribner» в восторге от книги.

Глава IV
Последний подростковый

Звёздный десант

22 ноября 1958: Роберт Э. Хайнлайн — Лертону Блассингэйму

Я закончил черновик романа с рабочим названием «Sky Soldier»[65] сегодня утром в 5.20. Начну исправлять ошибки и т. п. в понедельник. Его не нужно будет сокращать, разве что ради каких-то улучшений, потому что в черновике около 60 000 слов — это доказывает, что я могу написать роман, не вынуждая издателя ни задирать цену, ни использовать мелкий шрифт… вопрос, по которому Вы, возможно, испытываете законные сомнения.

Вы получите рукопись в первые дни нового года. Моя машинистка сделает её в рождественские каникулы. Мисс Далглиш спрашивала, намереваюсь ли я предоставить книгу на рассмотрение; я признался, что собираюсь — но не признался, что она уже написана. Я не хочу, чтобы она видела её до самого последнего момента (я дал ей только название и тему: мальчик, служащий на

---

[65] Примечания: 65
«Sky Soldier» — «Солдаты неба».

военной службе в будущем)[66]. Я хочу дать ей как можно меньше времени, чтобы не позволить Нервной Нелли слишком долго размышлять над текстом… потому что я не собираюсь править рукопись ради её удовлетворения.

10 января 1959: Роберт Э. Хайнлайн — Лертону Блассингэйму

Сегодня рано утром мы отправили Вам по почте две копии «Starship Soldier»[67]… поскольку я ожидаю, что *[Далглиш]* не придёт в восторг от некоторых частей этой книги, я также могу получить скандал… Это не подростковый, это «взрослый» роман о восемнадцатилетнем парне. Я написал его, исключив всякую резню и постельные сцены, так что мисс Далглиш может предложить его в одном списке с другими моими книгами, но всё же это не детская приключенческая история. На сей раз я следовал своей собственной теории, что интеллектуальная молодёжь на самом деле интересуется серьёзными вещами больше, чем их родители.

21 января 1959: Лертон Блассингэйм — Ро-

---

[66] Примечания: 66

здесь именно так косноязычно — a boy serving his military service, возм. «проходящий военную службу в Будущем».

[67] Примечания: 67

«Starship Soldier» — «Космические солдаты».

берту Э. Хайнлайну

Наслаждался «Starship Soldier». За исключением тех мест, где действие останавливалось, и автор принимался читать лекции.

ПРИМЕЧАНИЕ РЕДАКТОРА: «Starship Soldier», позже «Starship Troopers», был отклонён всей редакционной коллегией «Scribner».

Лертон позвонил и сообщил мне об этом — Роберт всё ещё спал. Я должна была сказать ему.

На самом деле, Лертон был уверен, что он может отдать книгу в другое издательство. Уолтер Майнтон, президент «G. P. Putnam 's Sons», позже рассказывал, что когда один из его редакторов сообщил ему, что есть доступный подростковый Хайнлайн, Уолтер проинструктировал редактора так: «Хватай его!»

Мисс Далглиш сделала следующие предложения по книге:

1. Напечатать её в журнале как взрослый роман.

2. Продать её в другое место.

3. Отложить её на некоторое время.

Сотрудничество со «Scribner's» закончилось, а вместе с ним и ежегодные перебранки по поводу того, что больше подходит для юных читателей. После публикации «Starship Soldier» Роберт

написал только один подростковый роман — «Марсианку Подкейн».

19 февраля 1959: Роберт Э. Хайнлайн — Лертону Блассингэйму

…я думаю, что подсунул Вам наименее ходовую вещь из большинства этих рукописей, и я действительно буду счастлив пристроить её у Миллса[68] и в любом ведущем издательстве — для каковой цели я согласен переписывать, пересматривать, сокращать или расширять её до любой необходимой степени. С точки зрения литературы — теперь я в этом убеждён — это не лучшая моя работа, и я намереваюсь изрядно попотеть и исправить это. (Но, строго между нами, переделка будет чисто литературной; даже призраку Хораса Грили[69] я не позволю приказывать, чтобы я пересматривал свои идеи в угоду распространённым предрассудкам — я подтяну качество текста, но идеи останутся неповреждёнными.)

---

[68] Примечания: 68

Роберт П. Миллс, редактор журнала «F&SF».

[69] Примечания: 69

Horace Greeley — Хорас Грили (1811–1872), известный американский редактор, основатель «Нью-Йорк трибюн», его именем названы улицы, парки и институты.

«Eppur si muove!»[70]. Я не расстанусь со своей ересью. Но я вовсе не намерен вот так прямо высказывать это редактору, я просто буду улучшать текст в плане повествовательной части, пока он не примет его.

23 марта 1959: Роберт Э. Хайнлайн — Лертону Блассингэйму

Теперь о pièce de résistance[71], контракту с «Putnam» на «Starship Soldier»:

Сначала — мои самые горячие благодарности Вам за Ваши самоотверженные усилия по поводу этой рукописи. Я знаю, что Вы считали, что она была слабовата (так же, как и я… но я намерен исправить слабые места), и, несмотря на это, Вы продали права на журнальную публикацию в ведущий специализированный журнал, а право на книгу — в ведущее издательство. В связи с этим мой боевой дух сильно воспрял.

Я очень «переживал» по поводу этой рукописи… Книга должна стать лучше того, что есть сейчас; я думаю, что смогу её улучшить. Разумеется, я

---

[70] Примечания: 70

«Eppur si muove!» — (*итал.*) «И всё же она вертится!» Знаменитая фраза Галилео Галилея.

[71] Примечания: 71

pièce de résistance — (*фр.*) гвоздь программы, главное блюдо меню, самая важная часть чего-либо.

буду работать над этим в тесном сотрудничестве с редактором. Кто будет моим редактором в «Putnam»?

19 сентября 1960: Роберт Э. Хайнлайн — Лертону Блассингэйму

…и тем не менее ситуация со «Scribner» — особый случай. Да, я знаю, что мисс Далглиш там больше нет. Но я устал не только от неё; меня утомил и сам м-р Скрибнер. Я чувствую, что со мной обошлись очень подлым, низким способом, и считаю его частично ответственным за это, и потому не желаю больше отдавать свои вещи в его фирму. В «Scribner» вышли двенадцать моих книг, на каждой из них издатель получил прибыль, и продолжает делать на них деньги. Однажды мисс Далглиш сказала мне, что именно мои книги поддерживают её отдел в плюсах.

И вот я предлагаю тринадцатую книгу… и её отклоняют. Маленькой небрежной записочкой, уж лучше б тогда прислали формальный бланк с отказом, поскольку она была столь же холодна, сколь информативна.

Я тогда счёл необходимым написать *[Джорджу МакСи]*, чтобы узнать, каков был расклад. Он сказал мне, что это было совместное решение, в процессе которого несколько редакторов прочи-

тали мою рукопись — включая м-ра Скрибнера — и что сам Скрибнер участвовал в её отклонении.

Судя по записям моих роялти, я подозреваю, что мои книги принесли м-ру Скрибнеру что-то около 50 000–100 000$ (а «грязными» гораздо больше). Для его фирмы это были совершенно халявные бабки… и они всё ещё поступают. И, несмотря на это, спустя годы и годы весьма выгодного сотрудничества, м-р Скрибнер позволил меня «уволить» с меньшим количеством церемоний, чем он использовал бы при увольнении своего курьера… ни слова от него, ни даже намёка, что ему не плевать, останусь я с ними или нет. Я утверждаю, что это — хамство, непростительное ввиду нашего долгого сотрудничества.

Писатели слышат много пустой болтовни о том, насколько рискован книготорговый бизнес, и о том, как престижные дома (типа «Scribner») издают книги, на которых могут потерять деньги, только для того, чтобы поддержать автора — в надежде компенсировать потери за счёт остальной части списка своих авторов. Ну, я, похоже, оказался в «остальной части списка», в той части, которая компенсирует их потери — поскольку я, конечно же, не был тем автором, ради которого

они были готовы хоть чуточку рискнуть, когда пришло время. Меня просто вышвырнули.

Вообще-то рукопись была не настолько плоха, чтобы оправдать то, что меня выкинули на свалку. Особенно принимая во внимание тот факт, что три другие редакции её купили… а затем она вошла в число выигравших «Хьюго» за *[1959].* (Более того, замечу, что, несмотря на первоначальные сомнения у ***, за первые два с половиной месяца было продано 5000 книг… и теперь он говорит нам, что продажи продолжают прибывать.)

Мне кажется, что если бы всякое ханжеское дерьмо, которое они отгружают, типа «дать шанс автору», что-то значило бы в реальности, то сам м-р Скрибнер сказал бы своему редакционному правлению: «Возможно, это не лучшая книга, какую м-р Хайнлайн когда-либо делал, возможно, она даже провалится, и на сей раз мы потеряем на нём немного денег. Но его книги имели устойчивую продажу в прошлом, и мы должны рискнуть и дать ему шанс. Возможно, после небольшого количества исправлений эта книга станет более приемлемой; если Вы не хотите писать ему о правках, позвольте мне просмотреть рукопись снова, и я сам напишу ему… но мы не можем про-

сто выбросить эту книгу. М-р Хайнлайн — часть семьи «Scribner» и был ей в течение многих лет».

Я полагаю, дьявол меня забери, что я слишком многого ожидал. Оказалось, что подобный способ решать проблемы был по меньшей мере не в его стиле.

Лертон, мне кажется, что в случае с любым другим успешным автором из их списка, «Scribner» издал бы ту книгу, возможно, с переделками и, возможно, не как подростковую — но они издали бы её. Но если м-р Скрибнер чувствовал, что он просто не может её издать, я думаю, что обстоятельства требовали от босса проявить внимание, написать письмо, вежливо обсудить проблему со мной… проявить минимум формальной вежливости.

Я не получил этого минимума. Я думаю, что м-р Скрибнер поступил со мной чрезвычайно похамски… и потому я больше не хочу работать для него. Лертон, я развил эту тему только потому, что в последних своих письмах Вы несколько раз упомянули, что новый молодёжный редактор в «Scribner» страстно желает моего «возвращения». Поэтому я счёл нужным объяснить, почему я туда не вернусь. Я ничего не имею против леди, которая теперь ведёт тот отдел, но фирма — всё

ещё м-ра Скрибнера. Если бы действие было предпринято одной мисс Далглиш… Но этого не было; когда меня вышвырнули, м-р Скрибнер лично вытолкал меня взашей, оставив даже без формального слова сожаления.

При этих обстоятельствах я перенесу мой бизнес дальше по улице. Или через улицу. Но никто не будет пинать меня дважды.

МАРСИАНКА ПОДКЕЙН

8 марта 1962: Лертон Блассингэйм — Роберту Э. Хайнлайну

Фрайз[72] Подкейн понравилась вся — за исключением окончания. Она была таким милым ребёнком, что теперь я ненавижу Вас за то, что Вы её убили. Чувствую в этом руку Хайнлайна[73], скажите Джинни, чтобы остерегалась. Это — хорошая история.

10 марта 1962: Роберт Э. Хайнлайн — Лертону Блассингэйму

---

[72] Примечания: 72

Fries — Фрайз — в переводе Муравьева-Барсова, Фриз — в переводе Ангелова.

[73] Примечания: 73

That is the Heinlein touch — подозреваю, что это намёк на «The Midas touch», «Прикосновение Мидаса», из античной легенды о жадном царе, обратившем своих родных в мёртвое золото.

Действительно ли «Подди» — подростковый роман? Я вообще об этом не задумывался, но догадываюсь, что он нарушает многочисленные табу рынка детской литературы. Он кажется мне тем, что шведы называют «кадетской» книгой — целевая аудитория чуть старше тинейджеров, плюс те взрослые и подростки, которые могут получать от таких книг удовольствие, — но американский книжный рынок не признаёт такую категорию. Наверное, лучше сразу отдать эту вещь в *[«Putnam»],* а там посмотрим, что получится.

Лертон, вот уже несколько лет я просто пишу истории, без оглядки на рынок, пишу, не следуя никаким критериям, храня непоколебимое убеждение, что история, которая мне интересна, и её развязка, которая меня удовлетворяет, будут интересны и удовлетворят достаточный процент читателей, чтобы сделать эту историю коммерчески годной к употреблению. Возможно, в этом я неправ, возможно, я должен изучать рынок и изо всех сил пытаться скроить что-то, что соответствует текущей моде. Но мне кажется, что, если я должен выпускать продукт (действительно) непреходящей ценности, мой собственный вкус (проверенный Вашим и Джинни) — это всё, чему я должен следовать. Конечно, это может привести

меня к полной потере рынка, но я надеюсь, что это приведёт к лучшим результатам, чем если бы я пытался «повторять проверенные рецепты».

Я знаю, что смерть Подди шокирует. Однако эта смерть, как мне кажется, именно то, что мне нужно. Сюжет следует определённой последовательности: вначале беззаботный ребёнок-девочка с нелепыми амбициями… затем, шаг за шагом, она растёт и открывает, что реальный мир более сложен и не столь сладок, как она себе представляла… и что забота о детях — всего лишь основная норма для взрослых.

О, я могу за пару часов приделать к последней главе «счастливую» концовку — Подди останется в живых, раненная, но с обещанием полного выздоровления и, подразумевая, что в конце концов она выйдет замуж за богатого и красивого парня, который возьмёт её с собой к звёздам… ну и попутно задать её дурно воспитанному младшему братцу хорошую взбучку (и это вполне возможно, по крайней мере, я имею в виду это сделать, если ни один редактор не рискнёт издать роман в том виде, в каком он есть). Но я не хочу этого делать. Я думаю, что это разрушило бы историю — это будет всё равно что переделать «Ромео и Джульетту», чтобы юные влюблённые «жили

долго и счастливо».

Но смерть Ромео и Джульетты была нужна, чтобы показать семьям Монтекки и Капулетти, какими чёртовыми придурками они были. Смерть Подди (как мне кажется) точно так же обязательна в этой истории. Истинная трагедия этой истории кроется в характере матери, очень успешной работающей женщины, которая не нашла времени, чтобы воспитать своих собственных детей — и тем самым позволила своему сыну вырасти инфантильным монстром. Он больше не часть рода человеческого и безразличен к благополучию других… пока смерть его собственной сестры не падает на него грузом вины, вины, от которой он уже никогда не сможет избавиться, и это дарит некоторую надежду, что теперь он, возможно, повзрослеет.

Я мог бы заявить, что суть истории в том, что смерть является единственным местом назначения для всех нас, и что единственная долгосрочная перспектива для любого взрослого человека — в детях, и что для этого им нужно вырасти, повзрослеть и выбросить детские игрушки. Но я не мог сказать этого вот так прямо — только не в беллетристике! — и мне показалось, что мне нужна смерть Подди, чтобы выразить всё это.

Если Подди получит свой кусок пирога и съест его (а в придачу брак и звёздные странствия), если этот маленький монстр, её брат, выйдет из передряги невредимым, чтобы продолжить свою умную, но асоциальную карьеру, если их мать минуют неприятные последствия её пренебрежительного отношения к воспитанию детей, тогда мой рассказ — всего лишь цепочка умеренно авантюрных эпизодов.

23 марта 1962: Роберт Э. Хайнлайн — Лертону Блассингэйму

Я думаю, что понял и оценил Ваши замечания о Сезанне и его чёрных контурах[74], но это — бесконечная проблема для меня, у которой нет лёгкого решения. Если я проповедую открыто, я получаю жалобы от Джинни, от Вас, от редактора и, в своё время, от читателей… а я слишком склонен проповедовать. В этой книге, «Подди», я ограничен тем, что сказала бы сама Подди — которая, возможно, точно такая же, как я!

9 мая 1962: Роберт Э. Хайнлайн — Лертону Блассингэйму

---

[74] Примечания: 74

Поль Сезанн (1839–1906) — фр. постимпрессионист занимался сведением картины к первичным геометрическим формам и пользовался контрастным цветом для передачи формы. В период 1890–1900 гг. создавал портреты и натюрморты с чётко оконтуренными фигурами — широкой полосой тёмной краски.

Пожалуйста, скажите Питеру Исраэлю из «Putnam», что я займусь правками, которые он хочет видеть, очень скоро, речь идёт о начале недели. У меня есть кое-какая другая работа, которую я должен сначала закончить. Я всё ещё серьёзно сомневаюсь относительно художественной и драматической необходимости хеппи-энда в этой истории — но я буду стараться изо всех сил.

20 мая 1962: Роберт Э. Хайнлайн — Лертону Блассингэйму

Ни одному редактору не нравились мои названия, а мне — ни одно из предложенных ими. Я предложил Полу *[Фредерику Полу, редактору «IF»]* «Подкейн с Марса», и оно его удовлетворило. Если оно не удовлетворяет м-ра Исраэля, я надеюсь, что он предложит такое, на котором сойдёмся мы все втроём, потому что я предпочитаю, чтобы книга и журнальная версия имели одно и то же название, если это возможно.

Новым котятам две недели от роду, они толстые и здоровые. Ястреб или сова заполучила уток Джинни.

25 мая 1962: Лертон Блассингэйм — Роберту Э. Хайнлайну

Красивая работа по переделке[75].

[75] Примечания: 75

Очевидно, имеется в виду превращение постлюдии «Марсианки Подкейн» в хеппи-энд — буквально двумя-тремя предложениями (см. Приложение В).

Глава V
Гладко было на бумаге

Публичные выступления

15 августа 1968: Роберт Э. Хайнлайн — Лертону Блассингэйму

Я хорошенько поразмыслил над двумя этими предложениями. Как Вы знаете, я не люблю публичных выступлений, но, с другой стороны, я понимаю, что я должен принимать некоторые из приглашений, особенно от библиотекарей. На сей раз дело осложняется ещё и тем фактом, что оба предложения поступили через «Scribner» (а не моего нынешнего издателя), и в то время как одна группа предлагает оплатить расходы, другая группа просит, чтобы это сделал «Scribner» — и «Scribner» согласился это сделать.

Я не хочу, чтобы «Scribner» оплачивал счета. По зрелому размышлению я заключил, что не хочу, чтобы какой-либо издатель когда-либо оплачивал счета за мои выступления; я больше предпочитаю видеть, что издатель тратит деньги на рекламу и продвижение моих книг, а не на оплату авиабилетов и счетов из гостиницы.

Итак, я наконец-то добрался до описания выбранной мной стратегии, которую я представляю Вам для комментариев и (я надеюсь) одобрения.

Отныне я по-прежнему буду избегать публичных выступлений, когда это только возможно, кроме случаев, имеющих отношение к библиотекарям. Что касается их предложений, то я приму их (если смогу) в том и только том случае, когда группа, которая желает меня пригласить, хочет этого настолько сильно, что готова оплатить мой проезд и расходы на гостиницу, плюс символическая плата, скажем, пятьдесят долларов.

ТВОРЧЕСКИЕ ПЛАНЫ

19 ноября 1945: Роберт Э. Хайнлайн — Лертону Блассингэйму

...мой особый талант — пророческий роман, то есть роман, действие которого происходит в будущем, возможно недалёком — всего лишь через несколько лет с сегодняшнего дня, но всё равно в будущем. Я не отказываюсь писать и о современности и готов выслушать советы, но именно эти вещи мне особенно удаются. На них есть спрос у книгоиздателей и, по крайней мере, ограниченный спрос на рынке глянцевых журналов. Я полагаю, что на глянцевом рынке спрос будет намного больше, чем до войны, прежде всего из-за атомной техники. Я думаю, что люди захотят услышать, что ожидает их в наступающем атом-

ном веке. Я собрал материал для многих, многих историй; Вы хотите предварительно обсудить истории со мной, или я просто пойду вперёд и буду писать?

Я также пишу фэнтези и хотел бы подражать Стивену Винсенту Бене[76]. SEP издал довольно много фэнтези, с тех пор как ***[77] вступил во владение; я хотел бы делать вещи наподобие тех, что они издают.

1 января 1946: Роберт Э. Хайнлайн — Лертону Блассингэйму

Для меня вполне привычно то, что считается излишне эффектным. Мой собственный брат, инженер-полковник, думал, что мои довоенные рассказы об атомной бомбе и атомном оружии были откровенной фантазией. Потом он пролетел над Хиросимой и передумал.

20 апреля 1947: Роберт Э. Хайнлайн — Лертону Блассингэйму

Завтра сяду за рассказ из цикла Луна-Сити для

---

[76] Примечания: 76

Стивен Винсент Бене (Stephen Vincent Benét 1898–1943) — американский писатель-фантаст и поэт, магистр искусств, лауреат Пулитцеровской премии. На русском выходил в библиотеке «Иностранной литературы» сборник рассказов «За зубом к Полю Ревиру».

[77] Примечания: 77

Видимо, Бенн Гиббс (Ben Hibbs), занявший пост главного редактора «Saturday Evening Post» в 1942 году.

«Пост»[78]. Как говорил один наёмный рабочий, «С этим у нас большие проблемы», но Вы можете ожидать очередную рукопись спустя некоторое время.

24 июня 1947: Роберт Э. Хайнлайн — Лертону Блассингэйму

Чтобы подтвердить мою телеграмму от вторника, мой новый адрес:

Номер 210,
бульвар Санта-Моника, 7904
Голливуд 46, Калифорния.

Письма или телеграммы, посланные по этому адресу, быстрее меня найдут. Мой телефон отключён. Мы закрыли наш дом, и через несколько дней — как только я закончу приводить всё в порядок — я очень быстро двинусь в пустыню и вернусь к работе. Леслин *[первая жена Хайнлайна*[79]*]* собирается оставаться в городе…

ПРИМЕЧАНИЕ РЕДАКТОРА: Когда Роберт

---

[78] Примечания: 78

Журнал «Saturday Evening Post».

[79] Примечания: 79

На самом деле Леслин — вторая жена, первый брак Хайнлайна распался в 20-х годах. Хайнлайну было крайне неприятно о нём вспоминать, и этот пункт его биографии долгое время прикрывала завеса молчания. Здесь Вирджиния продолжает придерживаться «официальной версии», но при этом пересекает черту.

работал на Экспериментальной станции Военно-воздушных сил морского базирования в Филадельфии, я была направлена Флотом проходить там второй срок службы. Тогда я была младшим лейтенантом[80] *в WAVES*[81]*. Мы работали вместе на некоторых проектах, в основном по теме установки на самолётах фонарей из плексигласа. У нас обоих были и другие, не связанные друг с другом проекты. Когда Вторая мировая война закончилась, Роберт оставил свой пост инженера, чтобы вместе с женой вернуться домой в Лос-Анджелес. Поскольку я не набрала нужного для выхода в отставку количества баллов, я была обязана оставаться при исполнении служебных обязанностей до марта 1946. Я уже решила возвратиться в колледж для получения учёной степени и приняла для этого необходимые меры. Роберт посоветовал мне пойти в UCLA*[82]*, а не в Беркли, как я планировала.*

Хотя за учёбу и книги платило государство,

---

[80] Примечания: 80

В оригинале «j.g» — возможно, junior grade, «младший офицер».

[81] Примечания: 81

WAVES — Woman Accepted for Volunteer Emergency Service — женское подразделение ВМФ США.

[82] Примечания: 82

UCLA — University California of Los Angeles — Калифорнийский университет в Лос-Анджелесе.

согласно закону о поддержке военнослужащих[83], *выплачиваемая стипендия была довольно скудна, поэтому я должна была подрабатывать неполный рабочий день, посещая занятия в оставшееся свободное время. Этим практически полностью исчерпывалась моя социальная жизнь. То, что оставалось, было посвящено симфонической музыке и фигурному катанию. Я очень мало видела Роберта и его жену, Леслин, хотя мы жили не слишком далеко друг от друга.*

Когда в 1947-м наступила развязка, Роберт позвонил мне — он просил моей помощи, чтобы разгрести бумаги в его доме. Он собирался разводиться[84].

Летом мне пришлось бросить учёбу, чтобы работать — мои финансы были в плохом состоянии. Роберт провёл то лето в Охай, он писал.

Мы поженились в октябре 1948 года.

1948: Роберт Э. Хайнлайн — Лертону Блассингэйму

Я снова в работе. Медовый месяц закончен, за

---

[83] Примечания: 83

GI Bill — билль о джи-ай, закон, обеспечивающий оплату обучения демобилизованных военнослужащих. О его действии см., например, начало романа «Дорога славы».

[84] Примечания: 84

Это — *крайне* упрощённая версия того, что происходило в 46–47-м гг.

исключением уик-эндов. Я надеюсь, Лертон, что смогу посылать Вам больше рукописей и лучше качеством, чем Вы до сих пор видели. Всё, что я написал за время нашего сотрудничества, было сделано в тяжёлых, а часто — в мучительно трудных условиях. Я вынужден был заставлять себя работать, когда большая часть моего рассудка и внимания была сосредоточена на вещах, которые происходили со мной или вокруг меня. Я не ищу сочувствия, я хочу, чтобы Вы знали, что сейчас у нас будет как минимум хороший шанс на то, что теперь Вы будете получать от меня качественный материал и в большем объёме.

6 ноября 1948: Роберт Э. Хайнлайн — Лертону Блассингэйму

Не нужно заставлять Джинни приковывать меня цепями к моей пишущей машинке на четыре часа в день. Я изо всех сил стараюсь уделять работе куда больше часов ежедневно. А если в ближайшие несколько месяцев мне удастся пережить разные бытовые неурядицы, я смогу произвести больше рукописей. Прямо сейчас я изнуряю свой мозг, пытаясь состряпать ещё один сюжет мальчикового романа для «Scribner». Этой зимой я не смогу отправиться во Флориду совершать погружения и заниматься исследованиями,

которые я планировал для «Океанского пастуха»[85]. Поэтому я должен найти другую историю для ***. Достаточно просто было бы состряпать ещё одну космическую оперу, но я буду стараться изо всех сил найти что-то другое, о чём можно будет написать, прежде чем я вернусь к нему.

18 ноября 1948: Роберт Э. Хайнлайн — Лертону Блассингэйму

Ваше замечание, что Вы были уверены, что я сделаю (взрослый) роман в течение следующих двенадцати месяцев, заставило меня основательно поразмыслить. Вы действительно так думаете? Я давно хотел сделать цикл связанных взрослых романов, предпочтительно типа Г. Дж. Уэллса, но никогда не занимался ничем, кроме дешёвых бульварных сериалов и ещё этими детскими книгами для «Scribner». Как Вы думаете, мне стоит сделать перерыв в работе… и сделать

---

[85] Примечания: 85

Ocean Rancher — запланированный подростковый роман для «Scribner», который так и не был написан. Хайнлайну требовалось как можно глубже изучить предметную область, прежде чем он садился писать книгу. В случае с «Океанским пастухом» погружение в предметную область было буквальным. Во время одного из них произошёл несчастный случай, и Хайнлайн на собственной шкуре испытал, что такое проблемы с кислородом в безвоздушной среде. Когда его выдёргивали из воды и извлекали из водолазного костюма, он получил травму и в конце концов потерял сознание. «Я не буду вставлять это в какой-нибудь текст, — писал он. — Это подлинные ощущения, они стоят тысячи долларов».

реальную попытку прорваться на рынок взрослых книг? Если так, я брошу спекулятивную чушь и попробую современный роман — или мне всё же стоит придерживаться своей специальности?

28 января 1949: Роберт Э. Хайнлайн — Лертону Блассингэйму

…тем временем я собираю заметки для (прошу прощения!) Большого Американского Романа. Да, Лертон, я заболел желанием заняться «литературной» работой. А именно, я хотел бы сделать работу наподобие той, что Эйн Рэнд сделала в «Источнике»[86], но с современным искусством, особенно живописью, такова моя цель. Может быть, пройдёт год или два, прежде чем я почувствую себя готовым заняться этим, но я работаю над этим.

Первый черновик романа для мальчиков *[«Красная планета»]* для «Scribner» был закончен

---

[86] Примечания: 86

Эйн Рэнд (Ayn Rand) — Алиса Зиновьевна Розенбаум (1905–1982), русская эмигрантка, писатель и философ, создатель философии объективизма. В 1924 году прибыла в Америку, не зная английского, без средств, с одной пишущей машинкой. Первый роман, «Мы — живые» («We the Living», 1936, ср. с названием первого романа Хайнлайна — «For Us The Living»), полубиографического содержания, содержал критику тоталитаризма и тех, кто жертвует собой во имя такого государства. Второй роман — «Источник» («The Fountainhead», 1943) рассказывал о борьбе человека с бюрократической системой, он стал сенсацией и был продан в кол-ве 4 млн экз. Политические и философские взгляды раннего Хайнлайна во многом совпадают или заимствованы у Эйн Рэнд.

в 11 пополудни в прошлый понедельник. Я взял три свободных дня, чтобы уделить внимание хозяйственным работам и корреспонденции, и намереваюсь начать правку завтра. Законченная рукопись должна быть в Ваших руках в течение двух недель.

1 октября 1949: Роберт Э. Хайнлайн — Лертону Блассингэйму

У меня есть два рассказа, которые я горю желанием сделать: один для школьниц[87] для «Calling All Girls» и один НФ рассказ, который, вероятно, можно продать в глянцевый журнал и гарантированно — продать в дешёвый. Первый — «Мама и сбалансированная диета»[88], в нём те же персонажи, что и в «Бедном Папочке», как просили редакторы. Второй — «Год резонанса»[89], основанный на теории циклов… 1952, год, когда всё происходит одновременно. Но чёрт знает,

---

[87] Примечания: 87

Хайнлайн называет их «bobby-sox» (клетчатые юбочки/белые фартучки/… короткие белые носочки) — обязательная принадлежность амер. школьной формы.

[88] Примечания: 88

«Mother and the Balanced Diet» — позднее вышедший как «Клифф и калории».

[89] Примечания: 89

«The Year of the Jackpot» — счётчик вариантов названия на русском зашкаливает: «Год невезения», «Год, когда был сорван банк», «Год окончания игры»…

когда я найду время ими заняться. Хотя, по всей видимости, найду, поскольку я хочу их сделать. Но я пашу как безумный. (Ах, да — ещё я должен подготовить кое-какой материал для ***, возможно, удастся использовать для издания материал *[кинофильма]*.)

О работе для «Boy's Life», см. выше. Вы получите обе версии приблизительно в течение месяца. Мы должны уехать на этой неделе; я пришлю Вам новый адрес.

РАБОТА В ГОЛЛИВУДЕ

3 сентября 1957: Роберт Э. Хайнлайн — Лертону Блассингэйму

Я хочу подождать какое-то время с заменой голливудских агентов. Я всё ещё думаю, что MCA[90] не то место, где мне уделят личное внимание, но недавний инцидент обязывает задержаться, по крайней мере, из вежливости: в 12.00 26 августа

---

[90] Примечания: 90

MCA — Music Corporation of America — Медиакомпания, основана в 1924 г. Изначально фирма занималась только музыкой, затем проникла в телевидение и киноиндустрию. В Голливуде 50-х отделение MCA предоставляло агентские услуги актёрам, сценаристам и пр., затем в 1957 г. приобрело «Paramount Pictures», а через год частично «Universal Pictures».

Хал Фландерс из офиса Неда Брауна[91] позвонил мне и предложил работу писателя в Голливуде, заняться экранной адаптацией «The Lomokome Papers»[92]. Я отклонил предложение — на самом деле я не хочу писать сценарии по чьим-либо книгам, кроме моих собственных, и, во всяком случае, эта конкретная история не может быть превращена в настоящий научно-фантастический рассказ; это — философский трактат, упакованный в фэнтези. Кроме того, я надеюсь, что моё решение Вас не разочарует, если принять во внимание, что заказчик таков, что мы едва ли можем ожидать, что МСА поделится доходами. Я предпочту оставаться под Вашим управлением и писать для нью-йоркского рынка, а не превращаться в голливудского мальчика на побегушках. В любом случае я не мог закончить роман, вы-

---

[91] Примечания: 91

Ned Brown — сотрудничество с Недом Брауном не принесло Хайнлайну никаких плодов. Позднее он пытался сделать с ним сценарий «Дороги славы» — и тоже безрезультатно.

[92] Примечания: 92

«The Lomokome Papers» — произведение Германа Воука (Herman Wouk) (1915—...). Герман, сын еврейских эмигрантов из России, писатель, сценарист, лауреат Пулитцеровской премии за роман «Мятеж на Кейне» («Caine Mutiny», 1951), экранизирован в 1954-м. «The Lomokome Papers», роман 1947 года — очень короткий сатирический НФ-роман, рассказывающий об обществе селенитов, где война заменена построением математических моделей, и завершается казнью тщательно рассчитанного количества граждан с каждой из враждующих сторон.

полнить эту работу и приплыть 26 ноября. Но я действительно находил это предложение приятным…

16 ноября 1961: Роберт Э. Хайнлайн — Лертону Блассингэйму

Будет настоящий поток новых рассказов Хайнлайна прежде, чем эта зима закончится. Наше бомбоубежище закончено и снабжено — и треклятая штука оказалась гораздо дороже, чем я рассчитывал, когда её начинал. Теперь у меня несколько недель на то, чтобы подчистить хвосты, включая большое отставание по корреспонденции, регистрации, ведению учёта и т. д.; потом я снова вернусь к своему станку и буду пахать без продыха всю зиму.

10 августа 1963: Роберт Э. Хайнлайн — Лертону Блассингэйму

Этой осенью я мог бы сделать приблизительно 10 000 слов для «Boys' Life» (можете сомневаться, если хотите) или написать последний рассказ Истории Будущего *[см. «The Past Through Tomorrow» в главе XI, «Взрослые романы»]*, «Da Capo» (груды заметок об этом, так ни во что конкретное не выкристаллизовавшиеся)… или, может быть, новый роман. Или, возможно, все три вещи в названном порядке. Но это — через

очень много недель.

По поводу «Scribner»: Мы могли бы предложить *** что-нибудь когда-нибудь — но только если «Putnam» завернёт эту книгу.

17 апреля 1964: Роберт Э. Хайнлайн — Лертону Блассингэйму

Я потратил весь прошлый месяц на (a) грипп, (b) чтение нескольких сотен фунтов накопившихся журналов и технических бюллетеней и (c) корреспонденцию. Последние два пункта — это те вещи, по которым я вечно не поспеваю, всегда. У этой проблемы не может быть никакого решения, невозможно объять всё более расширяющиеся границы науки и техники, да и мира вообще, и я могу только прилагать все усилия, какие могу, с каждым годом всё больше отставая, особенно в электронике, биохимии и технологии космических полётов. Но зато я нашёл, претворил в жизнь и продолжаю использовать отличное решение для корреспонденции: я теперь почти на все письма отвечаю просто почтовыми открытками, а настоящие письма пишу в ответ только на что-то по-настоящему важное для меня. Экономия времени очень заметная.

Наверное, я не буду писать ещё один рассказ или книгу, пока не узнаю, надо ли мне возвращаться

в Голливуд этим летом. И ещё нескончаемые текущие работы, которых требует этот дом. Сегодня я вернулся к кирке и лопате для начала: выгреб несколько тонн ила из среднего ирригационного пруда… ил от наводнения, явно лежит с прошлого сентября или раньше. В понедельник планирую начинать бетонные работы, восстанавливать самую низкую дамбу, если погода продержится. Слишком холодно для поздней весны. Джинни только что начала свою работу в саду; до сих пор было слишком холодно. На горе выше нас ещё осталось немного снега, он шёл здесь всего лишь восемь дней назад.

23 июня 1967: Роберт Э. Хайнлайн — Лертону Блассингэйму

Я очень хотел бы вернуться к текстам, в том числе к новой рукописи запланированной бойскаутской книги — и я только что получил очень приятное, длинное письмо от *** — он сообщал, что *** — снова поднял свои тарифы… и что он, как и раньше, предлагает платить мне по более высоким премиальным тарифам, если я как-нибудь заскочу к ним с рукописью. Но, Лертон, я за свою жизнь никогда не был так тяжело загружен работой, как сейчас, и я никак не могу заниматься беллетристикой, пока я не закончил

этот дом *[в Санта-Круз].* Стоит мне отвернуться, как что-нибудь идёт не так, как надо. Столярные и отделочные работы продвигаются медленно (и требуют кучу денег). А после них ещё останутся полы, потолки и камины, плюс подъездная дорожка, крыльцо и окраска фасада. Чувствую себя в каком-то бесконечном кошмаре, и затраты совершенно невероятные. Но нет никакой возможности всё остановить — разве что оно само всё встанет, когда закончатся деньги. Что вполне вероятно, несмотря на скорость, с которой Вы добываете для нас золото. Простите — я просто очень устал, вчера до полуночи просидел над чертёжной доской, сегодня пришлось продолжать, чтобы выдать краснодеревщикам кучу деталировочных чертежей к выходным… а теперь вынужден писать это письмо, чтобы не пропустить следующую отправку почты. Но зато у нас будет красивый дом, именно такой, какой хочет Джинни.

16 сентября 1973: Роберт Э. Хайнлайн — Лертону Блассингэйму

…а тем временем я крепко подсел на трёх книгах. Одна художественная, она будет долго писаться, потому что надо провести большое исследование в области истории, культуры и

речевых особенностей нескольких периодов в истории, о которых я пока ещё очень мало знаю. Это будет фэнтези с эпизодами в разных эпохах (с новым трюком для перемещения во времени), каждый эпизод независимый, их можно будет продавать как рассказы, по мере написания, но все они связаны единым сюжетом, и получается роман книжной длины. Нечто наподобие того, как «Adventures of Hiram Holiday» *[Пола]* Голлико собираются в одну книгу — но при этом совсем ничего общего в структуре эпизодов с прекрасной работой Голлико. (Я собираюсь его перечитать, чтобы всеми способами оставаться как можно дальше от его идей.) У меня есть несколько хорошо проработанных эпизодов, но каждый нуждается в тщательном исследовании. Возможно, придётся написать черновик для каждого эпизода, а окончательный вариант доводить уже после исследования; это потребует много работы. (Может быть, я сделаю подростковую книжку НФ приключений, наподобие тех, что я делал раньше, прежде чем эта эпизодическая фантазия будет завершена.)

Вторая книга представляет собой автобиографические мемуары, которые будут опубликованы посмертно, а до того они не будут защищены

авторским правом (и, следовательно, у них будет нулевая стоимость по завещанию) — в качестве небольшой премии Джинни, за все годы, что она терпела мой вздорный характер. Если издать их через год или около того после моей смерти, это должно принести ей некоторый доход… если, конечно, перед смертью я всё ещё буду писать, и мои работы всё ещё будут известны. Если я сумею придать им товарный вид, возможно, Вы сможете увидеть их в черновике попозже — в зависимости от обстоятельств. Я много лет собирал письма для такой книги и недавно начал наводить в них порядок… особенно после 1969-го, который заставил меня понять, что может настать момент, когда у меня не будет собственности, годной для продажи. Рабочее название: «Ворчание из могилы Роберта А. Хайнлайна (покойного)». (Удивительно, насколько откровенным и язвительным можно быть, когда уверен, что это не увидит свет, пока автор благополучно не окажется вне досягаемости.) Я там назову разные имена, поэтому Джинни должна будет отредактировать текст, посоветовавшись с хорошим адвокатом, чтобы обезопасить себя. Несомненно, и адвокаты издателей тоже захотят изъять или заменить некоторые имена. Но я собираюсь писать так,

будто работаю с доской для спиритических сеансов[93]. Это будет легко писать — множество заметок, груды скопившихся сувениров, письма за пятьдесят с лишним лет, разные вещи, которые я никогда ни с кем не обсуждал, например, как много лет назад я оказался на переднем крае во время кризиса с Японией, перед Второй мировой войной — кризис, который повлёк за собой ультиматум и который никогда не попадал в новости… плюс Тайная Жизнь (Уолтера Митти) Хайнлайна, и т. д.[94] Я работаю над этим.

А третья книга будет написана и подготовлена к публикации, как только я буду свободен от заботы о Джинни и её долгой мучительной стоматологии. Я легко мог бы начать писать её прямо сейчас, но буду иметь намного более объёмную картотеку к тому времени — вскоре после Нового

---

[93] Примечания: 93

Ouija board — «Доска Уиджа», говорящая или колдовская доска. Изобретена в XIX веке американцем Э. Бондом. Не исключено, что Хайнлайн имел в виду оперативную схему размещения самолётов на палубах авианосца, двухуровневый стол с масштабными модельками самолётов, который тоже называли «доской Уиджа».

[94] Примечания: 94

The Secret Life of Walter Mitty — «Тайная Жизнь Уолтера Митти» (1939), рассказ Джеймса Торбера, американского юмориста и иллюстратора, в котором главный герой, задавленный жизнью подкаблучник, постоянно грезит наяву, представляя себя пилотом экстра-класса, гениальным хирургом, крутым гангстером, героем войны и т. п. Впервые экранизирован в 1947 году.

года. Рабочее название: «Писать для заработка (и как на это прожить) — содержащая неприукрашенные факты о писательском рэкете для людей, слишком ленивых, чтобы рыть канавы». Первая часть — «Писать для заработка» — будет на обложке и авантитуле[95], полное название будет на титульном листе — хотя на суперобложке можно было бы показать «Писать для заработка» крупным шрифтом, плюс «Неприкрашенные факты» более мелким, плюс моё имя очень большими буквами — того же размера, что и короткое название, или даже крупнее, если руководствоваться подходом издателей к суперобложкам моих последних нескольких книг. Кроме того, Джинни предложила использовать на внутреннем клапане, на обратной стороне суперобложки и в качестве заголовка предисловия поддельную цитату на латыни: «De Natura Scribendi…» и т. д., что в вольном переводе должно означать «Кое-что о природе писательского бизнеса и как не дать себя в этом деле облапошить». Джинни хорошо владеет латинской грамматикой, и она знает много похабных латинских идиом… она напишет это, затем заручится помощью профес-

[95] Примечания: 95
Авантитул — первая страница книги перед титульным листом.

сора латыни здесь, в кампусе, чтобы обеспечить качественную грамматику и точность идиом — и подобрать слова, которые будут наиболее близки к их аналогам в английском языке. Я, вероятно, припишу цитату Ювеналу или Овидию, в интерпретации Лазаруса Лонга.

(Можно было назвать «Как писать за деньги», но я думаю, что, «Как…» был перегружен работой в последние годы.)

Слегка приглаженный перевод можно использовать в аннотации на суперобложке (возможно, точный перевод нужно будет направить обозревателям), но сама латынь должна быть идиоматически совершенна. Это будет на самом деле настоящее практичное руководство для начинающих, которые ещё слишком дикие, чтобы более-менее спокойно выполнять… эту работу и получать ту радость, которую приносит написание книг. Я собираюсь сделать это пособие чрезвычайно практичным, более практичным, чем «How to Write and Sell» Джека Вудфорда[96] (его единствен-

[96] Примечания: 96

Джек Вудфорд (Jack Woodford, 1894–1971) — псевдоним известного американского сценариста и автора бульварной литературы Josiah Pitts Woolfolk. Много писал о писательском мастерстве, в т. ч. «How To Write and Sell A Novel» (1943), «How To Write For Money» (1944), «Writer's Cramp» (1953) и др. На русский переведён роман «Неопытные в любви» и несколько рассказов.

ная хорошая книга, его единственный бестселлер и основа для 90 % + его репутации)… но я намереваюсь написать поживее, чтобы это прочитали миллионы начинающих-писателей-которые-на-самом-деле-никогда-ничего-не-напишут, плюс те тысячи, которые действительно могут писать и зарабатывать этим на жизнь, если узнают определённые правила игры, о которых не говорится ни на так называемых креативных курсах по литературе, ни в какой-либо книге по писательскому мастерству, из тех, что я когда-либо видел.

Я хочу добавить в текст в качестве иллюстраций разные анекдоты из реальной жизни, изменив имена и даты — там, где это необходимо, чтобы избежать преследований — и сообщить об этом. В ней будет много маленьких шуточек, плюс несколько по-настоящему убойных мест. Уверен, что смогу это сделать. Это будет книга на все времена, и на ней можно будет делать деньги ещё много лет спустя. Она как раз может стать ударным хитом, как «Sex and the Single Girl» Элен Герлей, потому что все хотят знать, как делать деньги с наименьшими усилиями, и почти столько же людей, по крайней мере, втайне, лелеют надежду увидеть свои имена напечатанными после слов «Автор…» — с таким же огромным

любопытством, с каким большинство респектабельных женщин думают о проституции… с тайным желанием узнать, смогли бы они, подвернись случай, добиться успеха в Самой Древней Профессии — но, разумеется, они на самом деле никогда и ни за что, боже упаси! Почти столько же людей примерно так же размышляют о Второй Самой Древней Профессии, о Сказочнике. Я знаю из многочисленных случаев на собственном опыте, что человек, который фактически пишет ради куска хлеба… и ясно преуспевает на этом поприще… становится объектом любопытства, как некое весьма экзотическое существо, не вполне респектабельное, но всё же весьма и весьма интересное. Ко мне пристают с разговорами об этом каждый раз, когда я появляюсь на публике — раньше это было весело, но постепенно выросло настолько, что стало доставлять неприятности. Надеюсь, с помощью книги я смогу превратить эту неприятность в наличные деньги.

ПРИМЕЧАНИЕ РЕДАКТОРА: Ни одна из трёх книг, о которых здесь говорилось, не была написана; были собраны какие-то заметки, но ничто никогда не вылилось на бумагу.

Однажды Лертон позвонил и передал, что Роберта попросили прочитать одну из форресто-

ловских лекций в Академии ВМФ. Обычно Лертон не жаловал подобные приглашения, но это было от альма-матер Роберта. Поэтому оно было принято, и на подготовку речи ушло много месяцев.

Потом Роберту поступила просьба от редакторов «Britannica», чтобы он сделал статью о Поле Дираке и антивеществе для Комптоновского Ежегодника. Роберт воспринял её как возможность рассмотреть всю область современной физики и наук вообще. Так что на написание той статьи ушёл один год. А за ней последовала просьба о другой статье, о крови — ещё один год, который был потрачен на исследования в области биологических наук, и одна статья, в которую вылилась годовая работа.

Потом пришло приглашение быть Почётным Гостем на MidAmeriCon, который со всеми приготовлениями занял большую часть 1976 года.

Год 1977-й прошёл в организации движения за сдачу крови среди фэнов научной фантастики — и я должна от всего сердца поблагодарить их за сотрудничество в этом проекте. Доноры всё ещё присылают мне копии своих десятигаллонных сертификатов…

Так что время прошло, и книги, которыми так загорелся Роберт, так и не были написаны.

Роберт никогда не рассказывал мне, что это за кризис был с Японией, когда его корабль на полной скорости двигался на Восток.

РЕЗКИЙ СПАД

31 марта 1959: Роберт Э. Хайнлайн — Лертону Блассингэйму

Если рынок находится в столь плачевном состоянии, я должен сделать одно из двух: либо прекратить писать для дешёвых НФ-журналов и сосредоточиться на телевидении и продажах в глянцевые журналы, либо просто всё бросить и проводить время так, как хочу. Сейчас я очень легко мог бы уйти. И Джинни, и я — мы можем жить вполне обеспеченно, просто обходясь без заграничных поездок, изумрудов и тому подобной ненужной роскоши — и, разумеется, я вовсе не жажду выбиваться из сил, плодить бессонные ночи и т. д., ради сомнительной привилегии получать такие мизерные расценки за слово, что после удержания налогов они на самом деле ниже, чем те, которые я выбил себе двадцать лет назад, а с учётом покупательной способности — фактически вдвое меньше прежних. Это просто не имеет смысла.

28 июля 1959: Роберт Э. Хайнлайн — Лертону

Блассингэйму

Я возвращаю Вашу вырезку о плачевном состоянии беллетристики. Этого достаточно, чтобы человек вернулся к профессии инженера. Однако я всегда работал, руководствуясь одним принципом, который Уилл Дженкинс *[настоящее имя автора научной фантастики Мюррея Лейнстера]* вбил в мою голову много лет назад: для хорошей истории всегда найдётся покупатель. Когда я начинал писать, было полным-полно дешёвых бульварных и дорогих глянцевых литературных журналов — и не было ни покетбуков, ни телевидения. Думаю, я просто продолжу писать истории, которые я сам хотел бы прочитать, и надеяться, что их можно будет куда-нибудь да пристроить.

КОНТРАКТ НА КИНОФИЛЬМ

8 ноября 1968: Роберт Э. Хайнлайн — Лертону Блассингэйму

Мы только что закончили тяжёлые три дня с литературным оценщиком, жёстким, но очень милым; он оказался muy simpatico[97]. Сегодня я пробую превратить мои записки в длинное

---

[97] Примечания: 97

muy simpático (*исп.*) — весьма располагающим к себе.

письмо Неду[98] по поводу контракта на «Дорогу славы» *[роман фэнтези, см. главу XI, «Взрослые романы»].* Проклятье, я обнаружил, что контракт требуется подписывать без возможности изменений, не понимаю, как вообще можно с таким смириться. Джинни говорит, что они позволили писать этот контракт троюродному брату, тогда как должны были привлечь, по крайней мере, двоюродного брата.

ТЕЛЕСЕРИАЛ

12 октября 1963: Роберт Э. Хайнлайн — Лертону Блассингэйму

Нед рассказал мне по телефону, что контракт оформлен на телесериал и от меня требуется сделать сценарий для съёмок пилотной серии. Он вывалил на меня кучу подробностей, я не стал ничего записывать, поскольку не верю всяким долбаным голливудским штучкам, пока я не увидел подписанный контракт и чек… Похоже, Нед элементарно добивается от них всего, что попросит…Я просто сказал ему продолжать в том же духе и вытягивать из них самые выгодные

---

[98] Примечания: 98

Нед — голливудский агент Хайнлайна. См. примечание к гл. Работа в Голливуде.

условия, какие только сможет, а я их буду подписывать, пока они не требуют от меня работать в Голливуде.

Но Нед сказал, что я действительно должен выехать в Голливуд на совещание, хотя бы на один день, с Дозиром, боссом. Я наотрез отказался, пока у меня не будет на руках подписанного контракта. Я вовсе не упрямился.

ПРИМЕЧАНИЕ РЕДАКТОРА: Роберт давно привык к звонкам голливудских продюсеров, которые хотели, чтобы он написал им сценарий. Каждый раз, сделав такое предложение, они спрашивали: «Почему бы Вам не вскочить в самолёт, чтобы по-быстрому слетать сюда и обсудить это дельце?»

Поэтому, когда в 1963-м Роберту позвонил голливудский продюсер Хоуи Хорвиц, у Роберта был готов ответ. Хоуи хотел, чтобы Роберт сделал пилотный сценарий для научно-фантастического телесериала для студии «Screen Gems»[99]*. Затем последовало неизбежное: «Почему бы Вам не вскочить в самолёт, чтобы по-быстрому слетать сюда и обсудить это дельце?»*

---

[99] Примечания: 99

Screen Gems — подразделение кинокомпании «Columbia Pictures». В конце 50-х на волне телевизионного бума студия сделала ставку на телесериалы.

Роберт ответил: «Почему бы Вам не вскочить в самолёт до Колорадо, чтобы мы смогли обсудить это здесь?»

К нашему изумлению, Хоуи так и сделал.

Роберт поклялся всем, чем только можно, что больше не будет ввязываться в подобные предприятия. Но присутствие Хоуи его разоружило. После его отъезда Роберт принялся за работу и написал сценарий. И тут он обнаружил, что разрывается между Колорадо и Голливудом, и так работать совершенно невозможно. Поэтому в начале 1964-го мы поехали туда, чтобы Роберт смог доводить сценарий под руководством Хоуи.

Когда работа была закончена, мы вернулись домой. И именно в этот момент в Голливуд заявились банкиры из Нью-Йорка и уволили самого Хоуи и его босса. Сценарий в «Screen Gems» заморозили, а Хоуи и его босс перешли на другую сторону улицы и сняли там «Бэтмена».

Во всех практических смыслах пилотный сценарий был мёртв, так же как и весь сериал «Century XXII». Существует слабая надежда, что когда-нибудь его, возможно, пустят в дело. Кто-нибудь прочитает эти строки, вспомнит об этом сценарии и приступит к трудной задаче сделать из него фильм.

20 января 1964: Роберт Э. Хайнлайн — Лертону Блассингэйму

Вы снимете меня с крючка по нескольким вещам? В моей семье произошла смерть — не то чтобы я близко принял её к сердцу, но долг обязывает — поэтому в течение часа я должен успеть сесть в самолёт (Джинни остаётся здесь), затем — по возвращении в четверг — немедленно уезжаю в Голливуд (Джинни будет меня сопровождать) и прибываю туда в понедельник, 27 января, возможно, опоздаю на встречу в «Screen Gems» по поводу истории… *[Телевизионный]* проект, похоже, совсем протух, и я уже не питаю никаких надежд спасти его, но я должен быть там, чтобы постараться сделать всё возможное.

И сейчас мне катастрофически ни на что не хватает времени, и мне нужна помощь по незаконченным делам (из-за этого проклятого сценария у меня горят все сроки)… а эти похороны вообще всё сдвинули — несмотря на то, что за последние три дня я ответил на шестьдесят три письма, пытаясь наверстать упущенное.

8 апреля 1964: Роберт Э. Хайнлайн — Лертону Блассингэйму

Нужно принимать во внимание множество других вещей. Мы дома уже три недели, две из

них были съедены болезнью, оставшуюся часть времени я безуспешно пытался справиться с лавиной из скопившихся несрочных документов, сотен непрочитанных газет и журналов и т. п. Здесь не только то, что скопилось за время нашего отъезда, но и то, что было отложено с прошлого августа, когда начался этот проект. Этот последний голливудский эксперимент ещё раз подтвердил моё прежнее мнение, что, хотя расценки в Голливуде и высоки, они не окупают того, через что автору приходится пройти, чтобы их получить, так что он в конечном счете оказывается в проигрыше. Я надеюсь, что Вы, я и Нед *[Браун]* сделаем на этом немного денег — но если сериал не запустят в производство, я надеюсь, мне хватит здравого смысла впредь оставаться дома и писать книги, а Страну Грёз оставить тем, кому по вкусу эти крысиные бега.

Глава VI
О методах письма и сокращениях

25 октября 1946: Роберт Э. Хайнлайн — Лертону Блассингэйму

…потом напишу ещё один рассказ. Рабочее название «Ностальгия» *[«Как хорошо вернуться»]*, он снова о Луна-Сити и т. д. по сюжету. Если получится, я хочу, как я делал в «Astounding», создать единый фон для серии межпланетных рассказов о ближайшем будущем (будущее столетие, около 2050 года нашей эры). Мои рассказы будут вписываться (с небольшими изменениями) в принятый в SEP *[«Saturday Evening Post»]* формат подобных сериалов, типа Трактор-червяк, Энни-Буксир, Оружейник Пайн, Хаггерти-Голубая фишка, и т. д. — рассказы о конкретной профессии или целой отрасли. Мой цикл будет развиваться на фоне коммерческих (не исследовательских или приключенческих) межпланетных путешествий. Названия мест будут отражать последовательность смены декораций: Луна-Сити, Сухая вода, Венусбург, Новый Брисбен, Нью-Чикаго. Куда

дальше? Лейбург, Марсополис, Нью-Нью-Йорк и т. д., на неё будут работать также соответствующие технологии, культурные особенности и изменения в манере говорить. Герои в каждом рассказе будут свои, но главные герои одной истории могут появляться в эпизодических ролях в других рассказах.

Науки и техники будет по минимуму, но они будут достоверны. Редактор может быть уверен, что я буду придерживаться фактов астрономии, атомной теории, баллистики, ракетной техники и т. д. Например, пилотирование в рассказе, который Вы получите, полностью соответствует нашим сегодняшним представлениям — даже если оно таким не будет, оно, по крайней мере, изображено таким, каким оно могло бы быть: оно практично и соответствует временным интервалам, скоростям, ускорениям и используемым инструментам. Когда в своей истории я рассказываю о падении с высоты 700 футов на Луну и говорю, что через сорок секунд скорость достигает 140 миль в час, после чего снижаю скорость секундной тягой с пятикратным увеличением веса, я знаю, о чём говорю; я — инженер-механик, баллистик, я изучал ракетные двигатели, и я — астроном-любитель. Я упоминаю об этих вещах,

потому что они могут помочь Вам продавать мои тексты — я не собираюсь подсовывать редактору очередную чушь про Бака Роджерса. В основе моих рассказов лежит углублённое изучение и исследовательская работа.

16 мая 1947: Роберт Э. Хайнлайн — Лертону Блассингэйму

…что касается формального тренинга с Уззеллом[100] или кем-то ещё, я получаю все тренинги, которые мне нужны от Вас… Я вообще опасаюсь всяких тренингов, мастер-классов, журналов о литературе и пособий о том, как надо писать. У меня из-за них проблема сороконожки — Вы знаете анекдот про сороконожку, у которой спросили, как она управляет всеми своими ногами? Она пробовала ответить, остановилась, чтобы

---

[100] Примечания: 100

Томас Уззелл (1889–1960), литературный редактор журнала «Collier's», в 1923-м опубликовал книгу «Техника рассказа», которая считалась учебником для желающих научиться писать рассказы. После четвёртой публикации в «Saturday Evening Post» Хайнлайн, не желая оставаться автором «космической оперы», напрямую обратился к литературному редактору SEP Стюарту Роуз, предлагая расширить диапазон сотрудничества: помимо научной фантастики, он хотел бы писать фэнтези, реалистическую прозу, детективы, циклы рассказов и романы. Роуз воспринял эти инициативы с большим скепсисом. Хайнлайн забеспокоился и попросил Блассингэйма прояснить ситуацию. (Роберт не раз и не два пытался действовать через голову своего литературного агента, а когда это приводило совсем не к тому результату, которого он ожидал, Боб предоставлял Лертону разруливать возникшие ситуации.) Блассингэйм переговорил с редактором SEP, и тот порекомендовал его подопечному поучиться писать рассказы у

Уззелла. Блассингэйм не видел в этом особого смысла, но посоветовал Хайнлайну хотя бы просмотреть книгу Уззелла. Хайнлайн прочитал книгу, попытался следовать советам и… получил затяжной творческий кризис. В конце концов, Вирджиния сказала ему, что понятие «сюжет» выдумали профессора английского языка, чтобы объяснить то, о чём прирождённые рассказчики вообще не задумываются, и посоветовала выкинуть книгу в помойку. Хайнлайн так и сделал (редкий случай, он уважал книги) и принципиально написал рассказ «Новичок в космосе» наперекор всем рекомендациям Уззелла.

подумать об этом, и больше не смогла сделать ни шагу. Статьи и книги о том, как писать книги, оказывают на меня тот же эффект. Автор кажется таким убедительным, он настолько уверен, что знает, о чём говорит, что я начинаю испытывать сомнения относительно моей собственной техники. А потом выясняется, что автор убеждал своих читателей делать нечто, для меня совершенно неприемлемое — возможно, весьма подходящее для него лично, но непригодное для моего запущенного случая. Если я пытаюсь ему подражать, следовать его указаниям, я обычно не в состоянии довести работу до конца по его методикам и теряю свои собственные навыки в процессе…

На самом деле мне больше пользы приносит изучение чужих рассказов, особенно тех, в которых авторы добиваются эффектов, которых я пока ещё не знаю, как достичь. Я считаю, что для меня лучше изучать, что они сделали, чем слушать разговоры о том, как они это делают.

Уинслоу говорит, что я не разбираюсь в построении сюжета, и, вероятно, так оно и есть — меня много раз хвалили за мастерство, проявленное в моих сюжетах, в то время когда я чертовски хорошо знал, что обсуждаемый рассказ писался вообще без предварительной подготовки. В моём

понимании рассказ — это интересная ситуация, в которой человек должен справиться с какой-то проблемой, и он справляется с ней так и таким образом, что это изменяет его личность, характер или систему ценностей, потому что необходимость заставила его пересмотреть его взгляды. Я не могу заранее спланировать, как он с этим справится, потому что это зависит от его характера, а я не знаю, что у него за характер, пока я не познакомлюсь с ним. И только когда я начинаю «слышать голос своих героев», можно считать, что дело в шляпе — с этого момента они сами занимаются решением своих проблем.

31 января 1948: Роберт Э. Хайнлайн — Лертону Блассингэйму

Мне, разумеется, очень жаль, что Вы встревожились, и я постараюсь, чтобы такого больше не случалось, когда я погружаюсь в заключительные главы романа, иногда почти невозможно привлечь моё внимание.

2 января 1950: Роберт Э. Хайнлайн — Лертону Блассингэйму

Мой метод работы таков, что у меня всегда есть дюжина и более историй, над которыми я работаю.

20 марта 1953: Роберт Э. Хайнлайн — Пите-

ру Гамильтону [101]

Проблема создания убедительного фона в научно-фантастическом рассказе чрезвычайно осложняется, если пытаешься уменьшить его длину. В обычной беллетристике фон может неявно предполагаться или может быть предельно кратко обозначен, но здесь у меня весьма необычная научно-фантастическая идея, которую нельзя без ущерба обработать подобным образом. За все годы, что я писал научную фантастику, я сделал только один рассказ длиной менее 2500 слов, это был рассказ «Колумб был остолопом»…

9 октября 1956: Роберт Э. Хайнлайн — Лертону Блассингэйму

…тем не менее я баловался с разными экспериментальными методами повествования (ни один из них Вы не видели), и я начинаю думать, что могу разработать новый метод, который может оказаться очень важным приобретением. Это — техника подачи от первого лица с несколькими героями, но не та, что использует Джон Мастерс

---

[101] Примечания: 101

См. Комментарии в конце книги. Питер Гамильтон.

в «Bowhani Junction»[102]. Мне, как в кино, нужны быстрые переключения на разные ракурсы и перемещение камер; идея в том, чтобы достичь кинематографической скорости, добиться эффекта присутствия и сопереживания, полученного потоком сознания — отличный приём, если я сумею использовать его! Основная сложность, как мне кажется, кроется в задаче перехода от одной точки зрения к другой, чтобы при этом и не смутить читателя, и не растерять его сопереживание герою, пропустив через такой громоздкий механизм. Но я думаю, что я научусь делать подобные вещи.

Я не хочу использовать эту технику для коммерческих текстов, пока не буду уверен, что смогу вынудить читателя согласиться с ней. Джеймс Джойс вводил в литературу важную новую технику, но он сделал это настолько неуклюже, что его так называемые романы фактически нечитабельны; если у меня действительно появится

---

[102] Примечания: 102

Джон Мастерс (John Masters, 1914–1983), — потомственный британский офицер. Служил в Индии. После Второй мировой войны и провозглашения независимости Индии эмигрировал в США, где написал цикл полуавтобиографических романов. «Bowhani Junction» (1954) описывает события, происходившие во время раздела Индии в 1947 году и последовавшего за этим хаоса, с точки зрения британского полковника, индийской девушки-полукровки и т. п. Считается лучшим романом Мастерса. Экранизирован в 1957 году.

годная к употреблению новая техника, я хочу отладить её до такой степени, чтобы она, появившись на свободном рынке, могла выдержать конкуренцию с обычными средствами, ценность которых подтверждена и всеми признана.

Джинни советует, чтобы я ни в коем случае не использовал её в научной фантастике, а сохранил её для серьёзного романа. Думаю, что она права, потому что эту технику никто не будет серьёзно рассматривать в НФ-романе. Поглядим.

ВНИМАНИЕ

8 ноября 1968: Роберт Э. Хайнлайн — Лертону Блассингэйму

Уверен, что я подписал контракт «Gollancz» *[британский издатель]*, и уверен, что не невидимыми чернилами. Тогда я сунул его в файл, а Вам отправил неподписанный экземпляр, думая, что подписал оба. Джинни говорит, что всякий раз, когда она находит мои ботинки в холодильнике, она догадывается, что я засел за историю.

Поэтому — вот, второй, на этот раз подписанный экземпляр.

РАБОЧИЕ ПРИВЫЧКИ

31 августа 1956: Роберт Э. Хайнлайн — Лертону Блассингэйму

...тем временем у меня не оказалось ни одной рукописи на продажу. Часть моих проблем из-за того, что я обязался делать то, что не вписывается в мои рабочие привычки, т. е. представлять на согласование план произведения. Планы никогда не были для меня чем-то реальным, в них нет жизни. О, я использую то, что я называю схемами, но они того сорта, который никакой редактор не принял бы; фактически это просто задумки, набросанные на бумаге. В тот момент, когда идея начинает оживать, я сразу начинаю писать саму историю и разрабатываю конфликт и персонажей уже по мере продвижения. Иногда это заводит меня в тупик и приводит к ненужным длиннотам, которые приходится удалять. (В романе «Дверь в лето» какое-то время фигурировали марсиане, примерно полдня, потом я выбросил несколько страниц и снова лёг на правильный курс.) Но когда я погружаюсь в историю, я пишу легко, я слышу героев, вижу их глазами, чувствую их проблемы и вместе с ними ищу из них выход. Как видите, это не тот метод, *[который]* можно

свести к формальной схеме, по которой можно гарантированно написать приемлемую историю. Но это мой метод, я сам ему научился, и он у меня работает.

Попытка заставить себя действовать более традиционным способом не сработала; она просто привела к тому, что несколько месяцев я рычал на свою жену и завалил всю остальную работу. Поэтому следующую неделю я намерен посвятить попытке начать историю, подходящую для «Boys' Life». Без какой-либо схемы, принципиально. Вероятно, это сработает, и, вероятно, они её купят. Но если за неделю у меня не будет результатов, я должен буду сказать им, что у меня нет ничего, что бы я мог им предложить в настоящий момент — и мне придётся урезать мои расходы и заняться тем, что я умею делать.

13 сентября 1956: Роберт Э. Хайнлайн — Лертону Блассингэйму

Я хотел написать Вам с тех пор, как поговорил с Вами в воскресенье, но я был занят проектом повести для «Boys' Life». Я закончил её вчера вечером и теперь попытаюсь расчистить завалы, начав с письма к Вам.

Я думаю, что у меня наконец-то есть история, которую можно предложить «Boys' Life», если, ко-

нечно, я смогу её порезать до приемлемой длины и она при этом не истечёт кровью с летальным исходом. Название — «Новичок на Венере», она о бойскауте, его собаке и его кореше из отряда бойскаутов на Венере — никакого секса, никакого огнестрельного оружия, никаких драк между мальчиками, ножи используются только для тех вещей, для каких они официально предназначены у скаутов, и никаких злодеев, только естественные опасности дикой природы. У меня нет никаких реальных сомнений относительно этой вещи: это не нетленка, но вместе с тем это хорошая, добротная, приключенческая история. Я хотел бы, чтобы в финальной версии осталось максимально возможное количество исходного текста. Это вечная проблема создания убедительного детального фона в научно-фантастическом рассказе, где действие происходит в странных местах в будущем. Вы не могли бы позвонить их редактору и попросить у него самый верхний предел по количеству слов? Чем больше у меня будет пространства, тем лучше будет рассказ.

Финальный вариант рукописи должен быть в Нью-Йорке где-то в течение месяца, начиная с этого времени. Они могут на это рассчитывать.

ЭМОЦИОНАЛЬНЫЕ БЕСПОРЯДКИ

27 августа 1953: Роберт Э. Хайнлайн — Лертону Блассингэйму

Я очень сочувствую её *[Пэгги Блассингэйм]* эмоциональным проблемам, будучи сам им подвержен, хотя и по другим причинам. Когда я работаю над книгой, исполнение каких-то иных обязательств, кроме самой книги, меня страшно напрягает. Встреча за ужином, назначенная за четыре дня до, встаёт между мной и пишущей машинкой и очень затрудняет работу… очень трудно продолжать и удерживать себя в отрешённых от мира грёзах, которые, как мне кажется, почти непременное условие для литературы сопереживания. Эта моя невротическая особенность весьма неудобна Джинни, поскольку я категорически отказываюсь принимать участие в любом общественном мероприятии, если подготовка к нему начинается до 5 вечера в тот день, когда оно должно произойти. Когда я пишу, я совсем не против общения — если не узнаю о нём заранее, а такое ограничение очень неудобно для хозяйки.

ПЕРЕПИСЫВАНИЕ

28 марта 1957: Роберт Э. Хайнлайн — Лертону Блассингэйму

…задержка на «Детях Мафусаила». И Джинни, и я стали ещё более осторожными в этом вопросе, по сравнению с тем, что я писал в последний раз. Она думает, что роман нужно полностью переписать от начала до конца; я, конечно, уверен, что эта вещь не должна попасть в продажу, пока я не поработал над ней ещё немного. Возможно, её действительно придётся полностью переписать. У меня эта задача вызывает не больше энтузиазма, чем необходимость заменить шину ночью в проливной дождь, но боюсь, что это необходимо сделать. Хуже всего, что это отнимет время, которое я намеревался потратить на новую рукопись. Если повезёт, я успею отправить Вам текст до конца апреля…

…однако самое серьёзное моё опасение по поводу публикации в «Doubleday» вызвано другой причиной: я боюсь, что «Мафусаил» просто не соответствует по качеству «Кукловодам» и «Двери в лето», я боюсь, что это будет похоже на резкий спад. Он был написан шестнадцать лет назад, полагаю, за это время я кое-что узнал о том, как

рассказывать истории.

ОТРЫВКИ

16 февраля 1968: Роберт Э. Хайнлайн — Лертону Блассингэйму

И я получил ещё одно письмо от *** — относительно той просьбы использовать отрывок из «Логики Империи». На сей раз он говорит мне приблизительно (не точно), что он хочет опубликовать отрывки, но говорит, что не может сказать, сколько мне заплатят. Ну, насколько я знаю британские цены, я сомневаюсь, что он собирается заплатить больше чем десять-двадцать долларов за тысячу слов. Но я не могу понять, почему он ждёт, что я продамся за неустановленную цену? Мне очень хочется сказать ему, что короткие отрывки должны идти по цене коротких рассказов, скажем, по тарифу около шиллинга за слово.

Но я вместо этого снова скажу ему «нет»,

(a) в любом случае я не хотел бы видеть мои истории нарезанными на кусочки. Каждая из них предназначалась для прочтения целиком;

(b) у меня нехорошее подозрение, что он хочет заполучить моё имя на суперобложку по цене около десяти долларов;

(c) главное: мне не нравятся его действия в

обход моего агента. Если он хотел, чтобы его просьбу рассмотрели повторно, он должен был представить второе своё предложение Вам — он, конечно же, знает, кто Вы и где Вы находитесь.

Черт побери, вообще-то, если задуматься, я вообще не буду ему отвечать; вместо этого я перешлю его письмо Вам. Если Вы захотите ответить на него, сделайте это. В противном случае отошлите его назад, и я сам это сделаю. Но мне, конечно же, не нравится его непрофессиональное поведение в откровенной попытке действовать через голову моего агента.

ПРЕДИСЛОВИЯ

14 января 1963: Роберт Э. Хайнлайн — Роберту Миллсу [103]

Лертон сообщил мне, что Вы с ним достигли соглашения об использовании «Зомби» *[«Все вы зомби»]* и что теперь Вы хотите от меня предисловия к рассказу, в котором я объясню, почему он — «один из моих фаворитов».

Тут я внезапно потерял весь свой энтузиазм. От перспективы писать аннотацию к одному из моих собственных рассказов у меня мороз по

---

[103] Примечания: 103
См. Комментарий в конце книги. Роберт Миллс.

коже, почти как от посещения автограф-сессии или необходимости писать в фэнзин. Почему бы Вам самим её не написать? Похоже, Вам эта вещь нравится больше, чем мне, и Ваша реклама в FSF *[The Magazine of Fantasy and Science Fiction]* была хороша.

Но, если Вам непременно нужна моя аннотация, как насчёт такой: «Марк Твен изобрёл сюжет о путешествиях во времени; шесть лет спустя Г. Дж. Уэллс довёл его до совершенства и показал его парадоксы. Они оставили после себя совсем немногое, что ещё можно было сделать. Но писать подобные истории по-прежнему интересно. Одни из них — работа, другие — игра, а этот рассказ — из тех, что мне нравилось писать».

Но я всё же предпочёл бы, чтобы Вы сами его рекламировали. Если автор пишет сам себе рекламу, он бьётся в тисках между тщеславием и ложной скромностью.

СВОБОДНЫЙ ОПЦИОН[104]

27 января 1961: Роберт Э. Хайнлайн — Лертону Блассингэйму

Все мои инстинкты продажной шлюхи противятся идее бесплатного варианта, даже на шесть месяцев — но по Вашему совету я готов двигаться дальше. Ему *[имеется в виду потенциальный продюсер]* было бы намного лучше (надёжнее), да и я был бы намного более счастлив, если бы сюда была привлечена хоть какая-то небольшая наличность, прописанная в контракте. Премия по сделке не должна быть большой, и её можно бы было разбить на периодические платежи небольшими порциями. Однако я подозреваю, что он не хочет подписывать официальных бумаг сейчас, потому что это потребует конкретно прописать суть сделки, что именно она включает

---

[104] Примечания: 104

Речь идёт о *свободном опционе* — сделке с довольно расплывчатыми краями. В данном случае автор обязуется за полгода написать сценарий, а продюсер обязуется у него этот сценарий выкупить, когда он будет готов. У покупателя, естественно, нет никаких денег, он получит их, если сумеет найти спонсоров проекта. Свободный опцион может предусматривать некоторую сумму *премии опциона*, эта сумма выплачивается автору при заключении контракта, как подтверждение серьёзности намерений продюсера. Это не аванс предстоящей сделки, а плата за преимущественное право выкупить рукопись (автор может вернуть премию и распорядиться рукописью по-своему). В данном случае продюсер пытается запустить проект с нулевым бюджетом и ничего не платить автору до завершения работ.

— а он, похоже, не имеет ясного представления, в чём могла бы состоять сделка, пока у него нет сценария, который можно показать спонсорам.

Глава VII
Строительство

КОЛОРАДО-СПРИНГС[105]

ПРИМЕЧАНИЕ РЕДАКТОРА: Когда Роберт и я только поженились, мы жили в Колорадо-Спрингс. После продажи сценария кинофильма нужно было перебираться в Голливуд, потому что Роберт должен был работать техническим директором на съёмках «Место назначения — Луна».

После съёмок фильма контракт Роберта был закрыт, и мы возвратились в Колорадо, чтобы построить свой дом. Во время строительства началась война в Корее — хотя её называли «полицейской операцией», на самом деле это была полноценная война; призыв никто не отменял, а все цены взлетели вверх. Роберта могли призвать обратно на инженерную службу, да и меня тоже. Хотя я и была в запасе, оставалась вероятность, что меня могут снова призвать на действительную военную службу. Ничего из этого не

---

[105] Примечания: 105
См. Комментарии в конце книги. Дом его мечты.

произошло, но мы пережили период неопределённости, не зная, сможем ли мы закончить строительство или будем вынуждены отправиться на войну[106].

В одном из этих писем есть упоминание о быстро повышающихся затратах на пиломатериалы; Кэмп Карсон, городок по соседству с Колорадо-Спрингс, был переименован в Форт Карсон, и в нём началась обширная программа строительства. Нас застигло врасплох повышение цен на всё, что было необходимо, чтобы закончить дом.

Прежде чем Роберт стал писателем, он имел некоторый интерес в планировании семейных домов. У него было несколько собственных проектов. Однако они были для ровной местности, а участок земли, который мы приобрели, был на склоне горы. Никто из нас не был к этому готов, мы вообще не представляли себе разных тонкостей реального процесса постройки дома.

Мне было поручено прочитать «М-р Бландингс строит дом своей мечты»[107]*. Мы избежали*

---

[106] Примечания: 106

См. письмо от 18 декабря 1950 г. в главе XIII, «Проблемы».

[107] Примечания: 107

«Mr. Blandings Builds His Dream House» — юмористический роман Эрика Ходжинса (Eric Hodgins), вышел в 1946 году. Книга основана на реальном опыте самого Ходжинса, приобретённом им при строительстве собственного дома.

ошибок, описанных в той истории, но мы сделали совершенно уникальный набор своих собственных.

9 июля 1950: Роберт Э. Хайнлайн — Лертону Блассингэйму

...мы продолжаем строительство, у нас есть фундамент, коммуникации и очистные сооружения, но я вынужден снова прервать работу и ждать, пока не появятся деньги. Да, я знаю, что я мог бы решить эту проблему, отправив Вам новую рукопись, и я молю Небеса дать мне такую возможность — но я так обгадился... с платёжными ведомостями, закупками материалов и попытками выполнить работу архитектора, что я не могу сейчас ничего писать. И у меня по-прежнему большие проблемы с подрядчиком.

13 августа 1950: Роберт Э. Хайнлайн — Лертону Блассингэйму

...Я сожалею, что вынужден обойтись с ним жёстко, но мне нужны деньги. Чеки, которые Вы послали мне, попали в платёжную ведомость этой недели, но на этой неделе у меня произошла серьёзная неприятность по другому поводу, и я сижу вообще без цента. А между тем армия восстанавливает здесь базу со строительной программой на миллион долларов, и все местные

склады пиломатериалов немедленно повысили свои цены. За шесть недель древесина здесь подорожала примерно на 60 %. Тем не менее кровлю сейчас уже делают; крышу нам покроют к концу этой недели — и мы въедем в дом примерно в День Труда[108], если мои нервы столько протянут. После этого я намерен всё остановить и начать новую рукопись.

14 августа 1950: Роберт Э. Хайнлайн — Лертону Блассингэйму

Ваше письмо от 11 августа прибыло сегодня и вызвало у нас бурю ликования… чек на аванс по контракту с NAL[109] вдвое больше, чем мы ожидали, а также новость о том, что Вы продали «Дороги» *[«Дороги должны катиться»]* на ТВ, и новости о сериале Келлога по «Космическому кадету»[110]. Мы с Джинни думаем, что Вы — настоящий волшебник. Всё это снимает с плеч Роберта заботу о деньгах и гарантирует, что мы сможем закончить наш дом обычным способом,

---

[108] Примечания: 108

Labor Day — Общенациональный праздник, отмечаемый в первый понедельник сентября. В 1950-м — 4 сентября.

[109] Примечания: 109

NAL — издательство «New American Library».

[110] Примечания: 110

«Том Корбетт, космический кадет» — телесериал по мотивам романа «Космический кадет» (см. Комментарии в конце книги).

не прибегая к ипотеке.

ПРИМЕЧАНИЕ РЕДАКТОРА: Мы переехали в дом на уик-энд в День Труда. Он был закончен, застеклён, но в верхнем ряду окон не были установлены все стеклянные кирпичи, поэтому мы потратили уик-энд, запихивая паклю в дыры вокруг стеклянных кирпичей и «заглаживая» её. Я раздобыла большой рулон обёрточной бумаги и прибила его к стенам гвоздиками. По крайней мере, у нас появилось место, где мы могли жить. В нём был черновой пол[111]*, но это был Дом Хайнлайнов в Колорадо-Спрингс. При его строительстве мы столкнулись со множеством трудностей — и не в последнюю очередь с нехваткой строительных материалов из-за войны в Корее, которая случилась задолго до того, как дом был закончен. И тогда Роберт сел и написал «Кукловодов».*

13 сентября 1950: Роберт Э. Хайнлайн — Лертону Блассингэйму

Нам наконец удалось переехать в наш новый дом. Он ещё не совсем закончен; в то время как внешняя оболочка полностью готова, внутренность — сплошной лес гвоздиков и временных перегородок из обёрточной бумаги. У нас есть

---

[111] Примечания: 111

Черновой пол — доски, брошенные на лаги.

водопровод, у нас есть кухонное оборудование, у нас есть отопление: жить можно.

Меня по-прежнему сильно достают счета, строители, неизбежная работа по дому и тому подобные заботы, но теперь у меня есть место, где я смогу писать, и я вернусь к своей основной работе.

11 февраля 1951: Роберт Э. Хайнлайн — Лертону Блассингэйму

…мы сумели потратить 6000$ за шесть дней — что оказалось не таким простым делом. Я пытался купить и пустить в дело каждый кусочек металла, каждую щепочку, которые нужны, чтобы закончить этот дом.

Кстати, это снова как следует опустошило наши карманы. Смехотворное замораживание цен *[из-за военной экономики]* ввели слишком поздно, чтобы оно принесло какую-то пользу тем, кто занят строительством. Но теперь, когда у меня на руках все необходимые материалы, я знаю, что смогу его закончить.

13 мая 1951: Роберт Э. Хайнлайн — Лертону Блассингэйму

На прошлой неделе мы обшили потолок, завтра мы его красим и начинаем деревянную обшивку стен. Дом похож на лагерь сезонных рабочих,

воскресенье — единственный день, когда я могу заниматься бумажными делами, потому что у меня день и ночь работают мастера. Я пашу по четырнадцать часов каждый день, и мало-помалу у меня начал исчезать живот. Строительство домов — занятие весьма непрактичное, но постепенно у нас что-то вырисовывается.

10 июня 1951: Роберт Э. Хайнлайн — Лертону Блассингэйму

Сейчас — десять тридцать, а я должен встать приблизительно в шесть. Сегодня было воскресенье, я весь день работал один на доме. Он остаётся бесконечной головной болью, но уже начинает просматриваться конец — примерно через месяц, если не нарвёмся ещё на какие-нибудь проблемы. Сейчас, когда счёт в банке пополнился, самое трудное — это найти и удержать мастеров. В этом городе строительный бум, и у каждого рабочего есть на выбор много рабочих мест. Мне нужны четыре или пять рабочих, а у меня есть только двое, плюс я сам. Я работаю по всем специальностям — за тех, кто в данный момент отсутствует. К счастью, большинство строительных работ я могу худо-бедно делать сам. Чтобы вы поняли, насколько трудно сейчас найти специалистов, я скажу только, что столярные работы у меня

выполняет каменщик. Я часто вспоминаю Ваши слова, больше года назад Вы писали, что надеетесь, что у меня не будет проблем, но никогда не слышали, чтобы у человека, строящего свой собственный дом, не было бы больших проблем. Ну и мы, разумеется, их имели сполна, но конец не за горами — если я раньше не рехнусь.

Что я говорю? Я уже рехнулся!

17 апреля 1961: Роберт Э. Хайнлайн — Лертону Блассингэйму

По правде говоря, я не слишком далеко продвинулся в арабском языке, и я ничего не пишу. Вместо этого при помощи кирки, лопаты, лома, блоков и лебёдки я перемещал массивные глыбы камня, сооружая ирригационную плотину — проект чуть поменьше Большой Пирамиды, но равный Стоунхенджу. Жирок на моём животе отсутствует вообще, но зато есть прекрасная новая коллекция болей, ломоты, синяков и царапин.

15 мая 1961: Роберт Э. Хайнлайн — Лертону Блассингэйму

Теперь мы — семья с двумя тачками. В этом причина задержки.

Не отмахивайтесь от этого. Вот у Вас в семье есть две тачки? Сколько семей с двумя тачками Вы знаете? Я хочу сказать: два «кадиллака» на

семью обычное дело, среди наших соседей таких как минимум штук двадцать, не считая Техасцев. Но мы — единственная семья с двумя тачками, о которой я знаю.

Это произошло так: я начал строить ирригационную дамбу Джинни. Одновременно Джинни растаскивала по участку овечий навоз, торф, гравий и т. д., и очень быстро обнаружилось, что каждый раз, когда ей нужна была тачка, она была у меня, ниже по ручью — и наоборот. Кризис всё разрастался, и тогда мы решили не ограничиваться полумерами и заказали по телефону в «Sears» ещё одну. Теперь мы оба день-деньской счастливо горбатимся, каждый с его (её) собственной тачкой.

(Больше жизни! Купите себе вторую. Вы не знаете, что такое роскошь, пока у Вас нет своей собственной тачки, на которую не будет постоянно претендовать Ваша супруга.)

Эту дамбу (чтоб её) я называю (не без основания) Проектом Стоунхендж; это — величайшее достижение гражданского строительства со времён Великой Пирамиды. В её основании — валуны, огромные, по две-три тонны каждый, и я устанавливаю их на место блоками и лебёдкой, ломом, киркой и лопатой, а также потом и скаутской

выдержкой. Набросьте пеньковую петлю вокруг большого противовеса, закрепите один блок на одно дерево, другой на другое дерево, натяните посильнее и потуже всем моим весом каждый из них и зафиксируйте, а затем дюйм за дюймом поднимите зверюгу при помощи рычага, девяностофунтовым ломом, из тех, что используют, чтобы вручную перемещать грузовые вагоны.

И вот, когда Вы наконец её подняли, уравновесили… и она готова упасть вперёд, петля соскальзывает, и она падает туда же, где была. Весьма полезно для душевного равновесия. (И для моей талии — у меня вообще не осталось никакого жира, и я крепок на всём своём протяжении. Ну, то есть умеренно крепок.)

ПРИМЕЧАНИЕ РЕДАКТОРА: Роберт любил работать с камнем, и наш участок очень украсили три декоративных бассейна и каменные облицовки.

ОКРУГ САНТА-КРУЗ

ПРИМЕЧАНИЕ РЕДАКТОРА: Мы любили наш дом в Колорадо-Спрингс — Роберт очень многое там сделал, работая с камнями вокруг дома, и мы щедро расточали нашу заботу на него в

течение нескольких лет.

Но были две причины, по которым мы вынуждены были уехать. Одной из них было моё здоровье. С годами становилось всё более и более очевидно, что я не могу жить на такой высоте — у меня была «горная болезнь». Вторая причина была в том, что дом стал слишком маленьким для наших папок с бумагами и книг. Мы оставили Колорадо в семнадцатую годовщину нашего брака, чтобы присмотреть на Западном Побережье землю для застройки. Три месяца ушло на эти поиски, прежде чем мы купили землю в Санта-Круз.

В том доме мы оставались вплоть до 1987 года, когда обнаружили, что он расположен слишком далеко от мест медицинского обслуживания, которое время от времени срочно требовалось Роберту. Тогда мы обратили наш взгляд на Кармэль и нашли там подходящий дом, хотя у него были все недостатки, которых мы избежали в Санта-Круз.

1 февраля 1966: Роберт Э. Хайнлайн — Лертону Блассингэйму

Мы переехали в этот дом, потому что он на двадцать миль ближе к земле, которую мы наконец-то купили, чем квартира в Уотсонвилле. Это ближайшая к нашему новому участку арен-

да, какую мы смогли отыскать — на самом деле не очень-то близко: девять миль по прямой, четырнадцать по дорогам, двадцать шесть минут на машине. Но всё же дом, помимо того, что он ближе, несравнимо лучше квартиры. Здесь всё на одном этаже, имеются три спальни (что даёт мне отдельную комнату для моего кабинета), две ванные комнаты, посудомоечная машина, дробилка для мусора, гараж на две машины и газовая печь с вытяжкой вместо электронагревателей. В других отношениях тут просто кошмар, типа большого панорамного окна, за которым имеется очаровательная панорама исключительно глухой стены на расстоянии в десять футов — но нам тут будет комфортно и вполне практично, пока мы не построим наш новый дом.

Мрачная сага о том, как мы едва не купили другой участок земли, слишком сложна, чтобы подробно о ней рассказывать.

Те сорок три акра красных деревьев, расположенные прямо на Сан Андреас Фаульт — Джинни думала, что это я страстно их желаю, я думал, что она их страстно желает… а на самом деле нас обоих к ним тянуло. Это совершенно грандиозный участок земли, очень гористый, два стремительных низвергающихся горных ручья

со множеством водопадов, тысячи красных деревьев высотой двести футов. Но на самом деле это место больше подходило для исполнения «Gotterdammerung»[112], чем для строительства жилого дома. На большей части участка земля настолько твёрдая, что её невозможно использовать, а лес настолько густой, что дом будет освещён солнечным светом не более трёх часов в сутки. Доставка почты была бы на расстоянии в милю…

Я согласился, но настоял, что сначала мы поищем дом, выставленный на продажу… потому что проектирование и строительство дома стоили бы мне как минимум времени, за которое можно написать одну или две книги, что нужно будет отнести на скрытые издержки. Так мы и сделали — но мне потребовалось всего несколько дней, чтобы признать, что невозможно купить готовый выстроенный дом, который устроил бы меня, а тем более Джинни. Огненные мышеловки в случае пожара, выстроенные наспех, со всеми возможными непоправимыми ошибками! (Типа прекрасного плавательного бассейна причудливой формы, расположенного прямо напротив

---

[112] Примечания: 112

«Gotterdammerung» (*нем.*) — «Гибель Богов», опера Рихарда Вагнера.

соседских окон! Или проводки «Romex» со сроком службы не более пяти лет, запрятанной в деревянных стенах дома…)

Новое владение лишено всех рискованных особенностей недвижимости, от покупки которой мы отказались. Оно расположено на муниципальной трассе с хорошим дорожным покрытием, граница землевладения проходит рядом с электрической и телефонной линиями. Здесь нет газа (мы предполагаем использовать на кухне бутан, мазут для отопления), нет канализации, нет муниципального водопровода. Поэтому мы будем использовать отстойник и поле фильтрации[113]. У нас тут есть собственный родник, который сейчас стабильно даёт 6000 галлонов воды в сутки. У нас был очень сильный ливень в прошлый уикэнд, я съездил и снова проверил ручей и был рад узнать, что воды нисколько не прибыло — то есть, очевидно, источник залегает достаточно глубоко, чтобы на него не повлиял шторм. Я ещё прослежу за ним в течение наступающего сухого сезона, но сосед (не владелец) уверял нас, что родник за прошедшие семьдесят пять лет не пересыхал ни

[113] Примечания: 113

Простейшая система с подземным резервуаром-отстойником (септик) и последующим распределением сточных вод на большой площади для естественной фильтрации через грунт.

разу. Я думаю всё здесь обустроить ещё лучше и планирую заложить не только плавательный бассейн, но и два или три декоративных и ещё водоёмы большой вместимости на случай, если мы будем испытывать нехватку воды в сухой сезон. Правда, я не слишком об этом беспокоюсь; это — страна красных деревьев, а где красные деревья, там и вода. Земля — пологий покатый склон, с максимальным уклоном около одного к десяти, и участок для дома приблизительно на сорок футов выше дороги. Этот участок чист, но на нём приблизительно восемь или девять групп красных деревьев, плюс несколько больших, старых живых дубов, которые выглядят пигмеями на фоне sequoias. Здесь растут sequoia sempervirens[114], прибрежное красное дерево, и наши — молодой вторичный лес, им лет по девяносто, высотой около ста футов, толщиной больше ярда. Ещё есть другие хвойные, жёлтая сосна, ель, кипарис и т. д., но их едва видно среди красных деревьев. Я ещё не провёл перепись деревьев, но, похоже, у нас тут больше ста очень больших деревьев, плюс молодые различных размеров. Каждая рощица красных деревьев

[114] Примечания: 114
sequoia sempervirens — секвойя вечнозелёная.

группируется вокруг пней, оставшихся от вырубки первичного леса, они шесть или восемь футов толщиной и восемь или десять футов высотой. Так как красное дерево не гниёт, они так и стоят на прежнем месте, большие серебристые скульптуры причудливой формы. Джинни планирует вокруг одной из таких групп разбить сад.

Я очень занят проектированием дома. Я хочу начать строить как можно скорее, потому что я на самом деле не могу сейчас ничего писать, по крайней мере, пока не будет готов проект и полная спецификация этого нового дома. Строительство для меня как навязчивая идея, оно вытесняет всё остальное из моей головы.

6 апреля 1966: Роберт Э. Хайнлайн — Лертону Блассингэйму

…я всё ещё склоняюсь над раскалённой чертёжной доской — у меня всё продвигается медленно, потому что я не архитектор и должен искать в справочниках почти каждую деталь. Но финал уже виден. Как только я смогу подключить водопроводную систему к нашему источнику и выровняю бульдозером подъездную дорогу, мы, вероятно, купим из третьих рук трейлер и переселимся на это место на время строительства — Джинни захотела переехать сейчас, чтобы

отвезти нашего кота сюда. В Колорадо-Спрингс была угроза бешенства, все животные находятся в карантине, и мы вынуждены держать его в питомнике у нашего ветеринара.

22 июня 1966: Вирджиния Хайнлайн — Лертону Блассингэйму

[Роберт] всё ещё отдыхает: когда он проводит слишком много времени на ногах, он очень легко утомляется…

Время от времени я слышу какие-то звуки, которые, похоже, указывают на то, что наш котик пытается ограбить птичье гнездо поблизости… Кажется, ему здесь понравилось, он так и не собрался назад в Колорадо, как я предсказывала.

1 июля 1966: Роберт Э. Хайнлайн — Лертону Блассингэйму

Я получил, но ещё не читал «The Psychology of Sleep»[115] — прочитаю её, как только смогу бодрствовать достаточно долго. Я хочу узнать, почему я так сонлив. Наверное, сейчас я практически в полном порядке, за исключением того, что я сонлив всё время. Я сплю и двенадцать, и четырнадцать часов в день. Встаю поздно, завтра-

[115] Примечания: 115

«The Psychology of Sleep» — «Психология сна». Скорее всего, книга Дэвида Фоулкса (David Foulkes), выпущенная «Scribner» в 1966 году. Хотя книг с таким названием выходило несколько.

каю и едва могу бодрствовать достаточно долго, чтобы вернуться обратно в кровать, чтобы снова встать, пару часов позаниматься (через силу) бумажной работой и снова задремать. Собираюсь сделать кое-что после ужина, но обнаруживаю, что снова уснул. В этом нет ничего неприятного, за исключением того, что я полностью бесполезен, и работа накапливается. Разрез, кажется, зажил полностью, и мой хирург говорит, что после 15 июля я смогу делать всё, что захочу — поднимать 200 фунтов, например… (это будет замечательно, поскольку я ничего подобного никогда в прошлом не делал. О, от пола, да — но не чистый жим вверх.)

ПРИМЕЧАНИЕ РЕДАКТОРА: Здоровье Роберта было довольно хрупким. Время от времени ему нужны были различные крупные и мелкие хирургические операции. Хотя порой он был в состоянии делать чрезвычайно тяжёлую работу, болезни типа гриппа поражали его тяжело, а на то, чтобы поправиться, могли уходить недели.

Эти болезни относились к серьёзным или незначительным. В молодости у него был туберкулёз; восстановление заняло приблизительно год. В 1970-м у него была перфорация дивертику-

ла[116]*, которую не могли диагностировать в течение семнадцати дней; потребовался долгий период восстановления. Из-за шока для его системы это сопровождалось опоясывающим герпесом. Поскольку доктора опасались удалять его желчный пузырь, пока они работали с перитонитом, эту операцию отложили до 1971-го, когда он поправился от опоясывающего герпеса.*

В 1978-м в Мурса у него случился приступ TIA[117]*, который привёл к необходимости пройти операцию шунтирования сонной артерии.*

15 августа 1966: Роберт Э. Хайнлайн — Лертону Блассингэйму

Джинни беспокоится и расстроена тем, что у неё всё ещё нет воды на строительном участке. Вода крайне необходима на время очень пыльных земляных работ и для того, чтобы она смогла начать посадки для укрепления почвы на больших участках с насыпным грунтом. Их смоет, если не успеть этого сделать до проливных дождей. Кто-то предупредил нас, когда мы приехали сюда, что

---

[116] Примечания: 116

perforated diverticulum — прободение отростка кишки.

[117] Примечания: 117

TIA — Transient Ischemic Attack — преходящее ишемическое нарушение мозгового кровообращения.

Санта-Круз — это место сплошной «mañana»[118] и неспешных манер, которые заразили даже gringos — и тот человек был совершенно прав. Нам обещали насосную систему через две недели; прошло уже больше месяца — если мы не получим воду через несколько дней, я окажусь перед необходимостью стать очень неприятным с тем субподрядчиком. Чего я опасаюсь.

Мы не можем заливать бетон под дом, пока у нас нет разрешения на *[строительство],* но есть множество других вещей, которые нужно сделать. Я всё ещё надеюсь и ожидаю, что мы закончим к началу дождей и сможем въехать, даже при том, что интерьер всё ещё будет не готов — если к тому времени мы с Джинни оба не окажемся в смирительных рубашках.

4 сентября 1966: Роберт Э. Хайнлайн — Лертону Блассингэйму

Вот что у нас есть: мы

(a) начали дом,

(b) обзавелись бездомным котёнком и

(c) принимали гостя в течение трёх дней, когда у нас буквально не было ни комнаты, ни удобств для больного гостя — до такой степени мы замо-

---

[118] Примечания: 118

Mañana (*исп.*) — «завтра», обещание с которым легко расстаются мексиканцы или испанцы, обычно означает «никогда».

тались…

Котёнок — хорошенькая маленькая кошечка, которая постоянно пищит… и гадит прямо под этой пищущей машинкой со здоровой регулярностью… и теряется под домом… и настаивает на том, чтобы спать под головой Джинни… и постоянно нервирует нашего кота. Очевидно, она ещё маленькая, чтобы пахнуть как кошка; для него она — просто монстр, который вторгся в его дом и который слишком часто занимает слишком много времени у Мамы и Папы. Но она всего лишь очередная неудачница: Джинни спасла её, когда её собирались отдать в приют. О боже. Думаю, когда мы приучим её к дому и едва у неё начнётся течка, она тут же окажется самым желанным дополнением к обитателям нашего дома, а прямо сейчас она просто заноза в заднице.

Я наконец-то уволил нашего глупого архитектора и сам взялся за работу…

Теперь у нас есть вода, временно подключил насос к временному резервуару… Участок — уже не та ужасная пыльная пустыня, какой он был; *[Джинни]* орошает водой (беспрестанно перетаскивая с места на место единственный разбрызгиватель, к которому ведёт временное подключение) его и маленькие зелёные ростки,

которые должны предохранять почву от приближающихся дождей. Между делом она готовит кофе, лимонад или конфеты и раздаёт их (очень полезно для поддержания боевого духа), при необходимости что-то привезти она ездит в Санта-Круз, и ещё ведёт хозяйство, готовит, взяла на себя бухгалтерию и каждую ночь без сил падает в кровать. (Но неимоверные усилия позволят нам въехать в наш дом до начала сезона дождей — мы едва можем этого дождаться.)

*** просит прочитать лекцию. Плата устраивает, и у меня есть план подходящей лекции. Свяжитесь с ним и примите предложение, при соблюдении следующего условия: у м-ра Хайнлайна ужасно плотный график (т. е. он занят важными делами, а вовсе не мешает раствор, таскает блоки или машет лопатой), поэтому чтение лекции может быть запланировано не ранее чем на начало года, и кроме того, я жду, что он обеспечит транспорт от Сан-Франциско до Чикаго, конкретно, самолётом туда и обратно.

…думаю, что на этом всё, сегодня вечером мне ещё нужно сделать кое-что по электричеству — рассчитать максимальные рабочие нагрузки по всему дому и решить, можно ли использовать четырёхжильный трёхфазный подземный ка-

бель… Это — всего лишь одна из тех маленьких кошмарных недоделок, которые остались после нашего архитектора.

Наша новая кошечка снова и снова забирается под дом — это совершенно невозможно, но она справляется. Джинни только что вышла в темноту с миской кошачьего корма и фонариком, попробует соблазнить её. Здесь никогда не бывает скучно…

21 ноября 1966: Роберт Э. Хайнлайн — Лертону Блассингэйму

Прилагаю снимок, сделанный на прошлой неделе. Как видите, кладка стен почти завершена. Четыре ряда «усиливающей балки» проложены по верхнему краю (похожи на все другие ряды кладки, но внутри них четыре стальных стержня в полдюйма толщиной, залитые бетоном — это здание фактически армированный сталью монолит; в нём скрыты сотни и сотни фунтов стали).

Но у нас неприятности:

(a) начались зимние дожди;

(b) у нашего каменщика детский темперамент.

Подрядчик им очень недоволен, а я воздерживался от выговора ему только потому, что не хотел толкать под локоть подрядчика — из всех нас он самый зрелый и добросовестный.

4 декабря 1966: Роберт Э. Хайнлайн — Лертону Блассингэйму

Мы теперь строим между каплями дождя, но, слава богу, каменная кладка на доме наконец-то вся закончена. Есть ещё две небольшие надворные постройки каменной кладки, которые нужно сделать, насосная и электрощитовая, но они много времени не займут. Это не срочно и не сложно, так что даже я могу их построить. Нам нужно около двух недель сухой погоды, чтобы сложить крышу и настелить кровлю — но зимние дожди начались необычайно рано и необычайно сильно, и будет очень хорошо, если мы сможем сделать крышу где-нибудь в январе. Подрядчик решил, что, начиная с этого момента, работать будут каждый сухой день, включая субботы и воскресенья. Но сухих дней не хватает. На этой неделе было только два достаточно сухих дня, прямо сейчас льёт как из ведра, а назавтра ожидаются дожди ещё сильнее. Но я не слишком беспокоюсь, поскольку плотницкие работы не так зависят от погоды, как кладка. Самая большая наша проблема это улучить достаточно долгий сухой период, который позволил бы нам установить отстойник и вырыть 200-футовую канаву для коммуникаций — водопровода, электриче-

ства, телефона и низковольтной сигнальной линии. Эта почва быстро становится слишком сырой для работы экскаватора.

3 февраля 1967: Роберт Э. Хайнлайн — Лертону Блассингэйму

На данный момент *[Джинни]* закончила размахивать кистью на стройплощадке… Работа все ещё движется, но очень медленно; снаружи это выглядит так же, как на последней фотографии, которую я Вам посылал, но внутри было сделано довольно много. Мы застряли с остеклением, всё ещё нет никаких точных сроков, когда прибудут наши стеклопакеты. Это не только напрягает нас, в частности Джинни, так как она должна мириться с первобытными условиями быта и готовки в этом летнем домике — но и оказывает очень плохое влияние на нашего генерального подрядчика; он стал капризным, раздражительным и уже не способен контролировать других мастеров, не срываясь в ругань — что, на мой взгляд, не лучший способ получить максимальную отдачу от человека.

17 февраля 1967: Роберт Э. Хайнлайн — Лертону Блассингэйму

Что касается стройки — мы, кажется, застряли в непрерывном кошмаре. Элементы остекления

всё ещё не прибыли — менеджер даже не обещает никакой конкретной даты. Санузлов и раковин, которые должны были находиться на складе в Сан-Хосе (как теперь выяснилось), вообще нет, и мы должны ждать, пока их производитель снова не запустит партию нужного нам цвета. Один из так называемых «мастеров», который завалил нашу систему водоснабжения, теперь предъявляет нам иск за «заработную плату» — суд назначен на 24-е. Мы обнаружили огромный плывун с зыбучими песками на нашей дороге, так что теперь её придётся восстанавливать бог знает за какие деньги. Тем временем проводка продвигается с болезненной медлительностью…

Но наш дом в Колорадо, наконец, продан и потери оказались не слишком велики — немного наличными по сделке после закрытия расходов и комиссии, но тем не менее для меня это было большим облегчением. Джинни продолжает размахивать кистью ежедневно, в то время как я медленно возвращаюсь к чертёжной доске, чтобы закончить чертежи столярных изделий. Мы находимся в добром здравии, у нас нет долгов по счетам, которые мы не можем заплатить, и Джинни говорит, что мы можем остаться в плюсе, несмотря на все эти проблемы. Погода прекрас-

ная, дождливый сезон почти закончился, и вещи выглядят не так уж плохо.

27 июня 1967: Роберт Э. Хайнлайн — Лертону Блассингэйму

А больше ничего существенного на сегодня. Джинни каждый день понемногу трудится на чистовой отделке деревянных деталей — травит, шлифует и лакирует красное дерево; я всё ещё потею над раскалённой чертёжной доской, завершая последние детали; сегодня я проектирую кабинет Джинни. Столярные работы и деревянная обшивка уже закончены примерно на 80 %; потом будут полы, потолки, камины, постоянное освещение, переднее крыльцо, подъездная дорожка и покрасить фасад — работы всё ещё полно, но конец уже слабо мерцает вдали.

10 июля 1967: Роберт Э. Хайнлайн — Лертону Блассингэйму

Должно быть, это последнее письмо, которое мне приходится писать на карточном столе; Джинни почти закончила травление и лакировку в моём кабинете. И ещё сегодня прибыла почти половина столярных изделий для её офиса; скоро мы оба будем должным образом обустроены, впервые за два года. Аллилуйя! Мы наконец-то получим свободный доступ к нашим файлам и

разберёмся с перепиской и документами… и у меня непреодолимое желание наконец-то добраться до письменного стола и снова начать писать.

Наша почва — чёрный суглинок поверх песка на твёрдом подпочвенном слое. Я думаю, что мы сможем контролировать ситуацию с подъездной дорожкой, если просто рассмотрим её как постоянное русло ручья. И тогда проблема решается с помощью дренажной канавы и железобетонного основания. Но я не уверен. Вчера мой брат Рекс рассказал мне о своём друге, тот — профессиональный инженер, специалист по почвам, у него аналогичная проблема с дорогой и он не смог её решить. (Но я не думаю, что наш случай настолько плох.)

Четвёртого июля мы остались дома и работали — даже не выбрались пострелять из нашей пушечки — ничем не могу заниматься, пока не будет закончена плотницкая работа и я смогу распаковать столовую. Но мы выбирались в Пало-Альто в этот уик-энд, послушали хорошую музыку и посмотрели футбол по телевидению, дикий загул эмоций на фоне той жизни, которую мы ведём. По правде говоря, мы чрезвычайно приятно провели время и с удовольствием сбежали отсюда. (Все, кроме кота, который считает,

что было совершенно несправедливо по отношению к нему поместить его в клетку и отвезти в питомник. Но он тоже нуждался в покое; он постоянно проигрывал поединки. Мне так жаль, что я не могу научить его драться только с теми котами, которые меньше его, или с Арабами, как утверждает генерал с повязкой на глазу, всегда полезно подготовиться драться с Арабами.)

Мы оба в добром здравии и в весьма хорошем настроении. Это всё ещё долгий путь, но теперь мы можем видеть дневной свет в конце туннеля.

26 октября 1967: Роберт Э. Хайнлайн — Лертону Блассингэйму

…а потом прибыл Ваш чек, и всё озарил солнечный свет. Этот чек почти полностью закрывает наши затраты на дорогу — весьма сложную и дорогостоящую систему подземного дренажа для плывуна — и остаются деньги на руках и ещё ноябрьские и декабрьские роялти для того, чтобы заплатить налоги, работа внутри дома завершается (потолки и встроенные светильники), и всякая всячина. Никаких проблем. Стопроцентная платёжеспособность. Праздник! Поэтому мы объявили выходной, отправились в центр города, купили Джинни новое платье, связались

с друзьями, пообедали avec mucho[119] алкоголя и общения. Сегодня у меня умеренное похмелье, но мой боевой дух как никогда высок.

14 октября 1968: Роберт Э. Хайнлайн — Лертону Блассингэйму

С запозданием примерно на 5000 лет я сформулировал основной естественный закон и назвал его не своим именем, а именем человека, который первым открыл его: Закон Хеопса — никакое здание никогда не может быть закончено в срок. В прошлом месяце гостевой домик был готов на 90 %. В настоящее время он закончен на 91 %. Я упорно тружусь каждый день за своим столом. Deus volent[120], я всё же напишу что-нибудь!

---

[119] Примечания: 119
avec mucho (*фр.+исп.*) — с большим количеством.

[120] Примечания: 120
Deus volent (*лат.*) — Бог даст.

Глава VIII
Почта почитателей и прочая трата времени

13 марта 1947: Роберт Э. Хайнлайн — «Saturday Evening Post»

«Зелёные холмы земли» вызвали такой поток почты, что он чуть не уничтожил меня как писателя — у меня не осталось времени, чтобы писать! Кажется, ни одного письма не было от психов; примерно половина поступила от технарей. Всё это показывает, что Соединённые Штаты всё ещё состоят из тех, кто верит и надеется, потому что они повторяют отважные слова, которые я услышал прошлым летом, стоя в тени ракеты «Фау-2»: «...всё, что мы хотим сделать, если мы хотим этого достаточно сильно».

17 марта 1961: Роберт Э. Хайнлайн — Лертону Блассингэйму

...остальное время было потрачено на игру в скребл[121] (Джинни выигрывает со счётом при-

---

[121] Примечания: 121

скребл — настольная игра, в которой игроки складывают на специальной доске слова из фишек с буквами, в России игра ходила под названием «Эрудит».

мерно 60:40, у неё словарь лучше, чем у меня) и на нескончаемый поток корреспонденции. У меня на руках около дюжины писем от школьников и учеников колледжа, которые просят меня помочь им с курсовыми работами. В последние годы учителя по всей стране стали задавать детям такие задания, что я (наверняка и многие другие писатели) постоянно получаю письма с длинным перечнем вопросов… ответы на которые им были нужны в прошлую среду… а чтобы ответить должным образом на каждое письмо, требуется несколько часов. Чёрт, один мальчик из колледжа даже позвонил мне из Западной Вирджинии, он хотел продиктовать мне вопросы по телефону и чтобы я ответил на них курьерской авиапочтой, иначе он завалит свой курс английского языка. Это было, когда я работал по шестнадцать часов в день, чтобы сократить ту рукопись для «Putnam», поэтому я посоветовал ему двигать дальше и заваливать свой курс, потому что я не собираюсь прерывать работу, по которой горят сроки, чтобы выполнить обязательства, которое я на себя не принимал.

9 марта 1963: Роберт Э. Хайнлайн — Лертону Блассингэйму

…я очищаю мой стол от почты (фунты почты от

поклонников, и я испытываю сильное желание спалить их — им всем нужны срочные ответы, и только к одному из пятидесяти приложен оплаченный конверт с обратным адресом) — а когда уберу это прочь с дороги, я сяду сокращать новую книгу, «Большой шлем» или как она теперь у нас называется *[«Свободное владение Фарнхэма»],* и попробую освободиться к первоапрельскому Дню Дурака.

4 февраля 1969: Роберт Э. Хайнлайн — Лертону Блассингэйму

(Заговорили о времени, растраченном на посторонние работы, подобные этой — бедная Джинни! Почта поклонников вышла из-под контроля, и примерно месяц назад, отчаянно пытаясь вернуться к написанию рукописи, я всё это свалил на неё. Этим утром пришло 500-е письмо от очередного молодого человека, который прочитал «Чужака» и хотел обсудить со мной его душу. Он «медитировал» и посещал курсы «sensativity» (sic!)[122]. Так что я передал письмо Джинни, она мой доверенный послушник в гуру-бизнесе. Она прочитала, утомлённо взглянула на меня и сказала задумчиво: «Ты знаешь, как бы я хотела

[122] Примечания: 122

sensativity — по-английски это слово пишется как sensitivity, восприимчивость.

день-деньской медитировать, как эти дети».)

4 июня 1969: Роберт Э. Хайнлайн — Лертону Блассингэйму

Как Вы думаете, что будет, если я просто перестану отвечать на письма от незнакомых людей?

Я спрашиваю, потому что ситуация с почтой поклонников вышла из-под контроля. За последние пять лет её объем утроился, если не больше. Если я не сижу над ответами каждый день, накопление выходит из-под контроля, и требуется всё моё время, чтобы наверстать упущенное. Но я не могу отвечать на них ежедневно — даже если бы мне не нужно было писать следующую вещь, есть же разные перерывы: поездки за город, гости, болезни и т. д.

Это может показаться тривиальным; среди них нет ни к чему не обязывающих писем от незнакомцев, это всё почта поклонников плюс бесконечные просьбы посетить, выступить, пожертвовать рукопись, посоветовать начинающему автору. Из-за всех этих вещей главным образом я не смог закончить хоть какую-нибудь коммерческую рукопись с тех пор, как мы закончили строительство. Помощь секретаря, похоже, не решит проблему. Я не могу нанять секретаря на постоянной основе, а подходящий

совместитель мне никогда не попадался — снова пытался это сделать не далее как в прошлом месяце и думал, что нашёл, бывший флотский писарь. Результат: это стоило мне по два доллара за письмо в заработную плату плюс стоимость пересылки и материалов. В большинстве случаев ответы на письма ограничивались почтовыми открытками, максимум один небольшой лист почтовой бумаги. И это не сберегло мне ни единой минуты моего времени. На самом деле, я потратил даже больше времени, чем если бы я сам на них отвечал.

Письма под копирку тут не срабатывают: поступающая почта слишком разнообразна — я должен либо готовить, либо диктовать каждый ответ. Джинни или я, кто-то должен писать ответы. Джинни предложила взять всё это на себя (и часто справлялась с завалом почты). Но я не хочу, чтобы Джинни этим занималась, потому что это несправедливо по отношению к ней. Нельзя приковывать её к пишущей машинке, когда она хочет (и должна) потратить каждую свободную минуту на благоустройство этого места (и я хочу, чтобы она занималась ландшафтом — нет никакого смысла обладать прекрасным участком, если позволить ему выглядеть изъеденным мо-

лью). Кроме того, она готовит, убирает, делает все покупки и выполняет совсем не маленькую работу по ведению учёта, налогам, оплате счетов и прочим денежным операциям.

Так что остаётся либо делать это самому — либо бросить отвечать на письма от незнакомцев.

Я думал о следующем способе: форме, напечатанной на почтовой открытке США, что-то вроде этого:

> Спасибо за Ваше письмо, которое м-р Хайнлайн прочитал и оценил. У нас нет секретаря, и объём почты лишает меня возможности отвечать на каждое письмо так, как оно того заслуживает. Если Ваше письмо требует ответа помимо данного подтверждения, пожалуйста, пришлите оплаченный конверт с обратным адресом и сошлитесь на папку номер…Ваше письмо будет храниться в папке ожидающих ответа в течение тридцати дней.
>
> Мы сожалеем, что вынуждены использовать этот приём, но в альтернативе м-р Хайнлайн будет вынужден бросить писать истории, чтобы заниматься ответами на письма.

С уважением, Вирджиния Хайнлайн
(Миссис Роберт А. Хайнлайн)

Что-то вроде этого. Почистить от лишних слов и напечатать мелким шрифтом, чтобы влезло на открытку — и такой открыткой можно будет подтверждать приём каждого письма каждый день. Нужно всего лишь вырезать обратный адрес из письма и приклеить его скотчем к открытке. Ну и ещё использовать один из этих штампов с автоматическим счётчиком регистрационных номеров.

Беда в том, что таким способом я почти наверняка настрою против себя людей и потеряю друзей. Несмотря на то что более половины писем содержит фразу «…я знаю, что Вы — очень занятой человек…», правда заключается в том, что каждый автор-читатель выглядит в своих собственных глазах настолько важным, что он уверен, что его письмо так необычно, так интересно, так важно, что я с радостью брошу всё, чем я занят, и напишу на его письмо полновесный ответ. И когда он получит такую открытку, его реакцией будет: «Вот ведь надменный сукин сын!»

Так что Вы думаете, что я должен делать? Бросить отвечать на письма вообще? Использовать

это печатное подтверждение? Продолжать пытаться ответить на все письма? Или существует какой-то иной вариант, о котором я не подумал?

13 июня 1969: Роберт Э. Хайнлайн — Лертону Блассингэйму

Спасибо за Ваши длинные и вдумчивые комментарии о почте поклонников. Был рад получить от Вас подтверждение, что метод печатной открытки — плохая идея, я не буду его использовать. Но я очень боюсь, что у проблемы нет иного решения, разве что не отвечать на них вообще.

И в первую очередь я не «слишком добросовестный» в этом вопросе, поскольку я не трачу по нескольку страниц в ответ на глупые вопросы: Джинни и я давно сократили это до предела — обычный ответ делается на открытке. Если не требуется вложение (например, список моих книг, самая обычная просьба), мы используем самую маленькую почтовую бумагу. Правда, я имел обыкновение писать осторожные ответы на интеллигентные письма — но мы бросили это делать лет пять назад.

Предположим, что я могу найти студента колледжа, который согласится отвечать на письма по доллару за письмо (я не могу, но давайте пока не будем это обсуждать). За год это обошлось бы

мне в несколько тысяч долларов — я думаю, это слишком дорогая плата за сомнительную привилегию получать ненужную почту от посторонних людей. Большинство писем от моих поклонников не проходят через Ваш офис; в основном их пересылают издатели, или они адресованы в Колорадо-Спрингс и переправлены оттуда (потому что у каждой публичной библиотеки в каждом вымирающем посёлке есть этот адрес К. С.). Плюс большое количество адресованных в Санта-Круз. В итоге каждый день по полчаса трачу только на то, чтобы прочитать почту от поклонников. Как правило, на ответы у меня уходит меньше времени, чем на чтение, если использую открытку. Но Джинни — единственный кроме меня человек, который может быстро отвечать на письма, потому что она — единственная, кто достаточно искушён в том, на что надо отвечать, а что игнорировать, чтобы суметь этим заниматься.

Но я действительно должен их все прочитать. Несколько раз, когда Джинни и я были особенно заняты, мы откладывали, не читая, то, что казалось нам почтой поклонников — и это было ошибкой, потому что не раз и не два в почте поклонников оказывались погребёнными одно или несколько деловых писем, просто потому что их

внешний вид (один или два штампа переадресации, и никакого намёка в обратном адресе) не заставили меня предполагать, что это не очередное письмо от поклонников.

Настолько, насколько я смог узнать, задавая вопросы моим коллегам, я получаю гораздо больше почты, чем любой из моих коллег — ни один из них, похоже, не считает почту поклонников какой-то проблемой. (Я вспоминаю плач, опубликованный Джеймсом Блишем, в котором он умолял читателей присылать письма — ему нужна была обратная связь!)

Этим утром за завтраком мы читали почту, в которой нашлось и Ваше письмо — и Джинни сказала мне: «Отошли-ка вот это назад Л., и пусть он увидит, как тяжело на всё это отвечать». Ну, я не стал отсылать его назад, но оно было от одного парня и его жены из Нью-Йорка, которые хотели приехать сюда на каникулы, чтобы поговорить со мной. Я должен отказать ему, потому что человек, который проделает столь долгий путь для беседы, будет оскорблён (обоснованно или необоснованно — другой вопрос, так или иначе, его самолюбие будет задето), если его попросят покинуть нас через двадцать минут. Всё, о чём он спросил, было «днём или вечером?», и он пред-

полагает, что его ждёт полный день и далеко за полночь. Я знаю, так было уже много раз. Такого рода письма вовсе не редкость; в начале весны я получил одно от двух студентов из Оксфордского университета, Англия, они хотели приехать сюда этим летом и остаться на неопределённое время; ещё одно я получил от шести студентов из Университета Темпл[123], которые хотели приехать сюда на рождественские каникулы, разбить лагерь на берегу и видеть меня каждый день. И мы рассказывали Вам о молодом человеке из Аризоны, который приехал сначала в К. С., потом сюда, вот только что, на прошлой неделе… уговорами и лестью втёрся в доверие Джинни и торчал у нас, пока я его не вышвырнул четыре часа спустя. Плюс многие другие. Так что теперь мы отклоняем все просьбы приехать к нам… но такие отказы нужно делать очень мягко.

…Конечно, я могу спихнуть все ответы на Джинни, она может выдержать ещё и это. Но до тех пор, пока мы не начали пропускать приём пищи, я не вижу никакой причины, почему она должна бросить то, чем хочет заниматься ради этой цели — она и без этого несёт её предельную

---

[123] Примечания: 123

Temple University — Темпл, университет штата Пенсильвания, находится в г. Филадельфия, основан в 1884 году.

нагрузку…

20 ноября 1970: Вирджиния Хайнлайн — Лертону Блассингэйму

Да, сэр. Мы будем осторожны с аспирантами. Мы отвечаем на все письма, кроме тех, которые попадают в папку «эксцентричных» — они от людей, которые являются более или менее очевидно сумасшедшими.

ПРИМЕЧАНИЕ РЕДАКТОРА: Мы перешли к использованию шаблонов, списков с отметками. Было несколько различных шаблонов. Но я добавила в них рукописный постскриптум, чтобы сделать их более личными; конечно, он отнимал дополнительное время. Артур Кларк был потрясён, когда мы сказали ему, что мы используем шаблоны, но немного времени спустя он тоже стал их использовать.

ПРИМЕЧАНИЕ РЕДАКТОРА: Лертон видел немного почты от поклонников, но иногда приходили письма и на его адрес. И тогда он считал заслуживающими большего внимания письма от аспирантов английского языка. Поэтому он рекомендовал обращаться с ними осторожно.

Не сохранилось ни одного экземпляра писем с шаблонами ответов, но когда ответы на письма

делались с помощью компьютера, вот как они выглядели:

> Постоянно увеличивающийся поток почты вынудил м-ра Хайнлайна выбирать между написанием писем и написанием беллетристики. Я избавила его от этой работы, но он по-прежнему читает каждое письмо, посланное ему, и проверяет ответ.
>
> Каждую неделю приходят четыре или пять просьб о помощи с домашними заданиями, курсовыми работами, тезисами докладов или диссертациями. Мы не можем справиться с таким количеством и давно оставили такие попытки.
>
> С уважением, Вирджиния Хайнлайн [Госпожа Роберт А. Хайнлайн]

Даже после смерти Роберта почта поклонников всё ещё приходит, они просят меня ответить на вопросы о его работе[124].

---

[124] Примечания: 124
См. Комментарии в конце книги. Письма по трафарету.

ПОТЕРЯ ВРЕМЕНИ

3 ноября 1951: Роберт Э. Хайнлайн — Лертону Блассингэйму

…в дополнение к вышеупомянутому, я позволил втянуть себя в поездку в Денвер — выступать перед Лигой Колорадских Авторов. Я постоянно отбиваюсь от желающих сожрать моё время подобными мероприятиями. Я стараюсь по максимуму избегать подобных вещей, но слишком часто я оказываюсь загнан в угол.

27 января 1952: Роберт Э. Хайнлайн — Лертону Блассингэйму

Меня попросили выступить в программе Си-Би-Эс Эдварда Мерроу «В это я верю». Я польщён, но думаю, что откажусь; я не в восторге от перспективы выступать по национальному радио с исполнением эмоционального стриптиза. Кроме того, такие вещи мешают моей основной работе, отвлекая мои мысли от историй, иногда на многие дни. Не было никакого упоминания об оплате, и я думаю, что это некоммерческая радиопрограмма с приглашёнными ораторами, которые выступают там исключительно ради славы. Я упомянул об этом, потому что, возможно, Вы считаете, что эта «слава» настолько важна,

что я непременно должен участвовать. Я не буду давать им ответ, пока не получу от Вас известий.

21 августа 1952: Роберт Э. Хайнлайн — Лертону Блассингэйму

…весь этот 52-й год я был в полном раздрае. Сегодня я попытался точно выяснить, на что ушло время, потому что в итоге у меня не появилось никакой рукописи. Я могу разложить по полочкам каждый день и в большинстве случаев не вижу, как я мог бы сделать в этих обстоятельствах хоть что-то, но факт, что не написано ни одной вещи. Поверьте, Лертон, я не бездельничал в этом году, но моё время было съедено… операция, выздоровление… сокращение «Беспокойных Стоунов», общенациональные соревнования по фигурному катанию, три раза в доме работали мастера, потратили впустую полтора месяца, два текста, которые не были оплачены, два неоплаченных выступления по радио, несколько неоплаченных выступлений, Артур Ч. Кларк — одна неделя, Джордж О. Смитс — две недели, другие гости в сумме около недели, покупка новой машины… смерть близкого друга — одна неделя, две свадьбы, куда я был приглашён и не мог отказаться, чтобы не прослыть мерзавцем, неисчислимые визиты читателей, которые были достаточно

вежливы, чтобы написать и попросить меня о встрече, роман, начатый и отложенный, то же самое с рассказом, проклятый телефон звонит, и звонит, и звонит, а я единственный человек в доме… и, наконец, поездка в Йеллоустон и парки Юты. Это последнее я, возможно, должен был пропустить, но Джинни заслужила отдых, и я в нём нуждался тоже, даже если я и не достиг никаких результатов. Из всего вышеперечисленного можно понять, что времени хватает на то, чтобы ответить на письма и прочитать гранки. Возможно, Вам покажется, что кое-что из перечисленного я мог бы избежать — ну, при ближайшем рассмотрении окажется, что их невозможно было избежать. Ситуацию с телефоном мы наконец преодолели, поместив звонок в гараж, где его не слышно, и поставив в доме выключатель, тем самым уклонившись от соблюдения правил телефонной компании.

Большинство моих неприятностей, видимо, являются результатом того, что мне трудно отказываться отдать моё время другим людям. Могу ли я отказаться принять у себя председателя Британского межпланетного общества? Могу я отказаться встретиться с одноклассником, который прибывает сюда с инженером из моего

родного города на буксире? Или мой поклонник, физик из Университета Джона Хопкинса[125], который появляется здесь и хочет встретиться со мной — разве я могу отказать? Точно так же, как офицеру разведки BBC, который написал вежливую просьбу? Или руководителю проекта «Flying Saucer»[126]? Сегодня я был приглашён выступить перед юго-западным отделением Ракетного общества и посетить ночной запуск ракеты «Фау-2» — и мне придётся отказаться, потому что для этого нужно лететь в Белые Пески — однако мне очень хочется принять это приглашение, я ухватился бы за него обеими руками, будь у меня время. Я не знаю, как поступить в подобных случаях, но я начинаю понимать, почему очень многие писатели снимают комнаты в гостиницах — а я, как всем хорошо известно, предпочитаю комфорт. Как бы то ни было, я собираюсь пробовать написать другую историю.

4 сентября 1952: Роберт Э. Хайнлайн — Лертону Блассингэйму

---

[125] Примечания: 125

Johns Hopkins — Университет Джона Хопкинса, частный университет в г. Балтиморе, шт. Мэриленд, основан в 1876 г.

[126] Примечания: 126

Flying Saucer — Летающая тарелка. Возможно, речь о «Проекте-1794» или чём-то подобном. В начале 50-х США и Канада предпринимали попытки создать летательный аппарат дискообразной формы.

Теперь о времени для занятий литературой: после войны пошла сплошная чёрная полоса, одно за другим: слабое здоровье, семейные проблемы, строительство дома и пр. Надеюсь, в будущем будет поспокойнее. В противном случае я просто приложу все усилия, какие смогу при данных обстоятельствах. Снять офис вдали от дома — это совсем не то, что мне хотелось бы — я просто закончу этот дом, в котором будет встроенный офис. И в этом нам поможет одно маленькое новое обстоятельство — наконец-то, после долгих пререканий с телефонной компанией, у нас есть выключатель, которым можно отрубить телефон.

Я пишу Вам столь подробно только для того, чтобы Вы знали, что я сделал так мало в этом году не из-за лени, а из-за всяких осложнений. Одна из проблем, для которой я пока не нашёл удовлетворительного решения, — повышенный спрос на моё время, вследствие моей большей известности. Я отвечаю на все письма поклонников, а их приходит целая куча. Но это нужно делать, не так ли? Я ограничиваюсь ответами на открытках, но и это занимает время. Меня часто просят выступить на публике, одно такое приглашение пришло вчера вечером. Я по возможности

придерживаюсь политики отказываться от подобных приглашений — но что мне делать, если меня приглашает Ассоциация Библиотекарей Колорадо?.. Наверное, самые главные пожиратели моего времени — это те, кто, прочитав мою вещь, хочет приехать в Колорадо-Спрингс, чтобы нанести мне визит — и, удивительно, многие из них ухитряются добраться до Колорадо-Спрингс, в такую даль, как это место. Если они просто пытаются вломиться ко мне, я не желаю их видеть… Но если они пишут или телефонируют и достаточно учтивы, мне трудно им вот так сразу отказать. Я не вижу никакого хорошего решения этой проблемы, но мне придётся что-то с этим сделать в дальнейшем.

…наверное, это самый последний из «Фау-2», и это будет один из очень немногих несекретных запусков в течение долгого времени. Нет ничего, что можно сравнить с картиной взлёта одной из них в космическое пространство — это зрелище способно превратить обычного человека в энтузиаста, я Вам ручаюсь. Я не считаю поездку в Белые Пески потерянным временем, для меня это тот же сбор материалов по теме. Поскольку я пишу о ракетах, я должен знать, на что они похожи, должен общаться с ракетчиками. Помимо

этого, у меня появится возможность встретиться с Клайдом Томбо, человеком, который открыл планету Плутон, и, возможно, я смогу увидеть в телескоп марсианские каналы… Это один из тех случаев, что выпадают раз в жизни, потому что высокое качество изображения, правильный телескоп и правильная техника — крайне редкая комбинация.

6 января 1953: Лертон Блассингэйм — Роберту Э. Хайнлайну

Только что просмотрел текст передачи «В это я верю». Он, конечно же, великолепен, лучший из всех, что мне встречались. Я был особенно заинтересован в этой программе, потому что один из моих мальчиков *[клиенты],* Эд Морган, был связан с этим проектом с самого начала. Я думаю, что Ваш материал превосходен, и я очень горжусь Вами.

В ЭТО Я ВЕРЮ

> Я собираюсь говорить не о религиозных верованиях, но о делах, настолько очевидных, что их упоминание вышло из моды. Я верю в моих соседей. Я знаю их недостатки, и я знаю, что их достоинства далеко перевешивают их недостатки.

Возьмите Отца Майкла, он живёт немного дальше по дороге. У меня другая вера, но я знаю, что его повседневный труд пронизан добротой, заботой о ближнем и милосердием. Я верю в Отца Майка. Если я попаду в беду, я пойду к нему.

Мой сосед – ветеринарный врач. После тяжёлого рабочего дня Док подымется с постели, чтобы помочь беспризорному коту. Бесплатно – без какой-либо перспективы оплаты – я верю в нашего Дока.

Я верю в жителей нашего города. Здесь вы можете постучать в любую дверь и сказать: «Я голоден» – и вас накормят. Наш город вовсе не исключение. Я видел такую же готовность к милосердию повсюду. А на одного, кто скажет: «Пошёл к чёрту – с меня довольно!», найдутся сотни, тысячи тех, кто скажет: «Конечно, приятель, садись».

Я знаю, что, несмотря на все предостережения против случайных попутчиков, я могу выйти на шоссе, поднять большой палец, и через несколько минут остановится автомобиль или грузовик, и кто-то скажет: «Лезь сюда, парень, – далеко со-

брался?»

Я верю в моих сограждан. Заголовки наших газет кричат о преступлениях, и всё же на одного уголовника найдётся 10 000 честных, порядочных, доброжелательных людей. Если бы это было не так, ни один ребёнок не дожил бы до совершеннолетия. Бизнес не смог бы развиваться день ото дня. Порядочность не новость. Она похоронена в некрологах, но она – сила, более сильная, чем преступление. Я верю в терпеливую обходительность медсестёр и кропотливое самопожертвование преподавателей. Я верю в невидимую и нескончаемую борьбу против неодолимых трудностей, которая тихо ведётся почти в каждом доме на земле.

Я верю в честное ремесло рабочих. Оглянитесь вокруг себя. Никаких начальников не хватило бы, чтобы проконтролировать всю эту работу. От Зала Независимости до Дамбы Гранд-Кули, все эти вещи были построены прямыми и честными мастерами, которые были честны до мозга костей.

Я полагаю, что честны почти все политики… есть сотни политиков, которым платят мало или не платят вообще, которые, не рассчитывая на благодарность или славу, полностью выкладываются для того, чтобы наша система работала. Если бы всё было не так, у нас никогда бы не было ничего, кроме тринадцати колоний[127].

Я верю в Роджера Янга[128]. Вы и я свободны сегодня благодаря бесчисленным безымянным героям от Вэлью Форж[129] до реки Ялу[130]. Я верю в Соединённые Штаты и горжусь тем, что принадлежу им. Несмотря на разные недостатки, от линчеваний до вероломства в высших

---

[127] Примечания: 127

Тринадцать североамериканских колоний Британской империи в 1776 году подписали Декларацию Независимости, что привело к образованию США.

[128] Примечания: 128

См. Комментарии в конце книги. Роджер Янг.

[129] Примечания: 129

Вэлью Форж — посёлок в штате Пенсильвания, где зимой 1777/78 г. погибли от голода, холода и болезней 2,5 тысячи солдат. Эта зимовка считается символом героизма и стойкости борцов за независимость.

[130] Примечания: 130

Ялу (Ялуцзян) — река на границе Китая и Северной Кореи. В её долине происходило множество сухопутных и воздушных сражений (Аллея «МиГов») Корейской войны.

эшелонах власти, наша нация имела самые пристойные и самые доброжелательные методы внутренней и внешней политики, какие только можно найти когда-либо в истории.

И наконец, я верю во всю мою расу. Жёлтых, белых, чёрных, красных, коричневых. В честность, храбрость, интеллект, стойкость и совершенство подавляющего большинства моих братьев и сестёр всюду на этой планете. Я горжусь тем, что я человек. Я думаю, что нам повезло, что мы добрались так далеко, что мы всегда добивались этого только чудом, но я верю, что мы снова и снова будем это делать. Выживать. Выдерживать. Я верю, что этот голый эмбрион с больной, непомерной черепной коробкой и противостоящим большим пальцем, что это животное, только-только ушедшее от обезьяны, выдержит. Выдержит дольше, чем его родная планета – распространится к звёздам и за их пределы, неся с собой свою честность и ненасытное любопытство, свою безграничную отвагу и своё врождённое благородство.

В это я верю всем своим сердцем.

6 июня 1962: Роберт Э. Хайнлайн — Лертону Блассингэйму

Нет никаких новостей, кроме той, что начался сезон отпусков и у нас много посетителей. Это протянется до осени. На этой неделе появился один из моих салаг-однокашников[131]. Теперь он адмирал и руководит исследованиями — дело, которым я хотел бы заниматься (и, возможно, сумел бы этого добиться), если бы давным-давно не заполучил туберкулёз. Тем не менее в целом мне нравится быть писателем, и я не очень расстраиваюсь, что не стал адмиралом. (Дэн Галлери сумел быть и тем и другим, но он — это нечто исключительное![132])

10 августа 1963: Роберт Э. Хайнлайн — Лертону Блассингэйму

Нас сильно затормозили ещё и посетители,

---

[131] Примечания: 131

Хайнлайн говорит «*plebs*» — так назывались студенты первого курса Академии ВМФ США.

[132] Примечания: 132

Даниель Винсент Галлери (Dan Gallery, 1901–1977) — офицер ВМС США. Во Вторую мировую войну разработал и провёл операцию по захвату немецкой подводной лодки U-505 (и находящихся на ней кодовых книг и шифровальной машины «Энигма»). Участвовал в «Восстании Адмиралов», за что чудом избежал военно-полевого суда. Писал научно-популярную литературу и беллетристику.

постоянный поток шёл всё лето, друзья, родственники, читатели плюс несколько представителей НФ-фэндома — и никого из них мы не приглашали, даже родственников или друзей… Тут у нас курорт, летом всё затоплено людьми, и если я отключал телефон, они звонили в дверь. Я больше никогда не буду пытаться писать в Колорадо-Спрингс между 1 июня и 1 сентября; это слишком сильно смахивает на попытку писать под крылом прогревающего моторы «боинга». Даже если бы мои родственники остались дома (чёрт возьми, в этом году они все отправились путешествовать!), друзей, знакомых и незнакомцев хватило бы, чтобы устроить тут дурдом. Если бы меня так много-много раз не прерывали посетители, моя работа продвинулась бы гораздо дальше и ущерб от наводнения не был бы столь серьёзен.

6 мая 1964: Роберт Э. Хайнлайн — Лертону Блассингэйму

Письмо, которое Вы получили от Кеннета Грина (и на которое столь любезно ответили), ещё более типично для почты поклонников, довольно милое, но в нём снова всё те же заезженные слова, а я так устал отвечать на них, я словно старая шлюха снова и снова взбираюсь по той же лестнице. Впрочем, я отправлю молодому Грину

открытку с этой почтой; я всегда им отвечаю, всем, кроме чокнутых.

Но я ввёл эту Новую Политику Связей С Общественностью, которая сделает меня почти столь же труднодоступным, как таинственного м-ра Б. Травена[133]. Несколько лет назад Вы послали мне вырезку из колонки Арта Бачвалда с длинной цитатой из Торнтона Уайлдера, в которой Уайлдер объявлял подобную политику, когда решил, что не позволит незнакомцам впустую отнимать его время каким бы то ни было способом. Эта вырезка висит над моей пишущей машинкой с тех пор, как Вы мне её прислали — но я не слишком следовал тому, что в ней написано.

Но мне самому теперь стукнуло шестьдесят, и с каждым годом становится всё труднее и труднее выпускать приличное количество рукописей, в основном потому, что совершенно посторонние люди крадут такие большие куски моего времени. К чёрту, я намерен это прекратить! Фактически я это уже прекратил. Единственная уступка, на которую я иду, состоит в том, что я продолжаю

---

[133] Примечания: 133

Б. Травен — псевдоним писателя, возможно, европейского происхождения Бруно Травена (Bruno Traven, 1882–1969). Его книги были переведены на десятки языков, однако ни один факт его биографии до сих пор достоверно не установлен. Со своими издателями и экранизаторами писатель общался исключительно по почте.

отвечать на вежливо сформулированные письма поклонников — но только открытками… и, как правило, художественными открытками, на которых нет обратного адреса, а места хватает только для одного-двух предложений. Даже такая любезность обходится мне в десять центов за штуку плюс (что гораздо существеннее) отнятое у меня рабочее время примерно на пятьдесят центов, то время, которое можно было потратить на написание истории.

Когда-нибудь мне всё это настолько надоест и прискучит, что я стану отвечать только на письма, в которые вложен оплаченный конверт с обратным адресом (это примерно одно из двадцати). В школе меня учили всегда прикладывать их к письмам, которые пишешь незнакомым людям; моя нынешняя почта свидетельствует, что сегодня большинство преподавателей не считают нужным преподавать подобную любезность, поскольку многие письма начинаются так: «Дорогой м-р Хайнлайн, Наш английский класс пишет своему любимому автору…», но при этом очень немногие прилагают конверт для ответного письма, хотя задают вопросы, бесконечные вопросы и просят ответить — обычно в крайне сжатые сроки.

В том отрывке, который Вы мне прислали, м-р Уайлдер пишет: «Я тем самым официально извещаю школьников Америки… что я намерен выбрасывать все их письма…» Я пока не собираюсь заходить так далеко, но всё же, Лертон, сейчас я игнорирую все просьбы прислать фотографию или ещё что-нибудь, все письма, для ответа на которые мне требуется подняться со стула или на которые нужно отвечать не открыткой, а письмом в конверте, если указанный конверт не был предоставлен просителем.

Несомненно, это означает для меня потерю определённого количества очков у публики. Зато существенно увеличит моё рабочее время, которое я потрачу на оплачиваемые рукописи, и поможет раз и навсегда решить эту проблему. В дополнение к программе по чрезвычайному сокращению переписки с поклонниками я решил вообще не делать ничего, что мне не хочется делать. Больше никаких публичных выступлений, даже для библиотекарей. Больше никаких интервью для школьников — кроме как по телефону. Больше никаких выступлений на «Библиотечной неделе». Больше никаких перерывов в работе (пишу я или замешиваю цементный раствор), чтобы привечать незнакомцев, которые «просто случай-

но проезжали через город и всегда хотели с Вами встретиться», — только если это мне подходит, и они сумели показаться достаточно интересными, чтобы оправдать затраченное на них время. Больше не буду возиться с присланными мне по почте книгами, которые я не заказывал и не хотел читать, — и в том числе с книгами, которые присылает «Putnam» и его дочерние компании, поскольку отдел продвижения, похоже, считает, что любой изданный в «Putnam» автор обязан по первому требованию выступать в качестве бесплатного рецензента и по свистку выдавать благожелательные отзывы на что угодно. (Они выпускают много хороших книг, но никогда мне их не присылают; вместо этого от них приходит всякое говно, которое вообще не должно было попадать в печать.)

Больше никаких благодарностей за присланные мне фэнзины — для большинства из них это просто повод поклянчить бесплатную рукопись.

Короче говоря, больше никаких дел, если они мне ни к чёрту не сдались и не привносят в мою жизнь никакого удовольствия. Долгие годы незнакомцы всё больше и больше пожирали моё время. Дошло до того, что если дать им волю, всё моё рабочее время будет впустую потрачено на

нужды посторонних людей. Так что я вынужден принимать строгие меры — и если это сделает меня грубым сукиным сыном, пусть. На сегодня мой остаточный жизненный ресурс — лет семнадцать, и будь я проклят, если я потрачу эти годы, тысячу раз отвечая на дурацкие вопросы, типа: «Где Вы берёте свои идеи?» и «Почему Вы начали писать научную фантастику?». Настоящим заявляю, что автор не несёт никакой ответственности перед публикой… кроме ответственности писать свои истории так, как он считает нужным.

Если я смогу придерживаться этих правил, я ещё многое смогу написать и сделаю ещё много более здоровой работы с киркой, лопатой и мастерком — и разумное сочетание этих двух дел поможет мне чуточку протянуть этот остаток жизни. И я не позволю, чтобы оставшиеся годы у меня оттяпали и растратили на пустяки тысячи безликих незнакомцев, которые, похоже, чувствуют себя вправе требовать этого от любого полуобщественного деятеля.

10 июля 1967: Роберт Э. Хайнлайн — Лертону Блассингэйму

При сём прилагается любопытное письмо от преподавателя, *** из У. штата Орегон. Я собирался сказать ему, что я не могу ему запретить, но не

собираюсь смотреть результат — а потом решил, что лучше показать это Вам и получить Ваш совет и/или вето. Если м-р *** сделает эту адаптацию, как он предлагает, «чисто для собственного удовольствия», я подозреваю, что затем он влюбится в плоды своих трудов и не сможет спокойно спать, пока не запустит их в производство. А это может поставить нас в затруднительное положение. Лертон, хотя «Зелёные холмы» — короткая вещь, я не исключаю возможности, что когда-нибудь из неё сделают музыкальный кинофильм. Поэтому я не решаюсь разрешать что-либо, что могло бы потом замутить вопрос с правами на КФ или театральную постановку. Что мне ему сказать? Или Вы сами предпочтёте написать ему? (Я не настаиваю и не пытаюсь спихнуть это на Вас. Но мне в самом деле нужен Ваш совет.)

12 октября 1967: Марго Фишер (секретарь) Лертона Блассингэйма — Роберту Э. Хайнлайну

С 3.15 начал названивать какой-то пьяный, требуя номер телефона Хайнлайна… А когда ему минимум раз семь ответили, что ему следует написать письмо, которое отправят авиапочтой, у него проснулся сарказм и так без конца. После 15 минут я сказала ему, что я повешу трубку, и

я так и сделала. Он ничего не отражал, и было бесполезно объяснять ему, что ему надо написать письмо. Он сказал, что он телеграфирует. Он хотел узнать о рассказе «…А ещё мы выгуливаем собак». Сказала ему, что он был в антологии, изданной «World». Возможно, он позвонит Вам и наговорит про меня гадостей. Много раз он повторял: «Мэм, мэм» — долгое молчание, потом, — «Это жестокий мир». Тишина. Потом — «Нам всем нужно быть вежливыми друг к другу». И т. д.

28 февраля 1968: Марго Фишер — Роберту Э. Хайнлайну

Вот маленькая порция фимиама для Вашего эго.

Зазвонил телефон, и голос в трубке сказал: «Мне сказали, что я могу получить от Вас кое-какую информацию. Об одном из Ваших клиентов. О Роберте Хайнлайне».

Уклончивая Марго: «Кто это?»

«Я никто, то есть никто в бизнесе, — ответил он. — Всего лишь поклонник Хайнлайна».

Снова я: «Хорошо, что бы Вы хотели узнать?»

Он хотел узнать, когда Хайнлайн собирается выпускать новую книгу. «Он уже долго ничего не пишет, — последовала жалоба. — У меня два

любимых автора: Миченер[134] и Хайнлайн. Миченер только что выпустил одну, и я надеялся, что смогу устроить себе двойной праздник».

Потом он добавил: «Хайнлайн — единственное яркое пятно во всём мире научной фантастики и фэнтези». Пауза. «Луна — последнее, что он написал, правильно?»

Тогда я спросила: «Вы прочитали Чужака?»

Ответ: «Четыре раза». Наконец, «Ещё только один вопрос — сколько времени ему обычно требуется, чтобы написать книгу?»

КАК ВЫ МОЖЕТЕ ЗАСТАВЛЯТЬ ВАШИХ ПОКЛОННИКОВ ЖДАТЬ ЕЩЁ МИНУТОЙ ДОЛЬШЕ, БОБ?

[134] Примечания: 134

Миченер — Джеймс Элберт Миченер (Michener James Albert, 1907–1997), известный автор многих исторических романов-бестселлеров.

Глава IX
Солянка

САМООБРАЗОВАНИЕ

10 апреля 1961: Роберт Э. Хайнлайн — Лертону Блассингэйму

Нет, в ближайшее время мы не планируем ничего предпринимать в арабско-говорящих странах. Сейчас и Африка, и Ближний Восток слишком нестабильны, чтобы быть привлекательными — кроме того, мы уже пару раз там побывали. Занятия арабским языком нужны мне только для того, чтобы занять мозг чем-то новым. Это мог быть любой незнакомый мне язык, но я выбрал этот, потому что он — один из пяти «критических» языков, перечисленных в списке Государственного Департамента — то есть важный язык, который знают слишком мало американцев; у них много людей, которые знают французский, немецкий, испанский и тому подобные. Один из пяти критических языков — русский, но я не хотел дублировать то, что уже сделала Джинни (кроме того, русский язык очень

труден; арабский язык сравнительно прост, если не принимать во внимание их причудливый алфавит), два из оставшихся — тональные языки, но это не для моего слуха; я не думаю, что смогу выучить их по-настоящему. Должен признаться, что пока ещё не достиг никаких реальных успехов. Меня ничто не вынуждает внести его в повестку дня, да и слишком много других вещей требуют внимания.

Но я хотел бы, чтобы со временем я мог бы принести какую-то пользу стране, зная язык, который ей необходим. Даже если это умение никогда не будет востребовано, я считаю, что изучение иностранных языков полезно само по себе. Я всегда много узнаю о людях и культуре, когда ими занимаюсь.

У меня есть ещё с дюжину предметов, которые я хотел бы изучить. Я хотел бы вернуться в школу и пройти формальный курс электроники; она так изменилась с тех пор, как я изучал её больше тридцати лет назад — и, возможно, я этим займусь когда-нибудь в ближайшее время. Около двадцати лет назад я бросил заниматься рисунком, потому что вынужден был работать, чтобы выплатить ипотеку — это превратило меня в писателя, и к живописи я уже не возвращался.

Но я хотел бы вернуться, мне нравилось этим заниматься — и ещё я хотел бы добавить к этому дому крыло и снова заняться скульптурой, ну или, что более вероятно, просто записаться на курсы рисования. Я не из тех, кто рисует натюрморты. Есть только пять вещей, действительно стоящих того, чтобы их нарисовать: четыре из них — симпатичные девчонки, а пятая — кошки.

ПРЕДСКАЗАНИЯ

13 марта 1947: Роберт Э. Хайнлайн — «Saturday Evening Post»

…я мог бы перечислить ещё много других переменных, но это не имеет значения. Теперь Хайнлайн-гуру будет смотреть в хрустальный шар. Первая беспилотная ракета на Луну через пять лет. Первая пилотируемая ракета через десять лет. Постоянная база там через пятнадцать лет. После этого ничего! Несколько десятилетий исследований Солнечной системы, когда все, спотыкаясь друг о друга, торопятся стать первыми и застолбить свои заявки.

Однако мы можем проснуться однажды утром и узнать, что русские преспокойно обошли нас и что Лунная ССР — восемь учёных и техников, шестеро мужчин, две женщины — подала в Кремль

ходатайство о принятии Луны в состав СССР. Это ещё одна неизвестная переменная.

И не спускайте глаз с британцев — Британское межпланетное общество настроено попасть туда первым.

Хуже всего в этом бизнесе прогнозирования технического прогресса то, что тебя почти непреодолимо тянет быть слишком консервативным. Почти всегда правильное пророчество, наподобие тех, что делал Жюль Верн, оказывалось несостоятельным, потому что помещало предсказанные достижения слишком далеко в будущее. Возвращаясь к вышесказанному: если приведённые выше сроки окажутся неверны, они почти наверняка будут неверны потому, что они слишком осторожны. Космические полёты могут начаться ещё раньше. Я это знаю, хотя мне трудно в это поверить.

7 ноября 1949: Роберт Э. Хайнлайн — Лертону Блассингэйму

…если я на что-то вообще претендую, то только на то, чтобы изучать будущее. Это изучение заключается в том, что я обращаю внимание на происходящие сегодня процессы, а затем гипотетически рассматриваю, что эти тенденции могут означать, особенно в отношении атомных

дел, космических полётов, гериатрии, генетики, пропаганды технологии и пищевых ресурсов. Чтобы оценить мои успехи на этом поприще, человеку нужно быть немного знакомым с моими опубликованными работами. Но сам я не собираюсь копаться в своих книгах и говорить: «Смотрите, вот в «Там, за гранью» я предсказал робота-секретаря, который записывал телефонные звонки, а теперь эту штуку запатентовали!» Я это придумал — и это появилось, — но это ничего не значит. Краткосрочный прогноз всяких гаджетов и новинок — это не пророчество; это — всего лишь салонный фокус[135].

ПРОРОЧЕСТВО

24 сентября 1949: Роберт Э. Хайнлайн — Лертону Блассингэйму

ПРИМЕЧАНИЕ РЕДАКТОРА: Когда вот-вот должны были начаться съёмки кинофильма, а Роберт работал над следующим подростковым романом для «Scribner's», пришла просьба от «Cosmopolitan» написать статью с предсказанием о том, какими США будут в 2000 году. В этом

---

[135] Примечания: 135
См. Комментарии в конце книги. Гаджеты и пророчества.

письме Роберт просит предоставить информацию о том, какую именно статью хотят видеть редакторы, и высказывает им свои предложения по этому поводу.

Когда статья была закончена, «Cosmopolitan» от неё отказался. Её купил «Galaxy» и опубликовал как «Ящик Пандоры». Статья периодически обновлялась, самый последний её вариант можно найти в «Расширенной Вселенной».

...при «предварительном рассмотрении» возникло ещё несколько вопросов: эта статья должна быть пророческой. Прекрасно — это мой бизнес; я зарабатываю на жизнь как профессиональный пророк, предсказывая, что принесёт нам наука. Но такая статья — научная статья — должна рассмотреть (и в какой-то степени осветить) текущее состояние в различных областях, прежде чем автор ускачет в неведомые дали со своими предсказаниями. Поэтому я хотел бы знать, как много в статье должно быть отчётов, подобных тем, что можно найти в «Scientific American», «Science News Letter», «Nature» и т. д., а сколько — предположений или предсказаний? Это тесно связанные между собой вещи, но не одно и то же. Кроме того, насколько далеко в будущее я должен заглянуть? (Например, всем известно, что у специалистов

по раковым заболеваниям, радиологов и биохимиков есть отличный шанс усовершенствовать селективную лучевую обработку определённых видов рака в самом ближайшем будущем, когда они найдут способ связывать изотопы с коротким периодом полураспада в соединения, которые будут выборочно уничтожать конкретные виды рака.)

(Или мне нужно отправиться в будущее и рассматривать, как отразятся неизбежные статистические последствия изменений в пищевых ресурсах и гериатрии, исследований увеличения продолжительности жизни, развития здравоохранения и т. п. на развитие совершенно нового искусства, планетарной инженерии, применительно к развитию колоний на планете Марс?)

У универсального пророка есть ещё одно преимущество перед узким специалистом: он знает из собственного опыта и по прошлым достижениям других пророков своего типа, что самые «сумасбродные» его предсказания осуществятся с большей вероятностью, чем те, в которых он был осторожен. В это утверждение трудно поверить, но его можно проверить, сравнивая прежние прогнозы с текущими фактами. (Покажите мне человека, который двадцать лет назад искренне

верил бы в атомную бомбу — но Г. Дж. Уэллс предсказал её в 1911-м.) («Дикие фантазии» Жюля Верна, как выяснилось, были слишком консервативными.)

Как можно определить квалификацию универсального пророка? Только по его личным достижениям. Если «Cosmopolitan» полагает, что список моих свершившихся прогнозов достаточно хорош, чтобы гарантировать результат, что ж, пожалуйста — я расшибусь в лепёшку, но выдам им нешуточное пророчество, от которого у них волосы дыбом встанут. Если же они не хотят рисковать, то я сделаю работу репортёра, проводящего опросы, и мы ограничимся тем, что пожелают сказать специалисты. Но я сразу хочу предупредить, что если сегодня такая статья будет выглядеть респектабельно, то десять лет спустя — весьма непрезентабельно. Успешное пророчество невозможно сделать на скорую руку.

…я бы действовал следующим образом:

Для начала, я сузил бы область, ограничившись

(а) предметами, изменения которых непосредственно затронут читателей, в не слишком отдалённой перспективе. Так, я игнорировал бы

новые принципы в электронике, если бы не видел их важной связи с жизнью обычных людей;

(b) предметами, которые являются яркими и интересными либо сами по себе, либо своими последствиями. Космические полёты — один из таких предметов, по обеим причинам. Как и исследование продолжительности жизни. В противоположность им, средство от ящура, потребность в котором более настоятельная, намного менее впечатляющая вещь;

(c) предметами, которые можно объяснить. Связь между парапсихологией и атомной техникой потенциально весьма драматическая, но её невозможно объяснить сколько-нибудь убедительно.

Поскольку статья предназначена для широкой публики, я хотел бы, если можно, начать её с выдержки из какого-нибудь ошеломляющего диалога, использовать в качестве иллюстрации небольшой сюжет, если это возможно, и закончить её каким-нибудь впечатляющим предсказанием.

20 декабря 1955: Роберт Э. Хайнлайн — Лертону Блассингэйму

Пожалуйста, передайте Говарду Брауну[136], что я принимаю его невероятное предложение, и что рукопись прибудет к нему 10 января — но при этом я ожидаю от него экземпляр того праздничного выпуска с дарственной надписью, иначе я устроюсь в углу и начну втыкать булавки в фигурку из воска.

Я плохо себе представляю, чего бы такого я мог сказать, чтобы это стоило 100$ за две страницы, ведь их не хватит даже на гороскоп. Но если они так сильно хотят швыряться своими деньгами в мою сторону, то я согласен, и, чтоб меня черти взяли, я буду молчать в тряпочку и сделаю всё, чтобы развлечь сорящих наличкой клиентов. По счастью, я буду мёртв прежде, чем мои «пророчества» можно будет проверить.

5 января 1956: Роберт Э. Хайнлайн — Лертону Блассингэйму

Здесь рукопись для Говарда Брауна. Я обнаружил, что размер в 500 слов оказался слишком тесен для того, что я хотел бы сказать, поэтому вчера я ему позвонил (я подумал, что Вы в Ай-

---

[136] Примечания: 136

Говард Браун (Howard Browne, 1908–1999) — в 50-х годах редактор «Amazing Stories». Эссе Хайнлайна «As I See Tomorrow… The Third Millenium Opens» вышло в апрельском выпуске журнала наряду с двумя десятками подобных эссе, посвящённых предсказаниям жизни в 2001 году.

лайките[137], потому что была среда) и получил у него разрешение оставить тот размер, какой получился. Разумеется, гонорар не увеличивается, поскольку увеличение объёма было сделано исключительно для моего удобства.

ИЗДАТЕЛИ

5 июля 1963: Роберт Э. Хайнлайн — Лертону Блассингэйму

Что касается «Scribner» и «Doubleday», то я больше не хочу спорить, пусть это сойдёт им с рук. Но я останусь при своём мнении. Все они отступали от требований, прописанных в контракте, и каждый раз это приводило к финансовым потерям с моей стороны. Сами они никогда бы не позволили мне отклониться от пунктов договора, если бы это стоило им каких-то существенных денег. «Doubleday» говорит так, будто делить пополам итоги по покетбукам — закон природы. Чушь и вздор! Это банальное вымогательство, с которым писателям обычно приходится мириться. Вся история Гильдии Авторов и делимого

---

[137] Примечания: 137

Ilikite — название загородного дома Блассингэйма недалеко от Пикскилла, штат Нью-Йорк. Название образовано слиянием слов из фразы «I like it» — «Он мне нравится».

авторского права — это медленный процесс постепенного избавления от подобной обираловки, который издатели защищают, ссылаясь на «обычную практику». Если бы в «обычном контракте» не было этих пунктов, то издателям коммерческой книжной продукции пришлось бы упорно трудиться над продажами. Но «Doubleday» ни разу не предпринял достойных усилий, чтобы продвинуть продажи моих книг (проверьте по Вашим записям), — нет, ни разу. Вместо этого они подписали «полюбовное» соглашение с одной из своих дочерних компаний и напечатали очень дешёвый тираж, который они назвали «коммерческим изданием». На самом деле это было фактически издание клуба книголюбов[138] — и номинальный процент роялти, указанный в контракте, ничего не значил: расчёт шёл по чрезвычайно низким роялти, заданным «полю-

[138] Примечания: 138

book club — коммерческая организация, ориентированная на продажу по подписке дисконтных переизданий состоявшихся бестселлеров. Коммерческая привлекательность этой схемы заключается в гарантированной реализации всего тиража среди подписчиков «клуба» (которые обязаны выкупать минимальное количество книг по списку). В данном случае речь идёт о компании «Science Fiction Book Club», через которую «Doubleday» пропустило дополнительные тиражи всех книг писателя. Хайнлайн сталкивался с очень похожей схемой, когда работал на «Scribner», только в роли клуба книголюбов выступала Библиотечная ассоциация, а в роли подписчиков — детские библиотеки. Но в тот период его всё устраивало.

бовным» соглашением. Тогда у них кроме этой книги была ещё и половина издания NAL[139] — и теперь они снова используют его, опять же без моего согласия. Нет, мне не нравится «Doubleday». Ладно, они получат эти несколько сотен долларов — но я никогда больше не подпишу с ними ещё один контракт.

«Scribner» — другой случай, у них имеется реальная коммерческая структура для продажи коммерческих изданий, они действительно продают их и делают на этом деньги, для себя и для меня — и я сожалею о том, что они меня вышвырнули… Тем не менее их контракт не позволяет им сокращать мои роялти только потому, что им захотелось выпустить вариант моей книги в мягкой обложке. И при этом для меня совершенно неважно, что процент моих роялти был бы выше, чем если бы они отдали это на откуп, скажем, «NAL» — потому что я убеждён, что, если бы они действительно передали это «NAL», итоговая сумма была бы намного выше, несмотря на то, что процент был бы ниже. Я могу ошибаться, время

[139] Примечания: 139

NAL — New American Library, репринтное издательство, основано в 1948 г. отделением американского регионального подразделения британского издательства «Penguin Books». Специализировалось на покетбуках.

покажет — но пока что их затея с мягкими обложками, которые в три раза дороже цен «NAL», похоже, проваливается.

Чему удивляться? Все эти издатели переписывают контракты как захотят, несмотря на мои ясно выраженные протесты… и я никогда больше не буду с ними пререкаться, жизнь слишком коротка. Пусть отправляются ко всем чертям.

ЖУРНАЛЫ

9 марта 1963: Роберт Э. Хайнлайн — Лертону Блассингэйму

Я не думаю, что «Fantasy and Science Fiction»[140] дошли до точки, я думаю, что они просто скупы. Они заявляют, что у них 56 000 оплаченного тиража. Если принять во внимание их тарифы и их дешёвое производство плюс кое-какой доход из Франции и Германии, они каждый месяц должны показывать чистую прибыль. Ещё в декабре *** сказал мне, что издатель будет счастлив выплатить мне аванс. Раз так, они получили за 1500$ рукопись, за которую они обычно платят 1800$, любому автору, с известным именем или нет. Тем

[140] Примечания: 140

Журнал «The Magazine of Fantasy and Science Fiction» в 1963 году опубликовал роман Хайнлайна «Дорога славы».

не менее это приятнее, чем предлагать рукописи Джону Кэмпбеллу, который их завернёт (он отверг обоих моих последних победителей «Хьюго»), а потом ещё и вынудит пробираться через десяток страниц высокомерных оскорблений, в которых будет объяснять, почему моя история нехороша.

15 апреля 1963: Роберт Э. Хайнлайн — Лертону Блассингэйму

По поводу статьи для «Плейбой»: у меня есть хорошо проработанный материал, и я готов предоставить его к 10 мая.

Но я не буду его передавать на основании простого звонка по телефону. В прошлый раз, когда я взялся для них работать, у нас были чёткие договорённости по телефону, а впоследствии началась какая-то ерунда насчёт того, за что мне обещали заплатить: то ли за проделанную работу, то ли по результатам приёмки, и потому я должен был дважды всё переписывать.

…Просто сошлитесь на моё письмо от 2 апреля (у Вас есть его копия): «Только направьте мне или, что более предпочтительно, м-ру Блассингэйму письмо, в котором конкретно изложите задание: столько-то тысяч слов за столько-то долларов на такую-то тему, каковые должны быть

предоставлены к такой-то дате — и с явно оговорённым условием, что рукопись будет оплачена независимо от того, будет она использоваться или нет, и что любая её переделка соглашением не предусмотрена, но может быть обсуждена за дополнительную плату».

Я имею в виду именно то, что написал, каждое слово. Задание должно быть в письменном виде, пункт о переписывании должен быть чётко оговорён, все условия должны быть явно указаны — а то, что говорится по телефону, не имеет никакого значения.

В противном случае я и не подумаю покинуть свою делянку. Тут хорошо, а я сыт по горло этой машинкой. Деньги мне сейчас не нужны — я слишком много работал в этом году и у меня будут слишком высокие налоги, — и я особенно хорошо осознаю это в день уплаты подоходного налога.

Очевидно, *** думает, что я — хороший неконфликтный парень. Пожалуйста, объясните ему, что я — сукин сын.

НЕПЛАТЕЖИ

27 января 1961: Роберт Э. Хайнлайн — Лертону Блассингэйму

Пожалуйста, передайте *** — что я старый

добрый джентльмен, и что «Э» в середине моего имени означает «Эбенизера Скруджа», и что на свои добытые нечестным путём богатства я прикупил новый морозильник, в котором зарезервировал для него место.

Глава X
Продажи и отказы

24 ноября 1947: Роберт Э. Хайнлайн — Лертону Блассингэйму

Последние письма с отказами, которые Вы мне переслали, выглядят довольно тревожно. Мисс Элен Грей из «Town and Country» ошибается, полагая, что продажи в SEP *[«Saturday Evening Post»]* вскружили мне голову. Просто идея, столь же хорошая, как «Зелёные холмы земли», не появляется у меня каждую неделю. У меня была депрессия, и боюсь, что она всё ещё продолжается. Я продолжаю работать и действительно работаю очень много, но многие вещи, которые я сделал, кажутся мне не слишком хорошими. Отклонение Стюартом Роуз «Сломанных крыльев» сильно меня разочаровало, поскольку я полагал, что «Сломанные крылья» были вполне на уровне их стандартов. Ещё больше разочаровало его заявление, что «Эти рассказы о космических кораблях идут не слишком хорошо, согласно нашим опросам читателей». Я интерпретирую это как то, что «Saturday Evening Post» больше не заинте-

ресован в моих межпланетных рассказах, разве только они будут совершенно потрясающими, превосходными во всех отношениях историями с привычным современным приземлённым фоном…

Возможно, у меня скопится множество второразрядных историй, прежде чем я полностью отойду от последствий распада семьи. Последние несколько месяцев я мог продолжать писать только благодаря жесточайшей самодисциплине. Мне пришло в голову, что, возможно, Вы сочтёте нужным продать или попытаться продать рассказы, написанные в это время, на второстепенных рынках под псевдонимом. Что Вы об этом думаете? Это хороший способ защитить мою репутацию (какой бы она ни была), отделив моё собственное имя от материала, который, по Вашему мнению, не так хорош, как лучшие мои вещи?

…С этого момента я должен посвятить всё своё время исключительно подготовке второй детской книги для «Charles Scribner's Sons». Я работал над этим романом для мальчиков *[«Космический кадет»]* время от времени в течение нескольких месяцев. Я немного опасаюсь сесть и сделать черновой набросок к нему, потому что у меня нет того жизнерадостного настроения,

которое должно присутствовать в любой книге, предназначенной для молодёжи. Прямо сейчас мне легче накропать с полдюжины трагедий, чем написать одну весёлую историю.

4 марта 1949: Роберт Э. Хайнлайн — Лертону Блассингэйму

Это были плохие двенадцать месяцев, которые не принесли реальных литературных успехов. Я потратил впустую месяцы на два сотрудничества, которые не окупились. Я потратил впустую три месяца на «Красную планету», и это не окупилось. Я сделал три рассказа, предназначенных для глянца, и они не окупились. За исключением нескольких переизданий и продажи в «Boys' Life» это была длинная вереница отказов.

Я думаю, что отчасти просчитал, в чём проблема: я делал халтуру, писал то, что от меня хотел кто-то другой, а не то, что я сам хотел написать. В любом случае в следующем году ситуация не станет намного хуже, если я буду писать то, что хочу, и получать от этого некоторое удовольствие. Возможно, она даже улучшится, и ко мне начнут приходить подтверждения вместо отказов. Так что теперь я планирую писать свои истории, а не истории какого-нибудь редактора. Я не собираюсь делать новые детские книги, если мне не

подвернётся такая история для детей, которую я захочу написать. Я не собираюсь обещать ни «Scribner», ни кому-либо ещё, писать по книге в год. Я не собираюсь браться за работу с фиксированными сроками сдачи. Я не собираюсь писать рассказы, ориентируясь на глянцевые или бульварные журналы — я собираются писать свои собственные истории, самые лучшие истории, какие смогу, а потом пусть их покупает (или не покупает) любой, кому они подойдут. Хуже, чем было, я сделать уже не смогу, но я могу сделать гораздо лучше! И я думаю, что теперь Вы будете получать от меня намного больше рукописей. Я быстро работаю, если я при этом счастлив.

2 января 1950: Роберт Э. Хайнлайн — Лертону Блассингэйму

Я ужасно, ужасно хочу вернуться домой, и я измучен, но я нуждаюсь в деньгах для строительства дома.

Спасибо за Суб. Лит. Обз.[141] — теперь я — настоящий литератор, наделённый правом носить трубку, спаниеля и мешковатый твид.

---

[141] Примечания: 141

В оригинале «SatRev of Lit» — «Saturday Review of Literature» — «Субботнее обозрение литературы», что-то вроде газеты «Книжное обозрение» и журнала «Вопросы литературы» в одном флаконе.

ПРИМЕЧАНИЕ РЕДАКТОРА: Роберт сделал для «Saturday Review of Literature» обзор книги Челси Бонстелла и Вилли Лея «The Conquest of Space». Редактор назвал статью «Путеводитель по Солнечной системе» и поставил в качестве ведущей статьи номера, в котором она появилась[142].

ПРОДАЖИ

5 декабря 1958: Роберт Э. Хайнлайн — Лертону Блассингэйму

Я отправил по почте контракт на «Все вы зомби» Бобу Миллсу, без исправлений. Конечно, я больше предпочёл бы фантастические тарифы «Плейбоя», но у меня ушёл ровно один день, чтобы написать эту вещь, так какого чёрта?.. Надеюсь, в этом рассказе я достиг самых крайних пределов в теме временных парадоксов.

…Она *[романский автор]* пишет очень хорошо, я был бы рад предложить свои услуги, прежде чем она исчерпает весь материал. Я уже не столь же энергичен, каким был во времена администра-

---

[142] Примечания: 142
См. Комментарии в конце книги. Завоевание космоса.

ции Кулиджа[143], но я многому научился с тех пор. Всё, в чём нуждается писатель — это идеи.

ПРОДАЖИ ЗА РУБЕЖОМ

19 февраля 1959: Роберт Э. Хайнлайн — Лертону Блассингэйму

…неужели правда, что мои продажи за рубежом были «потрясающими»? Видите ли, у меня в этом вопросе вообще нет никакого опыта, чтобы составить собственное мнение. Я знаю, что я испытываю особое, тёплое чувство гордости за эти переводы, и мы оба наслаждаемся регулярностью, с которой оттуда сыплются деньги. Но действительно ли у меня больше продаж за рубежом, чем у других авторов с сопоставимым успехом внутри страны? Я думаю, что мне чертовски повезло в том, что я оказался в руках агента, который организовал такие превосходные связи за границей и использовал их столь успешно. Вот уж в этом-то я абсолютно уверен.

26 февраля 1959: Лертон Блассингэйм — Роберту Э. Хайнлайну

Очень немногие авторы продаются в столь мно-

---

[143] Примечания: 143

Джон Калвин Кулидж (1872–1933), американский политик, республиканец, в 1923–1929 гг. президент США.

гих странах, как Вы. В каждой стране я стараюсь составить рейтинг наиболее результативных агентов, я начинаю с ними работать во время визитов их издателей в Нью-Йорк, а через них стараюсь помочь нашим представителям в странах, откуда прибыли эти издатели. Но, как и у нас, во всех других странах решающим фактором является качество произведения. Высокое качество Ваших историй сделало их настолько популярными. По счастью, Вы пишете о вещах, которые представляют интерес во всём мире. Мы испытывали бы большие трудности со сбытом Ваших историй, несмотря на их качество, если бы Вы писали о бейсболе или о футболе.

ЧЕКИ

2 декабря 1961: Роберт Э. Хайнлайн — Лертону Блассингэйму

Несомненно, Джинни получает больше удовольствия от этих чеков, чем я. Она всегда первой хватает Ваши письма, и Вам стоило бы видеть, как загораются её глаза, когда она находит в них одну из этих длинных жёлтых бумажек. Наличные деньги производят на неё такой же эффект, как Элвис Пресли на подростков — весь последний час она сидела в ванной, мечтательно

рассказывая о том, на что она собирается потратить деньги, которые пришли сегодня, — на новое бальное платье, оправу для нескольких изумрудов, которые у неё случайно завалялись в банковском хранилище, и т. д. Я уверен, что она считает Вас источником всех благ.

5 декабря 1961: Лертон Блассингэйм — Роберту Э. Хайнлайну

Роялти от «Scribner» всё идут и идут. Вот — ещё один хороший чек, чтобы помочь с вашим рождественским шопингом. И мы получили для Вас большую партию дойчмарок из Германии, чек придёт к Вам до конца этой недели.

День Подарков*[144] *1961: Роберт Э. Хайнлайн — Лертону Блассингэйму

…а также за хороший чек из Германии, который украсил наше Рождество зелёным цветом[145]. Вы будете рады услышать, что Джинни уже потратила большую его часть; она купила пять платьев и пальто, прежде чем я поднялся с кровати этим утром.

---

[144] Примечания: 144

День Подарков — второй день Рождества, 26 декабря.

[145] Примечания: 145

зелёным цветом — имеется в виду цвет долларовых купюр.

КОРОТКИЕ РАССКАЗЫ

9 мая 1962: Роберт Э. Хайнлайн — Лертону Блассингэйму

«Carson Roberts, Inc.», рекламная фирма, которая занимается подготовкой этих коротких научно-фантастических рекламных рассказиков для «Hoffman Electronics»[146] (которые Вы, возможно, видели в «Fortune», «Scientific American» или ещё где-нибудь), донимала меня несколько месяцев, чтобы я написал для них рассказ в 1200 слов. Я Вас этим не беспокоил, потому что моя обычная политика — обращаться к Вам только с теми делами, которые действительно означают деловое предложение, а у меня и в мыслях не было писать НФ в 1200 слов для кого бы то ни было за любую цену. Такой объём плохо подходит для жанра.

Но они продолжали поднимать цену, от 250$ до 500$, а затем до 750$ — и я попытался заставить их заткнуться, обрисовав им в одном абзаце, насколько слабым должен быть НФ-рассказ, чтобы

[146] Примечания: 146

Hoffman Electronics — корпорация, создана в 50-х гг. в Калифорнии предпринимателем Лесом Хоффманом. Лес был человеком широких взглядов, развивал новые направления в радио, телевидении, аэронавигации, разрабатывал солнечные батареи и вкладывал деньги в научную фантастику. В частности, рассказ Азимова «Мой сын — физик» написан по заказу Хоффмана.

уложиться в 1200 слов… после чего они утвердили этот абзац в качестве плана и попросили, чтобы я начинал над ним работать. Возможно, я смогу это сделать. Если я его напишу, то передам его через Вас. А пока просто Вас информирую. В лучшем случае это дурацкий бизнес, шестьдесят два цента за слово — много больше, чем это может стоить. Но 1200 слов — несуразный объём для научной фантастики.

Глава XI
Взрослые романы

КУКЛОВОДЫ

4 ноября 1950: Роберт Э. Хайнлайн — Лертону Блассингэйму

Я не писал в последнее время, потому что я работал по семь дней в неделю и до самой глубокой ночи над новым романом — пока 75 000 слов на бумаге, и всё, что мне сейчас нужно — это ударная концовка. С этим у меня проблемы. Я должен работать над ней в эту минуту (20.30, суб. веч.), но у меня накопилось достаточно много вещей, которые я должен написать.

2 декабря 1950: Роберт Э. Хайнлайн — Лертону Блассингэйму

Посылаю оригинал и первую машинописную копию «Кукловодов».

Вещь в нынешнем её состоянии длинновата (приблизительно 90 000 слов) для переделки в журнальный вариант и слишком длинная для книжного варианта, но я предпочёл бы сокращаться по конкретным требованиям редактора, а

не заранее и наобум. Я прилагаю к рукописи ещё кое-что, можете, если сочтёте целесообразным, посылать это вместе с копией, предназначенной для журнального варианта: список мест для разбивки на части. Я не знаю, правильно ли это с точки зрения продажи товаров, но я думаю, что будет полезно, если редактор сразу увидит, что история очень гибкая, что её можно превратить в сериал. Как Вы знаете, я могу вырезать, соединять, расписывать и т. д., а также убрать то, что они захотят, и сократить текст до любой длины, какую они пожелают…

Я также подозреваю, что редактор журнала захочет смягчить упоминания секса в романе — это будет совсем просто сделать.

5 января 1951: Роберт Э. Хайнлайн — Лертону Блассингэйму

Ах да! — Брэдбери *[Уолтер Брэдбери, редактор научной фантастики «Doubleday»]* написал мне о «Кукловодах»; я ответил ему, согласившись сделать все предложенные сокращения и правки, но всё же выразил некоторое расхождение во мнениях относительно целесообразности правок. По моему мнению, роман ужасов — а это он и есть — не улучшится в коммерческом плане, если разбавить его водой. Эдгар Аллан По написал

очень много вещей; я собрал и прочитал все его произведения. Ему принесли известность приблизительно 5 % опубликованных им работ, все они — откровенные стопроцентные ужастики, большая часть которых намного более ужасна, чем мой роман. Но я собираюсь в точности выполнить всё, что сказал Брэдбери — он готов за это платить, а я нуждаюсь в деньгах.

23 марта 1951: Лертон Блассингэйм — Роберту Э. Хайнлайну

Правки в «Кукловодах» удовлетворили «Doubleday». Послал письмо Голду[147].

3 апреля 1951: Лертон Блассингэйм — Роберту Э. Хайнлайну

Говорил с Голдом сегодня. Журнал претерпевает изменения в политике, потому придётся подождать с продажей. Он управляется из-за границы — Франции и Италии, — ЛБ сообщат, когда будет какая-то определённость.

21 апреля 1951: Роберт Э. Хайнлайн — Лертону Блассингэйму

Вы помните, как Вы сообщали мне, что первоначальные требования Голда по исправлениям для журнальной публикации выглядят нелепо, в

---

[147] Примечания: 147

См. Комментарии в конце книги. Гораций Голд.

свете того, что он собирался заплатить — около 2000$.

3 июня 1951: Роберт Э. Хайнлайн — Лертону Блассингэйму

Гранки «Кукловодов» прибыли; гранки «Между планетами» ожидаются на этой неделе; Голд хочет аннотацию для «Кукловодов». Я тут сильно закрутился, но позабочусь об этих вещах без неуместной задержки. Я узнал по слухам (но не от ***), что «Зелёные холмы» вот-вот будут опубликованы.

20 августа 1951: Роберт Э. Хайнлайн — Лертону Блассингэйму

Всю прошлую неделю бил себя по рукам, чтобы удержаться от написания жёсткого письма Голду. Он послал мне сигнальный экземпляр сентябрьской «Galaxy» с первым выпуском «Кукловодов». Голд, оказывается, накосячил с моей рукописью, вряд ли в ней остался хоть один абзац, который он не «улучшил» — я чуть с ума не сошёл.

Сегодня «Galaxy» — превосходный рынок сбыта для рукописей, и я не хотел бы осложнять Вам жизнь, разругавшись с редактором, которому Вы, возможно, будете предлагать другие рукописи — но если бы я был фрилансером без литагента, то я бы вполне был готов рискнуть навсегда поте-

рять этот рынок, но разрешить этот вопрос. Я бы сказал ему: «Послушай, ты, придурок, когда мы оба были внештатными авторами, мой рейтинг был намного выше твоего. За всю свою жизнь ты ни разу не написал ни одного классного научно-фантастического рассказа, так какого же чёрта ты решил, что можешь «улучшить» мою рукопись!»

Понятно, я ему этого не сказал и не собираюсь — но именно это я ощущаю, и всё это истинная правда. Голд выпускает хороший журнал, но как писатель он никогда не был ничем иным, кроме заурядного бумагомараки. Вся эта история, без сомнения, похожа на бурю в стакане воды, особенно поскольку Голд не изменял сюжетной линии истории, а просто побаловался в диалогах, перефразировал предложения и тому подобное, короче говоря, отредактировал стиль. Слушайте, Лертон, мои сюжеты никогда не были новы, я не создатель совершенно новых и замечательных идей, каким был Г. Дж. Уэллс; моя репутация опирается почти исключительно на то, как я рассказываю историю… на мой индивидуальный стиль. И в этом — практически весь мой арсенал писателя.

Не исказив сколько-нибудь сюжет, он изменил рукопись таким образом, что это можно обнару-

жить лишь построчным сравнением. Голд модифицировал рукопись в сотнях мест, заменив мой стиль своим собственным. Было бы очень трудно показать, как именно он повредил истории, но, на мой взгляд, он заменил забавно рассказанную историю-с-траченным-молью-сюжетом на скверно рассказанную историю-с-траченным-молью-сюжетом. Это — моя первая журнальная публикация за долгий период времени. Её правка не поспособствует получению высших тарифов за мою следующую подобную публикацию. Покупатели не будут знать, что в ней не так, но они будут чувствовать себя обманутыми, что им подсунули не совсем «первоклассного Хайнлайна».

Я процитирую только один пример из сотен. В одном эпизоде медсестра говорит: «Ешьте, или я размажу это по Вашим волосам».

Голд заменяет это на «Ешьте, или Вы получите это через трубку».

Чувствуете разницу? Моя формулировка мягко (очень мягко) юмористическая. Она вызывает в воображении образ медсестры, которая поддерживает дисциплину лестью, лёгким контактом, шутливыми замечаниями. Формулировка Голда страдает плоскостопием и лишена какого-либо намёка на улыбку, словно приказ от бесчувствен-

ного старшего сержанта.

Согласен, существуют оба вида медсестёр. Но все характеристики данной медсестры (Дорис Марден) последовательно раскрывали её как человека, который перешучивается с пациентами ради сотрудничества (прототипом послужила медсестра, которая ухаживала за мной в Джефферсоновском медицинском центре). Одной фразой Голд исковеркал её образ и превратил в нечто наподобие старшего сержанта.

В другом месте я описываю героиню как «худую», Голд заменяет это на «стройную» — о господи, героини всегда были «стройными»! Это же клише. Я использовал «худой» нарочно, чтобы придать ей немного реальности, добавить ей особую отличительную черту.

Вы видите? Всё мелочи, но их сотни. Я не смогу доказать, что история испорчена. Возможно, это не так, но я вижу, что теперь она заполнена стилистическими оборотами, которые никогда бы не вышли из моей пишущей машинки. Вы можете сами просмотреть журнальный вариант, не для того, чтобы найти правки, а просто чтобы сверить свои впечатления с тем, что Вы испытывали при первом чтении.

Обсуждать это — всё равно что дуть на проли-

тое молоко, за исключением:

(a) возможно, последний номер журнала ещё не ушёл в набор,

(b) быть может, удастся не допустить, чтобы подобное случилось в будущем.

По первому пункту: общее впечатление от истории в значительной степени зависит от ощущений читателя, которые он испытывает, когда дочитывает историю. Если можно вынудить Голда вернуться в третьем выпуске к тому варианту, который он изначально приобрёл, ущерб, нанесённый первой и второй частям, не будет иметь слишком большого значения. Вы не могли бы поговорить с ним жёстко, указав, что судами неоднократно признавалось, что простое приобретение прав на издание не даёт ему права вносить изменения в подписанную мной рукопись и что он должен печатать её в том виде, в каком она написана, либо он рискует оказаться на судебном процессе? Или Вы могли бы с шуточками убедить его, что он должен это сделать, чтобы угодить моим капризам примадонны? По пункту (b) Вы можете либо достичь взаимопонимания сейчас, либо поднимать этот вопрос всякий раз, когда мы снова будем представлять ему рукопись, но он должен ясно понимать и

(мне кажется) подтверждать в письменном виде, что все изменения должны быть сделаны до завершения продажи, после продажи вся рукопись становится «stet»[148] и должна таковой оставаться.

Чёрт возьми! Я не возражаю против нескольких небольших изменений, которые делает большинство редакторов, и я не возражаю против разумного количества правок, сделанных мной по требованию редакции, но этот парень нагадил на каждой странице.

Лертон, я это говорю не по причине артистического темперамента — в этом случае я бы просто отыгрался на его персоне. Нет, я серьёзно обеспокоен деловыми аспектами, я твёрдо убеждён, что моей собственности нанесён коммерческий ущерб и что это затронет рыночную стоимость будущих вложений.

Я начал возиться с новой вещью.

24 сентября 1951: Лертон Блассингэйм — Роберту Э. Хайнлайну

Голд сказал мне, что он написал Вам письмо с извинениями за его тяжёлую руку на Вашей истории, и обещает, что, хотя он, как правило,

---

[148] Примечания: 148
stet — корректурный знак «не исправлять!».

редактирует весь поступающий к нему материал, с этого момента Ваш будет неприкосновенным.

ДВЕРЬ В ЛЕТО

2 февраля 1956: Роберт Э. Хайнлайн — Лертону Блассингэйму

Я на 104-й стр. рукописи нового романа, надеюсь, он подойдёт для так называемого «взрослого» рынка. У меня от него постоянные головные боли и хроническая бессонница, и я всё время удивляюсь, как я мог ввязаться в этот глупый бизнес, — но если я выдержу физически, «Дверь в лето» должна быть закончена вчерне в этом месяце и закончена на чистовую примерно в конце марта. Возможно.

У нас тут на земле лежит фут снега, всюду фазаны. Пикси ненавидит всё это. Он считает, что во всём виновата Джинни.

31 мая 1956: Роберт Э. Хайнлайн — Лертону Блассингэйму

Аннотация для «Двери в лето». Я пишу мои собственные аннотации, только когда редактор выкручивает мне руки и требует этого — обычно так и происходит. Если Буше[149] желает сделать

---

[149] Примечания: 149
См. Комментарии в конце книги. Энтони Буше.

их сам, то я буду восхищён. По крайней мере, он более грамотен, чем я.

ДВОЙНАЯ ЗВЕЗДА

23 марта 1955: Роберт Э. Хайнлайн — Лертону Блассингэйму

Я знаю, что должен был написать Вам несколько дней назад, но я полагаю, что Вы меня простите, когда я скажу, что закончил роман, над которым я работал. Его текущее название — «Звёздная роль» *[«Двойная звезда»],* в нём около 55 000 слов и он предназначен для взрослой аудитории. (Однако никаких сексуальных сцен и никаких запретных односложных слов, разве что случайные проклятия или чертыханье, и я даже могу их выкинуть. Книга должна подойти для детей, которые всё равно её прочитают.)

Я поддерживал на нужном уровне длину текста в надежде, что продажа в журналы пройдёт легче, я надеюсь, что эта вещь наконец-то прорвётся в «Colliers», «Post» или какой-нибудь другой рынок для взрослой литературы, не специализирующийся на НФ. Я полагаю, что при их стоимости короткая длина будет более привлекательной как для коммерческого издания, так и для покетбуков.

Я не знаю, стоит ли сообщать «Doubleday». Мне нравится Брэдбери[150], но не нравится нелепый довесок к их контракту в виде «Science Fiction Book Club». Они продали через эту контору очень много моих книг, а получил я с этого очень мало — я не считаю два с половиной цента за экземпляр хорошими роялти за книгу в твёрдом переплёте, выпущенную сразу вслед за коммерческим изданием. После того как Брэдбери отклонил книгу о путешествиях, «Doubleday» перестал быть нашим безальтернативным выбором, возможно, настал подходящий момент, чтобы изучить предложение «Ballantine», если оно всё ещё актуально.

В любом случае у меня есть в наличии взрослый роман, пригодный для книжного и журнального издания.

21 апреля 1955: Лертон Блассингэйм — Роберту Э. Хайнлайну

Поздравляю с хорошим романом. Мне всё понравилось в «Двойной звезде», жаль, что быстро закончилась. Ни одного затянутого места.

3 июня 1955: Лертон Блассингэйм — Роберту

---

[150] Примечания: 150

Bradbury — Уолтер Брэдбери (Walter I. Bradbury), редактор отдела фантастики издательства «Doubleday». Известен тем, что предложил своему однофамильцу Рэю Брэдбери объединить несколько рассказов в цикл «Марсианские хроники».

Э. Хайнлайну

«Пост» считает Ваш роман превосходным и единственная причина, по которой они не покупают его для печати с продолжениями, заключается в том, что они не хотят отводить столько места научной фантастике. Кэмпбелл покупает его, чтобы запустить в февральском, мартовском и апрельском номерах. «Doubleday» будет в марте.

ДОРОГА СЛАВЫ

9 мая 1962: Роберт Э. Хайнлайн — Лертону Блассингэйму

Я не писал Вам некоторое время, потому что писал новый роман, который теперь завершён: «Дорога славы», 409 страниц рукописи, приблизительно 105 000 слов. Сейчас я его пересматриваю для моей машинистки и хочу немного сократить, но не так чтобы сильно. У Вас он будет не раньше чем через два месяца, поскольку моя машинистка выполняет мои заказы в качестве «вечерней подработки», потому что у неё есть дневная работа. Это — история для взрослого рынка, в ней хватает секса, чтобы вызвать остановку сердца у тех, кто жаловался на «Чужака». Это фэнтези на грани НФ.

6 июня 1962: Роберт Э. Хайнлайн — Лертону Блассингэйму

…Мы намереваемся всё лето спокойно оставаться дома, и я собираюсь проводить время, перетаскивая камни, пропалывая грядки и тому подобное. Я не собираюсь ничего писать до конца осени, в конце концов, два романа за год, рукописи сданы к 1 мая, и я чувствую, что устал и утратил вдохновение после завершения «Дороги славы».

6 августа 1962: Лертон Блассингэйм — Роберту Э. Хайнлайну

«Дорога славы» — шаг в сторону, даже для Вас. В ней больше фэнтези, чем научной фантастики. Это превосходный роман приключений, сдобренный мудрыми мыслями, приправленный интересным сексом. В нём было несколько мест, где мне хотелось прервать чтение и бежать искать аудиторию, с которой я мог бы разделить Ваши идеи. Я надеюсь, что он будет иметь реальный успех. Я нахожу его восхитительным.

30 сентября 1962: Роберт Э. Хайнлайн — Лертону Блассингэйму

…мне неинтересно его предложение. Не из-за величины гонорара — любая рукопись стоит столько, сколько Вы можете за неё получить…

иногда ноль. И не из-за сокращений — я всегда против них, но не настолько. Я категорически против, потому что он хочет, чтобы я просто-напросто обрубил последнюю сотню страниц.

Если я сделаю это, от романа останется просто сдобренная сексом волшебная история, без смысла и оправдания. Я не хочу публиковать эту историю в такой ампутированной форме. Около тридцати страниц из той сотни действительно довольно нравоучительны, довольно медлительны, и (если бы мне пришлось сокращаться) я бы выжал всю воду из этого куска настолько, насколько это возможно — то есть от прибытия героя в Центр планеты до его решения уехать, — но я совершенно не желаю просто обрубить историю в точке, где они захватывают Яйцо Феникса. Это лишит историю всякого смысла.

7 декабря 1962: Лертон Блассингэйм — Роберту Э. Хайнлайну

«Putnam» понравилась «Дорога славы». Её нужно немного ужать, и есть «несколько не очень серьёзных» предложений по исправлениям. Их отметят в рукописи и пошлют письмо с подробностями.

СВОБОДНОЕ ВЛАДЕНИЕ ФАРНХЭМА

9 марта 1963: Роберт Э. Хайнлайн — Лертону Блассингэйму

Новый роман (рабочее название: «Большой шлем»[151]) я сделал за 25 дней напряжённого труда, 503 страницы. Похоже, Джинни он нравится больше, чем «Дорога славы», она говорит, что вещь быстро читается и её не нужно сильно сокращать. Однако я намерен всё сильно сократить и передать моей машинистке в конце месяца. Я сам ещё не читал, что получилось, но, пока писал, мне всё нравилось.

21 марта 1963: Лертон Блассингэйм — Роберту Э. Хайнлайну

Я не представляю, как Вам удаётся производить романы на 500 страниц за 25 дней, пусть даже первый черновик.

8 июля 1963: Лертон Блассингэйм — Роберту Э. Хайнлайну

Хорошая история в «Свободном владении Фарнхэма», в ней достаточно авантюрных моментов для некоторых мужских журналов.

21 августа 1963: Лертон Блассингэйм — Ро-

---

[151] Примечания: 151

См. Комментарии в конце книги. История с названием.

берту Э. Хайнлайну

Питер *[Исраэль]* говорил, что он писал Вам об идеях по поводу сокращений и переделок, вероятно, сейчас Вы уже получили его письмо.

4 октября 1963: Лертон Блассингэйм — Роберту Э. Хайнлайну

Питер Исраэль сказал: «Боб Хайнлайн — босс. Я выскажу своё мнение, но у меня достаточно уважения к его опыту и суждениям, так что если он скажет, что какие-то вещи делать нельзя, я соглашусь с тем, что Боб сделает всё так, как считает нужным. Если он скажет, что текст нельзя сокращать менее 100 000 слов, серьёзно не повредив историю, то я издам все 100 000».

12 октября 1963: Роберт Э. Хайнлайн — Лертону Блассингэйму

По контракту с «Putnam» на «Свободное владение Фарнхэма»: на странице два я изменил количество слов на «100 000», вычеркнул срок поставки и сделал его «согласованным». Я должен знать *[их]* самый крайний предельный срок для публикации осенью ‘64. Я знаю, что к Новому году, как было указано, законченная рукопись им не нужна, и я это вычеркнул — к тому же я не мог бы предоставить чистовик к этому сроку. У меня слишком много с ним работы, и моей маши-

нистке понадобится по меньшей мере два месяца после того, как я закончу его сокращать. Когда будете выяснять у него насчёт самого крайнего срока, пожалуйста, сообщите ему, что за двадцать пять лет я ни разу не опоздал к крайнему сроку, ни на один день. Я совершенно уверен, что большинство редакторов добавляет для страховки как минимум месяц к дате крайнего срока, потому что, как известно, большинство авторов не грешат пунктуальностью в таких делах. И я хочу услышать реальные сроки. Я их не нарушу.

ЛУНА – СУРОВАЯ ГОСПОЖА

21 июня 1965: Роберт Э. Хайнлайн — Лертону Блассингэйму

Оригинал этого письма пойдёт с оригиналом рукописи «Медного орудия» *[«Луна — суровая госпожа»],* копия пойдёт со вторым экземпляром рукописи. Оба письма отправлю Вам завтра, оригинал авиапочтой рано утром, второй экземпляр — воздушным экспрессом во второй половине дня, попробую сделать так, чтобы они ушли различными самолётами. Как Вы, вероятно, знаете из новостей, мы отрезаны от всех путей, кроме воздушного — и последнее, что я слышал, это что

они одолжили «Curtiss» 1916[152], чтобы перевозить всех пассажиров, грузы, почту и еду, которые поступают и отбывают из нашего маленького аэропорта. По поводу рукописи: пожалуйста, пошлите оригинал «Putnam», к нему приложена заявка на их конкурс с суперколоссальными призами. Но, пожалуйста, скажите ему, что на самом деле у меня нет никаких видов на победу в номинации научно-фантастических романов…

6 июля 1965: Лертон Блассингэйм — Роберту Э. Хайнлайну

«Putnam» нравится новая книга, условия те же, что с последней книгой. Не нравится название. Вы можете предложить другое?

30 ноября 1965: Роберт Э. Хайнлайн — Лертону Блассингэйму

Вы видели копию письма *** ко мне; я позвонил ему сегодня. Он шокировал меня своим предложением редактировать рукопись, которую *** одобрила в целом, — но я отфутболил его предложение обратно, сказав «хорошо, и как быстро Вы можете переслать мне отредактированную рукопись для моего одобрения?» — и напомнил ему, что раньше я никогда не подписывал контракт

---

[152] Примечания: 152

1916 Curtiss pushers — одна из первых моделей гидросамолёта.

с «Putnam» и не принимал никаких авансов, пока рукопись не была полностью и окончательно одобрена. Я думаю, это его озадачило, но он быстро согласился пробежаться по рукописи и посмотреть, что сделал редактор, а затем либо одобрить изначальный вариант, который я представил, удалив правки редактора, либо отослать их мне на утверждение.

THE PAST THROUGH TOMORROW (ПРОШЛОЕ ЧЕРЕЗ ЗАВТРА)

9 марта 1963: Роберт Э. Хайнлайн — Лертону Блассингэйму

Настоящим возвращаю письмо Питера Исраэля по поводу Истории Будущего. Я так и не понял, чего он хочет. Я имел в виду омнибус из первых трёх книг Истории Будущего. У нас есть на них все права, и мы владеем оригинальными оттисками.

Я предлагаю, чтобы мы сказали Исраэлю, что мы предлагаем для переиздания первые три тома, отдельно или как один гигантский том — с оттисков, которые мы предоставим, а если он не хочет, пусть сообщит нам, чтобы мы могли предложить то же самое в «Science Fiction Book Club» издательства «Doubleday». Я совершенно уверен, что они рискнули бы принять такое предложение, если

им будут предложены оригинальные оттиски. Эти три книги широко известны в своей области, они раньше не издавались в твёрдом переплёте и никогда не предлагались в «SF Book Club».

НЕ УБОЮСЬ Я ЗЛА

21 августа 1969: Вирджиния Хайнлайн — Лертону Блассингэйму

Роберт говорит, что новый роман будет такого же объёма, как Библия, но, учитывая количество авторов Библии, я в этом сомневаюсь. Он всё ещё в процессе завершения. Когда он закончит, мы запустим парочку ракет, и, возможно, Вы увидите одну из них!

28 августа 1969: Вирджиния Хайнлайн — Лертону Блассингэйму

[Роберт] оставил мне записку: «Пожалуйста, передай ему, что мне очень хочется узнать, как ему эта новая книга, особенно концовка.

«У меня такое ощущение, словно я перевожу

«Giles Goat Boy»[153] на поздний марсианский».

2 сентября 1969: Вирджиния Хайнлайн — Лертону Блассингэйму

Роберт полностью загружен работой. Он сказал, что это — последняя глава. Потом глубокомысленно добавил: «Я надеюсь, что это не похоже на рассказ». Ну, я думаю, что теперь-то он в этом уверен. Он потратил всю прошлую ночь на то, чтобы кого-то убить. Должно быть, это был кто-то вроде Распутина, судя по времени, которое на это ушло.

1 октября 1969: Вирджиния Хайнлайн — Лертону Блассингэйму

Каких слов Вы хотите о романе? Он сейчас в стадии сокращения — я посчитала, что он местами затянут. Разве Вы не любите сюрпризы? Всё, что я могу сказать Вам — это то, что он весьма отличается от всего, что я когда-либо читала прежде, у Хайнлайна или у кого-либо ещё. И он будет у машинистки перед нашим отъездом на

---

[153] Примечания: 153

Giles Goat Boy — «Джайлс, мальчик-козёл» постмодернистский юмористический роман Джона Барта, насыщенный аллюзиями и метафорами. Вышел в 1966 году и тут же приобрёл культовый статус. Писатель-фантаст Джудит Меррил похвалила роман за изощрённость в обработке материалов сексуального характера. Позднее, в 70-х, роман подвергся многочисленной критике и потерял культовый статус. На русский ещё не переводился, насколько мне известно, но можно найти более позднюю «Химеру».

встречу выпускников…

7 октября 1969: Вирджиния Хайнлайн — Лертону Блассингэйму

По поводу новой книги, у Роберта есть свои сомнения насчёт того, что Маку[154] она понравится. Он напомнил, что Мак в своё время отклонил «Чужака», хотя позднее опубликовал несколько авангардных вещей. Я на это сказала, что он просто не мог больше продавать публике Элси Динсмор[155].

13 октября 1969: Вирджиния Хайнлайн — Лертону Блассингэйму

Сокращение продвигается медленно…

12 ноября 1969: Роберт Э. Хайнлайн — Лертону Блассингэйму

За то время, пока я писал «Не убоюсь я зла», а Вы, Джинни и Марго занимались всем остальным, в папке с Вашим именем на моем столе скопилось множество несрочных вещей. Из папки явствует, что я с 22 июня письменно не подтверждал полу-

---

[154] Примечания: 154

«*Мак*» — Труман МакДональд Тэлли (Truman MacDonald Talley, 1925–2013), выпускник Принстона, «Пурпурное сердце» во Вторую мировую войну, позднее — известный издатель. В конце 60-х работал редактором в репринтном издательстве «New American Library».

[155] Примечания: 155

Элси Динсмор (Elsie Dinsmore) — серия детских книг писательницы Марты Финли (Martha Finley, 1828–1909). Здесь употребляется как символ пустого благопристойного чтива.

чения чеков. Я собираюсь подтвердить и чеки, и книги, чтобы у Вас был письменный отчёт.

4 декабря 1969: Вирджиния Хайнлайн — Лертону Блассингэйму

Я только боюсь, что мне придётся теперь печатать «Не убоюсь я зла», и это испортит мне всю зиму! Думаю, в первом варианте было 689 страниц.

19 января 1970: Лертон Блассингэйм — Роберту Э. Хайнлайну

Я потратил на чтение «Не убоюсь я зла» больше времени, чем когда-либо раньше тратил на рукописи. И это только отчасти из-за длины книги — я быстрее проходил и более длинные, — но в романе так много хороших мест, что я отвёл себе времени достаточно, чтобы успеть получить удовольствие и похихикать над ними.

31 января 1970: Вирджиния Хайнлайн — Лертону Блассингэйму

Сегодня Боб, вероятно, поставит своё «Х» на двух доверенностях. Одна для Вас, другая для меня. Ваша понадобится, чтобы вести коммерческие дела, моя общая… и я полагаю, что мы оба должны хранить их неопределённо долгое время, для того чтобы использовать в экстренной ситуации.

Роберт находится в хорошем настроении, но

весьма слаб, медсёстры при нём круглосуточно. Разрез выглядит огромным, на мой неопытный глаз. До вчерашнего дня в нём был дренаж…

12 февраля 1970: Вирджиния Хайнлайн — Лертону Блассингэйму

Этот новый роман, вероятно, ближе к мэйнстриму, чем к научной фантастике, ближе чем всё, что Роберт сделал… он хочет, чтобы эта вещь по выходу получила массовое распространение, или первый тираж в мягкой обложке, или журнальную публикацию, или, возможно, и то, и другое. Выпуск в мягкой обложке, похоже, не слишком сильно отражается на продажах коммерческого издания, если принять во внимание практику «Клуба книголюбов» при «Doubleday». Если у нас не получится журнальная или предварительная публикация книги в мягкой обложке, мы вынужденно позволим выпустить роман в клубном издании. Объёмы продаж «Луны — суровой госпожи» мою правоту в этом вопросе подтверждают.

26 февраля 1970: Вирджиния Хайнлайн — Лертону Блассингэйму

Только что вернулись из больницы. Боб пытался съесть завтрак… он съел на завтрак целое яйцо, и я не знаю, сколько ещё, но он всё ещё получает

питание внутривенно, и очень неуверенно стоит на ногах. Но, во всяком случае, мы уже обходимся без инвалидной коляски, и он выходит гулять в коридор. После того как он месяц отказывался покидать свою комнату, это — значительный прорыв. Кроме того, я дала ему «Словарь оскорблений»[156], и он начал его читать, что куда лучше, чем мыльные оперы, викторины и т. п., которые он смотрел по телевизору.

Кроме того, посылаю письмо от Леди Голланц. Роберт прочитал это письмо и твёрдо сказал: «Никакой бодлеризации». Поэтому не могли бы Вы вежливо послать её ко всем чертям? Пассаж, на который она ссылается, тот, в котором герой чувствует жалость к жертве, а не к преступнику. Она хотела его выкинуть.

ПРИМЕЧАНИЕ РЕДАКТОРА: К этому времени издатели во многих странах печатали работы Роберта, особенно его подростковые романы.

Несколько британских издателей имели контракты на его книги, среди них «Gollancz». Главой этой фирмы был посвящённый в рыцари короны

---

[156] Примечания: 156

Словарь оскорблений — книг под таким названием выходило много. Скорее всего, имеется в виду «The insult dictionary: how to be abusive in five languages» («Словарь оскорблений: как посылать на пяти языках»), Wolfe Publishing, 1966.

сэр Виктор Голланц. Когда сэр Виктор умер, его жена приняла фирму.

Когда они собирались издавать один из подростковых романов (теперь уже не вспомнить, что за книга это была), леди Голланц спросила, может ли она опустить несколько предложений, в которых речь шла о наказании персонажа за преступление, которое он совершил. Закон по этому вопросу твёрд, как здесь, так и в Великобритании: никакой издатель перепечатки не может вносить изменения в текст без письменного согласия автора.

Поэтому Роберт отклонил её просьбу об исправлениях.

Вчера, в Санта-Круз, я наткнулась на заметку, которую Роберт сделал о новой книге. Жаль, я не могу привести её полностью, но он сказал: «Возможно, это мой последний роман. Я не собираюсь позволять какому-то редактору сокращать его, если он не понимает его полностью». Он всегда говорил, что эта история не могла быть сокращена из-за её сложности… хотя я думала, что это нужно было сделать. Возможно, он был прав. В любом случае такие вещи следует делать с осторожностью, а не пытаться впихнуть их в прокрустово ложе. Он действительно делал

некоторые сокращения перед заключительной печатью и копированием. Я вычитывала это и проверяла, и внесла исправления там, где машинистка сделала ошибки. И сокращённая версия была намного живее, чем исходный вариант!

7 марта 1970: Вирджиния Хайнлайн — Лертону Блассингэйму

Я знаю, что у *[Роберта]* были конкретные мысли по поводу того, что он хочет от контракта на новую книгу, но он только твердит, «Вы с Лертоном справитесь с этим», так что нам придётся потянуть ещё немного.

31 марта 1970: Вирджиния Хайнлайн — Лертону Блассингэйму

Роберт доволен, что продажа в журнал состоялась *[«Не убоюсь я зла» в «If»].* У него было твёрдое намерение добиться журнальной публикации этой вещи, если это возможно.

Врачи очень довольны прогрессом Боба, но он всё ещё проводит большую часть времени в постели, и на самом деле ему не до выполнения любой работы вообще. Кроме того, иногда его ум не столь остёр, как обычно, и мы надеемся, что к тому времени, когда техническое редактирование будет закончено, он сможет на неё взглянуть… И после встречи с вечностью, кото-

рую он недавно имел, он намеревается внести некоторые изменения в свой образ жизни. Только что это будут за изменения, пока неизвестно. Вероятно, они будут включать такие вещи, как отказ от выступлений перед публикой (он нашёл их весьма тревожащими), никаких интервью и т. д.

8 апреля 1970: Лертон Блассингэйм — Вирджинии Хайнлайн

Срочно отправьте мне ксерокс Вашей доверенности. Мы должны приложить его к новому контракту с «Putnam».

20 ноября 1970: Вирджиния Хайнлайн — Лертону Блассингэйму

Рецензенты, кажется, жалуются на нехватку откровенного секса в «Не убоюсь я зла». Один из них сказал: «м-р Хайнлайн — викторианец…» Была ли на свете когда-либо хоть одна книга, которая понравилась бы рецензентам?

14 января 1971: Вирджиния Хайнлайн — Лертону Блассингэйму

Большое спасибо за статью из «Нью-Йорк таймс». Отныне я буду кланяться Хозяину каждое утро. Как один человек исхитрился стать героем

Новых Правых, Женского движения[157] и культуры хиппи — и всё это на одном дыхании? Мы все должны быть шизофрениками!

[157] Примечания: 157

В оригинале «Women's lib» — Women's Liberation Movement, Движение За Освобождение Женщин, феминистское движение. В конце 60-х выступало за политическое, экономическое и социальное равенство полов и их равноправие в области семейных отношений. Феминистки включили роман Хайнлайна в рекомендованный список чтения.

Глава XII
Путешествия

6 августа 1952: Роберт Э. Хайнлайн — Лертону Блассингэйму

Назад домой к бушелю почты и постоянным звонкам телефона. Я недоумеваю, зачем мы вернулись?! Но это была прекрасная поездка — Джексон-Хоул, Гранд-Титон, Йеллоустонский парк, Национальный монумент Лунные Кратеры, Сан-Вэлли, «День ‘47»[158] в Солт-Лейк-Сити, Парк Зайон, Северная стена Великого Каньона — откуда мы поехали на мулах вниз, на дно Каньона, затем Брайс-Каньон, оттуда через основной ассортимент в Аспен и, наконец, домой.

ВОКРУГ СВЕТА

17 августа 1953: Лертон Блассингэйм — Роберту Э. Хайнлайну

…очень рад услышать планы относительно кругосветной поездки.

---

[158] Примечания: 158

День ‘47 (Days of ‘47) — парад в День Пионеров, который проходит в Солт-Лейк-Сити в честь прибытия в долину в 1847 году партии мормонов-переселенцев.

25 сентября 1953: Роберт Э. Хайнлайн — Лертону Блассингэйму

Мы приплываем из Нового Орлеана 12 ноября и уезжаем отсюда около 7 ноября. Очень жаль, но я не смогу побывать на Восточном побережье с визитом или проездом, поскольку мы уезжаем из Залива и возвращаемся через Сан-Франциско…

С нашей поездкой почти всё утряслось, мы получили разрешение от Министерства ВМФ, получили паспорта, приобрели билеты на два основных этапа поездки. Нам поставили прививки от холеры, тифа и паратифа, столбняка. Жёлтая лихорадка ждёт в среду. Джинни прямо сейчас занимается визами, но все главные препятствия пройдены. Я проставлю точное место и время позже, но вот, как это представляется сейчас: пароходом «Gulf Shipper»[159] (регистр США) из Нового Орлеана, через Панамский канал, полдюжины западных южноамериканских портов, в Вальпараисо, перелёт над Андами в Буэнос-Айрес, загружаемся в грузовой лайнер (плавательный бассейн и всё такое) «M. S. Ruys» (Голландия), потом Монтевидео, Сантос и Рио-де-Жанейро, через Южную Атлантику в Кейптаун, после которого

[159] Примечания: 159

S. S. Gulf Shipper — грузопассажирское судно, порт приписки Новый Орлеан, 12 пассажирских мест.

судно заходит в полдюжины восточноафриканских портов и в Занзибар, конечная остановка в Кении. Затем — через Индийский океан до Маврикия и Сингапура. В Кейптауне я хочу на неделю оставить судно, чтобы посетить Национальный парк Крюгера. Правда, Джинни всё время твердит, что львы могут открыть автомобильные дверцы. Тем не менее я хочу осуществить эту поездку и увидеть львов, слонов и т. д. в их исконной среде обитания.

Мы покидаем судно в Сингапуре, дальше мест не бронировали, я планирую посетить Яву и Бали как минимум и завершить в Дарвине, Австралия — сейчас мы пытаемся организовать заказ билетов до острова; если это не сработает, то мы полетим на острова самолётом и окажемся в Дарвине, так или иначе. Оттуда мы летим в Сидней, остаёмся, пока нам не надоест Австралия, потом в Новую Зеландию, где мы намереваемся посетить и Северный, и Южный острова (есть авиалиния «N. Z.», которая обслуживает круговой маршрут), и в конечном счете домой через Фиджи, Гавайские острова и Сан-Франциско.

24 октября 1953: Роберт Э. Хайнлайн — Лертону Блассингэйму

Как видите, это письмо у меня всё почёркано

— хотя я могу написать снова. Кроме того, Вы увидите, что я (с фантастической изобретательностью и элегантной предусмотрительностью) поместил все ценные сведения на вторую страницу, так что Вы можете теперь вывесить её на Вашей доске объявлений или где-то ещё. Мы вышлем Вам открытки с calabozos и hippos[160] и тому подобного. Если я не вернусь вовремя, вышлите мои личные вещи по адресу: Таити, четвёртому бродяге слева.

Ой! Я забыл кое-что — деньги. Не посылайте мне никаких чеков после 7 ноября; просто придержите для меня всё, что придёт. Вполне возможно, что, после того как меня обчистит банда международных аферистов, возглавляемых красивой блондинкой в соболях, я попрошу Вас телеграфировать мне немного бабла — но это кажется маловероятным, поскольку я захватил с собой изрядно.

3 апреля 1954: Роберт Э. Хайнлайн — Лерто-

---

[160] Примечания: 160

calabozos и hippos — Хайнлайн опять шутит билингвами: *calabozos* — голоценовая кальдера в чилийских Андах, город в Венесуэле и одновременно на испанском языке означает подземелье, тюремную камеру или кривую лошадиную морду; *hippos* — обычно гиппопотам, но гиппопотамы в Южной Америке не водятся, так что это, скорее всего, латинская транскрипция древнегреческого ἵππος, или просто лошадки. В крайнем случае, речь идёт о рыбках *caranx hippos*, распространённых в Карибском бассейне.

ну Блассингэйму

Мы возвратились домой поздно вечером в среду и потратили четверг и пятницу на распаковку и чтение писем. Я не ответил ни на одно из них.

Я всё ещё не смог разгрести свой письменный стол, вдобавок по итогам поездки у меня скопилось около двух дюжин дневниковых записей, которые тоже требуют внимания. У нас всё хорошо за исключением простуды, подцепленной в Новой Зеландии, и она по-прежнему с нами. Обратная дорога прошла хорошо, не считая того, что за десять минут до Колорадо-Спрингс в долбаном самолёте что-то загорелось в системе обогрева, каюта заполнилась дымом, и капитану пришлось возвращаться и делать вынужденную посадку. Как раз перед этим мне наконец-то удалось склонить Джинни к тому, что в будущем мы будем путешествовать воздушным транспортом…

КНИГА О ПУТЕШЕСТВИЯХ[161]

ПРИМЕЧАНИЕ РЕДАКТОРА: В 1953-м и 1954-м мы с Робертом предприняли шестимесячное путешествие вокруг света. Когда мы вернулись,

---

[161] Примечания: 161
См. Комментарии в конце книги. Королевский вояж.

я предложила, чтобы Роберт написал книгу о поездке. Он написал половину книги и отослал её Лертону, чтобы посмотреть, есть ли спрос на такую вещь.

Оказалось, что на неё не было никакого спроса.

Каждому, кто читал эту книгу, она нравилась, но никто не хотел её издавать. Роберт потратил несколько месяцев, работая над этой книгой. Слишком поздно издавать её сейчас — она значительно устарела.

30 августа 1954: Роберт Э. Хайнлайн — Лертону Блассингэйму

Я думаю, Вам лучше вернуть рукопись книги о путешествиях обратно, чтобы я её закончил. Я провёл целое лето, ожидая её возвращения следующей почтой, угнетённый её незавершённым состоянием и неспособный приступить к работе над чем-то другим. Никогда больше не буду посылать незаконченную рукопись — для меня это всё равно что кто-то читает у меня через плечо. Это мешает мне сосредоточиться на работе у станка.

Длинная вереница гостей тоже способствовала тому, что лето было растрачено. Последний из них теперь покинул дом, и я смогу быстро закончить книгу о путешествиях. Через пару недель я хотел бы начать мой следующий роман.

Я планирую сначала сделать очередную книгу для мальчиков, а затем взрослый роман для публикации в журнале.

ЕВРОПА

24 января 1955: Роберт Э. Хайнлайн — Лертону Блассингэйму

Мы пока были не в состоянии заказать предложенную нам поездку, но мы всё ещё надеемся уехать около 1 мая. Не стоит беспокоиться, что поездки, которые я планирую, помешают мне писать: в долгосрочной перспективе они увеличивают количество текстов и повышают их качество. Всё, что я делаю, в конечном итоге всегда выливается в истории — и к тому же крайне маловероятно, что мы когда-нибудь снова отправимся путешествовать на полгода.

10 мая 1955: Роберт Э. Хайнлайн — Лертону Блассингэйму

У нас роскошное жильё, каюта владельца примерно в два раза больше, чем каюты других пассажиров. Я не знаю, почему она досталась нам, потому что мы этого не просили, но это очень приятно. Впервые на корабле у меня достаточно места, чтобы писать и делать это с комфортом. Наверное, я мог бы даже разродиться рассказом…

хотя это маловероятно, поскольку мой разум уютно пуст.

16 июля 1955: Роберт Э. Хайнлайн — Лертону Блассингэйму

Как жизнь? Что до меня, то я немного запутался. В эту поездку я посетил десяток стран, использовал девять языков и тринадцать видов денег, включая «фантики» US MPC[162], у которых купюры в 10$ напечатаны ярко-красным, а документы на получение никеля похожи на купон сигары. Я только что закончил расчёт поездки за Северный полярный круг (которую мы начинаем завтра утром), в котором участвовали марки, гульдены, бельгийские франки и три вида крон, все по разным тарифам. Я пришёл к правильному ответу с точностью плюс-минус 10 процентов, что гораздо лучше, чем я ожидал.

Джинни тратила наши деньги в радостном неистовстве, тут всё стоит раз в шесть больше, чем следовало бы. Я думал, что у нас с собой достаточно денег, чтобы покрыть все расходы, но больше я в этом не уверен. Не могли бы Вы выслать мне тысячу долларов в чеках «American Express» (единственный вид денег, которые дей-

---

[162] Примечания: 162
См. Комментарии в конце книги. Смешные деньги.

ствительно легко обмениваются везде) на адрес в Гейдельберге, который я указал? Deus volent[163], они всё ещё будут лежать в моём кармане, когда мы доберёмся до Нью-Йорка, но я буду чувствовать себя свободнее, если они у меня будут. Мы вернёмся 6 августа, потом мы едем в Байройт[164] где Джинни сможет насыщаться Вагнером «Кольцо Нибелунгов», в то время как я буду насыщаться пивом, а потом не спеша домой. Я думаю, что мы будем в Нью-Йорке 9 или 10 сентября, но в этот промежуток времени может что-нибудь произойти.

ЛАС-ВЕГАС

22 апреля 1959: Роберт Э. Хайнлайн — Лертону Блассингэйму

Мы вернулись домой даже не полностью промотавшимися, на самом деле я даже не израсходовал дорожные чеки, которые прикупил в Нью-Йорке больше года назад, и теперь мы по уши в деньгах,

---

[163] Примечания: 163
Deus volent (*лат.*) — Бог даст.

[164] Примечания: 164
Bayreuth — город в Баварии, где Рихард Вагнер построил оперный театр для представления своего «Кольца Нибелунгов». В нём с 1876-го проводятся летние Вагнеровские фестивали, где исполняются произведения композитора.

и все налоги заплачены. Джинни упорно трудилась на игровых автоматах, но за всю неделю не сумела спустить больше пяти долларов. Я играл на автоматах очень мало, однажды вечером побросал кости, поставил en passant [165]несколько фишек на рулетку и даже остался при своих — в любом случае я не собирался там играть на деньги. Один из нашей компании, парень, с которым я поступал в Аннаполис, играл всю неделю, сорил деньгами в ночных клубах и т. п., он вернулся в Колорадо-Спрингс с большим количеством денег, чем увозил с собой. Утверждать не могу, но думаю, что практически там всё можно получить даром — при условии, конечно, что вы не оставите кучу бабла на столах. Изысканные блюда дёшевы, самые роскошные в мире ночные клубы очень дёшевы, а гостиничные номера стоят около половины того, что они стоили бы в Нью-Йорке. Я понимаю, что такси дорого, но мы нанимали новый «шеви»[166] и никогда не брали такси.

---

[165] Примечания: 165
en passant (*фр.*) — мимоходом.

[166] Примечания: 166
Chevvie — chevvy, Chevrolet, шевроле.

Авиа-Конгресс[167] был размером почти с Всемирную выставку, с самыми замечательными демонстрациями и экспонатами, которые я когда-либо где-либо видел… Стационарные экспонаты включали в себя такие вещи, как «Атлас», «Тор-Эйбл», «Х-15», обитаемую возвращаемую капсулу Проекта «Меркурий» и моноплан Блерио 1911 года[168]. В динамических экспонатах было всё, от нескольких типов бомбометания до самого пугающего полёта прецизионной точности, какой я когда-либо видел. Полдюжины стран, каждая пыталась утопить других, но китайские националисты[169] затмили всех. Своим плотным алмазным формированием из девяти самолётов они выделывали такие вещи, что я до сих пор не верю собственным глазам. Никто не был убит

---

[167] Примечания: 167

Авиа-Конгресс — Всемирный Авиа-Конгресс (The World Congress of Flight-59), частично проходил в Лас-Вегасе 12–19 апреля 1959 года. Помимо демонстрации военной и гражданской техники, экипировки спасательных служб и различных конференций, он был посвящён началу космической эры.

[168] Примечания: 168

«Атлас» — успешная серия ракет, её развитие продолжается по сей день. Применялась как МБР и как ракета-носитель. Разгонные блоки «Атласов» выводили на орбиту «Меркурии», «Рейнджеры», «Маринеры» и «Джемини». *«Тор-Эйбл»* — ракета-носитель на базе МБР «Тор». В 50-х помогла угробить первую серию станций «Пионер». *Х-15* — первый космический самолёт, вдвое меньше шаттла, три его модели выполняли экспериментальные полёты с 1959 по 1968 год, стартуя с «Боинга».

[169] Примечания: 169
Chinese Nationalists — имеются в виду представители армии Тайваня.

— хотя у многих из нас, зрителей, чуть сердце не остановилось.

Лас-Вегас — это система, устроенная для целенаправленного нервного истощения. Мы умотались, загорели и пребываем в эйфории… Но три крупнейших в городе книжных магазина не продают научной фантастики: я искал какие-нибудь свои книги, чтобы подарить друзьям — бесполезно.

К моему превеликому удовольствию, каждые несколько минут меня узнавали по моему бейджику, в течение всей недели. Большой процент делегатов читает научную фантастику.

ПОЕЗДКА НА ЮГО-ЗАПАД

9 марта 1956: Роберт Э. Хайнлайн — Лертону Блассингэйму

Мы только вернулись от восьмидневного турне по Альбукерке, Лас-Крусес и Порталес, очень приятно провели время, встретился с друзьями

в Центре вооружений Сандия[170], АЕС[171], Ракетном обществе в Белых Песках, ещё видел нового малыша ***, фотографировал гипсовые пески и настоящую пыльную бурю, скрывшую солнце и засыпавшую забор до верхушки, посетил ранчо, прочитал лекцию в Университете Нью-Мексико, застревал в грязи и видел совсем немного солнечного света и тёплой погоды после очень суровой зимы. А теперь я пытаюсь расчистить свой стол.

СССР

15 августа 1960: Роберт Э. Хайнлайн — Лертону Блассингэйму

Ну вот я и дома и полностью завален работой. Последние четыре дня провёл в попытках разгрести или выбросить разные материалы, только чтобы добраться до своего рабочего стола, чтобы можно было что-то писать. Как только я закончу это письмо, я попытаюсь приступить

---

[170] Примечания: 170

Sandia Weapons Center — Сандия, пригород Альбукерке (шт. Нью-Мексико), где находится научно-исследовательский центр Управления энергетических исследований США. Основан в 1945 году для проведения исследований по проблемам использования ядерной энергии.

[171] Примечания: 171

AEC — Atomic Energy Commission, Комиссия по атомной энергии, федеральное независимое агентство, создано в 1947 году, ведало вопросами мирного и военного применения атомной энергии.

к работе, попробую переписать и расширить статью «Intourist» по тем направлениям, которые Вы предложили — но, честно говоря, пытаться написать о СССР с юмором будет нелегко. Мы с Джинни сами много раз смеялись как ненормальные, но это был истерический смех, на самом деле там было очень мало чего-то действительно смешного.

ПРИМЕЧАНИЕ РЕДАКТОРА: Роберт написал две статьи об этой поездке; их можно найти в «Расширенной Вселенной».

АЛЬМА

15 мая 1961: Роберт Э. Хайнлайн — Лертону Блассингэйму

Мы отправились в Альму, Штат Оклахома, 29 апреля чартерным рейсом, удалось всё устроить за один день. «The Sequoyah Book Award»[172] оказалась красивой мемориальной доской. Я обратился к Государственной библиотечной ассоциации, и после мероприятия они устроили

---

[172] Примечания: 172

The Sequoyah Book Award — «Книжная Премия Секвойи» — премия Библиотечной ассоциации Оклахомы. На самом деле в данном случае Секвойя — не название дерева, а имя индейца чероки, который создал алфавит для записи слов родной речи. Премия существует с 1959 года и присуждается за достижения в области детской литературы.

автограф-сессию — и будь я проклят, если они не продали почти двести экземпляров «Имею скафандр — готов путешествовать!».

«Scribner» предложил оплатить поездку, но я предпочёл не иметь перед ними обязательств, пока они продолжают давить на меня, чтобы я оставил «Putnam» и вернулся в «Scribner». Во всяком случае, это стоило меньше чем две поездки туда и обратно коммерческим рейсом и существенно меньше, чем на машине, — кроме того, за это положен налоговый вычет. Во всяком случае, прибытие частным самолётом хорошо дополнило представление.

САН-ДИЕГО[173]

12 июля 1962: Роберт Э. Хайнлайн — Лертону Блассингэйму

Моя короткая поездка в Сан-Диего и к морю была потрясающей. Сутки под водой в субмарине «Raton»[174], в то время как на нас охотились эс-

---

[173] Примечания: 173

Эту поездку организовал сосед Хайнлайна, действующий офицер ВМФ Архун. Хайнлайны и Архуны дружили семьями, и Боб даже предусмотрел для них место в своём бомбоубежище. По какой-то причине сразу после этого они поссорились.

[174] Примечания: 174

USS Raton (SS-270) — подводная лодка класса «Gato». В 1962 г. была задействована на тренировках и учениях на Западном побережье США.

минцы и пытались достать глубинными бомбами (имитация). Вместо бомб были гранаты, которые производили жуткий грохот, но самое большее, на что они были способны — это разбить электрическую лампочку. Потом мы перебрались на борт авианосца «Лексингтон», где провели ночь, наблюдая ночные операции, затем, на другой день — дневные операции, а потом я прилетел обратно в Колорадо-Спрингс. Всё время от и до составило пятьдесят четыре часа, практически без сна. Ночные посадки отрабатывали сверхзвуковые истребители «Демон» (F3H)[175], и это была самая захватывающая и самая шумная вещь, которую я когда-либо видел. У авианосца угловая полётная палуба, посадки и катапультирование происходят одновременно, один за другим через каждые тридцать секунд — и они ускоряются примерно до 130 миль в час и громко ревут вдали, если не зацепляют трос.

Помимо этого, меня много раз узнавали, что подняло мой боевой дух. Вишенкой на торте была вечеринка в воздухе по случаю дня рождения,

---

[175] Примечания: 175

«Демон» (F3H) — McDonnell F3H Demon, дозвуковой истребитель со стреловидным крылом, разработан во время Корейской войны в попытке противопоставить что-то «МиГ-15». До 1962 года «демоны» были основными палубными истребителями, затем их заменили «Фантомы».

которую устроили для меня по пути домой. Это было весело!

СНОВА ЛАС-ВЕГАС

30 сентября 1962: Роберт Э. Хайнлайн — Лертону Блассингэйму

Я должен мыться, бриться, одеваться и бежать — поездка в Хьюстон была коротка и ужасна; поездка в Лас-Вегас была длинна и восхитительна. Джинни сорвала несколько джекпотов никеля, я вообще не играл на деньги, но зато посмотрел все шоу… Космические и авиационные экспонаты были великолепны, было много прекрасных вечеринок и три открытых бара, и прекрасный показ огневой мощи — бомбёжка. Зенитные ракеты + «Тандербёрды», заправляющиеся горючим в воздухе, новые самолёты и совместная демонстрация атаки ВВС и Армии. Ещё мы видели много старых друзей. «Folies-Bergere» был как всегда, а шоу «Lido de Paris»[176] было лучшим и больше роскошным, чем когда-либо.

---

[176] Примечания: 176

«Folies-Bergere», *«Lido de Paris»* — «Фоли-Бержер», «Лидо де Пари» — названия французских кабаре и театров варьете.

АНТАРКТИДА

28 декабря 1963: Роберт Э. Хайнлайн — Лертону Блассингэйму

Кажется, я говорил Вам по телефону, что «Популярная Механика» хочет, чтобы я сделал ещё одну статью или несколько статей. С тех пор мы предварительно согласовали тему таким образом: исследования, продолжающиеся на Южном полюсе. Я имел в виду отправиться туда в будущем году, но в последнем письме Стаймсон говорил об этом так, будто я отправляюсь туда немедленно. Так как на Южном полюсе лето только-только началось, это звучит разумно — за исключением того, что я по уши в этом голливудском проекте со «Screen Gems». *[См. тему «Телесериал», глава V.]* Поездка не должна занять много времени — десять дней или две недели — но если я отправлюсь в *[Южное полушарие]* на всё лето, это должно произойти в следующие несколько недель, что, вполне вероятно, выльется в конфликт с проектом «Screen Gems»…

Если действительно сложится так, что я отправлюсь сейчас, а не через год (то есть в любое время после Дня Труда 1964 года), это решило бы проблему с тематикой сериала для «Boys' Life»:

поместить действие на Южный полюс и смешать в нём науку и приключения. И это также решило бы проблему с моей следующей подростковой книгой для «Putnam's» — три новеллы в сумме приблизительно 50 000 слов: «На Луне ничего не случается», «Новичок на Венере» и «Полярный бойскаут». *[«Putnam»]* писал мне, слегка выкручивая мне руку, что хочет получить ещё одну книгу для подростков, я думаю, такой вариант удовлетворил бы *[«Putnam»]* для весеннего каталога 65-го. Если Вы сочтёте это целесообразным, выясните у «Boys' Life», нужен ли им сериал об Антарктиде, написанный на основе личных наблюдений.

Я должен добавить, что я сообщил «Популярной Механике», что, выдав им первую статью, я оставляю за собой право писать другие статьи и беллетристику, основанные на поездке. Они хотят оплачивать только то, за что они изначально платили… Я мог бы путешествовать автостопом всю поездку, на «свободных местах» для военных, но я, скорее всего, поеду коммерческим рейсом в Окленд. Но при этом я смогу показать хорошую прибыль, написав ещё что-нибудь на том же самом материале.

ПРИМЕЧАНИЕ РЕДАКТОРА: Эта поездка не

состоялась, но мы действительно предприняли путешествие в Антарктиду в 1983-м.

КАРИБЫ

11 декабря 1964: Роберт Э. Хайнлайн — Лертону Блассингэйму

Всевозможные чеки, зарегистрированные и отосланные, само собой прибыли двумя бандеролями. Джинни снова жалуется, что её завалила эта работа. Она сама виновата: расходы — это по её части, а она вернулась из этой последней поездки с более чем тысячей наличными — на самом деле, даже не попытавшись их потратить. Её крупнейшей покупкой стали три «кастрюли» (а может, это были барабаны) для шумового оркестра, приобретённые в Тринидаде, они стоили совсем не много, их просто трудно было тащить до дому, и одно среднего размера медное орудие восемнадцатого столетия, купленное в Новом Орлеане (на этот раз исключительно для себя). Орудие немного помогло Джинни спустить деньги — 275$, но когда наш гид в Каракасе предложил открыть для неё в воскресенье ювелирный магазин, она отказалась. И теперь нам придётся просто купить ещё каких-нибудь запасов после того, как оплатим налог на прибыль. Она что-то

подрастеряла свою хватку.

Пожалуй, самая интересная часть поездки — посещение деревни буш-ниггеров[177] далеко в джунглях Суринама, бывшей голландской Гвианы. Это потомки беглых рабов, которые живут в стиле Конго глубоко в тропическом лесу. Мы добрались туда на катере вверх по реке. Главное, что я вынес из этого визита, состоит в том, что голые груди не обязательно сексуальны. Зулусы в тех краях живут гораздо богаче. Мы также посетили поселение америнда — индейцы были вежливы и грязны, негры были назойливы и очень чисты. Что же касается других тем, ну, например, летучая рыба с 12-дюймовым размахом плавников однажды вечером влетела в кают-компанию через иллюминатор, приоткрытый всего на 4 дюйма, не повредив свои крылья. Я не мог спросить её, как она это сделала — приземление её убило. Нам устроили королевскую экскурсию по заводу Боинга в штате Луизиана (гости главного инженера и главного адвоката), и осмелюсь доложить, что «Сатурн» — самый чудовищно огромный монстр, какого только можно вообразить, и я не верю, что

[177] Примечания: 177

буш-ниггеров — буш-ниггерами (Bush Negro) или, более толерантно, маронами, называли одичавших беглых рабов, живущих в труднодоступных районах стран Карибского бассейна.

русские смогут сделать вещи масштаба нашего проекта «Аполлон». Я по-настоящему верю, что мы доставим человека на Луну в этом десятилетии, перспективы хорошие. Джинни посетила негритянский публичный дом на Ямайке и вела себя с таким апломбом и savoir faire[178], что можно было подумать, что она провела в одном из них всю свою жизнь. Мы прибыли в Денвер поздно вечером и обнаружили, что наш рейс в тот день не летает, поэтому я нанял двухмоторный «Aero-Commander»[179], и мы приземлились в Колорадо-Спрингс в снежную метель по командам с наземного пункта управления. Я наблюдал за этим из кресла второго пилота, это то же самое, что посадка на авианосец. Земля вся покрыта белым, и всё же хорошо вернуться домой.

ПРИМЕЧАНИЕ РЕДАКТОРА: Эта медная пушка до сих пор стоит в гостиной. Она послужила рабочим названием для романа «Луна — суровая госпожа»; разумеется, название поменяли, так как редакторы не считали, что это подходящее название для научно-фантастического романа.

---

[178] Примечания: 178

savoir faire (*фр.*) — ловкость.

[179] Примечания: 179

Aero-Commander — гражданская модель самолёта «AC-500» экономкласса, два пилота, четыре пассажира.

Пушка — сигнальное орудие с парусника восемнадцатого века, но она всё ещё работает. Мы имели обыкновение палить из неё каждое четвёртое июля.

28 декабря 1964: Роберт Э. Хайнлайн — Лертону Блассингэйму

Я совсем не проказничал на Ямайке, да и на всём протяжении поездки. Во-первых, потому что был в сопровождении дуэньи, а во-вторых, потому что там на самом деле нечем было соблазняться. Пассажирки все сплошь были антикварiатом, а шоколадные изделия на берегу ничем не привлекали. Нет, я не расист в этом вопросе, некоторые девочки зулу, которых я видел в Южной Африке, выглядели заманчиво. Эти совсем другие. Что касается savoir faire Джинни, вот как это произошло: у *[кого-то с нашего судна]* было свидание с девочкой мулаткой, она неплохо выглядела, но не слишком яркая и весьма бестолковая. Он… взял Джинни, эту девочку и меня в турне по кабакам через самое дно Кингстона. Около полуночи эта девочка внезапно решила, что мы все должны пойти в *** и дала таксисту адрес, но вместо ночного клуба заведение оказалось борделем с красными фонарями, восемь или десять цветных девочек в гостиной, бар и

музыкальный автомат в комнате за гостиной, где мадам (несколько раздражённая, но вежливая) нас приняла. *[Спутник девчонки]* был ужасно смущён и объяснял, прикрыв рот ладонью, что он не имел ни малейшего представления, куда мы направлялись. Но Джинни это не смутило, она сразу поняла, что это за место, и была в восторге от возможности побывать внутри. Мы купили пару раундов напитков, покрутили музыкальный автомат и свалили — к большому облегчению мадам. (Я сильно подозреваю, что *[девочка]* работала в том доме.)

ВСТРЕЧА ВЫПУСКНИКОВ И ВОЗВРАЩЕНИЕ

12 ноября 1969: Роберт Э. Хайнлайн — Лертону Блассингэйму

Поездка у нас получилась замечательная, вся, целиком. Я сожалею, что прибыл в Нью-Йорк столь пришибленным после встречи выпускников *[в Аннаполисе]* (однажды мы организуем маршрут так, чтобы первая остановка была в Нью-Йорке, и тогда мы прибудем в более приличном состоянии) — больше всего жалею, что пропустил балет, в котором девочки (надевают) (не надевают) трико… Джек Уайт освободил вторую половину дня, чтобы устроить нам пер-

сональную экскурсию по Центру пилотируемых космических полётов *[в Хьюстоне]* — ключевые моменты: осмотр экспозиции лунного грунта (ей-богу, это выглядит как сотни маленьких сверкающих золотистых сфероидов, вкраплённых в грязно-серую структуру), посещение центра управления полётом во время компьютерного моделирования миссии «Аполлон-12» (лунный модуль как раз «приземлялся» на Луну, и можно было наблюдать это на дисплеях) и длинная, детальная лекция по лунным скафандрам (персонально для нас), прочитанная главным инженером систем жизнеобеспечения — им оказался Тед Хейс, которого двадцать семь лет назад я нанял на работу в авиационную лабораторию ВМФ. Тогда он был студентом Университета Питтсбурга, и я соблазнил его подписать контракт со мной, а не с «Дженерал Электрик», посулив ему, что он будет разрабатывать высотные костюмы для истребителей, и я сдержал своё обещание, и это привело его прямо к разработке первого скафандра, который использовался на Луне.

Мы задержались ещё на день в Хьюстоне по просьбе Патрисии Уайт *[вдова Эда Уайта, который погиб на «Аполлоне-1»]* — «некоторые люди хотят с вами встретиться». Джинни немного

рассказывала Вам о той вечеринке по телефону… Это была большая вечеринка в большом доме. Не знаю, чем там занималась Джинни, а меня весь вечер сопровождали три шикарные длинноногие блондинки — фанатки Хайнлайна. (Я сумел это вынести.) Но звездой вечера была «Почётная гостья Джейн». Джейн — стюардесса «BOAC»[180] и выглядела именно так, как должна выглядеть стюардесса: аппетитна, красива и стройна.

[Она] была в вечернем платье — но это была лондонская мода. Микро-юбка — и у неё были очаровательные ножки, но их никто не замечал, потому что спереди у неё было декольте до самой талии. Ни намёка на трико в этом случае. Совершенно исключено! И никаких поролоновых прокладок. Силикон? Маловероятно, нет, я так не думаю. Все, включая меня, заработали себе косоглазие, а Джейн явно наслаждалась сенсацией, которую произвела. (Я должен добавить, что мода в Хьюстоне намного более консервативна, чем в Нью-Йорке!)

Оттуда мы отправились в Новый Орлеан, зарезервировав номера в «Сент-Чарльзе». Когда мы регистрировались, у меня попросили предъ-

---

[180] Примечания: 180

BOAC — British Overseas Airways Corporation, британская авиакомпания, основана в 1939 году, в 1974 году вошла в «British Airways».

явить документы… что я отказался делать (у нас тут пока ещё не Россия, в конце концов), и мы сгрузили наши чемоданы в такси и поехали в «Пончартрейн», где мы оказались в люксе Мэри Мартин[181] и у нас никто не попросил предъявить удостоверения личности. Я могу понять, почему Мэри Мартин останавливается в том люксе: Ага-хан[182] чувствовал бы себя в нём вполне комфортно. Было уже поздно, мы были уставшие, поэтому мы перекусили в номере (крабы в хрустящей корочке Амандин, устрицы и бекон на шпажках, парфе пралине), потом душ и спать.

Следующим утром нас дожидалась корзинка с фруктами и адрес с наилучшими пожеланиями от менеджера, к которому прилагался маленький коробок персональных спичек с моим именем, написанным без ошибок. Затем последовал звонок по телефону от менеджера, приглашающего нас выпить с ним после обеда. (Поклонник Хайнлайна? Вовсе нет. Он спросил у меня, какие книги я написал.) Мораль: не останавливайтесь в оте-

---

[181] Примечания: 181

Мэри Мартин — Мэри Вирджиния Мартин (Mary Virginia Martin, 1913–1990), американская актриса и певица.

[182] Примечания: 182

Ага-хан — Принц Карим Ага-хан IV (*Aga Khan*, 1936—?), мультимиллионер, имам мусульманской общины исмаилитов-низаритов.

лях, где от вас требуют удостоверения личности.

Теперь я должен пояснить, что я не стремился в «Пончартрейн», потому что там живёт Эберард *Дойч [адвокат из Нового Орлеана]*, и я не хотел туда въезжать, поскольку знал, что его нет в городе. Я уже сообщил в его офис, что мы будем в «Сент-Чарльз», а теперь я должен был звонить снова и говорить им, что мы в «Пончартрейн». Эберард вернулся из Европы самолётом, который прилетел после полудня на следующий день, поэтому вскоре после полудня мне позвонили: «Молодой человек, что Вы делаете внизу? Моя экономка ждёт Вас».

Тогда мы поднялись в пентхаус. Его там не было, но его экономка действительно ожидала нас, и она нас разместила.

На фоне пентхауса люкс Мэри Мартин выглядит как какой-то клоповник… о чём я знал и что было главной причиной, почему я отказался в нём оставаться. Маленькая лесная хижина[183] Эберхарда занимает всю крышу отеля; часть крыши, не занятая собственно жильём, покрывают сады, террасы, «пейзажи» и захватывающие водопады (которые обеспечивает водяной насос).

---

[183] Примечания: 183

Маленькая лесная хижина — «little cabin in the pines», строка из песни Л. Армстронга «There's a Cabin in the Pines».

И всё это, разумеется, окружено со всех сторон ослепительными видами на город и Миссисипи — и, самое главное, на этой высоте царит тишина, мы могли спать спокойно.

Новый Орлеан — это город утомляющих развлечений и бесконечных деликатесов… в поисках настоящего диксиленд-джаза мы обыскали всю Бурбон-стрит.

АНТАРКТИДА

Вирджиния Хайнлайн — записки 1983 года

Это — огромный континент, едва изученный, фактически населённый только млекопитающими и птицами, по крайней мере на побережье. Там может быть всё, что угодно, и мы отправились туда, чтобы узнать что-нибудь об этом месте.

Мы экипировались термобельём и наружной водонепроницаемой одеждой. Для холодной погоды, которая нам предстояла, знающие люди рекомендовали многослойный способ одеваться. И тут действительно ХОЛОДНО. В самый худший из дней, с какими мы столкнулись, температура была ниже 45 градусов по Фаренгейту, с учётом коэффициента жёсткости. В другие дни нам удавалось сохранять относительное тепло.

Несколько слов о «зодиаках»[184], которые ниже будут часто упоминаться. Это резиновые лодки с подвесными моторами, с очень маленькой осадкой, они погружаются в воду на считаные дюймы. «Зодиаки» сделаны из прорезиненной ткани, они — потомки спасательных плотов времён Второй мировой войны. У них лёгкие деревянные полы; места для пассажиров помещаются на трубах поплавков, которые около четырнадцати-шестнадцати дюймов в диаметре. Приходится держаться за верёвки, развешанные по бортам судна.

Мы могли высаживаться на пляжи без всяких пристаней, туда, где можно было пообщаться с местной дикой природой. «Мокрые» высадки означали, что мы должны были идти к берегу по мелководью на скалистых пляжах.

«Lindblad Explorer» был маленьким судном, построенным с ледокольным носом. Пробираясь сквозь паковые льды, мы наблюдали местную фауну. Группы тюленей лежат повсюду на льду, греясь на солнце или просто отдыхая, иногда их слегка беспокоит наше приближение и они предпочитают скользнуть в воду, но многие из них

---

[184] Примечания: 184
См. Комментарии в конце книги. «Зодиаки».

только поднимают голову, уставившись на нас.

Мы сели на «Lindblad Explorer» в Пунта-Аренасе на Магеллановом проливе. Первое, о чём нас предупредили, это экономия воды — души были лимитированы по времени, на которое открывался поток воды, и мы были предупреждены о необходимости беречь воду, так как судно не могло пополнять недостаток пресной воды из солёной, чтобы поддерживать бесперебойно водоснабжение, если мы начнём расходовать слишком много. Вода в душе включалась только на одну минуту, а затем отключалась. В конечном счёте мы догадались, что в душе можно вымыться примерно за две минуты, если делать это в японском стиле, сначала намыливаясь, а затем смывая мыло.

На судне были немного спартанские условия, но после периода адаптации мы нашли их удовлетворительными.

На борту «Lindblad Explorer» было множество лекторов. Это были специалисты в различных дисциплинах и здесь ежедневно читали лекции о различных аспектах тех вещей, которые мы видели или собирались увидеть. Беседы о механике ледников, о морских млекопитающих и птицах, история Антарктиды, от первых исследований до

последних — всё это было частью нашего тура.

Влезать во все эти предметы одежды в маленьком пространстве было весьма непросто, но мы научились. Самыми трудными были ботинки, потому что их нужно было надевать после брюк, а объёмы на талии мешали наклоняться, чтобы их зашнуровать. Мы были похожи на плюшевых мишек.

Первый берег, на который мы высадились, кишел пингвинами разновидности «воротниковый». У них имеется отличительный признак, который дал им имя, чёрная полоска перьев, проходящая ниже клюва. Представьте тёмный песчаный пляж, небольшой прибой, разбивающийся о берег, со всех сторон скалы, вокруг разлеглись несколько тюленьих гаремов и десятки, сотни, тысячи, сотни тысяч пингвинов — и Вы увидите всю картину. Пингвины входили в прибой, пингвины возвращались из своих рыбацких экспедиций, прогуливались и едва обращали на нас внимание, когда мы приблизились, чтобы рассмотреть колонию, а то и вовсе игнорировали. Когда мы наклонялись за чем-нибудь на земле, мы становились с ними примерно одного роста (они высотой примерно по колено), они запросто подходили к нам, осматривали, отворачивались

и уходили. Они глядели на нас сначала одним глазом, затем другим, потом поворачивались спиной, махали хвостиком и удалялись прочь.

(Я подобралась слишком близко к одной из тюлених и была изгнана владельцем гарема. Должно быть, это было то ещё зрелище, как я пытаюсь убегать в этих тяжеленных ботинках и одежде — очень медленно, потому что в них невозможно передвигаться очень быстро — от преследующего меня тюленя.)

Мы возвращались из экскурсии обратно к колонии через небольшой ручей с очень холодной талой водой, сопровождаемые пингвинами. Эти бедные маленькие существа должны пройти около мили, чтобы половить рыбу, которой они кормят птенцов.

Походка пингвина весьма неуклюжа, но у них есть и другой способ передвижения на снегу. Он плюхается на живот и скользит по снегу довольно быстро.

Иногда они собираются группами на скалах у края воды, пытаясь понять, стоит ли вообще нырять в эту воду. Когда группа достигает определённого размера, один храбрец ныряет в воду, за ним следует большинство других. Потом скапливается другая группа, и они проходят через всё

это снова. Возвращаясь, они бьются о скалы, но в конечном счете взбираются на них и неловко ковыляют к своим птенцам.

Передвижение в воде — посредством дельфиньих прыжков. Вверх и вниз, каждый раз добывая немного криля для пропитания, а некоторое время спустя они возвращаются кормить птенцов.

Их белая грудка часто испачкана розовым цветом криля, но, как правило, она безупречно чиста. Гнёзда пингвинов построены из мелких камней, которые они бесстыдно крадут друг у друга. Один экспериментатор поместил стопку мелких камней, окрашенных красным в одном углу колонии, а когда он вернулся, красные камни были рассеяны по всей колонии. По одной из брачных традиций самец дарит своей избраннице маленький камень. По другой — две птицы вытягивают свои шеи прямо вверх, издавая свадебную песню.

Гнездовья весьма шумные и довольно грязные (а также вонючие) благодаря гуано. Тем не менее мы были очарованы этими птицами и их образом жизни. После вылупления из яйца птенец пингвина покрыт пушком, который он сохраняет в течение некоторого времени, постепенно заменяя его парадным костюмом. Некоторые виды

оставляют птенцов с нянями, пока сами уходят на рыбалку, и тогда можно увидеть, как эти очень юные птенцы собираются в одном месте. Я наблюдала за одним из питомников — «няня» опекает отбившихся от стаи, загоняя их назад в группу, где они остаются до тех пор, пока не вернутся родители.

Леопардовые тюлени едят пингвинов, если им удаётся поймать их во время плавания. Так появляются осиротевшие птенцы. В конечном итоге их съедают поморники. Гнездовья могут быть обширными, мы видели одно, по оценкам экспертов, в нём было около миллиона птиц.

Мы смотрели на пингвинов как на маленьких людей. Они умеют вызвать к себе симпатию у любого, кто вступает с ним в контакт. То ли причина в их вертикальном положении, то ли в их неуклюжем передвижении на их ногах, а возможно — в «академических шествиях», которые они устраивают к берегу и обратно.

Было много аделий, антарктических, папуанских и некоторых из более крупных видов, таких как королевские и императорские, которые, встав вертикально, достигают около четырёх футов роста. Они смотрят на весь мир как пожилые профессора.

Мы устраивали на «зодиаке» такие круизы, когда вообще не причаливали к берегу, просто наблюдали за дикой природой из лодки. Во время одного из них на поверхности воды появились киты. Нам сказали, что это горбатые киты весом в тридцать тонн. Они играли вокруг нас во время и после приёма пищи. Как много криля требуется съесть таким существам! (Криль — крошечные, подобные креветкам создания, бледно-розовые и почти прозрачные, с большими чёрными глазками. Я запомнила такие цифры: чтобы получить один грамм криля, нужно взять тридцать особей.) Эти крупные киты заглатывают морскую воду, полную криля, и процеживают её через китовый ус. Их глотка сжимается с каждым большим глотком, и вода изливается каскадом, когда они отцеживают криль.

Несколько китов приплыли к лодке и проплывали под ней. Мы видели их плавники в воде под лодкой. Один из них выпрыгнул из воды, и мы смогли увидеть его спину, а затем хвостовой плавник, усеянные пятнами раковин моллюсков. Все были немного напуганы этими демонстрациями… наше утлое судёнышко было слишком близко к этим огромным животным.

Большинство тюленей Уэдделла носят шрамы

от контакта с китами-убийцами — мы видели их. Тюлени ныряют в воду без малейшего всплеска и уплывают прочь скользящими движениями. В море они иногда позволяют любопытству брать верх, и тогда они выставляют свои морды из воды и глазеют на нас.

Большие бакланы (поморники) гнездятся на отвесных скалах, тут множество гнёзд, цепляющихся за утёсы — из всех выглядывают птенцы бакланов.

Был ужин с барбекю на Аргентинской станции в Райском заливе. Она закрывалась на зиму, когда учёные возвращаются домой. К сожалению, вышло так, что наше судно везло на продажу партию шапочек ручной вязки, эти шапочки были у каждого из нас. На них было вышито «Война на Фолклендах, 1982». Мы об этом позабыли и вошли в этих шапочках. Я сказала Роберту, и он повернул свою шапочку задом наперёд, а моя зацепилась за шпильки. Я чувствовала себя неловко перед нашими хозяевами.

На обратном пути наш рулевой показал себя фанатиком гонок с китами, и мы потратили полтора часа, преследуя каких-то финвалов, к которым мы даже не приблизились.

Судно останавливалось у острова Паулет в

Море Уэдделла и у Острова Обмана. Считается, что здесь находится единственный в Антарктике открытый плавательный бассейн. Вода в этой области достаточно тёплая, чтобы в ней плавать, из-за подземных источников тепла (термальная активность). В Антарктиде есть несколько действующих вулканов, таких как гора Эребус, где несколько лет назад произошла фатальная катастрофа Новозеландских авиалиний. Над горой Эребус обычно подымается выходящий из неё столб дыма.

Летом в Антарктиде гостят примерно 1200 человек из США, большинство из них — в проливе МакМердо, на нашей главной базе. А ещё у нас там есть Станция Палмер, которую мы посетили, База Сайпл и базы на Южном полюсе.

Вероятно, посещение МакМердо пришлось на самый холодный из всех дней — когда наш «зодиак» причалил, мы уже почти отморозили себе щёки. Мы изо всех сил бросились вверх по склону к базе, но несколько раз нам приходилось останавливаться и садиться, чтобы передохнуть. В конце концов, мне пришлось реквизировать автобус, который отвёз нас к штабу.

Роберт встретил много своих поклонников среди людей в Антарктиде. На Станции Палмер

один мужчина спал во время визита судна. Когда он услышал, что Роберт был среди туристов, он позвонил на судно, и они поговорили.

В одном из круизов на «зодиаке» мы встретили морских львов, которые затеяли игры с нашей лодкой. Их головы поднимались над водой, и они наблюдали за нами, но когда мы к ним подплывали, они ныряли и выскакивали совсем в другом месте. У морских львов отличная от тюленей манера передвигаться, они умеют ходить, используя свою заднюю часть туловища.

Один круиз был среди айсбергов, для осмотра скульптур, созданных ветрами, морозами, плавлением и таянием. Нам говорили, что возраст некоторых айсбергов может достигать сотни лет. Айсберги бывают различной формы: вначале плоские (брусковые, только что родившиеся из шельфового ледника Росса), они, подтаяв, превращаются в замки, средневековых монстров и во все иные формы, какие только можно вообразить. Однажды вечером, когда мы ужинали, капитан заметил два огромных айсберга и направил судно плавать вокруг них. В какой-то момент мы оказались в области, где плавали шестьдесят исполинских айсбергов.

Вечеринка с шампанским состоялась на лед-

нике. Лёд — изумительное вещество, ледовые скульптуры красивы, но их трудно описывать.

Были альбатросы различных видов, в том числе странствующий альбатрос — вероятно, крупнейшая из известных птиц. Мы также видели буревестников, могли подойти к гнёздам и посмотреть на птенцов.

По пути туда и обратно мы проплывали участок моря, который называется Антарктической Конвергенцией, воды здесь весьма бурные. Многие из пассажиров вынуждены были использовать средства от морской болезни, но большую часть времени в это плавание спасательные леера повсюду были убраны.

ПРИМЕЧАНИЕ РЕДАКТОРА: Мы с Робертом предприняли ещё одну поездку на «Lindblad Explorer» через Северо-Западный проход на Восток. Хотя тридцать три других судна сумели достичь Берингова пролива, наше было первым, которое прошло полностью весь маршрут до Японии, во время навигации Северо-Западного прохода.

Глава XIII
Смесь

30 марта 1956: Роберт Э. Хайнлайн — Лертону Блассингэйму

Я приобретаю загар и боли в пояснице, занявшись совершенно новой и очень сложной ирригационной системой. Когда она заработает и я закончу небольшой ремонт дома *[Колорадо-Спрингс],* я займусь новой историей. Моё намерение состоит в том, чтобы попытаться сделать несколько рассказов этим летом и не садиться за новый роман хотя бы до Дня Труда.

14 апреля, 1956: Роберт Э. Хайнлайн — Лертону Блассингэйму

Мы всё ещё как безумные занимаемся озеленением территории, и у меня ноет каждая косточка, оттого что я изо дня в день работаю кайлом, лопатой и тачкой. Я только что закончил огромный ирригационный проект. Ну, то есть это для меня он выглядит огромным, а теперь, когда трубы зарыты, он таким уже не выглядит. Сегодня у нас дождь, снег, дождь со снегом, град и снежная крупа, и я решил немного подтянуть бумажную

работу. Я рассчитываю возобновить писать с понедельника и за две недели планирую выпустить несколько рассказов и микрорассказиков, прежде чем приступлю к новому роману.

25 июля 1956: Роберт Э. Хайнлайн — Лертону Блассингэйму

Джинни провернула некую махинацию, которая позволит Вам стрелять по виду на жительство, если у меня не получится… Джинни также подала заявление на лицензию — если хотите, можете стрелять по её лицензии. Всё, что Вам потребуется — это убедить смотрителя, что Вы женщина с рыжими волосами.

P. S. В прошлую субботу я впервые за двадцать два года (не считая одного кота) пострелял из пистолета. Три 10 и две 9, всего 48 в первой серии. Я должен был на этом остановиться, потому что в следующих пяти слился аж до 42, в среднем получилось приблизительно 45.

20 августа 1956: Роберт Э. Хайнлайн — Лертону Блассингэйму

Не стоило так налегать на каменную кладку, она вполне способна состарить тебя раньше времени. Но мне она нравится больше, чем любая другая физическая работа, за исключением того, что она сводит меня в могилу.

3 октября 1958: Роберт Э. Хайнлайн — Лертону Блассингэйму

Спасибо за фото Сократа, супержирафы. Он всё ещё не приехал: его по-прежнему держат в карантине в Хобокене, а тем временем они пытаются спланировать маршрут до Колорадо-Спрингс, на котором не будет слишком низких для него мостов или туннелей — если бы это зависело от меня, то я бы зарядил его по полной барбитуратами, вытянул в полный рост на полу и пригнал бы сюда в товарном вагоне на скоростном поезде. Они его угробят при перевозке, погибнет если не от мостов, то от пневмонии. А между тем здесь его ждут две овдовевшие леди-жирафы; их покойный муж сумел повеситься, что довольно ловкий трюк для жирафа. *[Это был ответ на посылку Лертоном Блассингэймом фотографии жирафа, который должен был прибыть в зоопарк в Колорадо-Спрингс.]*

14 июля 1961: Роберт Э. Хайнлайн — Лертону Блассингэйму

Я в добром здравии, а вот Джинни нет. У нас была отвратительная погода, и это привело к тому, что теперь у неё сломано несколько рёбер. Вот как это произошло: я строил ирригационную дамбу для её сада и спроектировал её так, чтобы

получилось не только полезное сооружение, но и большой декоративный бассейн. Мы назначили на четвёртое июля большую вечеринку, и поскольку ранее я установил тут электрический насос для ирригации, я теперь подключил его, чтобы он работал как фонтан замкнутого цикла. Он поднимает в воздух тридцатифутовую струю, освещённую прожектором, в самом бассейне подсветка цвета морской волны, очень красиво и как раз для вечеринки с ужином в саду.

Начались дожди.

Чёрт возьми, какие начались дожди! И 2 июля водоём был забит коричневой слизью. Джинни помогала мне его чистить — и поскользнулась в слизи, и упала на валун, и сломала себе рёбра. Теперь она спелёната как мумия, но не хочет пребывать в покое и не идёт на поправку, у неё всё болит — вот теперь-то я понял, как на самом деле полезны жёны, когда у них всё в порядке.

(Но, так или иначе, вечеринка состоялась на отлично. Мы принимали шестьдесят четыре человека — у нас теперь достаточно столиков для пикника с пивом в саду — Джинни сшила около ста ярдов флажков, я сделал мольберт для точной полноразмерной копии Декларации Независимости, у нас была военная и патриотическая музыка

по внешней акустической системе, и я организовал бар, который мог обслужить чем угодно, от мятного джулепа или коктейля «Sazerac» до Сингапурского слинга[185]. Отлично провели время — и Джинни до следующего утра позабыла про свои болячки. У Шэмрок[186] снова будут котята.

ПАТРИК ГЕНРИ Н. Э

ПРИМЕЧАНИЕ РЕДАКТОРА: Однажды утром в начале апреля я принесла газету вниз, чтобы, как обычно, почитать за завтраком. Роберт всё ещё спал, а по правилам нашего внутреннего распорядка его ни в коем случае нельзя было тревожить, пока он не проснётся. Но в этот день всё было по-другому.

Вся страница была занята обращением людей

---

[185] Примечания: 185

mint julep — американский коктейль из бурбона с сахаром, ледяной крошкой и веточками мяты. Подаётся в высоком стакане, чтобы как-то украсить это жуткое пойло. Его пьют герои «Космического кадета». *Sazerac cocktail* — смесь из виски, «Pernod» (французский анисовый аперитив), сиропа, горькой настойки и лимона. *Singapore sling* — коктейль из джина и шери-бренди.

[186] Примечания: 186

Shamrock — Трилистник.

из SANE[187]*, которое было подписано многими местными жителями, теми, кого мы знали… Я пренебрегла нашими правилами внутреннего распорядка и разбудила Роберта. «Что мы будем со всем этим делать?» — спросила я.*

Я подала ему завтрак, и он прочитал объявление, пока ел.

Нам не понадобилось обсуждать, что мы будем делать. Роберт сел к своей пишущей машинке и написал ответ. Когда он был закончен, я его прочитала и предложила переписать, используя те же идеи, которые он использовал, но не упоминая оппонентов. Он сделал это, этот текст переиздан в «Расширенной Вселенной».

В Колорадо-Спрингс были две ежедневные газеты, одна утренняя и одна дневная. Мы отнесли наше обращение во вторую, заплатили за полностраничную печать, а потом пошли в другую газету и также арендовали место для полностраничного объявления.

Эти объявления вызвали сенсацию. Телефон

---

[187] Примечания: 187

SANE — Национальный комитет за разумную ядерную политику. Миротворческая общественная организация, создана в 1957-м в г. Нью-Йорке, боролась за запрещение ядерных испытаний, передачу ядерных вооружений под контроль ООН и т. п. — что отчасти совпадало с ранними взглядами Хайнлайна, отражёнными, например, в «Космическом кадете». Но между 1948 и 1958 годами произошли сильные перемены в мировоззрении автора.

звонил беспрестанно, приходили письма с подписанным обращением, а одно или два содержали чеки, чтобы помочь нашему начинанию. Мы заказывали дополнительные копии текста обращения и рассылали их по нашему списку адресатов, который в те времена был не очень большим.

С помощью копировального устройства[188] *я делала копии, а оригиналы отправляла президенту заказными письмами с уведомлением о вручении. Я растянула по кухне бельевые верёвки и развешивала на них копии для просушки. В течение многих недель в кухне было трудно передвигаться.*

Некоторые люди увидели статью в «San Francisco Chronicle» и послали нам копии. Пришло ещё несколько подписанных обращений.

Я кое-что подсчитала. Не считая времени, которое мы потратили на проект, каждое письмо к президенту обошлось нам в 5$. Наша ответная мера потерпела неудачу, и мы ни слова не услышали от президента Эйзенхауэра.

Президент тогда подписал указ, приостанавливающий все испытания, не требуя взаимных инспекций.

---

[188] Примечания: 188

wet paper copier — конкретное название аппарата определить не удалось.

Роберт тогда работал над «Человеком с Марса»[189]*. Он отложил его и начал новую книгу — «Звёздный десант». Обе книги испытали прямое влияние этой попытки политического выступления — «Звёздный десант» самым непосредственным образом, а «Человек с Марса» чуть более опосредованно. Эти две вещи были написаны одна за другой; они довольно сильно отличаются от того, что Роберт, возможно, написал бы в другой ситуации.*

(Версию Роберта по поводу этого случая можно найти на страницах 386–396 «Расширенной Вселенной».) [190]

26 апреля 1958: Роберт Э. Хайнлайн — Лертону Блассингэйму

Я не знаю, когда я смогу ещё писать беллетристику — возможно, никогда. Эта работа отнимает всё наше время. С другой стороны, мы тратим деньги на это даже быстрее, чем мы тратим их на путешествия, так что вскоре я могу оказаться без гроша в кармане и вынужден буду вернуться к зарабатыванию денег.

Но пока я не в состоянии тревожиться о сво-

---

[189] Примечания: 189
«Чужак в стране чужой».

[190] Примечания: 190
См. Комментарии в конце книги. Лига Патрика Генри.

их личных аспектах будущего. Я убеждён, что Соединённые Штаты терпят крушение, и мы прекратим существование в течение ближайших пяти-пятнадцати лет — если быстро и решительно не возьмёмся за ум во внутренней и внешней политике. Эта мысль росла в моем мозгу в течение многих лет: я просто был вынужден что-то сделать с этим пацифистско-интернационалистским и, подпольно, коммунистическим движением, которое стремится, чтобы мы подходили к атомному и обычному разоружению точно так, как нас пытался заставить Кремль в течение последних двенадцати лет.

Я очень хотел бы, чтобы некоторые из этих мечтательных интернационалистов пошли бы и посмотрели на неграмотные, неумытые, нецивилизованные миллиарды, чьи голоса они собрались подсчитывать в «мировом государстве»! А также чтобы они объяснили мне, откуда они возьмут в своём мировом государстве «мир и справедливость», в то время как диктаторы, красные или обычные, контролируют «голоса» полутора миллиардов из двух с половиной. Кто-то должен сказать им, что «политика есть искусство

практического»[191]. Возможно, это буду я.

* * *

Это было чересчур — но это было важно, я считаю. Лига Патрика Генри получила больше откликов, чем я ожидал, но намного меньше, чем нужно, чтобы принести результаты. Но мы упорно продолжим этим заниматься.

РАЗНОЕ

15 мая 1963: Роберт Э. Хайнлайн — Лертону Блассингэйму

Спасибо за тот аншлаг чеков. Джинни забрала их все. Вы будете рады услышать, что я купил ей ещё одно кольцо с изумрудом, весьма дорогое, ведь это гарантирует, что я вернусь к работе в самом ближайшем будущем.

Джинни всё та же, она так наполивалась из своей поливалки по всему саду *[дом Колорадо-Спрингс]*, что уже не разбирает, то ли она нездорова, то ли опустошена досуха. После каждой ванны приходится носить воду вёдрами, Джинни наливает, я таскаю. Я расставил в саду четыре

[191] Примечания: 191

Выглядит как парафраз известных слов Отто фон Бисмарка: «Политика есть искусство возможного».

бочки, и в них уходит каждая капля помывочной воды — для рук, для ванны, для посуды, — а из них она берет воду для старой доброй лейки. Тем временем я рою вокруг дома дренажную канаву, чтобы отводить всю дождевую воду (если тут вообще когда-нибудь пойдёт дождь!) от дороги и с крыши в моё водохранилище. Я выстилаю её бетонной черепицей, чтобы не пускала ил, который может забить мой насос. После этого я собираюсь заняться (очень дорогим!) подземным резервуаром и иммерсионным насосом, чтобы использовать воду из отстойника для ирригации. У нас тут отнюдь не временные трудности; за десять лет население этого округа удвоилось, а мы находимся в засушливой области. (Помните то пастбище, на котором Вы охотились на антилопу.) Дальше будет только хуже, а не лучше, и я намереваюсь сделать нас настолько независимыми от водной компании, насколько это возможно. А больше никаких новостей. Мы ни черта не делаем, только таскаем воду.

5 июля 1963: Роберт Э. Хайнлайн — Лертону Блассингэйму

…и из-за этого я так замедлился с ответными письмами; я задолжал письма всем, кому только можно, а сам едва поспеваю отвечать на срочную

деловую почту и отсылать чеки по счетам. Вчера я отметил Четвёртое июля тем, что привёз Джинни домой из больницы. Дело было не в таинственной болезни, которая преследует её так долго (с этим всё так же плохо, если не хуже, чем когда-либо); это была операция на правом запястье, ортопедическая хирургия, пришлось залечивать травму, которую она получила, бесконечно таскаясь с тяжёлой лейкой, когда пыталась спасти свой сад. Да, она спасла сад, и, разумеется, я сейчас доделываю систему водоснабжения, которая сделает нас независимыми от водной компании и позволит ей поливать с помощью насоса и шланга — но травму она уже получила, в тот месяц, когда каждую каплю воды приходилось таскать вручную. Ей стало так плохо, что она этой рукой не могла даже поставить подпись, поэтому они вскрыли ей запястье и прооперировали его.

А поскольку она правша, настолько, что едва может держать вилку левой рукой, и её правая рука ни на что не годится, пока не заживёт, а я — медленная и неумелая домохозяйка, у нас тут мало что доводится до конца, за исключением того, что делается легко и сразу, тем более что я пытаюсь как можно больше времени тратить на механические работы. Водопровод имени

Хайнлайна завершён до той стадии, что он уже работает, но у меня ещё полно нескончаемой каменной кладки и плотницких работ, прежде чем система станет совершенно безопасной от внезапных наводнений и благоустроена настолько, что перестанет походить на заброшенный проект по сносу трущоб.

3 сентября 1963: Роберт Э. Хайнлайн — Пэгги Блассингэйм

Я не буду посылать ему *[Лертону]* цветы; доктор почти наверняка запретил ему грубую пищу. Я хотел бы отправить ему по почте блондинку, но есть какое-то дурацкое Уложение о домашнем скоте. Я полагаю, что лучшая вещь для него, которую можно сделать — выйти из этого чреватого язвой бизнеса. (Я на его месте давно бы сошёл с ума.) Но когда граф действительно уйдёт, я и почти наверняка многие другие будем вынуждены волей-неволей тоже уйти.

Ему могло бы пойти на пользу, если бы он приехал сюда и порыбачил в течение месяца — в реках Колорадо недостаточно рыбы, чтобы кого-то обеспокоить.

А до той поры он должен избегать газет, авторов, издателей и редакторов.

23 августа 1964: Роберт Э. Хайнлайн — Лер-

тону Блассингэйму

[По поводу прибытия письма на имя «Роберта Э. Хайнлайна, Соединённые Штаты Америки»]

Послал этот пустой конверт, чтобы Вас позабавить… Его доставили вообще без задержки, почтовый штемпель поставлен 9-го, а ко мне пришло 11-го, через обычную почту. Можете его не возвращать.

ПОЛИТИКА

15 июня 1964: Роберт Э. Хайнлайн — Лертону Блассингэйму

Я всё ещё ничего не сделал как профессиональный писатель, а наше семейство день и ночь лихорадит политика. Я не намеревался принимать никакого реального участия в этой кампании, кроме пожертвования денег, в то время как Джинни посвящала ей практически всё своё время. Но я оказался в ситуации отставной пожарной клячи, которую отрядили возить молочный фургон — но тут прозвенел школьный звонок… и молоко раскатилось по всей улице! На прошлой неделе я внезапно обнаружил, что председательствую на политическом митинге, впервые за четверть века, кооптированный организаторами без всякого предупреждения в самую

последнюю минуту. Вынужден признать, что мне это, скорее, понравилось. И теперь я оказался втянут во многие другие политические дела и посвящаю им, возможно, вполовину меньше времени, чем Джинни.

ПРИМЕЧАНИЕ РЕДАКТОРА: Прошедшей осенью я оказалась сильно вовлечена в политику — наша группа начала кампанию «Золото для Голдуотера»[192]*. Мы организовали штаб-квартиру в Колорадо-Спрингс на первом этаже магазина, который пожертвовал нам свою площадь, собрали там агитационную литературу, значки и прочие атрибуты.*

Шестеро из нас согласились отдавать один день в неделю работе в штабе, здесь проходили всевозможные митинги и выступления. Роберт дал своё благословение моим начинаниям, и мне было разрешено тратить столько денег, сколько мы можем себе позволить по моему мнению.

Он сопровождал меня на политические званые обеды и другие мероприятия и спустя какое-то время не смог сохранять политическую пассивность, поэтому он присоединился ко мне. Его активность стала для меня откровением. Вме-

---

[192] Примечания: 192

Gold for Goldwater — кампания 1964 года по выдвижению сенатора Барри Голдуотера в президенты.

сто того чтобы просто заряжать цену за книгу, он ставил на стол банку для пожертвований и требовал делать взносы, получая гораздо больше от каждого клиента. Он устраивал званый обед по 50$ с носа и распродавал все приглашения. Некоторые покупали билеты и возвращали их ему, чтобы снова пустить в продажу, и он снова продавал их, иногда по два или три раза каждый, добывая много «Золота» для кампании.

Телефон звонил постоянно, и он не мог дописать ни одну рукопись. Мы были полностью вовлечены в уже проигранную кампанию. В конечном счете мы признали это и начали строить планы уехать в Южную Америку после голосования в День выборов.

2 октября 1964: Роберт Э. Хайнлайн — Лертону Блассингэйму

Мы всё ещё оплакиваем Шэмрок, но её маленький золотой котёнок[193] здоров и в хорошем настроении. А сейчас я должен бежать, одеваться и мчаться на ещё один политический обед.

---

[193] Примечания: 193

в оригинале «tomkitten» — Tom Kitten, котёнок Том, персонаж популярной детской книги Беатрикс Поттер.

ЧУЧЕЛО СОВЫ

15 апреля 1967: Роберт Э. Хайнлайн — Лертону Блассингэйму

Джинни принесла домой чучело совы и вручила его мне. Она смеялась над своей шуткой до колик, сильнее, чем тогда, в октябре 65-го, когда в Юте нас заблокировали на 70-мильной автостраде 5000 мукомольных овец. Несколько лет я повторял семейную поговорку по поводу бесполезных подарков: «Вот чего мне всегда не хватало — чучела совы».

И вот она мне его вручила. Фразочка про сову — из времён моего детства. Вы помните Хэрбридта Гарри, Белинду Прекрасную и Рудольфа Рассендила Злыдня[194]? Ну, однажды на Рождество приблизительно сорок лет назад Белинда подарила Гарри смокинг, который сидел на нём как носки на петухе, а он подарил ей чучело совы — на что она мрачно сказала: «Вот чего мне всегда не хватало».

Так что теперь у меня есть именно то, чего мне

---

[194] Примечания: 194

Гарри Хэрбридт, Белинда Прекрасная и Рудольф Злыдень Рассендил — Хайнлайн перечисляет героев популярного в начале XX века комикса, созданных Чарльзом Уильямом Кэлсом.

всегда не хватало, и чучело совы (теперь её зовут «Афина Паллада») взгромоздилось прямо передо мной, как раз за пишущей машинкой.

ЧИТАТЕЛЬ

10 декабря 1968: Лертон Блассингэйм — Роберту Э. Хайнлайну

...тем не менее не все Вас любят. Этим утром мне позвонила обезумевшая мать из Миннесоты, её четырнадцатилетний сын в третий раз сбежал из дома. На его столе она нашла ваше имя и мой адрес. Он прочитал все Ваши книги, и она считает, что он сбежал, чтобы найти Вас. Перед тем как удариться в бега, он залез в кошелёк своей матери и в заначку своего отца, так что при нём около 2000$.

ПРИМЕЧАНИЕ РЕДАКТОРА: Мы никогда не видели этого мальчика.

VIP

20 марта 1969: Роберт Э. Хайнлайн — Лертону Блассингэйму

Я чуть не упал со стула. Наши билеты прибыли с пометкой «VIP», без дураков. Я думал, что «VIP»

было всего лишь оборотом речи — но ей-богу, наши билеты были с этой пометкой. Я смеялся, пока не охрип.

ПРИМЕЧАНИЕ РЕДАКТОРА: В начале 1969-го пришло приглашение от бразильского правительства, посетить кинофестиваль, который должен был состояться в Рио-де-Жанейро[195]. Все расходы оплачивались правительством — мы были гостями. От нас в качестве оплаты требовалось только, чтобы Роберт выступил с речью.

Роберт написал об этом Лертону в постскриптуме к деловому письму. Его речь прозвучала в театре во французском посольстве.

На моей памяти, это была единственная бесплатная поездка, на которую Роберт согласился, в неё даже была включена «зелёная зона» в порту — ни таможни, ни иммиграционного контроля проходить было не нужно. Зато по возвращении в Нью-Йорк всё было совсем по-другому!

---

[195] Примечания: 195

Речь идёт о Втором международном кинофестивале в Рио-де-Жанейро, проходившем 23–31 марта 1969-го. Хайнлайн не был там единственным фантастом, кроме него присутствовали Ф. Фармер, А. Бестер, А. Кларк, Х. Эллисон, Г. Гаррисон, С. Мошковиц, А. Ван-Вогт, Р. Блох, Б. Олдисс, Р. Шекли, Дж. Баллард, Д. Найт и многие другие, а также Фэн Номер Один Ф. Аккерман.

ОЦЕНКА

21 ноября 1968: Роберт Э. Хайнлайн — Лертону Блассингэйму

Я говорил Вам об оценке моих рукописей и др., которые я пожертвовал в Калифорнийский университет? Если нет, я обязан это сделать — потому что я был поражён. Оценка была сделана Робертом Метцдорфом[196] из Нью-Йорка и Коннектикута, и ФНС волновалась из-за длинной задержки получения оценки. Но университетский библиотекарь хотел именно этого оценщика и никого другого, из-за его высокого престижа и его прошлых успехов, когда его оценки становились аргументом в судебных спорах. Так что когда Метцдорф закончил работы в других местах, он заехал сюда и выполнил мой маленький заказ.

Он оценивал всего лишь фрагмент того дара, который теперь находится в библиотеке университета, а именно, около двух третей моих рукописей плюс несколько коробок зарубежных изданий и немного *[книг в мягкой обложке]* на

---

[196] Примечания: 196

Роберт Фредерик Метцдорф (Robert Metzdorf, 1912–1975) — известный учёный, библиограф и коллекционер. В последние годы жизни работал независимым оценщиком редких книг и рукописей.

английском языке. Сумма, в которую он оценил этот фрагмент, была 30 230.00$ — и я был поражён.

Правда, Джинни прикинула стоимость всей коллекции в 25 000$ с небольшим — но это была цена полного набора рукописей, плюс вся наша библиотека, плюс несколько ценных картин, а также несколько других вещей. Так как ФНС разрешает делать налоговые вычеты на подарки движимым имуществом только после того, как они физически поменяют владельца, я беспокоился, что оценка стоимости того, с чем я был в состоянии расстаться (несколько рукописей плюс немногие не очень ценные книги), могла оказаться меньше, чем стоимость экспертизы — т. е. оставить меня в чистом минусе по деньгам и с большой потерей рабочего времени, потраченного на каталогизацию и подготовку материалов для библиотеки. Я никогда не думал о моих старых рукописях и записках как о чём-то ценном. Чёрт, по мне, так это были просто бумажки, которые загромождали мои папки, но которые я не смел выбрасывать по деловым причинам. Что касается зарубежных изданий и книг в мягкой обложке, в течение многих лет я раздавал их любому, кто возьмёт.

Я всё ещё жду, что ФНС развопится по поводу оценки. Я очень рад теперь, когда мы заполучили оценщика номер один. Если ФНС не примет его оценку, я со спокойной душой предъявлю её в Налоговом суде.

ПРИМЕЧАНИЕ РЕДАКТОРА: ФНС не возразила против оценки, данной этим бумагам.

КОШКИ

12 января 1957: Роберт Э. Хайнлайн — Лертону Блассингэйму

Пикси умирает… уремия, слишком далеко зашедшая, чтобы надеяться на ремиссию; несколько дней назад ветеринар отправил его домой умирать. Сейчас ему не больно, и он всё ещё мурлычет, но он очень слаб и изо дня в день становится всё более истощённым — как будто по дому бродит маленький жёлтый призрак. Когда у него начнётся период боли, я должен буду помочь ему миновать его, и надеяться, что он наконец-то найдёт дверь в лето, которую искал. Мы очень всем этим подавлены… мы стали чрезмерно привязанными к этому маленькому котику. Конечно же, мы знали, ещё когда он только появился у нас, что это должно будет случиться, и я скорее предпочёл бы пережить своего домашнего

питомца, чем он переживёт нас — мы лучше приспособлены, чтобы выдержать это. Однако от этого нисколько не легче…

23 марта 1959: Роберт Э. Хайнлайн — Лертону Блассингэйму

Полька Дот[197] принесла котят на День Св. Патрика[198], вот как это было: мы с Джинни были все как на иголках, видя, что кошке сильно нехорошо от всего этого. Я поднялся в час ночи, Джинни только что легла спать. Поки притащилась в мой кабинет и там у неё начались родовые схватки. Так что я почти час держал её за лапу, после чего она разродилась пёстренькой кошечкой — Брайди Мерфи[199]. В течение следующих трёх часов она испытывала большие неприятности, поэтому мы подняли её ветеринара с постели, и он приехал к нам. Он сделал ей инъекцию экстракта гипофиза; вскоре у неё начал появляться ещё

---

[197] Примечания: 197

Полька Дот (Polka Dot) — «леопардовый» окрас, узор в горошек.

[198] Примечания: 198

День Св. Патрика — 17 марта.

[199] Примечания: 199

Брайди Мерфи (Bridey Murphy) — имя газетной сенсации. В 1952 году домохозяйка из Пуэбло, штат Колорадо, Вирджиния Тай во время сеанса гипноза сообщила, что к ней вернулась память о прошлой жизни. Вирджиния рассказала, что в XVIII веке она жила в Ирландии и носила имя Брайди Мерфи. Вскоре об этой истории была написана книга, ставшая бестселлером, а в 1956 году снят фильм.

один чёрно-белый мальчик (Блэрни Стоун)[200]; бедный маленький Блэрни не смог этого завершить… задохнулся во время родов, он был мёртв к тому времени, когда мы смогли его извлечь, хотя был жив, когда только появился. Кошка зверски прокусила Джинни руку (Джинни кричала, но не отпускала… и кошка тоже не отпускала). На рассвете мы втроём и Поки отправились в клинику, где ей сделали кесарево сечение для третьего и последнего (Шэмрок О'Тул, ещё одна трёхцветная девочка, полный близнец Брайди). Около 8 утра мы принесли мать и дочерей домой, Джинни успела только подремать, а я вообще не спал. У всех трёх сейчас всё хорошо, и котята за шесть дней стали вдвое больше. Что меня поразило больше всего в этом деле, так это хирургическая процедура в стерильных условиях, на том же уровне, что и у людей, это разительно отличается от хирургии животных, какой она была всего лишь двадцать лет назад.

10 апреля 1961: Роберт Э. Хайнлайн — Лертону Блассингэйму

Всё перепуталось, а теперь уже поздно. Сначала

---

[200] Примечания: 200

Блэрни Стоун (Blarney Stone) — легендарный Камень Красноречия, вмонтированный в стену замка Блэрни, в графстве Корк, Ирландия. По поверью, поцелуй этого камня дарует красноречие.

у нас появились котята. Потом оказалось, что Шэмрок из тех мамашек, которая зависает в баре, в то время как её надоедливые дети медленно замерзают в автомобиле, иными словами, она без всякого предупреждения взяла отпуск от котят, на полные двадцать четыре часа, которые мы, особенно Джинни, провели, ползая на коленях, выкармливая котят питательной смесью из кукольной бутылочки, в которую входит не больше унции. Потом в город приехали какие-то исландцы, гости Государственного Департамента, и меня, поскольку я член Совета Воздушных Сил, обязали их развлекать. После чего Джинни без всяких раздумий решила дать для них всех званый обед, обед примерно на двадцать персон. Прекрасно проведённое время, но это убило три дня, пока мы готовили, прибирались и приходили в себя. Потом руководитель Военно-морской академии, мой одноклассник, приехал в город, и мы переделали все это снова — и тут случилась снежная буря. Во время которой крылья новой оранжереи Джинни рухнули под грузом снега. Небольшой ущерб в долларах и ни одно растение не пострадало, но Джинни расстроилась, и это была настоящая неприятность. Дизайн оранжереи сразу вызывал у меня сомнения, как только

я его увидел, и тогда же приказал, чтобы его модифицировали, усилив конструкцию, но рабочие не успели этого сделать.

Потом прибыли гранки на «Чужака в стране чужой», это убило три дня времени у каждого из нас, ведь это длинная книга. Джинни только что понесла их на почту, и теперь я пишу Вам письмо, которое должен был отправить давным-давно.

20 мая 1962: Роберт Э. Хайнлайн — Лертону Блассингэйму

Новым котятам две недели от роду, они жирные и здоровые. Ястреб или сова заполучила уток Джинни.

17 апреля 1964: Роберт Э. Хайнлайн — Лертону Блассингэйму

А больше у нас никаких новостей, кроме того, что Шэмми в прошлое воскресенье, сразу после того, как мы приняли у неё последний помёт, немедленно ушмыгнула и нагуляла новый урожай, так что у нас будут ещё котята приблизительно к 17 июня. Она трудится без устали, уже тридцать один котёнок, а ей едва только исполнилось пять лет.

16 августа 1967: Роберт Э. Хайнлайн — Лертону Блассингэйму

И Джинни, и я временно физически истощены

и эмоционально угнетены; мы потеряли нашего маленького котика. Его не было уже неделю и теперь остаётся только признать, что он мёртв. Вряд ли он оставил жизнь домашнего кота ради какой-то дамы и живёт на подножном корму — это крайне маловероятно. Два или три дня — да, но полную неделю — нет. Рысь, лиса, енот, автомобиль. Конечно, он был всего лишь котом, и мы и раньше не раз теряли котов. Но в данный момент мне больно, я не могу уснуть и остаюсь эмоционально неустойчивым. Джинни продолжает упорно трудиться, хотя со сном у неё вообще обстоит неважно, а что до меня, то я ни черта не высыпаюсь, так что с трудом печатаю на машинке и не в состоянии на чём-нибудь сосредоточиться.

ПРОБЛЕМЫ

18 декабря 1950: Роберт Э. Хайнлайн — Лертону Блассингэйму

Повесть, которую я планировал написать, как только покончу с рассказом о Падди для «Senior Prom» (прилагаю к письму), была поставлена под угрозу последними новостями, поскольку по сюжету III Мировая война не должна начаться сейчас, по крайней мере, её нужно отложить

на некоторое время. Я её откладываю и немедленно начинаю следующий детский роман для «Scribner's» — и я напишу его так, что в нём не будет вышеупомянутого события! Я закончу его так быстро, как смогу из-за тех же самых новостей. Мой чисто личный и шкурный момент в нынешней суматохе — то, что я вынужден, так или иначе, закончить этот дом *[Колорадо-Спрингс].* Закончить настолько быстро, насколько это возможно, чтобы быть готовым к тому, что произойдёт. Миссис Хайнлайн могут призвать в любой момент; она уже получила об этом письмо — и одну женщину-резервиста в нашем городе уже призвали на службу, а затем и её мужа, так что мы знаем, что угроза вполне реальная. Сам я должен пройти небольшую операцию, после чего у меня появится шанс пройти медицинский осмотр, но я надеюсь, что смогу найти для неё время в самом ближайшем будущем. Двое моих братьев уже надели униформу, а третьего, вероятно, скоро призовут — и мне тоже стоит быть готовым ко всему. А пока я намерен заняться рукописями и до поры до времени выпустить их как можно больше.

7 апреля 1951: Роберт Э. Хайнлайн — Лертону Блассингэйму

Прямо сейчас любая предложенная работа не вызывает никакого энтузиазма. Я нахожусь в очень скверном состоянии и всё ещё на грани нервного срыва. Планирую потратить пару месяцев или чуть больше на завершение строительства дома, часть работ проконтролировать, кое-что сделать самому — в качестве терапевтической меры, а затем, когда всё будет закончено, буду смотреть на военные новости и принимать решение, зовёт ли меня мой моральный долг немедленно бросить литературу и вернуться к работе в лаборатории. Джинни находится в резерве; когда и если её призовут, я не хочу оказаться связанным по рукам и ногам контрактами, которые не смогу прокинуть — вместо этого я хотел бы заняться исследованиями, которые помогут как можно скорее выиграть войну и тем самым вернуть её домой. (Сам я, скорее всего, не смогу пройти медицинский осмотр; лабораторная работа — это всё, на что я годен.)

1 марта 1953: Роберт Э. Хайнлайн — Лертону Блассингэйму

…У нас у всех снова всё хорошо, даже у кота, потому что я наконец-то разобрался с большим чёрным котом, который его терроризировал. Джинни разбудила меня однажды утром и ска-

зала, что чёрный котяра ошивается у входа. Я накинул халат и шлёпанцы, зарядил свой «Remington.380» и вышел. Достал его с первого выстрела, к счастью, поскольку он побежал и у меня не было ни секунды промедления. Похоронил его и вернулся в постель менее чем через двадцать минут. Невесёлая работёнка, но Пикси так крепко доставалось, что я не думаю, что он пережил бы ещё одну драку — а я предпочитаю моего собственного кота дикому.

8 октября 1953: Роберт Э. Хайнлайн — Лертону Блассингэйму

Я пытался выдержать письмо в объективном тоне, придерживаясь фактов, и если в него закралась неуместная эмоция, Вы можете списать её отчасти на то (только это между нами), что ***, не проконсультировавшись с нами, сообщила наши данные в качестве юридического адреса всем в Колорадо Спрингс. Джинни уже достали телефонные звонки с требованием ответить, когда *** собирался оплачивать свои счета. А о других причинах я вообще лучше не буду говорить.

11 декабря 1964: Роберт Э. Хайнлайн — Лертону Блассингэйму

У нас есть новый телефонный номер, НЕЗАРЕГИСТРИРОВАННЫЙ в телефонной кни-

ге, — поэтому, пожалуйста, запишите его здесь и там. Джинни мечтала о нём в течение многих лет, чтобы положить конец беспрестанным звонкам поклонников с утра до вечера. Я должен признаться, что тишину можно только приветствовать.

9 января 1968: Роберт Э. Хайнлайн — Лертону Блассингэйму

Возвращаю Вам статью Арта Кларка, как Вы просили в своей записке. Я так понимаю, что Спекторски[201] направил свою просьбу на сей раз к Вам, а не напрямую ко мне. Он обращается с подобными просьбами ко мне примерно раз в месяц; я давно уже бросил отвечать на его записочки. Первый раз это было несколько лет назад, речь тогда шла о рассказе Фреда Брауна — довольно неплохом, и я написал на него хороший отзыв, который Спек опубликовал.

Это было ошибкой: я должен был его проигнорировать. С тех пор меня засыпали подобными просьбами. Помимо времени, которого требует подобная бесплатная работа, тут ещё и переписка

---

[201] Примечания: 201

Спекторски — Auguste Comte Spectorsky, один из сотрудников редакции «Плейбоя». Главой литературной редакции был Robie Macauley, который активно публиковал в журнале фантастику, детективы и даже известного советского поэта Е. Евтушенко.

— проклятие моего существования и главный пожиратель моего рабочего времени; у меня нет никакого желания заниматься дополнительной перепиской с редакторами. И то, чего хочет Спек, действительно бесплатная работа, ему нужны отзывы от известных писателей без оплаты.

Чёрт, да я мог бы пойти на это, если бы это было всё, что от меня требуется. «Плейбой» — лучший на этом рынке, и меня бы не перекосило немного подмазать Спека. Но вот беда: я не буду ни при каких обстоятельствах писать что-то неблагоприятное о любом из моих коллег, а часть материалов, которые Спек просит меня прокомментировать, отвратительна. Эта вещь Арта Кларка[202] довольно мила. Но в последний раз меня просили дать отзыв на рассказ ***. Я в хороших отношениях с *** и намерен их такими сохранить, но, если бы мне пришлось писать об этой вещи ***, я вынужден был бы написать: «Дорогой Спек, Вам, должно быть, стыдно это печатать, а *** должен стыдиться того, что написал это».

Так что мне делать, Лертон? Выбирать только те вещи, которые я могу честно похвалить и игнори-

---

[202] Примечания: 202

«When Earthman and Alien meet» — эссе вышло в январском номере «Плейбоя».

ровать прочие? Или заниматься своими делами и не комментировать работу моих коллег?

Глава XIV
Чужак

20 июня 1952: Роберт Э. Хайнлайн — Лертону Блассингэйму

Я пишу каждый день, но, честно говоря, рукопись отвратительна. Этот роман, возможно, придётся несколько раз переписывать, после чего достойно похоронить.

ПРИМЕЧАНИЕ РЕДАКТОРА: В начале 1949 года Роберт искал тему для рассказа «Бездна», который он обещал Джону Кэмпбеллу. Во время обсуждений я предложила ему, чтобы это была история о человеке, воспитанном от младенчества до зрелости расой инопланетян. Эта идея привлекла его внимание, но он решил, что она потребует больше места, чем он может позволить себе в этом рассказе. Однако он пошёл в свой кабинет и в течение нескольких часов написал четырнадцать страниц через интервал, в основном вопросы, требующие проработки. Это и было началом «Чужака в стране чужой».

16 июля 1952: Роберт Э. Хайнлайн — Лертону Блассингэйму

Да, у меня всё ещё проблемы с тем романом. Проблемы — это всё, что у меня сейчас есть, — проблемы с самой историей и проблемы вокруг меня. Я потерял почти месяц, принимая гостей, Артура Ч. Кларка в сопровождении Смита[203] — и теперь мы собираемся провести неделю в Долине Йеллоустона и Сан-Вэлли, отъезд завтра. Я мог бы отменить эту поездку, но есть причины, по которым отменять её нежелательно. Кроме того, я надеюсь, что несколько дней вдали от постоянно звонящего телефона помогут мне привести в порядок мои мысли по поводу этого романа. (Иногда мне кажется, что летом каждый американец норовит посетить Колорадо-Спрингс!) Когда я вернусь, видимо, придётся ложиться в больницу для ещё одной операции. В общем, слишком много дней в этом году сожрала саранча. А ведь у меня были самые лучшие намерения. Я не сидел сложа руки — совсем нет! Но я не многого достиг.

И сам роман доставляет мне реальные проблемы. Я считаю, что придумал действительно новую НФ идею (вещь трудновыполнимая в на-

---

[203] Примечания: 203

Смит — Джордж Оливер Смит (George Oliver Smith, 1911–1981), американский писатель-фантаст, активно печатался в «Astounding Science Fiction», пока в 1949 году жена редактора Джона Кэмпбелла, Донна, не бросила своего мужа ради него.

ши дни!), но у меня возникли проблемы, когда я попытался с ней справиться. Суть этого новшества — «Человек с Марса», в буквальном смысле. Первая экспедиция на Марс так и не вернулась. Двадцать лет спустя Вторая экспедиция обнаруживает, что весь экипаж Первой экспедиции погиб — за исключением ребёнка, родившегося на Марсе и воспитанного марсианами. Они привезли этого молодого человека с собой.

Это существо наполовину человек, наполовину марсианин, то есть генетически он человек, но двадцать лет он прожил в окружении марсиан. Он и в самом деле не человек, потому что антропология совершенно ясно доказала, что человек в большей степени продукт своей культуры, чем своих генов — или, по крайней мере, в не меньшей степени. И этого Джо воспитывали даже не антропоидные обезьяны, он был воспитан марсианами. Между прочим, он никогда не слышал о сексе, никогда не видел женщин, потому что у марсиан отсутствует пол.

Он никогда не испытывал нормального земного тяготения. Абсолютно всё земное для него чуждо — не только география и здания, но и наши склонности, мотивы, меры, оценки. С другой стороны, сам он прошёл обучение у мудрой, утон-

чённой и очень продвинутой — но совершенно нечеловеческой — расы.

Это — вступление. Дальше что-то должно происходить. Я пробовал несколько подходов и несколько событий, но ни одним не удовлетворён. Способ подачи существенно влияет на такое повествование, безусловно, — обезличенный, от первого лица, третье лицо главного героя, третье лицо второстепенного, от первого лица второстепенного персонажа-рассказчика — у всех вариантов есть свои достоинства, у всех есть бесспорные недостатки. Очень важный, доминирующий фактор — особенности и культура марсианской расы — марсиан я ввёл ещё в «Красной планете». Я не уверен, что это хорошая идея, потому что с ними история имеет тенденцию к статичности и философии. Эта история в лучшем случае тяготеет к философии; если я сделаю акцент на марсианах, то сюжет тут же ляжет и уснёт. Почти так же сильно на историю влияет тип земной культуры, развившейся к моменту начала истории. После всего этого встаёт вопрос, как скомпоновать отобранные элементы, чтобы добиться максимальной драматичности. Пока ни один из сюжетов, которые я сделал, мне не нравится. Я испортил довольно много бумаги, и

сейчас у меня есть только длинное начало, которое я, скорее всего, выброшу, да ещё огромная пачка всяких заметок.

Если эта вещь не выкристаллизуется у меня в голове в ближайшее время, я вынужден буду её отложить, потому что ситуация сильно пошла вразрез с установленными мной правилами работы. На самом деле у меня есть штуки три наработки типа полицейские-и-воры, которыми я могу заняться, один сюжет про параллельные миры и ещё две традиционные космические оперы. Я не хочу их делать, я хочу сделать грандиозную историю. Но, видимо, мне придётся подражать Кларенсу Баддингтону Келланду и давать клиентам то, к чему они привыкли и что охотно покупают, а не пытаться их удивить.

18 июля 1952: Лертон Блассингэйм — Роберту Э. Хайнлайну

Идея книги звучит потрясающе, но я вполне могу понять, почему Вы оказались в затруднительном положении. Отложите её в сторону, поработайте над чем-нибудь другим, потом вернитесь — и тогда Вы взглянете на неё по-новому.

10 июня 1953: Роберт Э. Хайнлайн — Лертону Блассингэйму

...сожалею, но не могу сказать, что переломил

ситуацию с романом…

На самом деле у меня с этим романом очень много проблем. Это та вещь, о которой я Вам, по-моему, давно рассказывал, о Человеке-с-Марса, про младенца, оставшегося в живых из Первой экспедиции на Марс, которого привезла назад Вторая экспедиция. Этот молодой мужчина никогда в жизни не видел людей и, что особенно важно, никогда не видел женщин и не слышал о сексе. Он был воспитан марсианами, он образован и элегантен по марсианским стандартам, но полностью неосведомлён о Земле. Какое воздействие окажут на него культура Земли и условия проживания на ней? Какое воздействие окажет он на земную культуру? Как всё это можно превратить в набор из «полицейские-и-воры» и «мальчик встречает девочку», не сваливаясь в чисто философские спекуляции? И наоборот, какое количество философствований воспрепятствует превращению этого романа в космическую оперу с картонными персонажами?

Я настолько в нём увяз, что на прошлой неделе решил отложить его на год или около того, но

тут Стэн Маллен[204] вправил мне мозги и очень сильно помог. И теперь я пытаюсь продвинуться дальше. Когда всё это закончится, в итоге у меня либо вообще ничего не будет, либо я получу свой главный роман. Я сильно сомневаюсь, что из этого получится история для бульварных журналов; похоже, эта история совсем другого сорта. Я продолжу потеть над ней, и долгое время Вы ничего от меня не будете получать.

13 января 1955: Роберт Э. Хайнлайн — Лертону Блассингэйму

Я сейчас нахожусь на странице 68 проекта под названием «Марсианин Смит», который будет книгой для взрослых — то есть больше с-кса и ненормативной лексики, чем приемлемо в подростковой литературе. И это будет большая книга, не для журнальной публикации. Я не могу даже приблизительно оценить, когда этот проект завершится, так как есть некоторые завихрения сюжета, относительно которых я не вполне уверен.

23 февраля 1955: Роберт А. Хайнлайн — Лертону Блассингэйму

---

[204] Примечания: 204

Стэнли Маллен (Stanley Mullen, 1911–1973) — американский писатель-фантаст, художник, издатель и владелец издательства Gorgon Press. С Хайнлайном их связывали общие интересы и многолетняя дружба.

Я вынужден признаться, что на прошлой неделе мне пришлось отложить роман в стол, два месяца и 54 000 слов рукописи пропали впустую. Джинни говорит, что из этого ничего не получится, а я всегда использую её в качестве пробного камня. И что гораздо хуже, я подозреваю, что она права; мне на самом деле никогда эта вещь не нравилась, несмотря на сильную и новую тему. Я, конечно, всем этим удручён, но я начал работать над другой вещью и надеюсь начать проект через день или два.

29 марта 1960: Роберт Э. Хайнлайн — Лертону Блассингэйму

Пару дней назад я закончил черновик романа, о котором писал, и я всё ещё как выжатый лимон. Это очень длинная вещь (800 страниц в непричёсанном виде), и всё, что я могу сейчас о ней сказать — что это не научная фантастика и вообще не похоже ни на что, что я делал раньше. Я хочу ещё над ней поработать, и, возможно, у меня получится всё сделать до отъезда, чтобы её перепечатали набело, пока мы будем за границей.

Я крайне вымотался за шестьдесят три дня, по двенадцать-четырнадцать часов в день прикованный к машинке. Теперь я должен отдохнуть, чтобы подготовиться к физически трудной поезд-

ке… завершить за пару недель месячную норму работ по дому, изучить российскую историю, политику и географию так, чтобы понимать хоть что-то из того, что увижу, и лечь костьми, но сократить примерно на треть эту новую историю. А тем временем у Шэмрок О'Тул в любой момент могут появиться котята — сроки составляют 60–65 дней, и сегодня — её 62-й; она похожа на футбольный мяч на ножках и горько жалуется на несправедливость всего этого. Я пришлю Вам котёнка авиакурьером, чтобы Вы не смогли отослать его обратно. Возможно, четырёх котят.

10 октября 1960: Роберт Э. Хайнлайн — Лертону Блассингэйму

Я думаю, что Вам следует послать «Человека с Марса» в «Putnam», так как они имеют право посмотреть его первыми. У меня на руках, если нам когда-нибудь понадобится, чистая, не слепая копия этой рукописи на той же самой плотной белой бумаге. Я отдаю себе отчёт в коммерческих проблемах этой рукописи, тех, на которые Вы указывали, но если её действительно издадут, она может быть распродана большим тиражом. (Разумеется, она не более рискованная, чем «Улисс», «Любовник Леди Чаттерлей», «Элмер Гентри» или «Тропик Рака» — каждый в своё время, когда

они были изданы[205].)

«Человек с Марса» — это моя попытка вырваться из смирительной рубашки, одно из моих собственных изобретений. Я устал от того, что известен только как «ведущий автор детских книг» и ничего больше. Правда, эти подростки платили неплохо — машина, дом, движимое имущество — всё без кредитов, много путешествий, деньги в банке и в изрядном количестве в акциях плюс перспектива будущих роялти — грех жаловаться… но, как сказала бы одна слишком успешная шлюха: «Их лестница меня доканает!»

Я впервые осознал, насколько плотно я сам себя загнал в угол, когда редакторы моей soi disant[206] взрослой книги начали просить меня порезать её, чтобы пристроить её на рынок детской литературы. Тогда я вынужден был подчиниться. Но теперь я хочу понять, могу ли я писать о взрослых делах для взрослых и публиковать подобные

---

[205] Примечания: 205

«Уллис» — роман Джеймса Джойса, *«Любовник Леди Чаттерлей»* — роман Дэвида Лоуренса, *«Элмер Гентри»* — роман Синклера Льюиса, *«Тропик Рака»* — роман Генри Миллера. Все они были изданы в конце 20-х — начале 30-х годов прошлого века и стали культовыми. Из-за наличия в текстах «откровенных сцен» каждая из этих книг попала в различные «чёрные списки», их публикации вызвали в прессе скандалы различной интенсивности.

[206] Примечания: 206

soi disant — (фр.) так называемой.

вещи.

Однако я не имею никакого желания писать «мэйнстримные» истории типа «Над пропастью во ржи», «Охваченные любовью», «Пейтон-Плейс», «Человек в сером фланелевом костюме», «Слепящая тьма» или «В дороге»[207]. Хороши ли эти книги или плохи, каждая из них представляет собой образец, в подражание которому было написано более чем достаточно, и мне нет никакого смысла что-то добавлять в эти категории — я хочу сделать свою собственную вещь, по-своему.

Возможно, я на этом провалюсь. Я не знаю. Но тот успех, который у меня был, пришёл потому, что я был оригинален, а не потому, что писал «безопасные» вещи — в дешёвых и глянцевых журналах, в кинофильмах, в детских книгах. В бульварной НФ я сразу же двинулся на вершину, писал о социологии, сексе, политике и религии в то время (1939), когда все эти предметы были табу. Позже я прорвался в глянцевые журналы с научной фантастикой, когда считалось само со-

---

[207] Примечания: 207

«Над пропастью во ржи» — роман Дж. Сэллинджера, *«Охваченные любовью»* («By Love Possessed») — роман Джеймса Гоулда Коззенса, на русский не переведён, *«Пейтон-Плейс»* («Peyton Place») — роман Грейс Металиус, на русский не переведён, *«Человек в сером фланелевом костюме»* («The Man in the Grey Flannel Suit») — роман Слоун Уилсон, на русский не переведён, *«Слепящая тьма»* — роман Артура Кёстлера, *«В дороге»* — роман Джека Керуака.

бой разумеющимся, что НФ — это дешёвое чтиво и ничего больше. Вы помните, что мой первый подростковый роман считали издательским экспериментом — и довольно рискованным. Я никогда не писал, «что все пишут» — и теперь не хочу этим заниматься. О, я полагаю, что если такая необходимость встанет по финансовым соображениям, я смогу подражать моим собственным ранним работам и делать это достаточно хорошо, чтобы продаваться. Но я не хочу. Я надеюсь, что эта новая и необычная книга будет продаваться. Но, независимо от того, выйдет из неё что-то или нет, я хочу, чтобы моя следующая книга была совсем другой — не имитацией «Человека с Марса», не тщательным «повторением пройденного» в подражание моим подростковым и квазиподростковым вещам, изданным как soi disant взрослые НФ книги. У меня есть много вещей, которые я хотел бы написать, и ни одна из них не вписывается в эти шаблоны.

14 октября 1960: Лертон Блассингэйм — Роберту Э. Хайнлайну

Дорогой Водный брат,

Я совершенно восхищён Вашей храбростью, а также Вашим интеллектуальным мужеством, которое позволяет Вам открывать новые области

на литературном глобусе.

21 октября 1960: Роберт Э. Хайнлайн — Лертону Блассингэйму

Во-первых, я думаю, что предложение «Putnam» — одно из самых щедрых, какие я когда-либо видел; в нём полностью соблюдены все мои интересы. Пожалуйста, передайте им это?

Всегда можно найти, что сократить, хотя при этом можно заработать литературную анемию. Но исправления, которые они требуют, — совсем другое дело. И не потому, что мне не хочется ими заниматься… а потому, что я не вижу, как их сделать. Эта история — кэйбелловская сатира[208] на религию и секс, это даже при самом пылком воображении далеко не научная фантастика. Если я начну вырезать религию и секс, я очень боюсь, что закончу безалкогольным мартини.

Я знаю, что история шокирует — и я знаю дюжину мест, где я мог бы сделать секс чуть менее откровенным, чуть более кулуарным, неявным, изменив лишь несколько слов (типа: «Чёрт, на ней не было даже доморощенного фигового листика!»). (Чуть меньше колорита, конечно же, но

---

[208] Примечания: 208

кэйбелловская сатира — в оригинале Хайнлайн пользуется изобретённым им неологизмом «Cabellesque», образованным по созвучию с «бурлеском» из фамилии писателя Джеймса Брэнча Кейбелла (Cabell).

раз надо, значит, надо.)

Но я не вижу, как выкинуть секс и религию. Если я это сделаю, от истории ничего не останется.

Эта история должна показать полностью свободный (в смысле философских клише) взгляд на современную человеческую культуру с нечеловеческой точки зрения Человека с Марса. В соответствии с этой установкой, я ни одну вещь не признаю само собой разумеющейся и волен раскритиковать всё, что угодно, от Девочек-скаутов и Маминого Яблочного Пирога до идеи патриотизма. Никаких священных коров любого вида, никаких поклонов и любезностей в сторону королевской ложи — такова общая идея.

Но, помимо двух дюжин несерьёзных сатирических нападок, есть две главные цели, которые я атакую, две самые большие, самые жирные священные коровы, два неявных допущения нашей Западной культуры, которые каждый автор обязан признавать хотя бы на словах, одно относительно религии, другое — относительно секса.

Что касается религии, то первая аксиома Западной культуры — это концепция личностного

Бога[209]. Вам разрешено оспаривать любой аспект религии, кроме этого. Если вы попытались это сделать, вы становитесь плюсплюс антихорошим мыслепреступником[210].

В вопросах секса наша первая культурная аксиома гласит, что единственным приемлемым вариантом является моногамия. Автору разрешено сколько угодно писать об изнасилованиях, инцесте, прелюбодеянии и специфических извращениях… если при этом он намекает, что все эти вещи, безусловно, греховны или, по крайней мере, социально неприемлемы — и что за них придётся расплачиваться, публично или путём раскаяния. (Почему цензоры ополчились против леди Чаттерлей и ее любовника? Причиной были отнюдь не их поднадоевшие односложные слова, а тот факт, что им нравилось прелюбодеяние — и оно сошло им с рук — и после они жили долго и

---

[209] Примечания: 209

концепция личностного Бога — иногда тезис формулируют как «концепция личного Бога», но тогда он звучит тождественно идее «персонального бога». Суть же предположения не в том, что у каждого свой бог, а в персонификации бога, в том, что бог обладает личностью и может проявлять её различными эмоциями и поступками, может вступать в диалог и проявлять интерес к своим созданиям. Обратная концепция — имперсонализм, бог как безликая абстрактная движущая сила.

[210] Примечания: 210

плюсплюс антихорошим мыслепреступником — термины из романа Джорджа Оруэлла «1984».

счастливо.) Всё это дело сильно смахивает на коммунистическую «критику»… при Коммунизме можно критиковать что угодно и какого угодно товарища (по крайней мере, теоретически), если вы не замахиваетесь на базовые положения марксизма.

Итак… пользуясь свободой мифического человека с Марса… я предпринял критическое и нелицеприятное исследование двух неприкасаемых: монотеизма и моногамии.

Моя книга говорит: личный Бог недоказуем, маловероятен, а вся современная теология — суеверная болтовня, оскорбительная для зрелого ума. Но атеизм и «научный гуманизм» являют собой такой же вздор, только в зеркальном отображении, и столь же отвратительный. Агностицизм интеллектуально более приемлем, но только тем, что признаёт своё невежество, полное интеллектуальное банкротство и сдаётся. Все прочие религии в других местах или в прошлом, монотеистические, политеистические или какие-то иные, столь же нелепы, а сама идея «богослужения» соответствует интеллектуальному уровню дикарей из джунглей, ублажающих своё Мумбо-Юмбо. (Попутно замечу, что христианство — это политеизм, а не монотеизм, как утвер-

ждается (тут раввины правы), и что его самая святая церемония — не что иное, как ритуальный каннибализм, родом прямо из дымных пещер нашего далёкого прошлого. Они должны меня линчевать.)

Но я не предлагаю готовых решений, потому что у меня их нет, нет ни одного — для интеллектуально непредвзятого читателя. Тот пантеистический, мистический рефрен «Ты есьм Бог!», который пронизывает книгу, предлагается не в качестве Символа веры, но как тезис экзистенциалиста о личной ответственности, лишённой всего божественного. Он означает: «Не взывай к милосердию Бога, Отца небесного, маленький человек, потому что его нет дома, и никогда не было дома, и вообще ему на всё плевать. То, что с тобой происходит, счастлив ты или несчастен, жив или мёртв — сугубо твоё личное дело, а вселенной ты до лампочки. На самом деле, возможно, ты и есть вселенная, и сам — единственная причина всех своих неприятностей. Ну а в лучшем случае ты можешь надеяться на дружбу своих друзей, не более божественных (или столь же божественных), как ты сам. Так что брось хныкать и прими с мужеством — «Ты есьм Бог!»

Относительно секса моя книга говорит: секс

— это чертовски забавно, в любом аспекте не постыдно и совсем не священно. Единобрачие — просто социальная модель, полезная для определённых структур общества, но это сугубо прагматический вопрос, не связанный с грехом… возможны мириады других моделей, и некоторые из них в соответствующих обстоятельствах могут быть более эффективными и больше способствовать общему счастью. Фактически единственное достоинство моногамии заключается в том, что она даёт формулу, определяющую, кто должен позаботиться о потомстве… и если другая формула обеспечит этот практический аспект, семь к двум, что она, вероятно, лучше послужит людям, которые чертовски страдают, пытаясь практиковать единобрачие по писаным правилам.

Вопрос теперь не в том, верны ли изложенные выше идеи или это просто чушь — вопрос в том, останется ли от книги хоть что-нибудь, если я их вырежу. Я так не думаю. Я думаю, что не останется даже слабенького приключенческого сюжетика, потому что всё действие инспирировано этими еретическими идеями. Всё полностью.

Желание м-ра Кэди, чтобы я устранил первое «чудо» исчезновения на стр. 123–124, порождает сравнимую по величине серьёзную литератур-

ную проблему. Конечно, я могу переписать ту сцену, именно так, как он предлагает… но к чему я приду в результате? Эта сцена порождает все последующие чудеса в сюжете, их множество. Допустим, я соглашусь, что «чудеса» — негодный материал, но чтобы убрать их, я должен выбросить последние 700 страниц рукописи, т. е. написать совершенно другую историю. Чудеса служат универсальным «доказательством». Без них Человек с Марса не сможет завербовать на свою сторону Харшоу, Бена, Пэтти, доктора Нельсона, даже Джилл — никого! Истории не станет.

(Я думал, что я выбрал сравнительно простенькое чудо, поскольку выбирал из тех, которые были теоретически и математически возможны, позднее я обосновал его в кабинете Харшоу. Но я боюсь, что с этим вышло как с атомной энергией: никто, кроме профессиональных мечтателей, не мог в неё поверить, пока это не случилось. Могу добавить, что если бы я прикрыл это чудо выдуманным электронным прибамбасом, то у меня и слон бы «исчез» — и никто бы не пикнул.)

На мой взгляд, всё, что можно сейчас сделать — это принять весьма щедрое предложение м-ра Кэди и придержать его на шесть месяцев, чтобы посмотреть, возьмёт ли какой-нибудь другой

издатель эту вещь без исправлений или с такими правками, которые мне покажутся осуществимыми.

Но я не буду удивлён, если её никто не захочет взять. Впервые в своей жизни я предавался роскоши писать, не косясь одним глазом на табу, рынок и т. п. Я не удивлюсь и лишь слегка расстроюсь, если окажется, что результат вышел не ходовой.

Если не получится продать роман более-менее в том виде, в каком он есть, я приложу все силы, чтобы удовлетворить требования м-ра Кэди. Я не вижу, как это можно сделать, но, безусловно, попытаюсь. Возможно, мне придётся совершить поездку в Нью-Йорк, чтобы провести с ним одно или несколько совещаний по поводу романа, если он сумеет найти для меня время. Потому что у него должны быть какие-то идеи относительно того, как, по его мнению, можно спасти эту историю — боюсь, что сам я с этим не справлюсь.

Предлагаемый контракт меня приятно удовлетворил. Но я хотел бы внести одно изменение. Я не хочу получать половину суммы после подписания, половину после утверждения рукописи. Они должны задержать все авансовые выплаты до тех пор, пока я не представлю им одобренную рукопись. Было бы несправедливо требовать от

них вложить 1500$ в историю, которая может оказаться непригодной для печати. Даже если это общепринятая практика, и так делают многие авторы — мне всё равно. Я не согласен с гильдией по этому вопросу и считаю, что это — жлобский обычай, от которого писатели должны воздержаться, если они хотят, чтобы к ним относились как к деловым людям, а не как к детям.

Пожалуйста, передайте мою тёплую благодарность м-ру Кэди за его беспокойство и заботу. Должно быть, он превосходный человек — я с нетерпением жду, что когда-нибудь с ним встречусь.

31 октября 1960: Роберт Э. Хайнлайн — Лертону Блассингэйму

Я обдумал предложенные Вами изменения в «Человеке с Марса». Я понимаю Вашу точку зрения в каждом случае и не возражаю против внесения изменений… но мне кажется, что лучше оставить всё в нынешнем виде и не трогать текст, пока я не начну вносить в него исправления и сокращать под конкретные требования какого-то конкретного издателя. Если я займусь этим для «Putnam», то чудовищный труд по удовлетворению требований м-ра Кэди автоматически включит в себя все правки, которые Вы упоми-

наете. Фактически большая часть книги будет изменена до неузнаваемости.

Но я всё ещё питаю слабую надежду, что какой-нибудь издатель рискнёт с ней без таких радикальных изменений и сокращений.

4 декабря 1960: Роберт Э. Хайнлайн — Лертону Блассингэйму

Лертон, думаю, я ещё не говорил Вам, какую замечательную, на мой взгляд, работу Вы проделали при размещении этой рукописи. Я писал эту вещь, осознанно не оглядываясь на рынок. Двадцать лет я одним глазом косился на рынок, а другим на рукопись в своей машинке (так было всегда, даже когда я не соглашался с редакторами или продюсерами). Но я знал, что мне никуда не деться от лёгкой халтурной работёнки, ориентированной на рынок, пока я не освобожусь и не начну игнорировать рынок… и мне хотелось написать хотя бы одну историю, в которой я смогу говорить то, что думаю, не обращая внимания на объёмы, табу и прочие ограничения.

Когда я закончил эту вещь и перечитал её, я понял, что её никогда в жизни никуда не продать, и Джинни со мной согласилась. Но Вы сделали это. Спасибо.

Если на этот раз всё получится, я могу попы-

таться написать ещё несколько независимых историй. Если будет провал, я, возможно, вернусь к вещам, которые умею пристраивать на рынок.

27 января 1961: Роберт Э. Хайнлайн — Лертону Блассингэйму

…я говорил Вам примерно неделю назад, что сделал основные сокращения в «Человеке с Марса»? Тем временем команда школьниц пересчитала слова в рукописи, слово за словом, и просуммировала результаты на арифмометре. Сейчас в рукописи 160 083 слова — и я испытываю соблазн допечатать эти лишние восемьдесят три слова на почтовую открытку…

Я немного разочарован, потому что по моим ощущениям от хода работ я должен был закончить где-то в районе 155 000 слов, и тогда я мог бы попытаться отжать ещё 5000 слов или чуть меньше и достичь назначенных «Putnam» 150 000. Я знаю, такой результат им понравился бы гораздо больше. Но я не вижу никакой возможности его добиться. Сейчас текст настолько плотный, что больше из него не выжать ни капли, и я не смогу его утрамбовать ещё больше без полной переделки и переписывания. Я переписал и решительно сократил среднюю часть, где м-р Майнтон почувствовал снижение темпа, и я сократил там

каждое слово, каждое предложение, каждый абзац, которые оставил бы в начале и окончании. Из-за того, что местами были вырезаны слишком большие куски, стиль стал скорее «телеграфным», несколько отрывистым — и мне пришлось очень ловко использовать несколько тысяч слов для «смазки» слов, введённых в текст, чтобы сделать стиль более изящным и удобочитаемым.

Правда в том, что эта книга является самой сложной историей, которую я когда-либо писал, полная биография от рождения до смерти, с самым сложным сюжетом и с наибольшим числом полностью прописанных персонажей. Об этом нужно рассказывать в объёмах Энтони Адверса (который занимал 575 000 слов!): я удивлен, что мне удалось ужать её до 160 000.

Моя машинистка сейчас заканчивает третью четверть рукописи. Она может работать для меня только по вечерам и в уик-энды; если её здоровье выдержит, думаю, она закончит к 12–15 февраля. Тем временем я буду работать над дальнейшим сокращением и переделками и должен буду убрать ещё немного текста, больше тысячи, но меньше пяти тысяч слов. Если моя машинистка закончит вовремя, то я рассчитываю отправить Вам рукопись к понедельнику, 20 февраля (я со-

мневаюсь, что Вы захотите её всю перечитывать, но может быть, Вы захотите посмотреть, как я переписал сексуальную сцену, которая Вас обеспокоила). Это даст «Putnam» более трёх недель форы, чтобы сдвинуть начало производства и успеть выпустить книгу к Конвенту научной фантастики в Сиэтле 2–4 сентября 1961-го. Или же они могут, если захотят, использовать эти три недели, чтобы прочитать рукопись и вернуть мне для переделки чего-нибудь, что им не понравится — и при этом всё ещё выдерживать их производственный график. Я не смогу сделать существенные сокращения за такое время, но я, конечно же, смогу переделать одну-две сцены, если это будет необходимо.

17 марта 1961: Роберт Э. Хайнлайн — Лертону Блассингэйму

Я только что говорил с м-ром Кэди из «Putnam». Он сказал мне, что «Doubleday» хочет выпустить мою книгу про Секс и Иисуса в ассортименте «SF book club»[211] и как альтернативу в каких-то других клубах, не специализирующихся на НФ. Я не испытываю особой приязни к клубу книголюбов НФ «Doubleday» и с умеренным энту-

---

[211] Примечания: 211
О клубных изданиях см. примечание к главе IX, Издатели.

зиазмом одобрил этот план — только потому, что он отчасти гарантирует, что «Putnam» получит свой навар и заработает немного прибыли, даже если коммерческий выпуск будет расходиться не очень хорошо (это главное, о чём я беспокоюсь). Однако м-р Кэди, похоже, считает, что продажи через клуб книголюбов существенно повысят и продажи коммерческого издания — к тому же он испытывает большую уверенность в книге (большую, чем я) — и мне остаётся надеяться, что он прав.

Эта перемена в планах, сказал он, должна привести к тому, что «Doubleday» предложит книгу к продаже в этом июне, а коммерческое издание они постараются выпустить как можно скорее, вероятно, в начале июля.

Окончательное название будет утверждено в понедельник днём (Кэди позвонит мне), и, Лертон, Вас приглашают и настоятельно просят предложить свой вариант — проще всего прямо к нему. (Я надеюсь, что это письмо дойдёт к Вам с утренней почтой в понедельник.) На сегодня текущие рабочие названия такие:

«Еретик»,

«Шелест крыльев его» (это НФ, связанная с моей диаграммой «Истории Будущего», не ассоцииру-

ется с «научной фантастикой» в умах широкой публики. Все эти названия были выбраны, чтобы облегчить продажу книги как мэйнстримный роман, «Философскую фантазию» или что-то подобное).

«Воробей падёт»,

«Рождённый на страдание» (Иов 5:7),

«Это запретное древо» (Милтон),

«Добро и зло» (Генезис 2:17).

ПРИМЕЧАНИЕ РЕДАКТОРА: На сегодняшний день никто не может вспомнить, кто же придумал название «Чужак в стране чужой»[212].

[212] Примечания: 212
См. Комментарии в конце книги. История с названием.

Глава XV
Эхо от чужака

ПРИМЕЧАНИЕ РЕДАКТОРА: В первый год после публикации «Putnam» продажи «Чужака» шли не очень хорошо. Он тут же вышел в издании клуба книголюбов, двухлетний контракт, и был второй двухлетний контракт с клубом книголюбов. На втором году после публикации он вышел в мягкой обложке в издательстве «Avon». Вялые продажи сменились средними, а потом перешли в ошеломляющие. Эта книга внезапно получила широкое признание. Его можно было объяснить только устной рекламой самих читателей. С тех пор она много лет выходила в коммерческом издании и всё ещё продаётся достаточно большими тиражами, чтобы издатели продолжали её печатать. И она по-прежнему бойко продаётся в мягкой обложке, теперь в издании «Ace». В настоящее время это уже шестьдесят пятый тираж в мягкой обложке. Клуб книголюбов научной фантастики «Doubleday» недавно прислал запрос о новом переиздании под их эгидой.

9 октября 1966: Роберт Э. Хайнлайн — Лер-

тону Блассингэйму

При сём прилагаю письмо *** к Вам о театральной постановке по «Чужаку». Я понятия не имею, что является надлежащим и разумным в этом вопросе, и продолжаю оставлять это полностью на Ваше усмотрение. Но я начинаю думать, что дополнительные права на «Чужака», например, для театра, ТВ или кино, в один прекрасный день могут кое-что принести, возможно, через Неда Брауна, возможно, через другие каналы. Почта от поклонников этой книги только увеличивается, вместо того чтобы уменьшаться, и это явно работает довольно мощная устная реклама. Недавно я узнал, что её считают «Новым Заветом» — и обязательной к прочтению — в одном экстравагантном культе, который называется «Kerista». (Kee-rist!) Я не знаю точно, что это за «Kerista», но его глава в Лос-Анджелесе предложил мне 100$ за выступление. (Я им отказал.) А прямо на прошлой неделе я был поражён, обнаружив весьма хвалебный обзор «Чужака» на целую страницу в (ей-богу не вру!) глянцевом нудистском журнале — ссылка на статью была вынесена на облож-

ку… А в горных штатах[213] есть компания под названием «Serendipity, Inc», которая серьёзно намерена субсидировать образование — они используют слова «раздели воду» и другие фразы из книги в качестве корпоративных слоганов. Или чего-то в этом роде. И ещё есть этот новый журнал критики, «GROK» — я его ещё не видел, но его рекламируют в «Village Voice». И почти каждый день я получаю письма от людей, которые утверждают, что видят во мне своего рода духовного наставника. (Я держусь от таких подальше!) В общем, круги на воде разошлись удивительно далеко — и Кэди, возможно, был прав, считая, что книгу можно продвигать в других сферах. (Меня вполне устроят просто деньги в тумбочке, и, пожалуйста, без всяких культов.)

6 ноября 1966: Роберт Э. Хайнлайн — Лертону Блассингэйму

Я думаю, что уже говорил Вам, что Институт Эсален[214] хочет, чтобы я в конце июня провёл семинар по теме «Религия в Космическую эру»,

---

[213] Примечания: 213

горные штаты (mountain states) — штаты, на территории которых расположены Скалистые горы: Нью-Мексико, Колорадо, Вайоминг, Юта, Айдахо и др.

[214] Примечания: 214

Институт Эсален (Esalen Institute) — коммуна и центр духовных практик на Западном побережье Калифорнии, основанная в 1962 году.

вместе с Аланом Уоттсом, дзен-буддистским писателем, и епископальным священником. Это должно занять всего один уик-энд, место (Биг Сюр) — совсем рядом, а плата (500$) вполне удовлетворительна. Тем не менее я, видимо, не приму приглашения, поскольку не представляю, как я могу принять в этом участие, не оскорбив смертельно ни священника, ни дзен-буддиста. Я переговорю об этом по телефону непосредственно с директором, поскольку не хотел бы высказывать мои реальные опасения прямо в письме.

22 декабря 1966: Лертон Блассингэйм — Вирджинии Хайнлайн

…и получать значок «Grok». Может быть, выпустить пресс-релиз, чтобы дать дополнительный стимул к заказам.

15 апреля 1967: Роберт Э. Хайнлайн — Лертону Блассингэйму

Ещё о «Чужаке» —

Мой брат Рекс спрашивал владельца магазинчика, где он закупает такие разные виды значков «Stranger», тот ответил: «Есть около дюжины различных поставщиков». Он сказал, что один из них — девушка, которая кем-то работает в колледже, где делают эти значки (без сомнения, это другой вариант значков «Stranger»).

Сегодня днём (сейчас воскресенье, вечер) скульптор *** из Лос-Гатос[215] пригласил нас посмотреть скульптуру, которую он только что закончил в бронзе — «Смерть марсианина по имени Смит». Он просил разрешения выставить её сразу, как только привезёт её своему агенту в Сан-Франциско, куда он приедет для переговоров по заказу на изготовление для церкви распятия впечатляющих размеров. (*** — успешный скульптор, не голодный художник.). Но *[он]* хотел, чтобы я первым увидел это.

Молодая женщина, которая была с ним, спросила меня, где я взял слово «grok» — нет, она не читала книгу, *не претендует на то, чтобы получить экземпляр [выделено мной]*... но она знает, что означает это слово, потому что «сейчас все так говорят».

26 января 1967: Лертон Блассингэйм — Роберту Э. Хайнлайну

Прилагаю выпуск журнала «Grok»[216].

28 февраля 1967: Лертон Блассингэйм — Роберту Э. Хайнлайну

В выпуске 19/02 «New York Times Book Review»

---

[215] Примечания: 215

Лос-Гатос (Los Gatos) — пригород Сан-Хосе, штат Калифорния.

[216] Примечания: 216

См. Комментарии в конце книги. «Грок».

есть статья, которую Вы, возможно, захотите увидеть — «Where the Action Is»[217]. В ней упоминаются «Чужак» и «Grok». По отзыву вещь выглядит достаточно привлекательной, чтобы вызвать активный интерес в Голливуде. Ещё один звонок по поводу того, есть ли доступные права на «Чужака».

14 марта 1967: Лертон Блассингэйм — Роберту Э. Хайнлайну

Есть два выпуска «Grok».

28 апреля 1968: Роберт Э. Хайнлайн — Лертону Блассингэйму

Прилагаю вырезку, присланную мне из Торонто, пожалуйста, верните её для моей папки по «Чужаку». «Разрешение на ограниченное использование», разумеется, — но эта книга, должно быть, произвела большое впечатление, если телефонная компания в Канаде использует взятый из неё неологизм. (И когда я думаю о том, что «Putnam» по-прежнему отказывается переиздать книгу в твёрдом переплете, я становлюсь настолько раздражённым, что мне срочно нужен

---

[217] Примечания: 217

Where the Action Is (*англ.*) — «Там, где что-то происходит».

«милтаун»[218]. Черт побери, они должны хотя бы устроить перепечатку в «Grosset & Dunlap»; ко мне регулярно приходят вопросы о том, где купить эту книгу в твёрдом переплете. Кроме того, они пропустили много продаж в библиотеки.)

23 мая 1968: Роберт Э. Хайнлайн — Лертону Блассингэйму

С тех пор как я посылал Вам ту рекламку о канадском телефоне, я столкнулся ещё с тремя использованиями «grok» — одно в рассказе в «Плейбое», просто как часть диалога без объяснений, то же самое в стихотворении и рекламе магазина во Флориде: «Мы Грокнули Книжную Торговлю». Ну, в общем, несмотря на то, что за него не платят лицензионных платежей, мне интересно наблюдать, как распространяется этот неологизм. А самая запредельная вещь на сегодня — это объявление «Daily Bruin»[219] в UCLA по поводу «Экспериментальных Курсов Университета — Весна-1968», в котором один курс обозначен как «Дж. Д. Сэлинджер, Робт. Хайнлайн, Лоренс

---

[218] Примечания: 218

«*милтаун*» — коммерческое название мепробамата. Один из первых широко распространившихся транквилизаторов.

[219] Примечания: 219

Daily Bruin — ежедневная газета Калифорнийского университета (UCLA).

Ферлингетти и Другие Личные Гуру»!!! И я — такой старый пень, что даже не знаю, кто такой этот третий гуру. И Джинни тоже не знает. Правда, я ещё новичок в бизнесе гуру.

23 января 1967: Роберт Э. Хайнлайн — Лертону Блассингэйму

Я говорил Вам, что *[Доктор]* Джек Уильямсон использует «Чужака» как учебный текст в своём курсе по НФ в Университете Нью-Мексико? Цитата: «Я запускаю новые циклы лекций в области лингвистики и современной грамматики и прочего в документальной научной литературе… (в рамках моего курса НФ), и сейчас мы читаем «Чужака в стране чужой». Я немного опасался, что некоторые из моих студентов ещё не достаточно продвинуты для него, но пока что отклик хороший — некоторые из студентов считают, что это более продуктивно, чем «Дивный новый мир» Хаксли, который мы только что закончили».

Я упоминал в каком-то другом письме, что в Стэнфорде сейчас предлагается курс НФ? Очевидно, НФ начали считать респектабельным жанром серьезной литературы. Это — приятное чувство, но я должен постоянно напоминать себе, что появление моего имени в прессе совершенно ничего не значит; на чеках оно гораздо полезнее. Это

всё тот же бизнес клоунов, и наша цель состоит в том, чтобы развлекать покупателей — просто нужно стараться сильнее, чем раньше.

3 февраля 1967: Роберт Э. Хайнлайн — Лертону Блассингэйму

Надеюсь, у Вас не возникло впечатления, что основной интерес к «Чужаку» испытывают подростки? Конечно, всё может быть, но я надеюсь, что до этого не дойдёт. Иначе мне придётся пить цикуту за то, что «учил, что чем хуже, тем лучше, и развращал земную молодёжь»[220]. «Чужак» — определённо книга для взрослых, и то, что в ней говорится на темы секса и религии, на мой взгляд, неблагоразумно было бы предавать широкой огласке и вообще пытаться как-то связать эту книгу с подростками.

Лертон, сам-то я меньше всего боюсь развратить подростков этой страны, это невозможно сделать. В массе своей они намного более искушённые, чем их родители. В старших классах они начинают курить, пить, заниматься фелляциями и кунилингусом, к выпускному они осваивают позу 69 и переходят к коитусу, марихуане и «колёсам», при поступлении в колледж садятся

[220] Примечания: 220

«учил, что чем хуже, тем лучше, и развращал земную молодёжь» — цитата из обвинений, прозвучавших в суде над Сократом.

на контрацептивы и присоединяются к Новым Левым — или, по крайней мере, подвергаются искушению всеми этими вещами в своё время, а иногда и в более юном возрасте. Вдобавок к этому ЛСД и другие наркотики, если они того пожелают. Сбить их с толку или развратить невозможно! Если они воздерживаются, то делают это исключительно добровольно, а вовсе не потому, что у них не было возможности приобщиться.

А их родители редко о чём-либо догадываются, родители всегда уверены, что такие вещи случаются только с невоспитанными шалопаями, живущими на другом конце города, а не с их любимыми малютками! Поэтому, хотя я не думаю, что «Чужак» может развратить какого-нибудь читателя, как бы ни был он молод, напротив, я полагаю, что это высоконравственная книга, я всё же считаю, что было бы неразумно продвигать его как книгу для подростков.

17 ноября 1967: Роберт Э. Хайнлайн — Лертону Блассингэйму

Я наконец-то получил известие из Университета Висконсина… Это было предложением, о котором я услышал через *** и о котором я звонил Вам по телефону. Я с сожалением собираюсь отклонить его, хотя Ошкош совсем рядом. Но

единственное, что им от меня нужно — это лекция о «Чужаке в стране чужой». Я же многие годы назад принял решение никогда не обсуждать свои собственные работы со сцены… и я думаю, что прагматические причины такого решения в особенности относятся к «Чужаку». Писатель выглядит довольно глупо, если начинает «объяснять» свои истории. Он повторяет то, что уже сказал в рукописи — или должен был сказать. «Чужак» — волшебная сказка; если она развлекла читателя, он получил то, за что заплатил. Если он получил кое-что сверх того, это — бесплатный бонус. Но чёрт бы меня побрал, если я буду «объяснять» эту книгу.

(Интересно, «объяснял» ли Джон Барт когда-нибудь своего «Джайлса, мальчика-козла»[221]? Если он этим занимался, то я готов держать пари, что он использовал весь свой яд и сарказм и преднамеренно оставил слушателя ещё более сбитым с толку, чем он был прежде. Меня очень впечатлил и чрезвычайно удивил «Джайлс», и теперь я хочу найти, прочитать и собрать у себя все остальные его художественные произведения — теперь, когда я могу позволить себе покупать

---

[221] Примечания: 221
См. примечание о Джоне Барте к главе XI, «Не убоюсь я зла».

что-то помимо строительных материалов. С другой стороны, земная беллетристика не для Джинни, она живёт в мире простых повествовательных предложений без скрытых намёков и хочет читать беллетристику того же сорта.)

Я отклоняю предложение Корнельского университета; вчера я отклонил предложение Калифорнийского; и я отказал им, поскольку они пришли вместе с потоком многочисленных менее серьёзных приглашений, главным образом от средних школ здесь и там. Даже не говоря о том, что публичные выступления мне претят, сейчас не то время, чтобы мне хотелось без подготовки справляться с потоком вопросов, который обычно следует за выступлением со сцены — необъявленные войны, расовые беспорядки, потерянное поколение и т. п., все те вещи, с которыми я предпочитаю не иметь дело второпях на публике. Мне эти вопросы представляются чрезвычайно сложными, и я не уверен в том, что обладаю достаточной мудростью, чтобы высказываться по их поводу.

Но зато я счёл целесообразным принять приглашение на Фестиваль Библиотечной Книги Области Залива Монтерей, который состоится 30 марта. С библиотекарями у нас отношения

особые. Я думаю, что один раз я должен принять их приглашение, для местных библиотек, тогда в следующий раз я смогу ответить, что уже принимал их приглашение, и мне очень жаль, но в этом году у меня нет такой возможности. Я отказался от предложенной ими платы, поскольку я предпочитаю делать это бесплатно, принимая маленькую сумму (50$) — так что я могу продолжать рассказывать всем, что вообще-то я выступаю на публику, но я — профессионал, и мои гонорары страшно высоки.

ДЕЛО МЭНСОНА

7 января 1970: Вирджиния Хайнлайн — Лертону Блассингэйму

Несколько недель назад пришло письмо от поклонника из тюрьмы в Индепенденс, штат Калифорния. В порыве великодушия Роберт попытался что-то сделать для этой девочки, которая ему написала. Оказалось, что она была одной из семьи Мэнсона. Так что, если однажды нас найдут зарезанными в собственных постелях, как Шэрон Тэйт, это — из-за трёх писем от членов семьи. Так и скажите полиции. Я оставляю эти уведомления везде, где только могу, в надежде предотвратить то, что может случиться.

ИНТЕРВЬЮ В «ПЛЕЙБОЙ»

16 января 1970: Вирджиния Хайнлайн и Роберт Э. Хайнлайн — Лертону Блассингэйму

А также, будьте любезны, скажите м-ру Хью Хефнеру, что единственная причина, по которой Роберт когда-то согласился дать им интервью, была не самореклама, но стремление поддержать космическую программу в СМИ. Публикация этого интервью в старых выпусках, возможно, как-то ей помогла. Но сейчас космическая программа находится в руинах, а Хефнер пытается что-то вытянуть из ситуации вокруг «Чужака» и дела Мэнсона. Мы на это не согласны. Он не купил себе ручного кролика своим вкладом в Фонд памяти Эда Уайта[222]. Он может взять свой *[журнал],* свернуть его трубочкой и засунуть куда поглубже. Ни при каком условии мы не будем делать никаких публичных заявлений о деле Мэнсона и «Чужаке». Мы рассматриваем предложение м-ра Хефнера как нечто из ряда вон выходящее и как вторжение в нашу личную жизнь. Это не нежелание обсуждать работы Роберта, это его прямой

[222] Примечания: 222

Эдвард Уайт — астронавт, погибший во время тренировок на «Аполлоне-1» 27 января 1967 года.

отказ заниматься подобными вещами и это его принципы, которым он следовал в течение очень долгого времени[223].

10 ноября 1970: Вирджиния Хайнлайн — Лертону Блассингэйму

Вы не поверите, но «Чужак» попал в списки чтения Женского движения[224]!

4 мая 1971: Лертон Блассингэйм — Вирджинии Хайнлайн

Не думаю, что что-то можно предпринять по поводу компании «Валентайн Смит». Хотел бы, чтобы они поместили на их фирменный бланк и все пресс-релизы, что они используют имя «персонажа, созданного Робертом Э. Хайнлайном в «Чужаке в стране чужой»[225].

ПРИМЕЧАНИЕ РЕДАКТОРА: В 1971 году группа

---

[223] Примечания: 223

Контакты Хайнлайна с журналом начались в июле — августе 1963-го, когда «Плейбой» опубликовал серию материалов под общим заголовком «1984 and Beyond», которые были составлены по итогам дискуссии на тему будущего с участием двенадцати ведущих писателей-фантастов. Среди них были Артур Кларк, Айзек Азимов, Рэй Бредбери и Роберт Хайнлайн. Предложение о новом интервью последовало из «Плейбоя» вскоре после появления Хайнлайна на телевидении в качестве комментатора посадки «Аполлона-11» на Луну. На этот раз «Плейбой» мало интересовала космическая тематика. Основной интерес вызывала переписка Хайнлайна с членом «семьи» Мэнсона. Несмотря на резкую отповедь, прозвучавшую в письме, Хайнлайн в конце концов дал согласие, интервью провёл журналист Фрэнк Робинсон. Весь гонорар за интервью, который составил 2000$, Хайнлайн перечислил в Фонд памяти астронавта Эдварда Уайта. Интервью в

очень урезанном виде было опубликовано в декабрьском номере журнала «OMNI» в 1972 году.

[224] Примечания: 224

В оригинале «Women's Lib» — The women's liberation movement, Движение за освобождение женщин, радикальная феминистская организация, существовавшая в 60—70-х годах.

[225] Примечания: 225

Valentine Smith Company, Inc. этого, разумеется, не сделала. Ни одна из двух компаний, носивших это имя (обе созданы в 1970 году), не дожила до сегодняшнего дня.

поклонников, философия которых во многом базировалась на «Чужаке в стране чужой», написала Хайнлайну, попросив разрешения использовать материал из книги. Разрешение дано не было. Позже член этой группы написал Хайнлайну письмо, в котором спрашивал, почему он не отнёсся с сочувствием к их целям. И вот его ответ:

20 января 1972: Роберт Э. Хайнлайн — Читателям

Факты:

1. Последний раз, когда я присутствовал на какой-либо организованной встрече любителей НФ, был в Сиэтле в 1961-м, плюс очень краткое появление в Чикаго в 1962-м, где мне вручали «Хьюго» за «Чужака» — краткое, потому что я появился в последнюю минуту, будучи занят в Хьюстоне, где кое-что писал для программы НАСА «Gemini». «Чужак» был издан в 1961 году. Если где-нибудь появились какие-нибудь «гнёзда» или что-то подобное ко Дню Труда 1962-го, мне об этом ничего не известно. Мои контакты с организованным фэндомом после того дня свелись к нулю.

2. До 1962 года мои контакты с организованным фэндомом были незначительны, я несколько раз

ходил на встречи LASFS[226] в 1939—40 гг. и побывал на Конвенте в 1940 или ‘41 году. Точно, в 1941-м, в Денвере, поскольку теперь я припоминаю, что тогда, в 1940-м, я был на Востоке. После 1940 года следующий контакт, который я вспоминаю, был (как мне кажется) в 1958-м — встреча в Ньюарке, потом снова в Чикаго в 1960-м, где получал «Хьюго». Я думаю, что к перечисленному сводятся все мои контакты с организованным фэндомом, хотя я, возможно, забыл какие-нибудь случайные появления, поскольку период охватывает тридцать три года, а я не вёл никакого учёта. Но я уверен, что моё последнее появление на встречах было десять лет назад.

3. Контакты с частными лицами, любителями НФ, которые относились или могли относиться к фэндому: таких было много, по переписке, в моём доме, в чужих домах или в других местах. Раньше контактов было больше, чем в последние годы, из-за напряжённой работы и потерь времени, вызванных болезнью. Во многих случаях я не знал, общаясь с незнакомым человеком (при личной

[226] Примечания: 226

LASFS — Los Angeles Science Fiction Society, Лос-Анджелесское общество любителей научной фантастики, создано 27.10.1934. В его работе принимал участие видный деятель фэндома Форрест Аккерман и многие писатели-фантасты.

встрече или по переписке), имеет он отношение к фэндому или нет. В некоторых случаях я узнавал об этом позже (слишком поздно!), узнав, что моё частное письмо было издано в одном из фэнзинов, или обнаружив, что случайные дружеские высказывания без моего согласия или проверки рассматривались как «интервью» и издавались в искаженном виде…

4. Вследствие всего вышеупомянутого, в последние годы мы стали несколько более осторожными в наших социальных контактах и в письмах, которые мы пишем, тем более что давление от незнакомых людей стало намного больше. Я должен жить за запертыми воротами, мой телефон не фигурирует в телефонной книге, потому что иначе я вообще бы не смог работать — и это возмутительно, поскольку моя жена и я сам по своей природе весьма общительные и светские люди. Госпожа Хайнлайн обычно отвечает на все письма начинающих «друзей по переписке», которые, если им позволить, отняли бы всё моё время и не оставили бы ничего для занятий литературой. И только в очень редких случаях, наподобие вашего письма, я пишу ответ сам. Мы вынуждены вести свою общественную жизнь среди людей, которые не читают научную фантастику.

5. Из всего вышеупомянутого следует вот что: есть очень, очень мало людей в организованном фэндоме, которые вообще что-либо обо мне знают, в смысле знают меня лично, либо в курсе моего мнения по разным вопросам, моих вкусов или моих привычек. Мои опубликованные работы широко распространены, и любой может их прочитать. Официальные факты из моей жизни можно найти в нескольких справочниках в большинстве общественных библиотек. Но член фэндома научной фантастики вряд ли может знать обо мне больше, чем вы, а если он утверждает обратное, он почти наверняка сам не знает, о чём говорит.

6. Но меня неоднократно удивляло, какое огромное число людей утверждают, что являются «экспертами» по мне. (Один из них даже написал обо мне целую книгу. Я никогда в жизни с ним не встречался[227].)

7. Я никогда не выражал «антагонизм» или враждебность по отношению к «гнёздам» или «водным братствам». Это чистый вымысел. Я бы вогнал эту ложь обратно в зубы тому, кто это говорит, если бы знал, кто он такой.

---

[227] Примечания: 227

По-видимому, Алексей Паншин, написавший в 1967 году книгу «Heinlein in Dimension», от которой писатель пришёл в ярость.

8. Напротив, множество «гнёзд» действительно вошли со мной в контакт. Я отнёсся к ним с вежливостью. У меня есть бессрочные приглашения посетить их. Мне кажется, я в хороших отношениях со всеми подобными организациями, которые позаботились войти со мной в контакт. Если у вас есть какие-то конкретные сведения об обратном, я хотел бы их услышать, желательно с подробностями. (Но я, конечно же, ничего не могу поделать со злонамеренными обвинениями от безликих, безымянных незнакомцев.)

«Чужак»: Это художественное произведение в форме притчи. Это не «обман», если, конечно, вы не считаете обманом вообще всю беллетристику. Что за люди говорят подобные вещи? Я хотел бы при случае встретиться с одним или несколькими из них… ведь я достаточно часто слышу это утверждение, что заставляет меня думать, что кто-то его систематически распространяет, возможно, злонамеренно. Но лживые утверждения всегда попадают ко мне по меньшей мере из вторых рук и всегда без указания авторства. Вы скажете мне, где слышали это утверждение? Я

хотел бы разыскать этого «Неуловимого Джо»[228] и заставить его продержаться достаточно долго, чтобы успеть расспросить, в чём дело и почему.

А теперь кое-что о происхождении «Чужака» и моих историй вообще. Я пишу по следующим причинам:

1. Чтобы содержать себя и свою семью;

2. Чтобы развлекать моих читателей;

3. И, если это возможно, заставить моих читателей задуматься. Первые две из этих причин являются обязательными и совместно составляют основу банальных рыночных отношений. Я всегда должен был зарабатывать себе на жизнь для себя самого, а теперь и для моих иждивенцев, и я происхожу из бедной, деревенской семьи — паши как вол или пропадёшь. Я много чем занимался, но я обнаружил, отчасти случайно, что могу производить ходкий товар — развлечение в виде беллетристики. Я не знаю, откуда у меня этот талант, ни у одного из членов моей семьи или родственников его, кажется, не было. Но я занялся этим по той же причине, что и многие другие авторы — это было то, чем я мог заниматься в то

---

[228] Примечания: 228

В оригинале «Scarlet Pimpernel» — герой серии романов баронессы Орци. Английский дворянин, который спасал аристократов во время Французской революции, всегда ловко избегая ареста.

время, то есть всю свою жизнь я часто и подолгу был болен, а писать книги — это то, чем человек может заниматься, даже когда он физически не в состоянии работать с 9 утра до 5 вечера. (Я мечтаю когда-нибудь найти время, чтобы написать об этом эссе. Примеры варьируются от слепого Гомера до чахоточного Р. Л. Стивенсона и куда более многочисленны, чем полагают профессора английской литературы.)

Но если автор не развлекает своих читателей, тогда всё, что он производит — это испачканные с одной стороны бумажки. И я всегда должен держать в уме, что мой потенциальный читатель может потратить свои деньги на пиво, а не на мои истории, я должен каждую минуту осознавать, что я конкурирую за деньги с пивом — и что я не могу себе позволить упустить клиента. Если бы я производил, скажем, картофель или говядину, то я мог бы быть уверен, что мой продукт имеет некоторую ценность на рынке. Но история, которую не любят читать клиенты, не стоит *ничего*.

Так что, если кто-то спрашивает меня, зачем я пишу, если это — быстрый ответ, с ходу, я просто говорю: «Ради денег». Любой другой короткий ответ нечестен — и любого писателя, который забудет, что главная его цель — это выудить,

скажем, 95 центов с клиента, который *вообще ничего не собирался покупать*, просто перестанут печатать. Он не писатель, он только воображает, что им является.

(О, разумеется, можно услышать много всякого дерьма про «искусство», «самовыражение» и «долг перед человечеством» — но когда дело доходит до дыры в семейном бюджете, вот она ваша книга, в газетных киосках, вместе с сотнями других таких же, в одинаково пёстрых обложках — и вас никто не покупает. Если автор не умеет развлекать, он не сможет поставить на стол еду — а для внештатных авторов не бывает пособия по безработице.)

(Даже богатый писатель хочет быть интересным. О, он может тешить своё тщеславие, публикуясь за собственный счёт — но кто будет это читать? Разве что его мать.)

Вот что скрывают первые две причины: я пишу за деньги, потому что мне нужно содержать семью, а чтобы заработать эти деньги, я должен развлечь читателя.

Третья причина более сложна. Писатель может позволить себе баловаться этим, только если взял первые два барьера. Я писал вещи почти всех сортов: заметки в газету, киносценарии и теле-

визионные скрипты, стихи, технические отчёты, популярные статьи, детективные рассказы, истории любви, приключенческие истории и т. п. — и мне заплатили за 99 % того, что я написал.

Но большинство из перечисленных выше категорий были скучны для меня. У меня было достаточно навыков, чтобы получить за них гонорар, но сами работы мне не нравились. Я нашёл, что работа, от которой я получал удовольствие и в которой больше всего преуспел — это спекулятивная беллетристика. Я не думаю, что это всего лишь счастливое совпадение, я подозреваю, что у большинства людей лучше всего получается та работа, которая им в радость.

К тому времени, когда я начал писать «Чужака», я достаточно наловчился развлекать читателя и достаточно прочно утвердился на коммерческом рынке, чтобы рискнуть, очертя голову, кинуться в омут фантастических предположений и погрузиться в него немного глубже, чем я позволял себе раньше. Ни мой агент, ни моя жена, ни мой издатель не были уверены относительно этой книги, но я был уверен, что она будет продаваться, по крайней мере, достаточно хорошо, чтобы издатель не потерял на ней денег и «сделал свой навар».

Я оказался прав, книга действительно цепляла. Её развлекательной способности хватило на то, чтобы донести притчу, даже если её читали исключительно ради развлечения.

Но я считал, что притча не оставит равнодушными многих или, по крайней мере, некоторых читателей. Так и случилось. Некоторые читатели (многие, я сказал бы) говорили мне, что они прочли эту фэнтези три, четыре, пять и более раз — а значит, сюжет тут ни при чём, в перечитанном множество раз сюжете не остаётся никакого элемента неожиданности, значит, в этой книге было скрыто нечто большее.

Итак, что же я пытался в ней сказать?

Я задавал вопросы.

Я *не* давал ответов. Я пытался встряхнуть читателя, освободить от некоторых предубеждений и побудить его думать самостоятельно, направить мысли в новое, неиспробованное русло. В результате каждый читатель получил от этой книги что-то своё, потому что он сам находил свои ответы.

Если я сумел вытрясти из него некоторое количество предрассудков, предубеждений или необоснованных предположений, то я добился всего, что задумал. Мыслящему человеку не

нужны ответы, которыми его пичкает с ложечки «вера». Ему нужны вопросы, способные его обеспокоить, серьёзные вопросы. И в этом случае качество ответов зависит от него самого… и тогда он сможет вновь и вновь пересматривать эти ответы в течение всей своей жизни, с каждым разом ещё немного приближаясь к истине. Во всяком случае, я на это надеюсь. Но я ни за что не взялся бы быть «Пророком», раздавая аккуратно упакованные ответы для ленивых мозгов.

(Чтобы увидеть некоторые из наиболее важных вопросов, оставленных без ответа в «Чужаке», перечитайте главу 33, особенно на странице 344 издания в твёрдом переплете, начиная со слов «Все имена скрыты в шляпе, Бен»[229].)

«Звёздный десант» тоже наполнен оставши-

---

[229] Примечания: 229

Абзац в переводе Монахова-Молокова: «Как знать, Бен, чьё имя вытащат из шляпы. Уж так устроен человек, что он не может представить собственную смерть. Поэтому люди придумывают всё новые религии. Хотя это убеждение никоим образом не доказывает бессмертия, возникающие при этом вопросы чрезвычайно важны. Природа жизни, как в теле появляется сознание, проблемы самого сознания и почему каждый человек кажется себе центром Вселенной, смысл жизни, смысл Вселенной — всё это вопросы величайшей важности, Бен, их никак нельзя назвать тривиальными. Наука не может ответить на них… и кто я такой, чтобы насмехаться над религией за её попытки ответить, как бы неубедителен для меня ни был ответ?».

В варианте Пчелинцева первое предложение переведено как «Все эти имена чушь».

мися без ответа вопросами. Многие забраковали эту книгу, навесив ярлык «фашист» или «милитарист». Они не хотят или не умеют читать, эта книга ни то, ни другое. Она написана как предельно серьёзное (но неполное) исследование, почему люди сражаются. А поскольку люди действительно сражаются, то эта проблема заслуживает изучения.

Моя последняя книга, «Не убоюсь я зла», ещё более загружена серьёзными, оставшимися без ответа вопросами, возможно, чересчур загружена, отчего немного провисает сюжет. Но вопросы эти предельно серьёзны — потому что, если мы оставим их без ответа, мы просто пыль на ветру. Меня лично это не слишком задевает, по крайней мере, не в этой жизни, поскольку я, скорее всего, буду мёртв прежде, чем существующие тенденции приведут к крупной катастрофе. Тем не менее они меня беспокоят. Я думаю, что мы находимся в реально трудном положении… и выход из него следует искать не в примитивных «коммунах среди дикой природы» или в движении за «Нулевой Прирост Населения», которое не охватывает весь земной шар.

Здесь не может быть никаких окончательных решений… и даже частичные решения будут

очень тяжёлыми.

Я вижу, что у меня получилось не письмо, а какое-то эссе. Простите меня, должно быть я достиг того возраста, в котором становятся чрезмерно болтливыми. Надеюсь, я убедил Вас, что «Чужак» — предельно серьёзная книга… как и вопросы, которые она ставит. Серьёзные, нетривиальные вопросы, на которые человек может потратить всю свою жизнь. (Я в этом почти преуспел.)

Но любой, кто ищет в этой книге ответы, обманывает себя. Она — приглашение подумать, а не уверовать. Любой, кто воспринял её как лицензию трахаться как ему заблагорассудится, идёт на риск: миссис Гранди [230]не умерла. Или возьмите любое другое острое оскорбление, публично нанесённое современной культуре, там есть строгие предупреждения о том, какие опасности оно влечёт за собой. Разумеется, правило «делай что хочешь — вот и весь Закон» вполне применимо, если рассматривать его должным образом. На самом деле это — закон природы, а не предмет юридических запретов или разреше-

[230] Примечания: 230

Миссис Гранди (Mrs. Grundy) — универсальный персонаж, распространённый в англоязычной литературе. Олицетворяет педантичность и скрупулёзное следование социальным нормам.

ний. Но необходимо помнить, что оно относится ко всем одновременно — и в том числе к толпе ваших линчевателей. Вселенная такая, какая она есть, и она никогда не прощает ошибок — даже ошибок по незнанию…

Послесловие

Роберт заболел, не успев подготовить к публикации сокращённый вариант «Не убоюсь я зла». Два года он провёл, перемежая различные болезни с операциями. Наконец, в 1972-м, он почувствовал себя достаточно хорошо, чтобы снова начать писать.

Его следующей книгой стала «Достаточно времени для любви».

В дополнение к переменам во временах и нравах Роберт теперь имел репутацию, которая позволяла ему делать такие книги, какие он сам предпочитал. Вполне возможно, что, хотя бы отчасти, «Чужак» оказал некоторое влияние на сексуальную революцию шестидесятых и семидесятых. Он был созвучен веяньям времени. Поэтому его издатели не возражали против размеров «Достаточно для любви», и даже (что меня весьма удивило) сцена кровосмешения вообще не вызвала никаких протестов. Её даже рецензенты не упоминали.

Следующие два года по большей части ушли на изучение достижений в физических и био-

логических науках. Как можно писать научную фантастику, не поспевая за открытиями в этих областях? Эти изыскания были предприняты для двух статей в Комптоновский ежегодник «Британники»: «Дирак, антивещество и вы» и «У вас редкая кровь».

Новое тяжелое заболевание случилось в 1978-м. После выздоровления Роберт сел за свой компьютер и написал «Число Зверя». Кроме совсем незначительного количества пометок на редактируемой рукописи, его просили сократить 2000 слов (!) из примерно 200 000 общего объёма. Разумеется, это была совсем простая задача.

Затем последовала «Расширенная Вселенная», изданная по инициативе Джеймса Бейна[231]. К нашему удивлению, эта книга вызвала гораздо больше почты, чем любая другая книга, которую Роберт когда-либо писал. В течение двух лет я была привязана к компьютеру, отвечая на письма фэнов, которые вызвала её публикация.

В 1981 году, в возрасте семидесяти четырёх лет, Роберт решил, что он больше не будет выполнять ни одной из тех специальных маленьких

---

[231] Примечания: 231

Джеймс Бейн (James Baen, 1943–2006) — американский редактор и издатель НФ. С 1983 года — владелец собственного издательства «Baen Books».

обязанностей, которые влечёт за собой статус известного писателя: ни участвовать в читательских конференциях (даже по приглашению библиотекарей), ни выступать на съездах — его здоровье не допускало никакого напряжения. Он просто хотел писать книги, которые он хотел написать.

Так он написал «Пятницу», потом «Иова», «Кота, который проходит сквозь стены» и свою заключительную книгу, «Уплыть за закат». Каждая из этих книг отличалась от всего, что он делал раньше, и немного показывала новые методы, которые он изобретал.

«Уплыть…» было издано к 80-му дню рождения Роберта, в 1987-м, по специальной договоренности с его издателем. Единственное, что Роберт написал после этой книги, было предисловие для романа Теда Старджона «Godbody». Пока шли переговоры по контракту на «Уплыть…», Роберт слёг с тем, что должно было стать его последней болезнью. Почти два года он дрейфовал между болезнью и слабым здоровьем, но в конце концов уступил смерти 8 мая 1988 года.

Приложения

Приложение А. Сокращения в «Красной планете»

Алиса Далглиш, редактор «Scribner», возражала против всего, что могло быть интерпретировано как носитель неких сексуальных коннотаций, а также против использования оружия молодежью и некоторых других вещей. В результате Хайнлайн был вынужден сделать множество сокращений в первоначальном тексте рукописи. Некоторые из них приведены здесь. Главы и номера абзацев приведены по первому изданию «Красной планеты».

Между главой II, абзацем 13, и главой II, серединой абзаца 23:

Младшее поколение двинулось всей толпой прочь. Филлис сказала:

— Вынь обойму из твоего пистолета, Джимми, и дай мне с ним потренироваться.

— Ты слишком мала для пистолета.

— Фу! Я стреляю лучше тебя.

Это было очень близко к истине и совершенно необъяснимо: Филлис была двумя годами моложе Джима и к тому же женского пола.

— Девчонкам только по мишеням стрелять. Если бы ты увидела водянщика, то завизжала бы от страха.

— Кто, я? Хорошо, давай сходим на охоту, ставлю два кредита, что я первая кого-нибудь подстрелю.

— У тебя нет двух кредитов.

— Нет, есть!

— Тогда почему ты вчера не одолжила мне полкредита?

Филлис сменила тему. Джим положил пистолет в свой шкафчик и запер его. Некоторое время спустя они вернулись в гостиную и увидели, что отец вернулся домой и ужин готов.

Филлис дождалась паузы в разговоре взрослых и сказала:

— Папа?

— Да, Падди, в чём дело?

— Разве мне не пора иметь свой собственный пистолет?

— Что? Нет, это произойдёт ещё не скоро. А пока продолжай как следует тренироваться на мишенях.

— Но послушай, папа, — Джим уезжает, и это означает, что Олли не сможет выйти погулять, если у тебя или у мамы не найдётся для этого

времени. Если бы у меня был пистолет, я могла бы с этим помочь.

Мистер Марлоу наморщил лоб.

— Звучит убедительно. Ты прошла все тесты, не так ли?

— Ты же знаешь, что прошла!

— Что скажешь, дорогая? Отвезём Филлис в мэрию и посмотрим, выдадут ли они ей лицензию?

Прежде чем миссис Марлоу смогла ответить, доктор Макрей что-то пробормотал в свою тарелку. Реплика была энергичной и, возможно, не слишком вежливой.

— А? Вы что-то сказали, Доктор?

— Я сказал, — ответил Макрей, — что собираюсь перебираться на другую планету. По крайней мере, это — то, что я имел в виду.

— Почему? Что случилось с этой? Ещё лет двадцать — и мы тут всё приведём в порядок, будет как новенькая. Вы сможете гулять снаружи без маски.

— Сэр, дело не в естественных ограничениях данного шарика, проблема в тех бесхребетных простофилях, которые им управляют. Эти смехотворные инструкции меня оскорбляют. То, что свободному гражданину приходится ломать шапку перед комитетом и вымаливать разрешение

на ношение оружия — это фантастика какая-то! Выдайте своей дочери оружие, сэр, и не обращайте внимания на мелких чиновников.

Отец Джима помешивал свой кофе.

— Есть такое искушение, — кивнул он. — Я действительно не понимаю, почему Компания сразу же установила такие правила.

— Чистое подражательство. В перенаселённых ульях там, на Земле, в ходу подобные детские правила. Жирные клерки, которые решают эти вопросы, не могут вообразить никаких иных условий жизни. Но у нас здесь — сообщество Фронтира, оно должно быть свободным от подобных вещей.

— Мммм… Наверное, вы правы, Доктор. Мне нечего вам возразить, но я настолько занят, пытаясь продолжить мою работу, что у меня действительно нет времени, чтобы озаботиться политикой. Проще подчиниться, чем бороться за прецедент.

Отец Джима повернулся к жене:

— Если не возражаешь, дорогая, ты не могла бы найти время, чтобы получить лицензию для Филлис?

— Ну да, — ответила она с сомнением, — если ты действительно считаешь, что она достаточно

взрослая.

Доктор пробормотал скороговоркой что-то наподобие «Danegeld»[232] и «Бостонское чаепитие»[233], не переводя дыхания.

Филлис ответила:

— Конечно, я достаточно взрослая, мама. Я стреляю лучше, чем Джимми.

— Да ты рехнулась как жук-вертячка! — возмущённо воскликнул Джим.

— Следи за своими манерами, Джим, — предостерёг его отец. — Мы так не разговариваем с леди.

— А она разговаривает как леди? Пожалуйста, Па!

— Ты обязан вести себя так, будто она — леди. И оставим это. Что вы сказали, Доктор?

— А? Уверен, ничего такого, что мне стоило бы повторять.

Между главой VIII, абзацем 29, и главой VIII, абзацем 33:

— Конечно.

---

[232] Примечания: 232

«*Датские деньги*» — в Англии в XII в. налог, взимаемый для выплаты дани скандинавским грабителям.

[233] Примечания: 233

В 1773 г. акция протеста против беспошлинного ввоза английских товаров в американскую колонию.

Джим поднялся. При этом он разбудил Виллиса, который выдвинул свои глазки, оценил ситуацию и поприветствовал их. Джим подобрал его, почесал ему макушку и спросил:

— Во сколько же ты заявился, бродяга? — а потом вдруг добавил: — Эй!

— Что «Эй»? — спросил Фрэнк.

— Ну, посмотри на это! — Джим показал на груду скомканного шёлка.

Фрэнк встал и присоединился к нему.

— На что смотреть? О…

В ямке, где отдыхал Виллис, лежала дюжина маленьких, белых сфероидов, похожих на мячики для гольфа.

— Как ты думаешь, что это? — спросил Джим.

Франк внимательно их изучил.

— Джим, — сказал он медленно, — я думаю, что тебе придётся просто с этим смириться. Виллис не мальчик, он — она.

— Что? О нет!

— Виллис — хороший мальчик, — упрямым голосом сказал Виллис.

— Сам посуди, — продолжал говорить Фрэнк. — Вот это — яйца. Если их отложил не Виллис, тогда это сделал ты.

Джим с недоумением смотрел на яйца, затем

повернулся к Виллису:

— Виллис, ты отложил эти яйца? Это ты сделал?

— Яйца? — переспросил Виллис. — Что сказал мальчик Джим?

Джим посадил его рядом с гнездом и ткнул пальцем.

— Ты их отложил?

Виллис посмотрел на яйца, потом, фигурально выражаясь, пожал плечами, дал понять, что умывает руки, и поковылял прочь. Его манеры, казалось, говорили, что, если Джиму хочется поднимать шум по поводу нескольких яиц или чего-то ещё, что можно случайно обнаружить в постели, ну, в общем, это личное дело Джима, Виллис не желает в этом участвовать.

— Ты от него ничего не добьёшься, — прокомментировал Фрэнк. — Я надеюсь, ты понимаешь, что теперь ты стал дедушкой или типа того.

— Не смешно!

— Ладно, забудь про яйца. Когда мы будем есть? Я умираю от голода.

Джим бросил на яйца осуждающий взгляд и занялся продовольствием. Когда они ели, вошел Гекко. Они обменялись серьёзными приветствиями, после чего марсианин, похоже, начал

устраиваться для очередного длительного периода молчаливого общения — и тут он заметил яйца.

Ни один из мальчиков никогда прежде не видел ни спешащего марсианина, ни проявляющего любые признаки волнения. Гекко испустил утробный звук и тут же вышел из комнаты. Он вскоре вернулся в сопровождении целой толпы марсиан, так что они едва смогли набиться в комнату. Все они говорили одновременно и не обращали внимания на мальчиков.

— Что там творится? — спросил Фрэнк, поскольку его оттеснили к стене и он ничего не видел сквозь чащу ног.

— Да чёрт его знает.

Через некоторое время они немного успокоились. Один из больших марсиан с преувеличенной осторожностью собрал яйца, прижимая их к груди. Другой подобрал Виллиса, и они всей толпой покинули комнату.

Джим нерешительно переминался в дверях и смотрел, как они исчезают.

Вместо текста между главой XIII, абзацем 6, и главой XIII, абзац 17:

— Конечно, конечно, — согласился Макрей, — но, говоря непрофессионально, я бы предпочёл

увидеть мерзкого ублюдка на виселице. Паранойя — это расстройство, которое проявляется только у обладателей принципиально скверного характера.

— Ну уж, доктор, — возразил Ролингс.

— Таково мое мнение, — настаивал Макрей, — и я видел массу подобных случаев, как в больницах, так и за их пределами.

Вставка к главе XIV, абзац 49:

На Марсе всё потрясает. Вот ещё одна вещь: мы никак не могли найти на этой планете ничего похожего на секс, различные виды специфической конъюгации[234] — да, но никакого секса. Мне кажется, что мы его пропустили. Я думаю, что личинки марсиан, попрыгунчики, являются женскими особями; а взрослые марсиане — мужскими. Они меняются. Разумеется, я использую эти термины условно, за неимением лучшего. Но если моя теория верна…

После текущего окончания:

Джим воспринял новость спокойно. Он выслушал сильно откорректированное объяснение Макрея и кивнул.

---

[234] Примечания: 234
конъюгация — слияние клеток для размножения.

— Я думаю, что если Виллис захочет зимовать, что ж, так тому и быть. Когда они придут за ним, я не буду устраивать сцен. Это не Хоу и Бичер, которые не имели права его куда-то уносить.

— Это правильный подход, сынок. Ему лучше быть с марсианами, потому что они знают, как позаботиться о нём, когда ему это потребуется. Ты сам это видел, когда вы были у них.

— Да, вот ещё что, — добавил Джим, — я смогу его навещать?

— Он тебя не почувствует. Он будет спать.

— Но послушайте, когда он проснётся, он меня узнает?

Макрей нахмурился. Тот же самый вопрос он задал Древнему.

— Да, — ответил он, ни на дюйм не погрешив против истины, — он полностью сохранит всю свою память.

Он не стал сообщать Джиму остальную часть ответа Древнего — о том, что переходный период будет длиться больше сорока земных лет.

— Ну, это тоже не так уж плохо. Я буду ужасно занят в школе, во всяком случае, прямо сейчас.

— Вот это верно!

Джим отыскал Фрэнка, и они пошли в их старую комнату, сейчас свободную от женского

персонала. Джим баюкал Виллиса в своих руках и рассказывал Фрэнку о том, что говорил доктор. Виллис слушал, но смысл разговора, по всей видимости, ускользал от маленького марсианина: Виллис не сделал ни одного комментария.

Некоторое время спустя Виллису прискучило слушать разговоры, и он запел. Его выбор пал на последнее, что Виллис услышал, танго, которое Фрэнк ставил Джиму: «¿Quien es la Senorita?» [235]

Когда песня закончилась, Фрэнк сказал:

— Ты знаешь, Виллис точно похож на девочку, когда он поет это.

Джим захихикал.

— Quien es la Senorita, Виллис?

Виллису удалось выглядеть возмущённым.

— Виллис — хороший мальчик! — настаивала она.

---

[235] Примечания: 235

«¿Quien es la Senorita?» (*исп.*) — «Кто эта девушка?»

Приложение B. Постлюдия к «Марсианке Подкейн» – оригинальная версия

[Редактор в «Putnat» был недоволен оригинальной концовкой Хайнлайна «Марсианки Подкейн». Поэтому Хайнлайн внёс некоторые изменения, чтобы удовлетворить его требованиям. В опубликованной версии Подкейн выживает; в оригинале Хайнлайна этого не произошло.]

POSTLUDE

Похоже, закончить это должен я.

Я ещё раз объяснил, что мы собираемся делать, и моя сестра тут же уснула. Я растянулся на полу, но сон не шёл. Я беспокойный, не то что она. Я пересмотрел мои планы, пытаясь сделать их более надёжными. Потом я уснул.

У меня хорошие внутренние часы, и я проснулся как раз в то самое время, какое запланировал, за час до рассвета. Немного позже — и слишком велик шанс, что ДжоДжо уже на свободе, немного раньше — и будет слишком темно. А джунгли Венеры опасны, даже когда вы видите хорошо; я не хотел бы, чтобы Подди вступила во что-ни-

будь липкое или наступила на что-нибудь, что повернется и откусит ее ногу. Или чтобы это случилось со мной.

Мы должны были либо рискнуть в джунглях, либо остаться и позволить старой мерзавке убить нас, когда ей будет удобно. В первом случае у нас были хорошие шансы выжить, в последнем всё было очень однозначно, хотя мне пришлось ужасно долго убеждать Подди, что миссис Грю убьёт нас. Это самый главный недостаток Подди, по-настоящему слабое место в её голове, во всём остальном она не слишком глупа — но она никак не может понять, что некоторые действительно такие плохие, какими кажутся. Зло. Подди никогда не понимала зла. Озорство, непослушание — вот предел её воображения.

Но я понимаю зло, я вполне могу поставить себя на место таких, как миссис Грю, и понять, как она думает.

Возможно, из этого вы сделаете вывод, что я сам полон зла, или хотя бы отчасти. Ладно, ну и что дальше? Да какая разница! Главное, я раскусил миссис Грю прежде, чем мы сошли с «Трезубца»… когда Подди (и даже Герди!) души не чаяли в этой корове.

Я не доверяю человеку, который смеётся, когда

нет причины для смеха. Или всегда добродушен, что бы ни случилось. Если всё так замечательно, то это притворство, фальшь. Поэтому я стал за ней наблюдать… и понял, что она мухлюет не только в пасьянсе.

Так что, выбирая между джунглями и миссис Грю, для себя и своей сестры я предпочёл джунгли.

Правда, ещё могло получиться так, что аэрокар был бы здесь, и тогда мы могли бы угнать его. Но это было бы сомнительным везением, поскольку означало, что нам придётся справиться с двоими, причём они будут вооружены, а мы нет. (Бомбу я за оружие не считаю, её не приставишь к голове.)

Прежде, чем я разбудил Подди, я разобрался с крылатой псевдочеловекообразной обезьяной, то бишь «феей». Злобная маленькая тварь. У меня не было оружия. Но я об этом и не жалел: они знают, что такое оружие, и сразу нападают, а на лету в них трудно попасть.

Зато в запасных ботинках у меня были стальные супинаторы, запасная одежда была перетянута резинками, а в карманах — много эластичной ленты и несколько двухсантиметровых стальных шариков из подшипника.

Добавьте две барашковые гайки, и длинные части супинаторов превращаются в стальную вилку. Добавьте резинки, и вот вам рогатка. И не смейтесь над рогаткой; многие песчаные крысы добывают себе пропитание исключительно с помощью рогаток. Они бесшумны, а боеприпасы обычно возвращаются обратно.

Я прицелился, взяв превышение почти втрое больше, чем дома, учтя здешнюю силу тяжести, и попал ей прямо в грудь, сбив её с насеста. Я раздавил ей череп каблуком и провернул его, чтобы отомстить за прокушенную руку Подди. Детёныш начал скулить, так что я пнул тело в угол, с глаз долой, а детёныша положил сверху. Он заткнулся. Я позаботился обо всём этом прежде, чем разбудил Подди, потому что помнил её сентиментальные фантазии насчёт этих «фей» и не хотел, чтобы она нервничала и хватала меня за руку. Поэтому всё было сделано чисто и быстро.

Она все ещё храпела, поэтому я скинул ботинки и провёл быструю разведку.

Всё было не очень хорошо — наша местная ведьма уже встала и потянулась за своей метлой, через несколько минут она выпустит ДжоДжо, если уже не сделала этого. Мне не удалось увидеть, стоит ли снаружи аэрокар, зато удалось не

попасться. Я поспешил назад и разбудил Подди.

— Под! — прошептал я. — Ты проснулась?

— Да.

— Совсем проснулась? Ты должна начать прямо сейчас. Давай, громко и убедительно.

— Принято.

— Помоги мне взобраться на насест. Твоя больная рука выдержит?

Она кивнула, быстро выскользнула из постели и заняла позицию у двери, подставив руки. Я уперся в её ладони, подпрыгнул, встал ей на плечи, зафиксировался, она ухватила меня за голени, я отпустил её руки — и оказался на насесте над дверью. Я просигналил ей рукой.

Подди выскочила за дверь и завопила: «Миссис Грю! МИССИС ГРЮ! Помогите! Помогите! Мой брат!» У неё действительно вышло убедительно.

Она вбежала в комнату, едва опередив миссис Грю, которая, пыхтя, ввалилась следом за ней.

Я спрыгнул на плечи старухи, свалил её на пол и выбил пистолет из её руки. Я свернул ей шею прежде, чем она смогла отдышаться.

Подди оказалась на высоте, надо отдать ей должное. Пистолет оказался у неё прежде, чем успел откатиться в сторону. Теперь она сжимала его в руках с одурелым видом.

Я осторожно отобрал у неё оружие.

— Захвати свою сумочку. Мы уходим, прямо сейчас! Держись сразу за мной.

ДжоДжо был на свободе, я справился с ним без лишних слов. Он стоял в гостиной и озирался, видимо, пытался понять, отчего такой шум. Я пристрелил его.

Потом я искал аэромобиль, держа пистолет наготове на случай встречи с водителем. Никаких следов ни того, ни другого — и я не знал, радоваться по этому поводу или плакать. Я уже настроился застрелить его, но, возможно, он выстрелил бы в меня первым. Жаль, машина была бы очень кстати по сравнению с походом через джунгли.

В этот момент я был почти готов отказаться от прежнего плана, и, возможно, мне стоило бы это сделать. Я имею в виду, держаться вместе и идти прямо на север до кольцевой дороги.

Всё решил пистолет. С ним Подди могла защитить себя — а я мог просто внимательней смотреть, куда я ставлю ноги. Я вручил ей оружие и велел двигаться медленно и осторожно, пока не рассветёт — но не останавливаться!

Она повертела пистолет в руках.

— Но, брат, я же никогда ни в кого не стреляла!

— Ну, ты же сможешь, если понадобится.

— Я думаю, да.

— Ничего особенного. Просто направь его куда надо и жми на кнопку. Лучше держи обеими руками. И не стреляй попусту.

— Хорошо.

Я шлёпнул её и сказал.

— Давай, вперёд. Увидимся позже.

И сам двинулся в путь. Я оглянулся один раз, но она уже скрылась в тумане. На всякий случай я отошёл на небольшое расстояние от дома, а затем сконцентрировался на том, чтобы держать направление примерно на запад.

И я заблудился. Вот и всё. Мне нужен был курсограф, но я полагал, что смогу обойтись без него, а Под он был необходим. Я безнадёжно заблудился. Не было ветерка, который можно бы было ощутить, послюнив палец, а провернуть трюк с поляризованным светом, чтобы отыскать Солнце, гораздо труднее, чем вам кажется. Час назад я должен был достичь кольцевой дороги, а я всё ещё блуждал среди трясины и открытой воды и старался не попасть кому-нибудь на обед.

И внезапно свет стал невообразимо ярок, и я упал ничком и лежал, прикрыв глаза рукой и ведя отсчёт.

Я вообще не пострадал. Взрывная волна окатила

меня грязью, и грохот был довольно неприятный, но я оказался далеко от реальных неприятностей. Полчаса спустя меня подобрала полицейская машина.

Конечно, я должен был обезвредить ту бомбу. Я так и собирался поступить, если всё пойдёт хорошо; она и предназначена-то была только для того, чтобы исполнить трюк типа «Самсон в Храме», если всё пойдёт плохо. Последнее средство.

Возможно, я должен был задержаться, чтобы обезвредить её, как только свернул шею старухе Грю — но тогда нас мог поймать ДжоДжо, всё ещё под кайфом от счастливой пыли. Как бы то ни было, я этого не сделал, а потом я был очень занят, стреляя в ДжоДжо, решая, что делать дальше, объясняя Подди, как пользоваться пистолетом, и отправляя её в путь. Я не думал о бомбе, пока не оказался в нескольких сотнях метров от дома — и я, конечно же, не захотел возвращаться, даже если бы мог отыскать его в тумане, что сомнительно.

Но, очевидно, Подди сделала именно это. Вернулась в дом, я имею в виду. Её нашли позже в тот же день, приблизительно в километре от дома, за пределами зоны полных разрушений — но её зацепило взрывом.

С живым детёнышем феи в руках — её тело защитило его; он, кажется, вообще не пострадал.

Вот почему я думаю, что она возвращалась в дом. Я не уверен, что это тот самый детёныш, которого она назвала «Ариэлем». Может, она подобрала другого в джунглях.

Но это кажется маловероятным, дикий бы её исцарапал, а его родители разорвали бы её на части.

Я думаю, она сразу собиралась спасти этого детёныша и решила мне об этом не говорить. Очередной её сентиментальный заскок. Она знала, что я буду вынужден убить взрослую — и она ни словом не возразила. Под могла вести себя разумно, когда это было абсолютно необходимо.

Тогда, взволнованная нашим освобождением, она позабыла взять его с собой, так же как я забыл обезвредить бомбу после того, как она нам была больше не нужна. Поэтому она вернулась за ним.

И потеряла курсограф, так или иначе. По крайней мере его не нашли на ней или около неё. Ей пришлось нести пистолет, сумочку, детёныша феи и курсограф. Возможно, она уронила его в болото. Должно быть, так и было, потому что у неё было достаточно времени, чтобы вернуть-

ся в дом и успеть убраться от него подальше. К этому времени она должна была уже оказаться километрах в десяти, так что должно быть, она очень быстро потеряла курсограф и потом только ходила по кругу.

Я рассказал обо всём дяде Тому и готов был повторить людям Корпорации, м-ру Куне и так далее, а потом понести своё наказание. Но дядя велел мне держать рот на замке. Он согласился с тем, что я заслужил наказание и что я действительно крупно облажался — впрочем, как и он сам, да и все остальные. Он был мягок со мной. Жаль, что он не ударил меня.

Мне жаль, что так получилось с Подди. Временами она доставала меня своими попытками командовать и своими нелогичными идеями — но все равно мне жаль её.

Жаль, что я не умею плакать.

Её маленький диктофон лежал в сумочке, часть записи удалось восстановить. Хотя в ней не много смысла: она не рассказывает, что делает, а просто что-то бормочет, типа:

«…там, куда я иду, очень темно. Люди — не острова, которые сами по себе. Помни об этом, Кларки. Ох, мне так жаль, что я всё испортила, но помни об этом, это важно. Их всех нужно

иногда обнимать. Моё плечо — Святой Подкейн! Святой Подкейн, ты слышишь? Дядя Том, мама, папа — кто-нибудь меня слышит? Пожалуйста, слушайте, пожалуйста, потому что это важно. Я люблю…»

На этом всё обрывается. Так что мы не знаем, кого она любила.

Может быть, всех.

М-р Куна заставил их задержать «Трезубец», и теперь мы с дядей Томом снова летим. Детёныш феи всё ещё жив, и доктор Торланд говорит, что у него нет лучевой болезни. Я называю его «Ариэль» и, видимо, буду ухаживать за ним долгое время; говорят, феи живут столько же, сколько мы. Он хорошо привыкает к жизни на корабле, но иногда ему становится одиноко и приходится его брать на руки и обнимать, чтобы он не плакал.

Приложение С. Хайнлайн ретроспектива 6 октября 1988

30 октября 1988 года. Отчёт о поездке

6 октября 1988 года я, от имени Роберта, получила от НАСА Distinguished Public Service Medal[236], тем же вечером был дан небольшой званый обед. На церемонии присутствовали около 700 человек, вручал медаль доктор Ноэль Хиннерс, помощник заместителя руководителя (организации) НАСА.

Описание почётных наград НАСА и критерии их присуждения: «Медаль НАСА за выдающиеся заслуги в общественной деятельности (DPSM) присуждается любому лицу, которое не является сотрудником Федерального правительства или не являлось сотрудником в течение периода, в котором проявило свои заслуги. Награда присуждается только лицам, чьи усилия привели к результатам, которые существенно улучшили, ускорили или упростили административные процедуры, научный прогресс, методы работы, технологии производства или кадровую политику, способствовали информированию об-

[236] Примечания: 236
Медаль за выдающиеся заслуги в общественной деятельности.

щественности, а также иные усилия, связанные с выполнением миссии НАСА».

Само представление к награждению:

Национальное управление по аэронавтике и исследованию космического пространства награждает

РОБЕРТА ЭНСОНА ХАЙНЛАЙНА
МЕДАЛЬЮ НАСА ЗА ВЫДАЮЩИЕСЯ ЗАСЛУГИ
В ОБЩЕСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В знак признания его особых заслуг перед нацией и человечеством в пропаганде и содействии космическим исследованиям. Десятками великолепно написанных романов и эссе, своим эпохальным фильмом «Место назначения – Луна» он помог вдохновить нацию сделать свой первый шаг в космическое пространство и на Луну. Даже после его смерти его книги живут как символ человеческой целеустремлённости и предвидения, свидетельство о человеке, посвятившего себя тому, чтобы вдохновлять других мечтать, пробовать и добиваться.

Подписано и скреплено печатью в Ва-

шингтоне, округ Колумбия сего дня в шестой день октября

Одна тысяча девятьсот восемьдесят восьмой.

Подписано: Джеймс Ч. Флетчер
Руководитель НАСА.

Саму медаль можно описать как земной шар в обрамлении солнечных лучей, на ленте с широкой центральной полосой цвета морской волны, с двумя более светлыми синими полосами по сторонам, и золотыми полосками посредине светло-синих полос. Есть два украшения в петлицу, которые носят в гражданском платье, одно — копия медали, другая — тёмно-синий значок с золотыми и светло-голубыми солнечными лучами на этом фоне. (Я видела, что кавалеры Croix de Guerre[237] носят такие украшения для петлиц на лацканах пиджака.)

Поблагодарив доктора Хиннерса за честь, я использовала кредо Роберта «В это я верю» для своей речи. Я пыталась написать свою речь, затем вспомнила эту речь Роберта и подумала, что она будет соответствовать такому случаю. Поэтому

[237] Примечания: 237
Croix de Guerre — Военный Крест, медаль за военные заслуги Французской республики.

я послала запись Уорду Ботсфорду в Нью-Йорк, и он переписал её на плёнку для меня. Её расшифровка приведена ниже. (Уорд сказал мне, что мне повезло, что я не пыталась сама записать её на плёнку, поскольку это, возможно, разрушило бы последнюю из оставшихся копий.)

Я рассказала собравшимся, как появился данный текст, и что он, по моему мнению, соответствует этому случаю, и что я проконсультировалась у нескольких человек, и все они сказали: «Действуй. Это будет прекрасно».

В ЭТО Я ВЕРЮ

Я собираюсь говорить не о религиозных верованиях, но о делах, настолько очевидных, что их упоминание вышло из моды. Я верю в моих соседей. Я знаю их недостатки, и я знаю, что их достоинства далеко перевешивают их недостатки.

Возьмите Отца Майкла, он живёт немного дальше по дороге. У меня другая вера, но я знаю, что его повседневный труд пронизан добротой, заботой о ближнем и милосердием. Я верю в Отца Майкла. Если я попаду в беду, я пойду к нему.

Мой сосед – ветеринарный врач. После

тяжелого рабочего дня Док подымется с постели, чтобы помочь беспризорному коту. Бесплатно – без какой-либо перспективы оплаты – я верю в нашего Дока.

Я верю в жителей нашего города. Здесь вы можете постучать в любую дверь и сказать: «Я голоден» – и вас накормят. Наш город вовсе не исключение. Я видел такую же готовность к милосердию повсюду. А на одного, кто скажет: «Пошёл к чёрту – с меня довольно!» найдутся сотни, тысячи тех, кто скажет: «Конечно, приятель, садись».

Я знаю, что, несмотря на все предостережения против случайных попутчиков, я могу выйти на шоссе, поднять большой палец, и через несколько минут остановится автомобиль или грузовик, и кто-то скажет: «Лезь сюда, парень – далеко собрался?»

Я верю в моих сограждан. Заголовки наших газет кричат о преступлениях, и всё же на одного уголовника найдётся 10 000 честных, порядочных, доброжелательных людей. Если бы это было не так, ни один ребёнок не дожил бы до совершен-

нолетия. Бизнес не смог бы развиваться день ото дня. Порядочность не новость. Она похоронена в некрологах, но она – сила, более сильная, чем преступление. Я верю в терпеливую обходительность медсестёр и кропотливое самопожертвование преподавателей. Я верю в невидимую и нескончаемую борьбу против неодолимых трудностей, которая тихо ведётся почти в каждом доме на земле.

Я верю в честное ремесло рабочих. Оглянитесь вокруг себя. Никаких начальников не хватило бы, чтобы проконтролировать всю эту работу. От Зала Независимости до Дамбы Гранд-Кули, все эти вещи были построены прямыми и честными мастерами, которые были честны до мозга костей.

Я полагаю, что честны почти все политики… есть сотни политиков, которым платят мало или не платят вообще, которые, не рассчитывая на благодарность или славу, полностью выкладываются для того, чтобы наша система работала. Если бы всё было не так, у нас никогда бы не было ничего, кроме тринадцати

колоний.

Я верю в Роджера Янга. Вы и я свободны сегодня благодаря бесчисленным безымянным героям от Вэлью Форж до реки Ялу. Я верю в Соединённые Штаты и горжусь тем, что принадлежу им. Несмотря на разные недостатки, от линчеваний до вероломства в высших эшелонах власти, наша нация имела самые пристойные и самые доброжелательные методы внутренней и внешней политики, какие только можно найти когда-либо в истории.

И наконец, я верю во всю мою расу. Жёлтых, белых, чёрных, красных, коричневых. В честность, храбрость, интеллект, стойкость и совершенство подавляющего большинства моих братьев и сестёр всюду на этой планете. Я горжусь тем, что я человек. Я думаю, что нам повезло, что мы добрались так далеко, что мы всегда добивались этого только чудом, но я верю, что мы снова и снова будем это делать. Выживать. Выдерживать. Я верю, что этот голый эмбрион с больной, непомерной черепной коробкой и противостоящим большим пальцем, что это

животное, только-только ушедшее от обезьяны, выдержит. Выдержит дольше, чем его родная планета – распространится к звёздам и за их пределы, неся с собой свою честность и ненасытное любопытство, свою безграничную отвагу и своё врождённое благородство.

В это я верю всем своим сердцем.

Речь Роберта получила овации. Я не принимаю их на свой счёт; это была его речь, его слова, его идеи. Были другие выступления. Джерри Пурнелл поделился некоторыми воспоминаниями о Роберте; Кэтрин и Л. Спрэг де Камп сделали то же самое. Том Клэнси рассказал, как учился писать на работах Роберта. Капитан Джон Макбрайд (астронавт) отдал должное Роберту за его ранние работы по космическим полётам; доктор Чарльз Шеффилд сказал, что Роберт был не американским автором, а британским… а Тетсу Яно, прибывший из Токио, рассказал о своей работе над переводом работ Роберта и в конце речи оплакал потерю Роберта.

Потом был показан «Место назначения — Луна».

Весь вечер (за исключением кинофильма) был

снят на видео, и я очень хотела бы получить копию. Говорили, что, если достаточное количество людей напишут просьбы, чтобы получить кассету в личное пользование, НАСА может согласиться их продавать.

Среди присутствующих был самый старый друг Роберта, контр-адмирал Кэл Ланинг. Контр-адмирал, миссис Дж. Гелбрайт и Вуди Тиг приехали из Колорадо-Спрингс. Позже все они (и ещё несколько человек) пришли в мой отель пропустить по рюмочке.

На следующий вечер Элеонор Вуд, Джим Бэйн и я собрались в новом доме Кондо в Колумбии, штат Мэриленд на вечеринку. Очень хорошая вечеринка, там было много старых друзей. На следующий день Элеонор и я поехали в Нью-Йорк, и я встретила ещё старых друзей, пригласила в воскресенье на обед Марго Фишер — кажется, ей теперь 87, и каждый раз, когда я вижу её, я думаю про себя: это может быть в последний раз.

Остальную часть уик-энда и нескольких дней следующей недели я провела в деревне с Элеонор и её детьми, горела всеми красками осень, и это было прекрасно.

Прибыла домой с огромным сдвигом часовых поясов, вытащила Пиксела из приюта, и теперь

мы угомонились до зимы. До сих пор ни одного дождя, но я надеюсь, что они придут — нам приходится экономить воду, и всё может стать гораздо хуже, если здесь не начнутся проливные дожди.

Библиография
(В порядке публикации)

БЕЛЛЕТРИСТИКА

«Life-Line» Astounding Science Fiction, август 1939. Переиздано в «The Man Who Sold The Moon», Baen Books.

«Misfit» Astounding Science Fiction, ноябрь 1939. Переиздано в «The Past Through Tomorrow», Ace Books.

«Requiem» Astounding Science Fiction, январь 1940. Переиздано в «The Past Through Tomorrow», Ace Books.

«If This Goes On…» Astounding Science Fiction, февраль, март 1940. Переиздано в «The Past Through Tomorrow», Ace Books.

«Let There Be Light» Super Science Stories, май, 1940 (под псевдонимом Lyle Monroe). Переиздано в «The Man Who Sold The Moon», Baen Books.

«The Roads Must Roll» Astounding Science Fiction, июнь 1940. Переиздано в «The Man Who Sold The Moon», Baen Books.

«Coventry» Astounding Science Fiction, июль 1940.

Переиздано в «The Past Through Tomorrow», Ace Books.

«Blowups Happen» Astounding Science Fiction, сентябрь 1940. Переиздано в «The Man Who Sold The Moon», Baen Books.

«The Devil Makes the Law» Unknown, сентябрь 1940 (под псевдонимом Anson MacDonald). Переиздано как «Magic, Inc.» в «Waldo And Magic Inc.», Del Rey Books.

«Sixth Column» Astounding Science Fiction, январь, февраль, март 1941 (под псевдонимом Anson MacDonald). Переиздано Baen Books.

«…And He Built a Crooked House…» Astounding Science Fiction, февраль 1941.

«Logic of Empire» Astounding Science Fiction, март 1941. Переиздано в «The Green Hills of Earth», Baen Books.

«Beyond Doubt» Astonishing Stories, апрель 1941 (под псевдонимом Lyle Monroe and Elma Wentz).

«They» Unknown, апрель 1941.

«Universe» Astounding Science Fiction, май 1941. Переиздано в «Orphans Of The Sky», Ace Books.

«Solution Unsatisfactory» Astounding Science Fiction, май 1941 (под псевдонимом Anson MacDonald). Переиздано в «Expanded Universe», Ace Books.

«…We Also Walk Dogs» Astounding Science Fiction, июль 1941 (под псевдонимом Anson MacDonald). Переиздано в «The Past Through Tomorrow», Ace Books.

«Methuselah's Children» Astounding Science Fiction, июль, август, сентябрь, 1941.

«Elsewhere» («Elsewhen»), Astounding Science Fiction, сентябрь 1941 (под псевдонимом Caleb Saunders). Переиздано в «Assignment In Eternity», Baen Books.

«By His Bootstraps» Astounding Science Fiction, октябрь 1941 (под псевдонимом Anson MacDonald). Переиздано в «The Menace From Earth», Baen Books.

«Common Sense» Astounding Science Fiction, октябрь 1941. Переиздано в «Orphans Of The Sky», Ace Books.

«Lost Legion» («Lost Legacy»), Super Science Stories, Ноябрь 1941 (под псевдонимом Lyle Monroe). Переиздано в «Assignment In Eternity», Baen Books.

«My Object All Sublime» Future, февраль 1942.

«Goldfish Bowl» Astounding Science Fiction, март 1942 (под псевдонимом Anson MacDonald). Переиздано в «The Menace From Earth», Baen Books.

«Pied Piper» Astonishing Stories, март 1942 (под псевдонимом Lyle Monroe).

«Beyond This Horizon», Astounding Science Fiction, апрель, май 1942 (под псевдонимом Anson MacDonald). Переиздано New American Library.

«Waldo» Astounding Science Fiction, август 1942 (под псевдонимом Anson MacDonald). Переиздано в «Waldo And Magic Inc.», Del Rey Books.

«The Unpleasant Profession of Jonathan Hoag» Unknown Worlds, октябрь 1942 (под псевдонимом John Riverside).

«The Green Hills of Earth» Saturday Evening Post, февраль 8, 1947. Переиздано в «The Green Hills Of Earth», Baen Books.

«Space Jockey» Saturday Evening Post, апрель 26, 1947. Переиздано в «The Past Through Tomorrow», Ace Books.

«Columbus Was a Dope» Startling Stories, май 1947 (под псевдонимом Lyle Monroe). Переиздано в «The Menace From Earth», Baen Books.

«They Do It With Mirrors» Popular Detective, май 1947 (под псевдонимом Simon York). Переиздано в «Expanded Universe», Ace Books.

«It's Great To Be Back!» Saturday Evening Post, июль 26, 1947. Переиздано в «The Past Through Tomorrow», Ace Books.

«Jerry Is a Man» («Jerry Was a Man»), Thrilling Wonder Stories, октябрь 1947. Переиздано в

«Assignment In Eternity», Baen Books.

«Water Is for Washing» Argosy, Ноябрь 1947. Переиздано в «The Menace From Earth», Baen Books.

«Rocket Ship Galileo», Scribner's, 1947. Переиздано Del Rey Books.

«The Black Pits of Luna» Saturday Evening Post, январь 10, 1948. Переиздано в «The Green Hills Of Earth», Baen Books.

«Gentlemen, Be Seated!» Argosy, май 1948. Переиздано в «The Green Hills Of Earth», Baen Books.

«Ordeal in Space» Town and Country, май 1948. Переиздано в «The Green Hills of Earth», Baen Books.

«Beyond This Horizon» (исправленный вариант), Fantasy Press, 1948. Переиздано New American Library.

«Space Cadet», Scribner's, 1948. Переиздано Del Rey Books.

«Our Fair City» Weird Tales, январь 1949.

«Nothing Ever Happens on the Moon» Boys' Life, апрель, май 1949. Переиздано в «Expanded Universe», Ace Books.

«Poor Daddy» Calling All Girls, 1949.

«Gulf» Astounding Science Fiction, ноябрь, декабрь 1949. Переиздано в «Assignment In Eternity», Baen Books.

«Delilah and the Space Rigger» Blue Book, декабрь

1949. Переиздано в «The Past Through Tomorrow», Ace Books.

«The Long Watch» American Legion Magazine, декабрь 1949. Переиздано в «The Green Hills Of Earth», Baen Books.

«Red Planet», Scribner's, 1949. Переиздано Del Rey Books.

«Cliff and the Calories» Senior Prom, август 1950.

«Farmer In The Sky», впервые как журнальный вариант «Satellite Scout» в Boys' Life, август, сентябрь, октябрь, ноябрь 1950. Scribner's, 1950. Переиздано Del Rey Books.

«The Man Who Sold the Moon» (полностью), в «The Man Who Sold the Moon», Shasta, 1950. Переиздано Baen Books.

«Destination Moon» Short Stories Magazine, сентябрь 1950.

«Between Planets», журнальный вариант «Planets in Combat» в Blue Book, сентябрь, октябрь 1951. Scribner's, 1951. Переиздано Del Rey Books.

«The Puppet Masters», журнальный вариант в Galaxy Science Fiction, сентябрь, октябрь, Ноябрь 1951. Doubleday, 1951. Переиздано Del Rey Books.

«The Year of the Jackpot» Galaxy Science Fiction, март 1952. Переиздано в «The Menace From Earth», Baen Books.

«The Rolling Stones», журнальный вариант «Tramp Space Ship» в Boys' Life, сентябрь, октябрь, ноябрь, декабрь 1952. Scribner's, 1952. Переиздано Del Rey Books.

«Project Nightmare» Amazing Stories, апрель 1953. Переиздано в «The Menace From Earth», Baen Books.

«Skylift» Imagination, ноябрь 1953. Переиздано в «The Menace From Earth», Baen Books.

«Starman Jones», Scribner's, 1953. Переиздано Del Rey Books.

«The Star Beast», журнальный вариант «The Star Lummox» в Magazine of Fantasy and Science Fiction, май, июнь, июль 1954. Scribner's, 1954. Переиздано Del Rey Books.

«Tunnel In The Sky», Scribner's, 1955. Переиздано Del Rey Books.

«Double Star», журнальный вариант в Astounding Science Fiction, февраль, март, апрель 1956. Doubleday, 1956. Переиздано Del Rey Books.

«Time For The Stars», Scribner's, 1956. Переиздано Del Rey Books.

«The Door Into Summer», журнальный вариант в Magazine of Fantasy and Science Fiction, октябрь, ноябрь, декабрь 1956. Doubleday, 1957. Переиздано Del Rey Books.

«The Menace From Earth» Magazine of Fantasy and Science Fiction, август 1957. Переиздано в «The Menace From Earth», Baen Books.

«Citizen Of The Galaxy», журнальный вариант в Astounding Science Fiction, сентябрь, октябрь, ноябрь, декабрь 1957. Scribner's, 1957. Переиздано Del Rey Books.

«The Elephant Circuit» («The Man Who Traveled in Elephants»), Saturn, октябрь 1957.

«Tenderfoot in Space» Boys' Life, май, июнь, июль 1958.

«Have Space Suit — Will Travel», журнальный вариант в Magazine of Fantasy and Science Fiction, август, сентябрь, октябрь 1958. Scribner's, 1958. Переиздано Del Rey Books.

«All You Zombies...» Magazine of Fantasy and Science Fiction, март 1959.

«Methuselah's Children» (исправленный вариант), Gnome Press, 1958. Переиздано Baen Books.

«Starship Troopers», журнальный вариант «Starship Soldier» в Magazine of Fantasy and Science Fiction, октябрь, ноябрь 1959. Putnam, 1959. Переиздано Baen Books.

«Stranger In A Strange Land», Putnam, 1961. В твёрдой обложке, также переиздано, Ace Books.

«Searchlight» Scientific American, август 1962;

Fortune, сентябрь 1962. Переиздано в «The Past Through Tomorrow», Ace Books.

«Podkayne Of Mars», журнальный вариант в Worlds of If, ноябрь 1962, январь, март 1963. Putnam, 1963.

«Glory Road», журнальный вариант в Magazine of Fantasy and Science Fiction, июль, август, сентябрь 1963. Putnam 1963. Переиздано Ace Books.

«Farnham's Freehold», журнальный вариант в If, июль, август, октябрь 1964. Putnam, 1964. Переиздано Ace Books.

«The Moon Is A Harsh Mistress», журнальный вариант в If, декабрь 1965, январь, февраль, март, апрель 1966, Putnam, 1966. Переиздано Ace Books.

«Free Men» в «The Worlds of Robert A. Heinlein», Ace Books, 1966. Переиздано в «Expanded Universe», Ace Books.

«I Will Fear No Evil», журнальный вариант в Galaxy, июль, август, октябрь, декабрь 1970. Putnam, 1970. Переиздано Ace Books.

«Time Enough For Love», Putnam 1973. Переиздано Ace Books.

«No Bands Playing» Vertex: The Magazine of Science Fiction, декабрь 1973. Переиздано в «Expanded Universe», Ace Books.

«The Notebooks Of Lazarus Long», Putnam, 1978.

(Составлено из двух частей «Time Enough For Love»).

«The Number Of The Beast», Fawcett Columbine, 1980. Переиздано Ace Books.

«Expanded Universe», Ace Books, 1980. Переиздано Ace Books.

«A Bathroom of Her Own» «Expanded Universe», 1980. Переиздано Ace Books.

«On the Slopes of Vesuvius» «Expanded Universe», 1980. Переиздано Ace Books.

«Friday», Holt, Rinehart and Winston, 1982. Переиздано Del Rey Books.

«Job: A Comedy Of Justice», Del Rey Books, 1984. Переиздано Del Rey Books.

«The Cat Who Walks Through Walls», Putnam, 1985. Переиздано Ace Books.

«To Sail Beyond The Sunset», Putnam, 1987. Переиздано Ace Books.

РАЗНОЕ

(Эти два пункта выпадают из всех классификаций.)

«Tomorrow, The Stars», Doubleday, 1952. Это — антология, которая была кем-то составлена, а Роберт написал для неё предисловие.

«Destination Moon», Gregg Press, 1979, отредакти-

рована Дэвидом Г. Хартвеллом. Титульный лист утверждает, что его автор Роберт Э. Хайнлайн, с новым предисловием Дэвида Г. Хартвелла. Эта книга содержит повесть под названием «Destination Moon» и статью под названием «Съёмки Destination Moon», которая впервые появилась в «Astounding Science Fiction» в июле 1950 г. Кроме того, в ней множество фотоснимков из «DM» и фотокопий множества вырезок из газет и журналов.

ПУБЛИЦИСТИКА

«Discovery of the Future», речь Почетного гостя в Денвере, Колорадо, 1941. Мировой съезд научной фантастики. Напечатана в «Vertex», выпуск № 1.

«Man in the Moon» («Back of the Moon»), Elks Magazine, 1947.

«Flight Into the Future», Collier's, 30 августа 1947.

«On the Writing of Science Fiction», опубликовано в «Of Worlds Beyond», Fantasy Press, 1947.

«Baedecker of the Solar System», The Saturday Review of Literature, 24 декабря 1949. Обзор книги Бонстелла и Лея «Conquest of Space».

«Where To?», статья, Galaxy, февраль 1952.

«Shooting Destination Moon», Astounding Science Fiction, июль 1950.

Статья о письме, Writer's Digest, март 1950.

«This I Believe» радиообращение, написанное для цикла передач Эдварда Р. Меррроу с таким же названием. [Эфир 1 декабря 1952]

«Ray Guns and Rocket Ships», опубликовано в «Bulletin of the School Library Association of California», 1952.

«The Third Millennium Opens», Amazing Stories, апрель 1956.

«Science Fiction: Its Nature, Faults and Virtues», Advent Publishers, 1959.

«Who Are the Heirs of Patrick Henry?», опубликовано 12 апреля 1958, Colorado Springs Gazette Telegraph. А также в «Expanded Universe».

«Pravda» Means «Truth», American Mercury, октябрь 1960.

«Inside Intourist», опубликовано в «Expanded Universe».

«Appointment in Space», Popular Mechanics, 1963.

«The Happy Road to Science Fiction», McClurg's Book News, 1964.

«Science Fiction: The World of "What If?"», World Book, 1964.

Предисловие для «Beyond Jupiter», Челси Бонстелла и Артура Ч. Кларка, Viking Press, 1972.

Форрестоловская лекция, 1973, опубликована в

Analog, январь 1974.

«A United States Citizen Thinks About Canada», Canada and the World, апрель 1975.

«Dirac, Antimatter and You», ежегодник Compton, 1975.

«Are You a Rare Blood?», ежегодник Compton, 1976.

Свидетельские показания перед объединённой сессией, House Committee on Aging and House Committee on Science and Technology, 19 августа 1979, опубликовано в «Expanded Universe», 1980, под названием «Spinoff».

«Larger Than Life» написано для MosCon-I, опубликовано в «Expanded Universe», 1980.

Предисловие к роману Теда Старджона, «Godbody», Donald I. Fine, 1985.

Комментарии переводчика

Фредерик Пол в своей статье «The Wives (and Drives) of Robert Heinlein» сетовал:

> «…Роберт говорил о том, что разрешит посмертно обнародовать то, что он на самом деле думал по поводу разных вещей, то, о чём ему было некомфортно открыто говорить при жизни, и указал, что некоторые из его частных писем могут послужить источником для такой книги. И вот некая посмертная книга с таким названием действительно вышла, и она стала большим разочарованием. Кто-то – а это могла быть только Джинни – отмыл его лицо, пригладил его волосы и превратил всё, что Роберт хотел сказать, в нечто наподобие благодарственных писем для респектабельного английского чаепития. Я-то знаю, что Роберт писал намного более непристойные письма, чем любое из опубликованных, потому что сам получал одно или два. Но все непристойности были вырезаны. По правде говоря, то, что

осталось, довольно скучно и оказывает настоящему Хайнлайну очень плохую услугу. Во плоти он выглядел типичным ультраправым консерватором, чьи тексты были порой вульгарны, но в них было свободомыслие и неприятие догм…»

И в этом я полностью согласен с Полом. Но можно ли винить женщину, практически полностью посвятившую жизнь мужу, а позже — его книгам, в том, что она не исполнила однажды обронённые писателем слова? Её главной задачей было бережное отношение к его творческому наследию, сохранение репутации «Отца научной фантастики», и, естественно, идея дразнить гусей совсем не вписывалась в её планы. Всё-таки 73 года — не тот возраст, чтобы искать какие-то неприятности.

Надо сказать, что для 1989 года, когда она впервые вышла из печати, эта книга была совсем не плоха, она даже попадала в финал премии «Хьюго» в 1990-м, хотя получила только «Локус». С тех пор случилось многое, например, биография Паттерсона «In Dialogue With His Century» (2010) и трёхтомник переписки «The Heinlein Letters» (2011). На их фоне «Ворчание из могилы»

в качестве источника информации о Роберте Хайнлайне во многом, если не полностью, утратило ценность. Впрочем, оно осталось своеобразным памятником Вирджинии Хайнлайн, итогом её жизни, посвящённой мужу и писателю.

Вирджиния не только сократила отобранные письма (от многих остались один-два абзаца, а надо сказать, что Хайнлайн писал отменно длинные послания, на несколько листов), но и сделала довольно много вставок в их текст. В основном это были пропущенные слова и очень скупые справки об упоминаемых лицах и обстоятельствах. Большинство этих вставок в процессе перевода исчезли или превратились в полновесные комментарии. Оставшиеся помечены квадратными скобками.

РОБЕРТ Э. ХАЙНЛАЙН. КРАТКАЯ БИОГРАФИЯ, НАПИСАННАЯ ВИРДЖИНИЕЙ ХАЙНЛАЙН

Список кораблей

USS Lexington CV-2 — тяжёлый ударный авианосец класса «Лексингтон». Построен в 1925 году, считался самым мощным авианосцем периода 20–30-х. Моряки называли его «Леди Лекс». Во время атаки на Пёрл-Харбор находился близь

о. Мидуэй и избежал общей участи. Во время сражения в Коралловом море 8 мая 1942 года был уничтожен японской авиацией. Потери составили 200 человек из 3000 членов экипажа.

USS Roper DD-147 — эсминец класса «Викс». Построен в 1918 году. Во время Второй мировой войны сопровождал караваны судов. Прославился 14 апреля 1941 года, потопив первую немецкую подводную лодку у берегов США (при этом «Ропер» не оказал помощи спасавшимся немецким морякам, но никакого обвинения в адрес капитана не последовало). 25 мая 1945 года был атакован камикадзе и до конца войны находился в ремонте, а затем списан.

USS Oklahoma (BB-37) — линкор класса «Невада» ВМС США. Моряки называли его «Старый Оки». Хайнлайн ходил на «Оклахоме» в учебный круиз летом 1927 года. Одним из заданий для гардемаринов было вычерчивание коммуникационных сетей и т. п. схем корабля.

Компьютеры

Хайнлайны были без ума от компьютеров. С 1981 года у Роберта и Джинни были свои компьютеры, так же как ранее у каждого из них была своя пишущая машинка. Джинни изучила «Бей-

сик», а Боб использовал свою машину в качестве текстового процессора. Начиная с «Фрайди» (1982) все рукописи были набраны на компьютере.

Розничная цена компьютеров «Зенит» в начале 80-х была около 1500$. Для сравнения, подержаная машина стоила около 500, а строительство домика в Колорадо-Спрингс — от 10 000$. Стоимость компьютера была примерно равна разовому гонорару Хайнлайна за книгу (без роялти).

«Зенит» был по тем временам продвинутым персональным компьютером, имел 48 килобайт оперативной памяти, жёсткий диск на 10 мегабайт, пятидюймовый флопик и операционка H-DOS. Никакой графики, естественно. Зелёные «осциллографические» надписи и отчаянно бликующий экран.

Но Роберта это не останавливало. Добавьте в комплект даже не матричный, а дисковый принтер, который приходилось прикрывать звукопоглощающим чехлом во время работы — и вы поймёте, в каких жутких условиях он писал свои последние четыре романа.

ГЛАВА II. ИСТОКИ

Военная тайна

«…одна из моих придумок была подхвачена

младшим офицером и стала штатно применяться на Флоте прежде, чем следующий номер журнала оказался на прилавках».

«…Пусть эта штука останется настоящей военной тайной, и будем надеяться, что наш Флот — единственный, который её использует».

Это загадочное устройство (возможно, из повести «Если это будет продолжаться…») упоминается и в более позднем материале, но также без всякой конкретики. В 1955 году Хайнлайн вновь подтвердил этот факт, подчеркнув, что устройство по-прежнему засекречено, и он не может о нём распространяться. Доктор Эд Высоцкий (Ed Wysocki) начиная с 1990 года больше десяти лет пытался его идентифицировать. Он не имел никакого представления о военных технологиях, у него не было ни юридических полномочий на это расследование, ни финансовой поддержки, о которой можно бы было говорить. Он мог пользоваться только открытыми общедоступными источниками. За десять лет он проследил судьбу и карьеру большинства однокашников Хайнлайна по Аннаполису настолько, что сумел выяснить места и даты возможных недокументированных разговоров. Он изучил состояние и историю во-

енно-морских технологий того времени, попутно выяснив ряд любопытных вещей, например, роль Леона Спрэг де Кампа в эволюции концепций космического скафандра. Он проверил и отбросил несколько гипотез, пока не пришёл к окончательному выводу. Результаты своих исследований он опубликовал отдельной книгой «The Great Heinlein Mystery», CreateSpace, 2012.

Нам остаётся только дожидаться её выхода на русском языке, и тогда мы узнаем, в чём же заключалась Великая Военная Тайна Роберта Хайнлайна, которую он крепко, как Мальчиш-Кибальчиш, хранил сорок с лишним лет.

Рон Хаббард на поле битвы

Друг Хайнлайна и Кэмпбелла, Л. Рон Хаббард во Вторую мировую войну служил в ВМС, правда, ни в одном сражении не участвовал, а его вклад в победу достоин отдельного сюжета в каком-нибудь юмористическом сериале. Финалом его военных приключений стала охота за несуществующей подводной лодкой противника, длившаяся два дня и вовлёкшая значительные силы Тихоокеанского флота. За этот эпизод он был списан на берег, где до конца войны просидел в цензурной комиссии. Но и на берегу он ухитрился упасть с лестницы и сломать ногу. Об этой травме он упо-

минал не иначе как о «ранении». В ту пору он уже был бабник, врун, болтун и хохотун, но ещё не обрюзг и совсем не походил на клона польского актёра Ежи Штура.

После развода Хайнлайнов ходили упорные слухи о том, что у Леслин с Роном были какие-то «отношения». «У меня с Роном? — возмущённо фыркнула Леслин, узнав об этом. — Да у него самого были отношения с Роном!». У Хайнлайна действительно были очень тёплые отношения с Хаббардом, несмотря на периоды охлаждения, их переписка продолжалась до самой смерти Рона.

Хайнлайны и Кэмпбеллы

Хайнлайны и Кэмпбеллы дружили семьями и были вполне довольны друг другом, вплоть до официального предложения Хайнлайнам быть приёмными родителями для дочери Кэмпбеллов (ежели что случится). Одну из дочерей Кэмпбеллов даже назвали Леслин — в честь жены Хайнлайна. Их политические взгляды никогда не влияли на их отношения (Хайнлайн был демократом, а Кэмпбелл — республиканцем).

Развод Хайнлайна (1948), а затем и Кэмпбелла (1949) положил конец этой идиллии. Новые семьи уже не были так дружны. Что же послужило причиной охлаждения отношений? Во-первых,

существовала объективная экономическая причина — Хайнлайн вышел на рынок существенно более высоких расценок. И «сползать вниз» он никак не намеревался, хотя и подкидывал Джону кое-какие вещи, и тот кое-что печатал. Вторая причина — политика издательского дома «Street & Smith». Хайнлайна попросту кинули с его авторскими правами на опубликованные вещи. В голодные послевоенные годы Хайнлайн был вынужден отказаться от нескольких предложений поучаствовать в антологиях, потому что «Street & Smith» не желали расставаться с правами на его вещи. Джон сыграл роль буфера между разъярённым автором и Большими Шишками из бизнес-офиса и в результате сильно упал в глазах Хайнлайна.

Возможно и так, что принципиальный клин в их дружбу вбила сама литература, то, как они её понимали. Разница во взглядах постепенно накапливалась и не могла не сыграть свою роль. Водораздел в НФ и тогда пролегал в оппозиции «про людей» vs «про идей». Хайнлайн всё больше склонялся к первому направлению, двигаясь если не к традиционной беллетристике, то к Джеймсу Брэнчу Кэйбеллу, тогда как Кэмпбелл оставался в рамках второго направления и педалировал

то новое, что научная фантастика привнесла в литературу. О подростковых вещах Роберта он был невысокого мнения, усматривал в них интеллектуальную и творческую лень автора, а более поздние и вовсе приводили его в отчаяние. Его претензии к текстам Хайнлайна, впрочем, относились не к тому, как Хайнлайн использует НФ-идеи, а к качеству самой литературы.

В письме Азимову от 11.05.56 по поводу романа «Дверь в лето» он пишет:

> «У меня сейчас на руках роман Боба Хайнлайна, нужно принять решение, что заставляет меня волноваться и беспокоиться. Боб может написать одной рукой лучше, чем большинство в этой области пишут обеими руками. Но, Иисусе, как бы я хотел, чтобы этот сукин сын вынул бы ту другую руку из своего кармана. У меня на руках также роман Джека Вэнса; у него прекрасная идея. Если бы Вэнс мог писать так, как Хайнлайн, или Хайнлайн взял бы на себя труд продумывать свои вещи так же крепко, как Вэнс…
>
> Боб вставил в сюжет кота, Петрония, известного как Пит. Пит замечательный

персонаж – Боб сделал его восхитительным. Вот только… Он не имеет ничего общего с историей, черт возьми!»

В письме Лертону Блассингэйму от 4.03.59 по поводу «Звёздного десанта» он пишет:

«Я чувствую, что Боб отходит от принципов, которые он сам ввёл в научную фантастику – «Не рассказывать читателю о фоне. Позволить ему собрать его из того, что происходит». В этом тексте есть несколько разделов многостраничных проповедей его тезисов. С некоторыми из проповедей я согласен полностью, однако они кажутся мне неэффективными из-за техники подачи «открытым текстом в лоб»…

…Иисус использовал притчи – выдумку, потому что вымысел провоцирует у любого слушателя собственные мысли. И они проникают гораздо глубже и плотнее, чем идеи, почерпнутые извне…»

Далее («в нескольких сотнях тщательно подобранных слов» по выражению Хайнлайна) Джон полностью уничтожает идею Роберта о

неизбежности войн, неизбежности физического противостояния с врагом и тем самым сводит на нет заложенный Хайнлайном принцип политического отбора людей будущего.

Как бы то ни было, дружба двух мужчин закончилась в начале 50-х, одновременно с распадом семей.

В своём письме Генри Каттнеру от 7.06.1954 Кэмпбелл с грустью отмечал:

> «Дорогой Гарри!
>
> Боб Хайнлайн прибыл на восток, и мы снова встретились, в первый раз за последние пять лет или около того. Так много воды утекло под многие мосты, мы как будто выпали в противофазы; не знаю, вернёмся ли мы когда-нибудь в фазу… Была определённая степень взаимного раздражения в связи со сдвинутыми по фазе отношениями…»

ГЛАВА III.
ГЛЯНЕЦ И ПОДРОСТКИ «СКРИБНЕРА»

Первая попытка
Лертон Блассингэйм

Лертон Блассингэйм (Lurton Blassingame, 1904–1988) — многолетний литературный агент и личный друг Роберта. Лертон окончил Колумбийский университет и был «дипломированным» писателем, в отличие от самоучки-Хайнлайна. Его дипломной работой был анализ бульварной литературы, так что он хорошо знал, с чем имел дело. Это был худощавый мужчина в сильных очках в роговой оправе, который выглядел профессором из Оксфорда. Лертон производил внушительное впечатление, но близким и друзьям он открывался с другой стороны — общительный, весёлый, любитель хохмочек и каламбуров, и в то же время интеллектуал и эстет, способный вести разговоры об искусстве. Он пытался работать сценаристом в Голливуде, в 1937 году с Уильямом Алленом основал «American Library Foundation» и, видимо, имел хорошие контакты с библиотечной ассоциацией. Писал статьи для «Writer's Digest», разочаровавшись в литературной стезе, переключился на работу литагента и создал компанию паблик рилейшен «Houston Branch Associates». Его клиентами были Фрэнк Герберт, Уильям Нолан и многие другие писатели в жанрах фантастика, мистика, ужасы и приключения. Его главным коммерческим успехом стала

продажа издательству «McGraw-Hill» в 1943 г. книги Розмари Тэйлор «Chicken Every Sunday» (конкретная сумма неизвестна, но денег хватило на покупку загородного домика «Ilikite»). Он брал комиссионные в размере 10 % от гонорара и был вполне обеспеченным человеком. Любил классическую музыку и оперу, был заядлым охотником и рыболовом. Путешествовать тем не менее не любил, безвылазно жил в своём доме. После смерти жены переехал к дочери и вскоре умер. В 1978 году «Houston Branch Associates» была поглощена компанией «Spectrum Literary Agency». О Лертоне Блассингэйме довольно много упоминаний в книге Брайана Герберта «Dreamer of Dune: The Biography of Frank Herbert».

Хайнлайн и подростковая фантастика

Тут, как мне кажется, нужен небольшой комментарий. Дело в том, что, несмотря на определённые цензурные ограничения, «Astounding» и прочие бульварные НФ-журналы печатали литературу для взрослых. Их подписчиками были мужчины около 30, а не студенты и школьники. Рынок НФ-литературы к началу 50-х был вполне устоявшимся, организованным и очень сильно дифференцированным.

Фантастика 18+ обитала только в дешёвых

бульварных журналах. Крупные издатели не интересовались выпуском книг НФ ни в мягкой, ни тем более в твёрдой обложке. Глянцевые журналы, гонорары в которых в разы превышали то, что могли предложить издания на рыхлой второсортной бумаге, также не интересовались научной фантастикой. Заслуга Хайнлайна (а также его агента Лертона Блассингэйма, о котором не следует забывать) в том, что они взломали этот рынок для научной фантастики. По тропинке, протоптанной Хайнлайном, в глянец просочились и другие фантасты, и это было определённой вехой в истории.

Фантастика для детей жила независимо от взрослой литературы, имела более давнюю традицию и лучшее паблисити. При этом она имела чёткий гендерный уклон, издатели охотно выпускали НФ-литературу для мальчиков (считалось, что девочки предпочитают сказки). Книги выходили в твёрдом и мягком переплёте, авторам платили жирные гонорары, но… этот рынок был прочно занят ***форматной проектной литературой***.

Хайнлайн не мог просто появиться на этом рынке и писать о чём хотел и как хотел. Для того чтобы сюда проникнуть, он должен был, во-пер-

вых, принять на себя множество ограничений (о которых он не подозревал, когда ввязывался в проект подростковой серии), а во-вторых — следовать образцам. Тему «мальчик и наука» в то время полностью прикрывало имя Тома Свифта. Том Свифт был не просто мальчиком, с которым постоянно случались разные приключения, Том Свифт был торговой маркой и названием проекта, его следовало бы писать так: Т.О.М. С.В.И.Ф.Т.

На нынешний день бренд «Tom Swift» насчитывает пять серий книг, свыше 100 томов, общим тиражом в 30 миллионов экземпляров. На серию трудились десятки литературных негров под общим именем Виктор Эпплтон. Книги строились по отлаженным лекалам — Том изобретал очередной гаджет и испытывал его всем на удивление. И тут появлялись шпионы, бандиты и стихийные бедствия, но Том справлялся с ними с помощью внезапных догадок и изготовленных на коленке приспособлений. Всё это была фантастика ближнего прицела, многие «изобретения» Тома Свифта появлялись в железе через год-два после выхода книги. Это была не литература, а шапито с клоунами, и наука здесь была в качестве дрессированной собачки.

И вот этого монстра Хайнлайн должен был по-

теснить с насиженного места. Ему повезло — ему попалось доверчивое издательство и редактор, который был профан как в области научной фантастики в целом, так и конкретно в сфере литературы для мальчиков.

РАКЕТНЫЙ КОРАБЛЬ «ГАЛИЛЕЙ»

Алиса Далглиш

Алиса Далглиш (Alice Dalgliesh, 1893–1979) — популярная детская писательница, редактор и издатель. Получила бакалавра в области образования и магистра английской литературы. 17 лет она преподавала и писала книги. В 1934 году пришла в редакцию детской литературы «Scribner» и проработала в ней до 1960 года. В те времена, когда женщин в издательском бизнесе рассматривали в лучшем случае только в качестве секретарш, она возглавила отдел. Сотрудники и руководство «Scribner» оставили о ней массу уважительных отзывов, четыре её детские книги были удостоены литературных премий и переиздаются до сих пор, а количество наград, присуждённых книгам, которые выпустил её отдел, зашкаливает по всем параметрам. Она прекрасно разбиралась во всём, что касалось истории, фольклора, сказок и продвижения книг. Она плохо разбиралась

в технике, космосе и тому подобных вещах, но умела пропихнуть сомнительный с точки зрения господствующей пуританской морали текст в печать. Многие считали, что она была редактором по призванию. Роберт Энсон Хайнлайн считал её безграмотным литературным цербером на страже древних предрассудков.

КОСМИЧЕСКИЙ КАДЕТ

Том Корбетт, космический кадет

Алиса Далглиш была недовольна тем, что текст, по её мнению, перегружен техническими подробностями, а характеры недостаточно выпуклы. Журнал «Boys' Life» был недоволен упоминанием алкоголя. Зато читатели были довольны. Роман породил многочисленные отклики в культуре 50-х — комиксы, игрушки, раскраски, книги, радиопостановки, фанфики и т. п. Оркестр «Space Cadet Marching Band» выпустил пластинку с песнями о приключениях Тома Корбетта, телесериал по мотивам «Космического кадета» шёл в течение пяти лет, издательство «Grosset&Dunlap» опубликовало 8 книг с продолжениями, а тридцать лет спустя по космическим кадетам прошлась своей бас-гитарой Suzi Quatro.

ИМЕЮ СКАФАНДР – ГОТОВ ПУТЕШЕСТВОВАТЬ!

История с названием

Название романа перекликалось с названием телесериала «Have Gun — Will Travel», который в 1957 году стартовал на канале CBS.

Никакой связи между детской книгой и крутым вестерном на самом деле нет — Хайнлайн просто использовал популярный сериал как дополнительное средство продвижения своей книги. Но само название он взял не из сериала. Его первоисточник звучал как «Have tux, will travel» (Имею смокинг, готов путешествовать) — под этим названием в 1954 году выходила биография комика Боба Хоупа.

Название книги прямо заимствовано из газетных объявлений, которые давали артисты-фрилансеры. «Имею смокинг, готов путешествовать» означало, что они готовы поучаствовать в гастролях или какой-нибудь халтурке со своим реквизитом и репертуаром, и всё, что им нужно — только приглашение.

ГЛАВА VI.
О МЕТОДАХ ПИСЬМА И СОКРАЩЕНИЯХ

Питер Гамильтон

Питер Гамильтон (1935—?) был юным любителем научной фантастики из Шотландии. В 1952 году, когда ему исполнилось 18 лет, он начал выпускать журнал «Nebula Science Fiction», воспользовавшись типографией своего отца. Гамильтон, по-видимому, был не просто энтузиастом, но и редактором от бога, потому что проводимая им политика сделала журнал популярным не только в Великобритании, но и в США, Австралии и Южной Африке. В «Nebula» дебютировали Р. Силверберг, Б. Олдисс и Боб Шоу. У Гамильтона отсутствовали оборотные средства, он мог выпускать очередной номер только за счёт проданных экземпляров предыдущего выпуска. И тем не менее он ухитрялся поднимать тарифы до уровня американских изданий. Такая ценовая политика привлекла в журнал американских писателей. В письме речь идёт о рассказе «Ordeal In Space» («Испытание космосом», «Боязнь высоты»). Кроме него, в журнале были опубликованы «Долгая вахта» и «Зелёные холмы Земли». В 1958 году шли переговоры о печати в нескольких номерах

с продолжением романа Хайнлайна… и вдруг всё закончилось. Зарубежные рынки, на которые уходили три четверти тиража «Туманности», ввели ограничения на импорт, а Великобритания усугубила ситуацию, введя акцизный сбор на экспорт полиграфической продукции. Гамильтон мгновенно оказался банкротом, и в 1959 году журнал прекратил своё существование.

ПРЕДИСЛОВИЯ

Роберт Миллс

Роберт Парк Миллс (Robert Mills, 1920–1986), главный редактор журнала «The Magazine of Fantasy and Science Fiction» в 1958–1964. Миллс не был жёстким редактором, как Кэмпбелл или Голд. «Чем меньше я делаю в журнале, тем больше он нравится читателям», — говорил он. Основной упор в своей редакционной политике он делал на поиск новаторских, свежих вещей. Под его руководством журнал трижды завоевал «Хьюго». Рассказ Хайнлайна «Все вы зомби» Миллс напечатал в мартовском номере журнала 1959 года. В письме, по-видимому, речь идёт о публикации в одном из сборников, которые редактировал Миллс: «The Worlds of Science Fiction» или «The Best from Fantasy and Science Fiction: Ninth Series»,

вышедших в 1963 году. Любопытно, но в архиве Миллса, где всё аккуратно разложено и рассортировано, нет папки с именем Хайнлайна.

ГЛАВА VII. СТРОИТЕЛЬСТВО

Колорадо-спрингс

Дом его мечты

Дом Хайнлайнов в Колорадо-Спрингс был невелик. В нём были: гараж, прихожая, гостиная, кухня, предположительно, детская, спальня, совмещённый санузел (ванная отделена небольшой перегородкой) и кабинет с отдельным санузлом.

Всё было спроектировано утилитарно, только необходимые комнаты, и их общая площадь всего лишь вдвое превышала площадь гаража. Но зато потолки были трехметровой высоты.

Вся мебель — встроенная, поэтому пыль под шкафами и кроватями не скапливается. Воздух кондиционируется и фильтруется.

Сугубо функциональная кухня состояла из обычного кухонного оборудования и… столика для печатной машинки. Там же стоял телефон.

В промежутках между готовкой, сидя за этим столиком, Джинни успевала перепечатывать рукописи и отвечать на телефонные звонки. Справа от неё были две плиты, посудомоечная маши-

на, стиральная машина, холодильник и прочие кухонные агрегаты. Слева — обеденный стол на колёсиках. Накрытый к обеду, стол выкатывался в гостиную через проём в стене. После ужина он закатывался обратно в кухню и катился до противоположной стенки, где посуда сгребалась прямо в посудомоечную машину.

В доме звучала музыка. Во всех комнатах имелись акустические системы, сигнал поступал с музыкального центра, который в 50-х годах прошлого столетия заменял людям смартфон. Он состоял из проигрывателя, радиоприёмника и магнитофона, соединённых с единой усилительной системой и селектором, посылающим звуки в любое помещение дома.

В плане дома имеется комната, обозначенная как «детская». Эта комната Хайнлайнам не понадобилась. Но сам факт включения её в план говорит о многом.

И было ещё одно помещение, вход в которое располагался на веранде — бомбоубежище.

Хайнлайн построил бомбоубежище в 1961 году. Во время речи на WorldCon'е в Сиэтле, где он пугал слушателей ужасами атомной войны, его спросили, есть ли у него противоатомное убежище, раз дела обстоят так плохо. Он вернулся домой

и построил убежище. В нём были раскладные кровати и отличная вентиляция, поэтому здесь иногда ночевали гости.

Но строительство комплекса NORAD в недрах горы Шайенн южнее Колорадо-Спрингс всё продолжалось, и Хайнлайн был вынужден признать, что свил семейное гнездо прямо в перекрестье Мишени Номер Один советских баллистических ракет. И это была ещё одна причина их отъезда из Колорадо-Спрингс. Позднее, в романе «Луна — суровая госпожа» он с наслаждением раздолбал Шайенн в щебень руками лунных сепаратистов.

ГЛАВА VIII. ПОЧТА ПОЧИТАТЕЛЕЙ И ПРОЧАЯ ТРАТА ВРЕМ ЕНИ

Письма по трафарету

Известен вариант шаблона для ответов, которым пользовался Хайнлайн:

> Роберт Хайнлайн
> Через м-ра Лертона Блассингэйма
> 60 Восток 42-я улица, Номер 1131, Нью-Йорк, штат Нью-Йорк 10017
> Дорогой сэр/мадам/миссис/мисс
> Нарастающий поток писем вынудил меня выбирать между написанием писем

и написанием литературы. Но я прочитываю каждое присланное мне письмо и проверил этот ответ.

() Спасибо за добрые слова. Вы сделали мой день ярче.

() Вы говорите, что Вам много лет нравились мои истории. Зачем же Вы дожидались, пока Вам не понравится ещё одна история, чтобы написать мне?

() Реншоу: Saturday Evening Post, Ты не такой умный, каким должен быть, 17, 24 апреля, 1 мая, 1948.

() Эссе Ментальный телеграф, Сочинения Марка Твена, Harper & Brothers.

() Не высылайте книги для автографов, очень многие пропали, не добравшись до меня. Регистрация или страховка не спасают, ближайшая почта от меня в 30 милях.

() Идеи произведений приходят откуда угодно и как угодно, а писатели все самоучки. Книга ПИСАТЕЛЬСКИЙ РЫНОК рассказывает, как подготовить к продаже рукописи и каталоги.

() Всеми делами занимается мой агент, Ваше письмо будет переслано ему.

() Я не обсуждаю работы моих коллег или свои собственные. Писатель высказывает много точек зрения. Мнение, даже высказанное персонажем от первого лица, не обязательно совпадает с мнением автора. Беллетристика продаётся как развлечение, а не как источник фактов.

() То, что Вы хотите, прилагается к письму/отсутствует в наличии: Обратитесь в читальный зал своей библиотеки.

() Я не продаю книг. Все мои книги есть в продаже, их можно купить или заказать в книжном магазине или непосредственно у издателя. В книжных магазинах имеются списки того, что выходит в печать.

() Я получаю каждую неделю 4 или 5 или более просьб о помощи с домашними заданиями, курсовыми работами, тезисами докладов или диссертациями. Я не могу справиться с таким количеством и давно оставил такие попытки.

() Отметки студентов не должны зависеть от желания или способности постороннего человека помочь им с их домашними заданиями. Я готов обсудить

это с вашим преподавателем, ректором или школьным советом.

() Научная фантастика: истории, которые прекращают существование, если пренебречь элементами, включающими в себя науку или технологию. Для полноты картины прочитайте мою лекцию в НАУЧНО-ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РОМАН, Advent: Publishers, Чикаго.

() Кто есть кто в Америке; Энциклопедия Британника 1974; В ПОИСКАХ ЧУДА, глава 7, Дэймон Найт, Advent: Publishers; ИСКАТЕЛИ ЗАВТРАШНЕГО ДНЯ, глава 11, Сэм Мошковиц, World Publishing Company; Журнал сегодняшних биографий; справочник по авторам. Я не обсуждаю частную жизнь, политику, религию, философию.

() В ответ на Ваш вопрос: Да/Нет/Без комментариев/Мой издатель анонсирует новые работы/

() Пожалуйста, больше не пишите мне.

() Спасибо за оплаченный конверт с обратным адресом – редкая в нынешнее время любезность.

() Напряжённая работа вынуждает меня

избегать интервью, анкет, выступлений на радио и телевидении, публичных выступлений.

() По юридическим причинам я не читаю неопубликованные рукописи.

() Не планируйте застать нас дома. У нас очень удлинённый рабочий день круглый год.

() Был очень рад получить Ваше письмо! Полное дружелюбия, без просьб или требований. Вы дали понять, что не ожидаете ответного письма, но я должен выразить Вам, насколько я Вам благодарен. Я желаю вам спокойного моря, попутного ветра и счастливого плавания по жизни.

Искренне Ваш, Роберт Э. Хайнлайн

К некоторым письмам, впрочем, прилагались рукописные постскриптумы на одном-двух-трёх-пяти листах.

Спайдер Робинсон, посмертный соавтор Хайнлайна, взял на вооружение его идею и создал свой вариант трафаретного письма:

Спасибо за поддержку Спайдера в Сети [*Калам-*

бур: «Spider on the Web» можно перевести и как Паука в Паутине]

И
О, СЧАСТЛИВЫЙ ДЕНЬ!!!
Мы желаем вам
…Счастья в Новом Году!
…Счастливого Рождества
…Радостной Хануки
…Щедрого Года Свиньи/Крысы/Быка/Тигра/Зайца/Дракона
Змеи/Лошади/Овцы/Обезьяны/Птицы/Собаки
…Счастливого пути
…С Днём Рождения
…скорого выздоровления
…Славного Четвёртого/Первого Июля
…бурного Дня Гая Фокса
…долгого и счастливого супружества
…удачной посадки на Луну
…поздравляем с вашим новым сыном/дочерью/супругом/машиной/книгой/работой/подкастом/блогом/
разводом/пособием по безработице/причёской/досрочно-условным освобождением

Спайдер и Дженни Робинсон

Вечная открытка на все случаи жизни (с) 1970 Роберт Э. Хайнлайн; используется с разрешения Арта Дьюла, Heinlein Prize Trust

Следует отметить, что Хайнлайн не всегда пользовался для ответов шаблонами с чек-боксами. Он вполне мог послать в ответ на просьбу читателя открытку с автографом или список литературы. С приходом компьютеров чек-боксы из писем исчезли, они стали выглядеть более традиционно, но состояли из нескольких шаблонных фраз, выбранных из полного списка, приведённого выше. Такие письма готовились с помощью компьютерной программы, где в заготовке отмечались нужные ответы, которые и попадали в распечатку. Письма выглядели напечатанным на пишущей машинке, но их печатал дисковый принтер, который и был, по сути, электрической пишущей машинкой со стандартными шрифтами.

В это я верю

Роджер Янг

Роджер Уилтон Янг (1918–1943) — сержант Национальной гвардии США, рост 155 см, вес 50 кг. Он носил очки с толстыми линзами и

имел проблемы со слухом. Когда его отправляли на фронт, он попросил понизить его в звании до рядового, потому что боялся, что из-за его физических недостатков могут погибнуть его подчинённые. Эта мысль оказалась слишком сложна и непривычна для армейских мозгов, и руководство решило, что он пытается откосить от отправки на передовую. Его просьбу, однако, удовлетворили. Через неделю после прибытия на фронт, 31 июля 1943 года, отряд Янга попал под пулемётный обстрел. Попытки подавить пулемёт гранатами не увенчались успехом. Смертельно раненный, Роджер, вопреки приказу командира, продолжал атаковать японцев, давая возможность остальным отойти. Роджер Янг погиб, отвлекая на себя вражеский огонь, что позволило его отряду выйти из-под обстрела.

ГЛАВА IX. СОЛЯНКА

Предсказания

Гаджеты и пророчества

Вот краткий перечень «всяких гаджетов и новинок», появившихся в произведениях Гранд-мастера:

1940 Бесконтактные сушилки для рук («Ко-

вентри»). Теперь они повсюду, а в 40-х годах, по-моему, даже одноразовых бумажных полотенец не было.

1940 Солнечные батареи («Дороги должны катиться», «Ковентри», «Да будет свет!»). Первая солнечная батарея была создана в 1953 году. Теперь они на каждом калькуляторе.

1941 Движущиеся дорожки («За этим горизонтом»). Сейчас такие конструкции кое-где попадаются, хотя преобладают горизонтальные ленточные эскалаторы.

1941 Водяной матрас («За этим горизонтом»). Ни один плагиатор не сумел-таки получить за него патент.

1941 Онлайн-газеты («За этим горизонтом»). Современники RAH предполагали только вариант «печать по требованию» или что-то вроде бегущей телетайпной строки.

1942 Дистанционные манипуляторы («Уолдо») — их так и назвали «waldo».

1948 Мобильные телефоны («Космический кадет») — именно обыденный мобильник, а не мини-рация или навороченный мультифункциональный гаджет.

1950 Автоматические выключатели света («Человек, который продал Луну»). Излюбленный

мотив в ужастиках и триллерах: длинный-длинный коридор, и свет вспыхивает и гаснет вслед за идущим по коридору.

1956 Компьютерные программы для черчения («Дверь в лето»). Первая электронная чертёжная машина появилась в середине 60-х.

1960 Экранные заставки (screensaver) («Чужак в чужой стране»). Додуматься до картинки, которая занимает экран в неактивном режиме, мог только гений.

О приоритетах и авторстве можно спорить, но тут важен общий принцип — внимание к деталям. В большинстве своём это вещи, упомянутые мимоходом, исключительно для создания культурного фона. Не эпохальные изобретения, делающие сюжет, а обыденные вещи, которые порождает прогресс, проникающий в повседневность. Хайнлайн не только прогнозировал появление разных гаджетов, он встраивал их в культурный фон и отслеживал их влияние до второго-третьего порядка — т. е. на основании появления дешёвых автомобилей делал вывод о грядущей сексуальной революции.

Помимо гаджетов писатель прогнозировал и более масштабные явления. Сейчас они кажутся очевидными, но вовсе не были таковыми в мо-

мент написания:

1940 Холодная война («Никудышное решение»)
1940 Ядерное сдерживание («Реквием»)
1945 Космическая гонка сверхдержав («Ракетный корабль Галилей»)

Их появление — следствие того же самого мыслительного процесса, который породил карманные мобильники у курсантов Космической академии. Хайнлайн не разделял литературу «про людей» и «про идей». Он никогда не говорил себе: «вот в этом я не разбираюсь, мне это не интересно, какая, к чёрту, разница, откуда у них дешёвая энергия и почему летают их «Кадиллаки»? Главное — чувства пилота к принцессе…» Он заранее продумывал прямые и опосредованные последствия распространения антигравитационного транспорта для феодального общества.

ГЛАВА X. ПРОДАЖИ И ОТКАЗЫ

Завоевание космоса

«The Conquest of Space» («Завоевание Космоса») — книга, которую написал давний приятель и соавтор Хайнлайна Вилли Лей, а иллюстрировал известный художник Челси Бонстелл.

Книга (по сути, художественный альбом

Бонстелла) неоднократно «цитировалась» в различных популярных изданиях и детских энциклопедиях.

ГЛАВА XI. ВЗРОСЛЫЕ РОМАНЫ

Кукловоды

Гораций Голд

Гораций Леонард Голд (Horace Leonard Gold, 1914–1966) — редактор журнала «Galaxy Science Fiction». Сын эмигрантов из Канады, Голд не получил образования, однако с 13 лет запал на научную фантастику и долгое время безуспешно пытался писать рассказы. Однажды, придя на работу, он обнаружил, что его уволили. «Писатель не должен работать помощником официанта», — пояснил его босс, так Гораций узнал, что его писательский дебют состоялся. Его рассказы и роман не имели успеха, и Голд переключился на комиксы. Во время войны он получил ранение и приобрёл агорафобию. После войны Голд занялся редакторской деятельностью. В 50-х, возглавив «Galaxy», он привечал молодых авторов, опасно завышал тарифы за слово и, в пику традиционной НФ, педалировал гуманитарную тематику: социальную, психологическую и сатирическую. За счёт этого он переманил несколько авторов у

Джона Кэмпбелла. Из-за болезни он практически не выходил из дома и всеми своими проектами руководил по телефону. Должно быть, поэтому в сети так мало его фотографий.

Дверь в лето

Энтони Буше

Энтони Буше (Бучер, Байчер и пр. чудеса транскрипции) — урождённый Уильям Энтони Паркер Уайт (William Anthony Parker White, 1911–1968), американский писатель и редактор. Как писатель известен под именем H. H. Holmes, как редактор журнала «The Magazine of Fantasy and Science Fiction» — под именем Antony Boucher. В 1939 году, когда Роберт и Леслин Хайнлайны начали принимать в своём доме писательскую и околописательскую публику, друг Роберта, Клив Картмилл, привёл своего знакомого Уильяма Уайта. К тому времени Х. Х. Холмс уже издал четыре книги — мистика и ужасы, — так что он мог считаться маститым писателем. Это был живой и остроумный человек, он активно включился в создание литературного сообщества «Маньяна». Хайнлайн и Картмилл долго подбивали Уайта на написание научной фантастики — и он в конце концов написал роман. Это был фантастический детектив под названием «Ракета в морг», где в

качестве персонажей выступали вполне узнаваемые фигуры членов околофантастической тусовки. «Я так и не понял, хороший это детектив или плохой, — говорил Кэмпбелл, прочитав рукопись. — Мне было не до того, я слишком сильно смеялся, узнавая знакомых». Роман вышел в 1942 году с посвящением Хайнлайну. Хайнлайн был польщён. По его настоянию Уайт занялся научной фантастикой и взял псевдоним Энтони Буше. В свою очередь, Уайт подбивал Хайнлайна попробовать свои силы в мистике. Возможно, «Они» и «Джонатан Хог» появились отчасти благодаря его влиянию.

Свободное владение Фарнхэма

История с названием

«Grand Slam» — «Большой шлем», в бридже термин означает выигрыш всех взяток одним игроком, в спорте вообще — полный успех. В буквальном переводе — «Большой Бабах» (откуда недалеко до «Большого траха», что и обыгрывается в романе). Окончательным названием романа было «Farnham's Freehold» — «Фригольд Фарнхэма». В принципе в русском языке есть слово «фригольд», поэтому формально название в расшифровке не нуждалось, но это узкоспециальный исторический термин, неизвестный широкому

кругу читателей. Фригольд — форма пожизненного феодального владения, основанная на безусловной частной собственности владельца, в отличие от копигольда. Корень «фри» здесь означает не «свободу», а скорее «полноправное», «независимое», т. е. свободное от большинства внешних обязательств и абсолютно деспотичное внутри себя. Поэтому русский перевод «Farnham's Freehold» как «Свободное владение Фарнхэма» содержит некоторые ложные коннотации. Правильнее было бы «Частное» или «Вольное».

ГЛАВА XII. ПУТЕШЕСТВИЯ

Книга о путешествиях
Королевский вояж

Книга путевых заметок Хайнлайна во время кругосветного путешествия 1953–1954 годов под названием «Tramp Royale» («Королевский вояж») всё же была издана в 1992 году издательством «Ace».

Название позаимствовано из стихотворения Киплинга «Sestina of the tramp-royal» и, вполне возможно, означает «бродяга-король», а не «королевский вояж». Как бы она ни называлась, эта книга наиболее близка к тому, что можно считать автобиографическими записками Роберта

Хайнлайна. Достаточно взглянуть на её начало:

«Глава первая. Десять чемоданов

Моя жена Тики — анархист-индивидуалист. Иногда я думаю, что все самки в глубине души — анархисты без врождённого уважения к закону и порядку… но у неё это проявляется наиболее отчётливо. Она из тех людей, которые на теннисном матче вечно смотрят не в ту сторону. Когда в начале сороковых годов она служила во Флоте, однажды утром она появилась на построении в надлежащей форме, но при этом её рыжие волосы удерживала простая темно-синяя ленточка для волос. Всё выглядело опрятно (Тикси всегда опрятна) и эстетически гармонировало с остальными деталями её туалета, но это без всяких сомнений была именно ленточка для волос, и офицер её подразделения немедленно подступил к ней…»

Книга представляет ценность и как исторический бытовой срез прямо поперёк нашего земного шарика. Она полна бытовых подробностей и сдобрена изрядной долей хайнлайновского скепсиса. Он не Беспристрастный Свидетель, он Валентайн Смит — удивляется, возмущается, потешается и восхищается тем, что видит. С тех пор миновало шестьдесят лет. Большинство отелей,

в которых останавливались супруги, закрылись, цены, обычаи аборигенов и особенности местной кухни претерпели радикальные изменения (особенно это коснулось, по-видимому, Австралии, которая произвела на Хайнлайна не самое приятное впечатление). «Королевский вояж» прошёл примерно полпути к тому, чтобы превратиться в исторический роман. Читая его, отчетливо осознаёшь, что писал это человек другой эпохи.

Европа

Смешные деньги

MPC «funny money» — Military payment certificate, специальная форма валюты, которой расплачивались с американскими военнослужащими за рубежом в 1946–1973 годах. «Смешные деньги» были введены для того, чтобы не допустить появления в обороте больших объёмов необеспеченной американской валюты, которые, кроме того, могли спровоцировать в послевоенных условиях обрушение национальных валют. Несмотря на строгие ограничения, вводимые военной администрацией, разноцветные доллары в оккупированных странах имели хождение наравне с твёрдой валютой. Предполагаемые и реальные схемы обращения MPC, особенно во время вьетнамской войны — чрезвычайно инте-

ресная, но совершенно отдельная тема.

Валюта выпускалась сериями, и каждая серия имела строго ограниченный период хождения.

481-я серия имела отчётливую бирюзовую гамму. По-видимому, Хайнлайн говорил о предыдущей, 471-й серии, которая официально прекратила хождение в 1951 году, в которой преобладали красные цвета.

Особенностью МРС было то, что даже после официального прекращения хождения, старые купюры долгие годы продолжали крутиться на чёрном рынке в качестве ходовой валюты. Уровень коррупции военных чиновников зашкаливал. Обмен вышедших из употребления бумажек на новые длился куда более долгие сроки, чем это предусматривалось законом.

Антарктида

«Зодиаки»

У старых «зодиаков» была простая U-образная форма, этакая согнутая пополам надувная колбаса. Промежуток между бортами занимал хлипкий однослойный пол, который нещадно полоскало при движении. На том конце «зодиака», где борта расходились, помещался мотор.

Сидеть можно было на бортах, держась за леера. На современных прогулочных и спортивных

моделях ставят кресла, штурвалы, тенты и т. п. Старые «зодиаки» были лишены какого-либо комфорта, а из-за низкой посадки рулевого и вечно задранного носа поездка на этих плотиках с мотором была не вполне безопасным мероприятием.

ГЛАВА XIII. СМЕСЬ

Патрик Генри Н. Э.
Лига Патрика Генри

Что же произошло в апреле 1958 года? Ситуация в мире весной 1958 года выглядела следующим образом: заканчивалась война в Корее, на Кубе начиналась революция. Проект организации в Европе безъядерных зон был отвергнут. США начали размещать ракеты с ядерными боеголовками в Европе. Количество произведённых авиабомб приближалось к тысяче, с начала года американские бомбардировщики дважды роняли водородные бомбы на свою территорию. В марте СССР объявил об одностороннем прекращении ядерных испытаний и призвал остальные страны присоединиться. 5 апреля активисты в США начали широкую кампанию за прекращение ядерных испытаний. Хайнлайн к этому моменту был изрядно деморализован советскими ракетами и спутниками и опасался,

что мораторий только усугубит технологическое превосходство Империи Зла. Кроме того, он не видел возможности проконтролировать соблюдение моратория на территории СССР. Активистов SANE он считал предателями, купленными на деньги коммунистов. Воззвание, подписанное Робертом и Вирджинией Хайнлайн, обращалось к читателям с призывом организовать контрдвижение и присылать подписанные письма, вырезав их или скопировав из текста воззвания. Подписанные читателями купоны Роберт и Вирджиния копировали и пересылали заказными письмами президенту и сенаторам.

Однако идея прекращения испытаний к тому моменту уже два года циркулировала и активно обсуждалась в окружении Эйзенхауэра. Ни СЭЙН, ни Лига Патрика Генри не могли ни на что повлиять. В апреле президент Эйзенхауэр начал переговоры с Хрущевым о присоединении США к мораторию, и в ноябре 1958 г. договор вступил в силу. Он действовал до сентября 1961 г.

ГЛАВА XIV. ЧУЖАК

История с названием

На самом деле есть человек, который точно помнит, откуда взялось название «Чужака». Это

Питер Исраэль, позднее главный редактор и председатель издательского дома «Putnam», а в начале 60-х — младший редактор, которому поручили работать с новыми авторами, пришедшими в издательство, Робертом Хайнлайном и Филипом Диком. Вот что он пишет:

> Я уже упоминал выше, что Роберт Хайнлайн оказался в «Putnam» довольно странным образом. Я бы даже сказал, что это смахивало на историю про Альфонса и Гастона (персонажи комиксов, которые никуда не могли попасть, потому что вежливо пропускали друг друга вперёд, совсем как Чичиков с Маниловым в «Мёртвых душах». – *Прим. пер.*). Вот как это произошло. В то время у Боба было два издателя один для взрослых романов, другой для детских. Он представил рукопись своему взрослому издателю (насколько я помню, тогда это был «Doubleday»), но тот возразил, что это не «взрослый» роман, а его детский издатель (кажется, «Scribner»?) заявил, что он вообще не соответствует их категории. Совершенно сбитые с толку, он и его агент тогда

предложили его нам. Мы ответили, что нам совершенно не важно, что это – мы с радостью берём эту вещь и её автора в придачу. Так оно и произошло. Речь шла о книге «Звёздный десант».

Могу ли я воспользоваться возможностью, чтобы зафиксировать здесь один из аспектов моей работы с Бобом? Несмотря на мои заверения в обратном, он всегда приписывал мне авторство названия своей самой известной работы, «Чужак в стране чужой». Вот как всё произошло на самом деле: Когда агент Боба, Лертон Блассингэйм, передал эту экстраординарную рукопись «Putnam», она носила какое-то немыслимое название. (Возможно, это было что-то вроде «Еретик», но я, кажется, припоминаю, что в нём было слово «грокинг». Во всяком случае, такого просто нельзя было допустить.) Тогда мой редакционный наставник, в те далекие времена им был наш чрезвычайно одарённый, если не идеальный, главный редактор Говард Кэди, пустил в дело свою папку. Говард всегда держал на своём столе папку с «приемлемыми»

названиями. То есть всякий раз, когда он натыкался на фразу или цитату, из которой в один прекрасный день можно будет сделать отличное название для какой-нибудь рукописи, он записывал его и клал в папку. И именно там, когда я отчаянно хватался за любую соломинку, пытаясь найти замену «грокингу», я нашёл одну записочку, в которой было написано «Чужак в стране чужой». Так что спасибо тебе, Говард, где бы ты ни находился. И ты, Роберт, любезно прими эту запоздалую поправку.

А вот письмо, отправленное редактором «Putnam» Говардом Кэди Хайнлайну:

6 марта 1961: Говард Кэди — Роберту Энсону Хайнлайну

Думаю, Вы правы, это нужно опубликовать скорее как мэйнстрим, чем НФ. Ваше название ПАВШАЯ КАРИАТИДА хорошее, но будет слабая узнаваемость наименования в книжных магазинах. Имеется список неиспользованных названий, которые накапливались в течение нескольких лет. Единственное из них, которое

подходит – «Чужак в стране чужой» Исход 2:22. Было бы полезно иметь 3 или 4 абзаца, описывающих книгу как философскую фантазию – чтобы использовать в качестве основы для редакторской аннотации.

Надо сказать, что библейские цитаты часто не распознаются отечественными переводчиками. Отсюда, видимо, такой разнобой в названиях «Чужака». Если следовать библейской традиции, название романа на русском должно было звучать как «Пришелец в чужой земле», именно таков канонический текст этого куска Ветхого Завета: «Она родила сына, и *Моисей* нарек ему имя: Гирсам; потому что, говорил он, я стал пришельцем в чужой земле» (Исх 2:22). Из всех русских переводов только Миролюбовский был созвучен библейскому источнику («Пришелец в земле чужой»). Остальные упорно цеплялись за «Чужака».

«Чужак» (или «Пришелец») Хайнлайну явно не понравился, потому что к телефонному разговору с Кэди, состоявшемуся 17 марта, он подготовил свой список названий, практически совпадающий с тем, что в тот же день он напра-

вил Лертону:

The Heretic — «Еретик», фаворит Хайнлайна, за это название он держался до последнего.

The Sound of His Wings — «Шелест крыльев его», название, изначально зарезервированное в «Истории Будущего» за романом об установлении теократии в Америке (см. «Повесть о ненаписанных повестях»). В том, что прожжённого интригана и тирана Неемию Скаддера в качестве главного героя сменил практически ангел Майкл Смит, есть изрядная доля самоиронии автора.

A Sparrow Falls — «Воробей падёт». Похоже, название навеяно строчками из Евангелия от Матфея. В русском варианте они звучат так: «Не две ли малые птицы продаются за ассарий? И ни одна из них не упадёт на землю без *воли* Отца вашего» (Мтф 10:29). Эта цитата обыгрывается в тексте книги в конце главы 36.

Job V7: Man is Born Unto Trouble as the sparks fly upward. — ещё одна библейская цитата, из книги Иова: «Человек рождается на страдание, как искры, чтобы устремляться вверх» (Иов 5:7)

That Forbidden Tree. — «Это запретное Древо»

The Winds of Doctrine — «Ветры Доктрины» (зачеркнуто)

Of Good and Evil — «…добра и зла»

Окончательное слово осталось за редактором, но уступка Хайнлайну всё же была сделана: на обложке первого издания книги изображена скульптура «Павшая Кариатида».

ГЛАВА XV. ЭХО ОТ ЧУЖАКА

«Грок»

Слово «grok» пустило прочные корни в языке и пережило Лето Любви. Журнал «Grok» — увы! — не пережил. Впрочем, журналы с таким названием появлялись неоднократно: в 80-х — в США, в 2000-х — в Австралии. Новая Церковь Любви и Света использовала это слово в качестве рекламы и в своих проповедях. Но гроки были не только интеллектуальные или духовные, были вполне утилитарные: печенье, светильники, футболки, развивающие игры.